РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3

Екатеринбург
1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3

Региональное развитие России

Екатеринбург
1996

Уральский исторический вестник, № 3
(Региональное развитие России)

Екатеринбург: УрО РАН, 1996.

ISBN 5-7691-0675-1

Предлагаемый читателю выпуск посвящен проблемам регионализма, регионального развития и политики, взаимодействия центральных и местных властей, истории институтов управления и общественного самоуправления. Вводятся в научный оборот новые документы по истории местного, государственного и вотчинного, управления на Урале, гибели царской семьи.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей вузов и школ, а также всех, интересующихся историей края

Главный редактор

член-корреспондент РАН В.В.Алексеев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е.Т.Артемов, д.и.н А.В.Бакунин, д.и.н. К.И.Куликов, к.и.н. И.Л.Манькова, д.и.н. Н.А.Миненко, к.и.н. А.Д.Напалков, к.и.н. Б.Б.Овчинникова, к.и.н. И.В.Побережников (ответственный секретарь), д.и.н. В.В.Рабцевич, д.и.н. Г.Н.Чагин, д.и.н. А.Ф.Шорин.

ISBN 5-7691-0675-1

У $\frac{137(96)}{8П6(03)1993}$ ПВ-1997

© Институт истории и археологии УрО РАН, 1996.

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Сложные этнополитические процессы, перераспределение полномочий и сфер компетенции между властями разных уровней квалифицируются политиками и учеными-обществоведами едва ли не самыми взрывоопасными проблемами конца XX в. даже для вроде бы благополучных «западных демократий» Вопросы совершенствования федерализма, регионализации и автономизации, оптимизации отношений между центральной властью и регионами в едином политическом пространстве и тому подобное — предмет повышенного внимания во всем современном мире.

Беспрецедентные масштабы территории, природно-климатическое и национальное разнообразие России, как ни в одном другом государстве мира, на первый план выдвигают региональные проблемы. Они существовали всегда, но особую остроту приобрели в последние годы в связи с распадом СССР, разрывом связей между взаимодополнявшими друг друга хозяйственными организмами, гипертрофированным процессом «суверенизации» отдельных регионов. На первый взгляд создается впечатление, и оно усиленно внедряется в сознание народа, что нынешние региональные проблемы порождены Советской властью. В определенной мере это так, но они имеют более глубокие корни, без уяснения которых нельзя до конца понять суть данного явления, сделать из него правильные выводы и выработать эффективные меры по выходу из кризиса. Поэтому прежде чем скоропалительно изобретать новые модели регионального устройства, тем более пересаживать на русскую почву не проверенные временем и не адаптированные к ее условиям зарубежные образцы, стоит оглянуться назад и оценить отечественный опыт, извлечь из него необходимые уроки.

Данный выпуск «Уральского исторического вестника», посвященный региональному развитию России, призван в определенной степени содействовать решению указанной задачи. Большинство статей номера с разных точек зрения рассматривают эту проблему Издание открывается теоретико-методологическими статьями. В.В.Алексеев, Е.Т.Артемов на основе анализа исторических корней региональных противоречий определяют перспективы регионального развития России. В публикации К.И.Зубкова представлена интересная попытка определения концепта региона на линии пересечения географического и исторического пространства. Региональный срез современных структурных преобразований экономики — в центре внимания А.И.Татаркина и Ю.В.Перевалова.

Исторические аспекты регионального управления, взаимодействия центральных и местных властей, управления хозяйственно-экономическими объектами, сословно-социальными группами проанализированы в статьях А.Т.Шашкова, Н.А.Миненко, В.А.Шкерина, М.В.Кричевцева, М.Ю.Нечаевой, Е.В.Алексеевой, Е.Ю.Рукосуева, А.В.Бакунина. Вопросам общественного самоуправления (земского, городского) посвящены статьи Д.В.Гаврилова, В.П.Микитюка.

В номере помещены публикации источников по истории вотчинного управления в пермских имениях Строгановых, судебной практики. Существенный интерес представляют впервые вводимые в научный оборот документы о гибели царской семьи на Урале из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). Журнал содержит также материалы в помощь преподавателям вуза и школы, обзоры научных конференций.

Главный редактор

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.В.Алексеев, Е.Т.Артемов

РЕГИОНАЛИЗМ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обострение региональных противоречий застало российское общество врасплох. Вряд ли кто еще совсем недавно мог допустить саму возможность появления публичных призывов к обособлению отдельных территориальных сообществ и даже к предоставлению им полной самостоятельности. Однако сегодня подобные требования стали обыденным явлением. Следует, правда, отметить, что в обществе растет понимание связанной с этим опасности. Не случайно все большее число политиков и исследователей ставит вопрос о переходе к качественно новой территориальной организации общественной жизни, исключающей появление массовых сепаратистских и изоляционистских настроений. Но ясности в путях достижения этой цели пока нет.

Как правило, обострение региональных проблем объясняют нарушением единого экономического пространства, несовершенством законодательства, корыстными интересами набравших силу местных элит и тому подобными причинами. Думается, однако, что не все так просто. История распада Советского Союза свидетельствует: ни прочные экономические связи («единый народнохозяйственный комплекс»), ни хорошо отлаженные государственные институты еще не дают гарантии против нарастания центробежных тенденций. То же подтверждает опыт других стран. Сегодня целый ряд вполне «благополучных» государств также столкнулся с ростом сепаратистских устремлений. Достаточно назвать баскский и каталонский национализм в Испании, проблему Квебека в Канаде, Шотландии в Великобритании и Тироля в Австрии, требования Ломбардской лиги в Италии и т.д.

Эти процессы трудно объяснить лишь социально-экономическими причинами. В не меньшей степени они являются следствием фундаментальных изменений, происходящих в духовной сфере. Все большее число людей в ответ на культурную унификацию старается утвердиться в своей самобытности, демонстрирует растущую приверженность традиционным нормам и ценностям. И если общество и его институты не готовы к такому повороту событий, то естественное стремление к национальному, конфессиональному и региональному самоопределению оборачивается взрывом изоляционистских и сепаратистских настроений

Предвидеть их появление – задача отечественной регионалистики. Однако обострение региональных проблем ее также застало врасплох. Сегодня она ощущает дефицит наработанных идей, которые могут быть использованы в практической политике[1]. На наш взгляд, это – следствие односторонней ориентации научного поиска. Как раньше, так и теперь, главными для региональной науки являются проблемы, связанные с оптимизацией размещения производительных сил, обоснованием путей и способов производственного развития территорий, преодолением пространственных диспропорций в уровне жизни. В то же время социокультурным,

этнодемографическим, политико-правовым аспектам регионального развития уделяется явно мало внимания[2] Отсюда недостаточная глубина понимания происходящих процессов и низкая эффективность практических рекомендаций.

Чтобы изменить ситуацию, отечественная регионалистика должна кардинально расширить поле научного поиска. Прежде всего необходимо значительно усилить ее политологическое и культурологическое направления, добиться действительно комплексного подхода в исследовательской практике. Другим важным резервом повышения эффективности региональных исследований является увеличение их временного горизонта. По сути, речь идет о формировании нового научного направления - исторической регионалистики. Ее основные задачи можно определить следующим образом. Во-первых, выявление исторических корней, т.е. условий (причин) возникновения проблем, которые приходится решать или с которыми предстоит столкнуться в обозримой перспективе. Во-вторых, определение тенденций, имеющих относительно устойчивый характер на протяжении длительного времени и придающих региональному развитию соответствующую направленность. В-третьих, оценка эффективности использовавшихся в прошлом моделей регулирования региональных процессов, извлечение из исторического опыта значимых для современной социальной практики уроков. Думается, что решение этих задач будет способствовать как углублению теоретических представлений, так и повышению обоснованности принимаемых решений в сфере региональной политики.

Сказанное хорошо иллюстрирует даже схематичное рассмотрение истории становления и развития российской государственности. Так, одной из важнейших особенностей этого процесса было последовательное территориальное расширение страны. Оно сопровождалось высокой миграционной активностью русского этноса и выражалось как в массовой народной колонизации евразийских пространств, так и в государственном поглощении (завоевании или мирном присоединении) обширных нерусских территорий. В состав государства включались регионы, существенно отличающиеся по природно-климатическим условиям, уровню социально-экономического развития, этническому и конфессиональному составу. Это были как территории, заселенные относительно самодовлеющими этническими общностями типа малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, так и ранее независимые государственные образования.

В результате русское государство, постепенно расширяясь по своему периметру, превратилось в мировую империю. При этом оно обладало достаточно мощным «ядром» в виде территории, заселенной преимущественно русскими и очень «пестрой» в этническом отношении периферией. Проживавшие здесь народы по большому счету объединяло лишь одно – пребывание в составе Российской империи. И очевидно, что их консолидация (проходившая не без содействия центральной власти), развитие национальных культур, появление национальных интеллигенций и элит современного типа рано или поздно должны были породить автономистские и сепаратистские устремления.

Следует, видимо, согласиться, что начало этого процесса обозначилось более ста лет тому назад. А перед первой мировой войной центр уже испытывал значительные трудности в осуществлении контроля над периферией. Последующие события еще более усугубили ситуацию. Ослабление центральной власти в результате революции и гражданской войны послужило мощным катализатором сепаратистских процессов. Однако победа большевиков позволила в основном сохранить политическое единство бывшего имперского пространства. Тем не менее, переломить центробежные тенденции она не смогла. Более того, такие действия нового режима, как политика ускоренного экономического развития национальных «окраин», повышение общекультурного уровня их населения, целенаправленное «выращивание» национальных интеллигенций и бюрократий, создание республиканских систем

управления, являвшиеся своего рода «платой» за сохранение целостности государства, способствовали изменению соотношения сил между «ядром» и «периферией» закладывали основу будущей дезинтеграции страны[3]

Конечно, правящий режим отнюдь не стремился к достижению подобного результата. Наоборот, он всячески пытался сохранить сложившиеся порядки, видя в этом залог сохранения своей власти. Особые надежды связывались им унификацией духовной жизни и русификацией инонациональных территорий Однако эта политика ничего, кроме скрытого до поры до времени чувства недовольства не только властью, но и отождествляемой с нею русской нацией, не вызывала Аналогичными были последствия массовых миграций, вызванных коллективизацией, ускоренной индустриализацией, возведением «великих строек коммунизма» Ну а такие действия, как депортации, произвол в установлении и пересмотре национально-территориальных границ, искусственное создание иноэтнических анклавов в однородной ранее национальной среде вообще способствовали накоплению взрывоопасного потенциала изоляционизма и противостояния

Развенчание политико-идеологических идеалов, являвшихся несущей конструкцией советского общества, открыло простор для проявления этих настроений, подспудно назревавших в массовым сознании. А ослабление в ходе перестройки центральной власти, сужение ее возможностей использовать силовые методы для достижения своих целей «развязало руки» окрепшим местным элитам Привычка к повиновению, чувство страха перед центром сменилось стремлением освободиться от его контроля. Естественно, что эти настроения наиболее ярко проявились в союзных республиках. И хотя последние значительно различались по уровню развития национального сознания и способности к самоорганизации, желание самостоятельности возобладало у всех.

Можно, конечно, обсуждать вопрос о своевременности «роспуска» Советского Союза. Вполне допустимо, что менее болезненным был бы путь постепенного обретения бывшими союзными республиками своей государственности (через конфедерацию и т.д.). Тем не менее, несомненно одно. Советский Союз как особая форма российской государственности не имел исторической перспективы Раньше или позже входящие в его состав периферийные инонациональные территории должны были добиться независимости. Таков закономерный итог развития образований имперского типа в двадцатом столетии. Причем и собственно для России подобная «потеря» пространства имеет не только негативные последствия. Очевидно, что в таком случае значительно повышается ее гомогенность. А это – важнейшая предпосылка сохранения внутреннего единства любого современного общества, придания его развитию должного динамизма.

Здесь, однако, возникает вопрос: в какой мере дезинтеграционные процессы, обусловившие распад Советского Союза, свойственны самой России. На этот счет есть разные точки зрения. Большинство склоняется к мнению, что достаточно высокая национальная и культурно-лингвистическая однородность страны, длительный опыт совместного проживания населяющих ее народов, давние и устойчивые традиции государственности, прочные межрегиональные экономические связи надежно гарантируют сохранение единства современной России. Действительно, названные факторы являются серьезным препятствием для проявления центробежных тенденций. И все же было бы неправильно предаваться чрезмерному оптимизму

Прежде всего, большая часть этнических меньшинств проживает в «своих» ареалах. Причем последние составляют более половины всей территории страны. И именно здесь концентрируется основной потенциал автономистских устремлений. В частности, речь идет о Северном Кавказе, среднем Поволжье и Южном Урале, ряд народов которых в культурном отношении издавна тяготеет к исламскому сообществу. То же можно сказать о некоторых районах Нижней Волги, Юга Восточной

Сибири и Забайкалья, где проживают и народы (калмыки, буряты, тувинцы), принадлежащие к центрально-азиатской ламаистской традиции Очевидно, что такая историческая ориентация создает определенные предпосылки для культурной и, в конечном счете, политической центробежности этих территорий. Ситуацию усугубляет и то, что до вхождения в состав России они либо обладали государственной самостоятельностью, либо находились накануне ее оформления. Именно на этом историческом фундаменте часто базируются современные концепции этнического обособления, политические притязания различных национальных движений.

Не столь явно, но все же отчетливо прослеживается культурное своеобразие районов компактного проживания народов, этническая консолидация которых завершилась уже в составе России. Практически все они обладают сегодня «собственными» национально-территориальными образованиями. И хотя «коренные» жители составляют, как правило, меньшинство их населения и к тому же отличаются тесными культурно-хозяйственными связями с русскими, можно с большой долей уверенности прогнозировать, что в этих субъектах Российской Федерации будет наблюдаться усиление позиций автохтонных традиций.

Особая ситуация сложилась в этнических ареалах, где проживают малочисленные народы Севера. Большинство, и зачастую подавляющее, их населения составляют русскоговорящие новопоселенцы. Но и здесь в ходу призывы к сохранению, упрочению историко-культурной самобытности этих территорий. Они служат обоснованием необходимости повышения статуса, расширения прав, пересмотра границ и т.д. соответствующих национально-территориальных образований Однако инициаторами подобных действий является не столько коренное население и его организации, сколько местные власти. По существу, это наиболее яркий пример использования этнополитических лозунгов для прикрытия статусных интересов местных элит, стремящихся расширить контроль над ресурсно-производственным потенциалом «своих» территорий. В частности, такие мотивы хорошо прослеживаются во взаимоотношениях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов с Тюменской областью, в борьбе за вывод Норильска из-под юрисдикции Красноярского края и включения города в состав Таймырского автономного округа.

Определенные предпосылки для проявления дезинтеграционных настроений можно обнаружить и в регионах, считающихся исконно русскими. Они объясняются масштабами страны, разнородностью экономических структур ее отдельных районов и, что, пожалуй, самое главное, заметными региональными культурными различиями, которые сформировались в русском этносе в процессе его развития. Так, например, признаки особых культурно-исторических общностей сохраняют территории бывших казачьих «войск». Причем среди их населения определенную поддержку находят взгляды на казачество как на особую нацию, обладающую своими интересами и ценностями.

Приспособление к специфическим условиям жизни и активное взаимодействие с аборигенными культурными традициями наложило свой отпечаток на русских переселенцев, обосновавшихся в Сибири и на Дальнем Востоке. Это дало основание для выдвижения еще в XIX в. тезиса о складывании за Уралом особого «европейско-сибирского» этнического типа. И хотя большинство исследователей считает, что процесс ограничился формированием значительного числа локальных этнических групп[4], ссылки на самобытность русского населения Сибири используются сегодня для обоснования автономистских и сепаратистских устремлений Надо, правда, отметить, что подобные идеи имеют весьма немногочисленных сторонников и не находят пока сколь-нибудь весомого воплощения в практической политике[5] Тем не менее, само их существование на протяжении полутора веков свидетельствует о достаточно развитом региональном самосознании на уровне обширного историко-культурного ареала.

Нечто подобное характерно и для Уральского региона. Так, результаты социологических исследований свидетельствуют о сохранении у значительной части населения «уральского менталитета», проявляющегося в устойчивых представлениях о наличии некой «уральской общности», представителей которой сразу можно отличить по характеру, говору, манере поведения. Причем в последние годы эти взгляды находят все больший отклик в общественном сознании[6] Однако подобные настроения пока не означают стремления к какому-то особому статусу Уральского региона. Свои надежды люди связывают не с автономизацией этой огромной историко-культурной области, а с расширением прав и возможностей ныне действующих административных образований.

Таким образом, можно констатировать, что в России существуют реальные основы, на которых произрастает (может произрастать) стремление к обособлению и сепаратизму. В первую очередь, это исторически сложившаяся дифференциация культурного пространства страны. Конечно, потенциальная угроза нарастания центробежных процессов в отдельных ее частях различна. Наиболее остро она проявляется на культурно чужеродных по отношению к русскому этносу, имеющих давние традиции борьбы за независимость окраинах Российской Федерации. Однако при стечении неблагоприятных обстоятельств события, аналогичные чеченским, могут выполнить роль «спускового крючка» для начала цепной реакции неконтролируемого распада государства. Особенно высока такая вероятность в условиях общенационального кризиса, когда общество, утратив привычные ориентиры, не обрело новых. Думается, нечто похожее происходит сегодня. И в этом другая причина, почему нельзя отрицать реальность угрозы целостности Российского государства и относиться к таким «разговорам» лишь как к выражению «невротических страхов» или к «демагогии»[7]

Попробуем пояснить эту мысль подробней. События последних лет носили противоречивый характер. С одной стороны, духовное раскрепощение общества открыло возможности для его социальной реабилитации, преодоления негативных последствий семидесятилетнего господства коммунистического режима. Действительно, нанесенный им урон общественному здоровью трудно переоценить. Отчуждение человека от собственности и власти, уравниловка и нищенские условия его существования, идеологический прессинг, навязывающий представления о возможности построения «земного рая», деформировали многие социальные установки и нормы поведения. В результате широкое распространение получили пренебрежительное отношение к добросовестному и высококвалифицированному труду, равнодушие к чужой собственности и бесхозяйственность, иждивенческая психология, отождествление социальной справедливости с равенством всех в распределении, вера во всемогущество власти и отношение к ней как противостоящей силе.

Но нельзя не видеть и обратной стороны медали. Вера в преимущество социалистического пути развития, истинность социалистической идеи, особое предназначение советской государственности позволяли сохранять такие характерные качества национального сознания, как коллективизм, обостренное восприятие несправедливости, готовность к самопожертвованию, чувство ответственности за судьбы мира и гордости «за державу». Благодаря им удавалось до поры до времени поддерживать высокую степень консолидации общества, добиваться его мобилизации для решения самых сложных, хотя и не всегда «праведных» задач. И проблема, видимо, заключалась в их адаптации к современным реалиям

Однако на практике был осуществлен другой подход. Под видом развенчания коммуно-имперских догм развернулось огульное отрицание практически всей прежней системы ценностей. Оно сопровождалось активным внедрением в массовое сознание идеалов западного либерализма без сколько-нибудь продуманного поиска их сопряжения с национальными историко-культурными традициями В условиях

утраты привычных ориентиров в государственной идентификации (что напрямую связано с распадом Советского Союза) это привело к ослаблению чувства солидарности, общности исторической судьбы народов России, к девальвации таких понятий, как общенациональные цели и интересы. В процессе самоопределения личности все большую роль стали играть узкогрупповые императивы поведения, сиюминутные политические предпочтения, профессиональная и этно-конфессиональная принадлежность. Иначе говоря, произошло «разжижение» национального (общероссийкого) самосознания и, как следствие этого, нарастание волны национализма и шовинизма, корпоративного и регионального эгоизма, идейно-политической нетерпимости. А катастрофическое снижение уровня жизни населения и вопиющий диспаритет в территориальном распределении финансовых ресурсов и доходов – прежде всего между Москвой и провинцией[8] – легитимизировал в глазах многих любые крайние меры, лишь бы они обещали достижение «своих» групповых интересов. И если дело пойдет так дальше, то во многом еще потенциальная сегодня угроза «разбегания» российских регионов станет реальной.

Тем не менее, нарастание центробежных тенденций не является фатально предопределенным. Серьезным препятствием на их пути может и должна стать продуманная региональная политика. Однако опыт последних лет свидетельствует, что ее непоследовательность наоборот способствовала углублению объективно существующих противоречий. Достаточно вспомнить подстегивание процесса «суверенизации» в начале 90-х гг. Обращение президента к территориям – «берите столько суверенитета, сколько можете проглотить» по существу способствовало росту автономистских и сепаратистских устремлений. До сих пор чеченские «борцы за независимость» утверждают, что на практике они лишь следуют этому призыву.

Другим следствием подобных действий стало упрочение преимущества автономных образований по сравнению с «рядовыми» регионами, не имеющими национально-государственного статуса и соответствующих возможностей для отстаивания права собственности на «свои» недра и ресурсы. Положение осложнялось еще и тем, что сами «рядовые» регионы оказались в неравном положении, хотя поначалу для них в одинаковой степени казалась привлекательной идея «регионального хозрасчета». Одни, имея высокоразвитые отрасли экономики и (или) богатые сырьевые ресурсы, пытались получить различные квоты и лицензии на экспорт своей продукции. Другие, обладающие слабым производственным потенциалом, добивались от центра увеличения дотаций и субсидий. Недовольство накаляла раздача привилегий одним регионам за счет других по каналам сохранившей свое значение системы патрон-клиентских отношений. Все это до предела обострило региональные проблемы и потребовало скорейшего их разрешения тем или иным способом – с участием регионов или без такового, волевым диктатом центра.

На практике был реализован скорей последний вариант. Октябрьские события 1993 г. принятие новой Конституции ознаменовали окончание периода «романтического федерализма». Была сформирована политически жесткая и иерархичная вертикаль исполнительной власти, способная более эффективно контролировать действия региональных элит. Вновь стал актуален принцип единой и неделимой России со всеми вытекающими последствиями для его нарушающих.

Усиление унитарных тенденций сопровождалось определенным «прикрытием». Чтобы сбить возрождение политического регионализма, было декларировано равенство субъектов Федерации, санкционирован демократический порядок формирования их органов власти, узаконена практика подписания соглашений о разграничении предметов ведения и полномочий с федеральными органами. Оставляя за собой ключевые рычаги управления, центр пошел на перераспределение прав и обязанностей в социально-экономической сфере, переложив – зачастую без соответствующего финансового обеспечения – значительную часть ответственности за

состояние дел в регионах (от охраны общественного порядка и здравоохранения до конверсии) на субъекты Федерации. Одновременно были предприняты попытки конструирования новой общегосударственной идеи, призванной обеспечить консолидацию общества. Не случайно в политической лексике стали широко использоваться такие понятия, как «Родина», «держава», «национальные интересы», «патриотизм», «национальная безопасность» и т.д.

Все эти меры позволили стабилизировать обстановку. Заглохли, в первую очередь в «русских» регионах, призывы к «суверенизации», умерили свои притязания местные элиты и т.д. Однако такая стабилизация вряд ли окажется долговечной, поскольку глубинные причины появления центробежных тенденций не устранены. Прежде всего продолжает сохраняться фактическое неравенство регионов. Причем «национальные» республики (Татария, Башкирия и др.) по-прежнему имеют больше прав, чем «рядовые» субъекты Федерации. Да и среди последних также выделяются свои «лидеры». Одни при заключении договоров о распределении полномочий с центром получают больше прав, другие – меньше. По существу продолжается порочная практика давать столько «суверенитета», сколько регион способен востребовать. Очевидно, что в перспективе такая политика ничего, кроме обострения межрегиональных противоречий, усиления антимосковских настроений и появления все новых претензий к центру, дать не может.

Не произошла и декларированная регионализация политики реформ. Как следствие этого, продолжает углубляться разрыв в уровне социально-экономического развития между более или менее «благополучными» и явно депрессивными территориями. Сложно идет процесс пространственной реинтеграции российской экономики. Более того, чрезмерная концентрация финансовых ресурсов в немногих центрах – прежде всего в Москве – подталкивает отдельные периферийные регионы (Дальний Восток и др.) на экономическую интеграцию с сопредельными государствами. Не исключено, что в условиях рынка долговременные источники их развития вообще могут оказаться за пределами России. А отсюда – всего один шаг и до требований политического самоопределения.

Мало что сделано и в отношении утверждения новой российской идентичности. Затянувшийся поиск общегосударственной идеи, способной консолидировать общество на основе единых целей и ценностей не дает пока результата. Да и, видимо, трудно ожидать другого. Любые попытки навязать обществу сверху универсальные, «хорошие для всех» представления явно непродуктивны. Они не отвечают нынешнему состоянию умов большинства людей, по-разному воспринимающих окружающую действительность. Более действенный путь возрождения национального самосознания – «снизу», через утверждение у граждан чувства принадлежности к конкретному локальному и региональному сообществу. Полнота социальной структуры и сравнительная простота сплочения по территориальному признаку позволяют, с одной стороны, избежать национального, регионального, профессионально-корпоративного обособления и, с другой стороны, учесть все многообразие традиций и менталитета российского общества. В сочетании с общенациональным горизонтом это должно привести к многоуровневой самоидентификации россиян, осознанию каждым своей принадлежности к определенной местности, району, региону, стране в целом[9]. Но в данном направлении пока мало что удалось сделать.

Очевидно, что если дело так пойдет и дальше, то вскоре нас ожидает новый виток обострения региональных противоречий, что, в лучшем случае, приведет к усугублению общенационального кризиса, а в худшем – к дезинтеграции страны со всеми негативными последствиями как для ее народов и соседей, так и для всего мирового сообщества. Каков же выход из создавшейся ситуации? Думается, что в первую очередь необходима разработка новой региональной общегосударственной стратегии. Обоснование ее основных направлений – это чрезвычайно масштабная

самостоятельная задача. Хотелось бы отметить лишь следующее. Во-первых, главная цель такой стратегии не нивелировка экономических различий, не духовная унификация и т.д., а использование объективно сложившегося территориального разнообразия в интересах повышения благосостояния граждан, расширение возможностей для их самореализации, поддержание стабильности в обществе. Во-вторых, она должна носить комплексный характер и предусматривать взаимоувязанные действия в экономической, политико-правовой и социокультурной сферах. И, в-третьих, региональная стратегия должна разрабатываться и осуществляться как на федеральном, так и на региональном (субъекты Федерации, их ассоциации), и локальном (муниципальном) уровнях. Их функции, права и обязанности должны быть четко разграничены и соответствовать финансовым возможностям. Особое внимание следует уделить местному самоуправлению как противовесу возможному стремлению к региональному обособлению.

Выполнение этих условий еще, конечно, не гарантирует успеха. Тем не менее, их реализация должна стать заметным шагом на пути решения огромной по сложности и чрезвычайно важной с точки зрения упрочения российской государственности проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лившиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин Л.В.* Региональная стратегия России. Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 4.
2. *Гранберг А.Г* Региональная экономика и региональная наука в Советском Союзе и России // Регион: экономика и социология, 1994. № 1. С. 8–11
3. *Фурман Д.* О будущем «постсоветского пространства» // Свободная мысль, 1996. № 6. С. 39–40.
4. *Миненко Н.А.* Русская этнокультурная традиция на востоке России // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 52–53.
5. *Дубнов А.П., Лифанов А.В.* Сибирская идея и геополитические реалии России на рубеже XX–XXI вв. // Сибирское измерение российской геополитики. история и перспективы. Новосибирск, 1995. С. 48–49.
6. *Бабетов А.А., Калужская М.В.* Становление регионального самосознания в России (на примере уральского региона) // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 157–158.
7. *Фурман Д.* Указ. соч. С. 47
8. *Селиверстов В.Е.* Современные тенденции региональной политики в России // Регион: экономика и социология, 1995 № 3. С. 26–31
9. *Лившиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин Л.В.* Указ. С. 17–18.

REGIONALISM IN RUSSIA. HISTORICAL ROOTS AND PERSPECTIVES

Intensification of regional conflicts in the present-day Russia is discussed in the context of fundamental changes in the world (pursuit for identity recognition, growth of traditional values significance as a reaction against the comprehensive process of unification), peculiarities in political and economical development of the country in the last decade, historical situation specific for the Russian and Soviet empires formation Solution of regional problems, in authors' opinion, is possible by the way of elaboration and realization of a whole-state regional strategy This strategy should be based on the use of existing territorial pluralism in the interests of the broadening of possibilities for citizens' selfdevelopment, considering regional aspect in the policy of reforms and fixation of the multilevel selfidentification of Russians.

V V.Alexeyev, Ye.T.Artyomov

К.И.Зубков

КОНЦЕПТ РЕГИОНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Несмотря на общераспространенное, по существу, универсальное использование понятия «регион» в науках, имеющих дело с социально-территориальной дифференциацией, концепт этот до сих пор остается в ряду наименее ясных и осмысленных. Как констатирует известный исследователь экономико-географических терминов Э.Б.Алаев, толкование понятия «регион» – пожалуй, наиболее употребительного не только в экономических и социально-географических но также в исторических и политологических исследованиях – сегодня «в общем-то установилось»[1] Однако это полуопределенное, неуверенное «в общем-то» свидетельствует скорее лишь о многочисленности и – в конечном счете – недостаточной продуктивности попыток его строгой концептуализации. В самом деле, среди понятий, характеризующих различные виды и масштабы территорий, трудно найти более многозначное, расплывчатое и условное, чем понятие «регион» Причины этого следует искать в той методологической ситуации, которая характерна сегодня для географических наук.

К началу XX в., т.е. ко времени формирования региональной парадигмы в географии, последняя еще являлась (и в известной степени остается до сих пор) скорее агрегатом пространственных систематик, сложившихся в других областях знания, или описательных отраслевых «географий», чем самостоятельной теоретической дисциплиной. Как отмечает Р.Дж.Джонстон, региональный подход в географии стал одной из крупнейших всеобъемлющих попыток преодоления чисто дескриптивного характера этой науки, в первую очередь, углубления ее специфического – хорологического – метода через идею максимально полного и структурно упорядоченного синтеза пространственно изменяющихся характеристик, сообщающего отдельным территориям интегрально выраженное индивидуальное своеобразие[2]. Новая концепция была призвана не только ответить на фундаментальный для географической науки вопрос: чем в сущности отличается одна территория от другой? По своему значению и масштабу она была равнозначна амбициозной попытке объяснить разнообразие мира – как, впрочем, и самую его структуру – во всей его целостности. Хотя в географии уже существовало универсальное понятие ландшафта как относительно гомогенного территориального природного комплекса, отмеченного закономерным сочетанием и взаимодействием всех компонентов (рельеф, климат, почвы, водный режим, растительность) и морфологических частей географической среды, это понятие до сих пор не удалось привести к сколько-нибудь обобщенной форме отражения географической реальности во всей ее интегральной целостности, прежде всего, в части соединения традиционной природоцентричной парадигмы (ландшафт как геобиоценозный комплекс – естественный или подвергнутый антропогенным воздействиям) с аксиоматикой антропоцентричной модели культуры. Для социальных «географий» возникла необходимость разработки целого ряда специальных – социоцентричных в потенции – концептов «культурного ландшафта» (К.Зауэр, 1925 г.), а затем как его частных случаев – «экономического ландшафта» (Р.Хенке, 1928 г.) и – уже в наше время – «политического ландшафта» Однако проблема нахождения универсального концептуального основания для различных видов ландшафта таким образом не могла быть решена. Вольно или невольно, ландшафтоведение вынуждено было возвращаться к единству природоцентричного понимания многоуровневой географической реальности. Симпто-

матично, что в западных школах географии под изучением «культурного ландшафта» в конечном счете стал пониматься преимущественно описательный подход, визуально фиксирующий в естественных ландшафтах внешние культурные изменения, вносимые в него человеком, а также комплексы искусственных объектов, всецело принадлежащие социальной «второй природе» Будучи созданными человеком, эти объекты как бы превращаются в компонент природного ландшафта. В рамках такого подхода трактуется, в частности, и предмет экономической географии.

Сложнее обстоит дело с понятием «экономический ландшафт», которое в строгом смысле к исследованию и систематизации реальных географических ландшафтов отношения не имеет. Комплекс связанных с этим понятием теорий (теория «штандорта» А.Вебера, теория центрального места В.Кристаллера, учение об «экономическом ландшафте» А.Леша и др.) представляет собой систему идеальных объектов, имеющих своим источником не столько интегративный потенциал традиционной – эмпирической – географии, сколько интерпретацию экономических закономерностей как чистой функции пространства и выражающих ее количественных соотношений. Ссылаясь на трактовку А.Лешем проблемы соотношения эмпирической реальности и чистой теории, В.А.Шупер совершенно справедливо отмечает, что такого рода идеальные конструкты способны не столько описывать и объяснять факты географической реальности, сколько рационализировать, «улучшать» ее экономические параметры в той части, которая всецело определяется конструктивной программно-планирующей деятельностью человека (например, при разработке схем размещения производства на новых территориях)[3] Переход же от идеального «экономического ландшафта» теоретической географии непосредственно к исследованию реальных исторически сформировавшихся экономико-географических компонентов ландшафта оказывается практически невозможным.

Что касается концепта «политического ландшафта», то вполне понятные попытки органично соединить в его структуре визуально фиксируемые следы воздействия политических процессов на природный ландшафт и характерные для мира политики идеальные образы и представления пока что следует признать неудачными и незрелыми, не способными породить ничего, кроме примитивного, чисто механического суммирования исходных понятий. Таково, например, определение политического ландшафта, данное Р.Ф.Туровским: «Политический ландшафт – пространственно организованная система, включающая в себя феномены политической жизни и природные условия и обладающая территориальностью (протяженностью, площадью)».[4] Синтез политических феноменов и природных факторов оказывается в этом определении не упорядоченной системой, а чисто механическим соединением отдельных «слоев» природной и политической реальности

Между тем, вышеописанные затруднения с введением в понятие «ландшафт» социогеографических характеристик, тем более идеальных измерений социокультурной сферы, не случайны. Дело в том, что исходная семантика этого понятия (от нем. Land – земля, schaft – суффикс, означающий взаимосвязь и взаимозависимость) предполагает, что ландшафт может быть, в сущности, только природоцентричным; во всех иных случаях мы имеем дело с образной метонимией. Содержательное «ядро» понятия «ландшафт» (а в методологическом отношении – «точку отсчета», из которой выводится этот концепт) составляет комплекс природных факторов, системно обусловливающих друг друга. В то же время локализуемая в границах данного ландшафта социокультурная среда может оцениваться, измеряться и интегрально осмысливаться только с позиций географического детерминизма (энвайронментализма) – как развертывание природы в цепи детерминации человеческой деятельности. При этом опредмеченные результаты человеческой деятельности – антропогенные видоизменения природного ландшафта, системы искусст-

венных объектов и каналов обмена веществом и энергией – постоянно включаются в системное единство природного ландшафта, превращаясь в возобновляемые внешние детерминанты творческой активности человека. Только в этой части и в этом значении социокультурные явления и процессы могут формировать компоненты и подсистемы ландшафтов. Пожалуй, лучший пример этого демонстрируют научные методы археологии: обнаруживая комплексы вещей и предметов, характеризующих человеческую деятельность отдаленных эпох, археолог способен рационально объяснить их назначение первоначально только из их взаимосвязи реконструируемым им древним природным ландшафтом (естественным или последовательно видоизмененным рядом культур), в то время как их рафинированный культурно-символический смысл, непосредственно из характера ландшафта не выводимый, может раскрываться исследователю лишь с помощью специальных методов «дешифровки» материала – привлечения письменных источников, проведения параллелей с культурой сохранившихся примитивных обществ или, в конце концов, из представлений о принципиальном генетически обусловленном единстве древнего и нового человечества. Поэтому безусловно правы и методологически последовательны те географы, которые под «культурным ландшафтом» понимают не самостоятельный субстанциальный «слой» человеческой культуры, а лишь ее овеществленные, точнее, физически реальные, компоненты, находящиеся в тесной системной взаимосвязи с природной средой.

Таким образом, понятие «ландшафт» в целом применимо только для анализа относительно элементарных по структуре территориальных природных комплексов, образованных однонаправленным природоцентричным вектором детерминации географической реальности. Более сложные по механизмам детерминации и многомерные территориальные сочетания природных и социальных факторов должны описываться также более сложными по семантической структуре понятиями. Понятие «регион» как раз относится к их числу.

При этом для географов основную сложность представляет нахождение комплексного критерия, согласно которому регион вычленяется на фоне других территориальных различий. География относительно просто справляется с выделением и оконтуриванием ареалов – территорий распространения какого-либо одного географического явления или признака, а также зон – территорий с установленным диапазоном интенсивности, в которой проявляется отдельный географический признак. Когда же возникает проблема выделения границ (а значит и сущности понятия) региона, все попытки простого совмещения географических признаков, имеющих далеко не полностью совпадающие ареалы распространения, заканчиваются тем, что регион лишается своих четких физических – и даже просто мыслимых – границ. Отсюда неудача всех попыток дать интегральное, максимально полное и всестороннее, определение региона. Так, одна из англоязычных версий, представляющих обобщенное толкование понятия «region», призванных по замыслу вобрать в себя всю гамму частных значений и признаков, определяет его как «территорию или часть территории с определенными границами и характеристиками или без оных»[5].

По этой же причине, хотя концепт региона признается входящим во многие специальные «отраслевые» системы таксонов – определенным образом квалифицированных видов территории, он в эти системы никогда полностью не интегрируется. Не случайно одно из отечественных географических определений региона особо подчеркивает, что последний есть территория, «часто (? – К.З.) очень значительная по своим размерам, не обязательно (так! – К.З.) являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения»[6]. Как в конечном счете признает и Э.Б.Алаев, понятие «регион» стало служить, по существу, очень условным, чаще всего вспомогательным обозначением всех тех

территориальных объектов, которые либо не вписываются в существующие таксономические системы, либо произвольно комбинируют известное число однопорядковых таксонов в новый класс территории, либо отождествляются с сопоставляемыми таксонами разных порядков одной системы или разных систем районирования[6] Очевидно, что такой статус понятия способен лишь увеличивать его многозначность и неопределенность.

Это положение замечательно иллюстрируется расширением использования термина «регион» в последние десятилетия. В СССР в 1970-е гг понятие «регион» стало использоваться в основном для обозначения объектов территориального управления экономикой. Одна из групп авторов следующим образом определяла это понятие: регион – это «определенная территория с ее естественными ресурсами и сложившимся территориально-производственным комплексом (ТПК), составляющие которого находятся в тесных производственно-экономических связях». При этом однако не соблюдался сколько-нибудь единый критериальный подход: при вычленении регионов к ним были отнесены территориальные объекты всех видов и размеров, в различной – большей или меньшей – степени связанные с территориальной организацией экономики: экономические зоны (например Нечерноземье), крупные экономические районы (планировочные единицы), союзные республики (национально-государственные субъекты СССР), затем – национально-государственные (автономные республики РСФСР) и административно-территориальные (области, края) образования и, наконец, административно-экономические районы (областей, краев), города, промышленные и агропромышленные узлы, крупные территориально-производственные комплексы[8]. В последние годы в российском научном и политическом лексиконе, помимо вышеуказанных значений, понятие «регион» устойчиво закрепилось за целым рядом по-разному масштабируемых объектов территориального анализа:

а) частью территории республики в составе Российской Федерации, области, края, как правило, объединяющей несколько сходных по хозяйственно-географическим, историко-культурным, социально-политическим признакам административных районов;

б) административно-территориальным или национально-государственным образованием – субъектом РФ;

в) интеграционными экономико-политическими объединениями субъектов Российской Федерации по территориально-хозяйственному принципу (например, Уральский регион, Северо-Западный регион и т.п.)

Во всех приведенных случаях понятие «регион» раскрывается не столько содержательно, сколько контекстуально.

В российской науке до недавнего времени проблема содержательного уточнения понятия «регион» часто решалась самым простым способом – синонимическим отождествлением его с более разработанным и устоявшимся концептом района. Действительно, в отечественной географии определены некоторые общие подходы, позволяющие выделить ряд универсальных признаков территории, обозначаемой как район. Это прежде всего целостность территории, возникающая из общности генезиса и взаимосвязанности компонентов географической оболочки и элементов ландшафта (физико-географический или природный район) или общественного воспроизводства (экономический район) Именно особенность сочетания в границах района различных (природных, экономических, социальных и др.) компонентов и факторов определяет общие закономерности его развития и функционирования как системы, т.е. на основе более устойчивых, упорядоченных и интенсивных взаимосвязей, чем те, которые сообщают район с окружающими территориями[9] По-видимому, признак системности может быть положен и в основу

интерпретации понятия «регион», однако структуры системообразующих связей будут в обоих случаях различными.

Дело в том, что понятие «район» является столь же полисемантичным, используемым в широком диапазоне значений – от указаний на оперативный участок территории («район военных действий») или характерную местность («промышленный район») до официального наименования разномасштабных административных («район области», «район города») и планировочных («экономический район») единиц территории. При этом однако понятия «регион» и «район» в полном объеме (а, значит, и в известной степени – по смыслу) не совпадают: если регион может отождествляться с целой группой сопредельных стран, объединяемых общими экономико-географическими, культурно-цивилизационными и другими признаками (например регион Центральной Европы, регион Ближнего Востока), субконтинентом (Скандинавия, Южная Азия) или иной частью света, выделяемой в соответствии с более или менее выраженной географической макроконфигурацией (Средиземноморский регион, Азиатско-Тихоокеанский регион и т.д.), то в привязке к этим географическим объектам понятия «район» есть нечто явно несоразмерное и противоестественное. (На этом фоне англоязычный термин «region» более универсален, так как обнимает собой весь спектр значений, закрепившихся за русскими терминами «регион» и «район», – от района города и небольшого территориального округа до крупной области страны или группы стран). В основе этой нетождественности понятий, пока в большей степени угадываемой, чем рационально объяснимой, на самом деле скрываются различные подходы к систематизации и квалификации отдельных видов территорий.

Ключом к более строгому определению понятий «район» и «регион» может служить подход, восходящий к философской традиции концептуализма, хотя проблема соотнесения общих понятий с эмпирическим множеством конкретных единичных объектов в этом случае принимает крайне сложные формы. Ее возможное позитивное решение может быть связано с попыткой обнаружить во всем полисемантичном объеме данных понятий некоторые общие смысловые конструкции, которые и будут заключать в себе их главное искомое содержание. При этом важно подчеркнуть, что в изначальном генезисе рассматриваемых понятий их семантические «ядра» отражают в большей степени не чисто конвенциональную процедуру приписывания значений, но действительную сущность обозначаемых территориальных объектов.

То, что этимологически понятие «район» восходит к французскому rayon – «луч, радиус, спица (колеса)», на наш взгляд, подчеркивается основной отличительный признак описываемого им территориального объекта – наличие в нем центра, функционально связанного с окружающей его территорией и тем самым придающего ей системную целостность. Еще более определенно в пользу этой семантической связи могут свидетельствовать производные словообразования – глагол rayonner – «распространять влияние на...» и выражение rayon d'action – «радиус (= район) действия». В этом отношении – а также и таксономически – к понятию «район» очень близок семантически «прозрачный» русский термин «округ». Значение центра, или ядра, в районировании определяется либо функцией очага, распространяющего на окружающую территорию потоки вещества, энергии и информации, либо функцией фокуса, наоборот стягивающего данные потоки в своем направлении. Реально границы района проецируются там, где воздействие центра, или ядра, на окружающую территорию практически исчерпывает себя или перекрывается по интенсивности воздействием какого-либо иного центра. Очевидно, что стандартный таксономический масштаб района может исторически изменяться с развитием средств передвижения, систем связи и коммуникаций, а также по мере экономического прогресса, предъявляющего к различным секторам и формам хозяйства особые

требования «экономии масштаба». На соответствии этим общим и специальным условиям, влияющим на скорость информационных процессов, основывается и существование районов как единиц общего административного и отраслевого управления – причем практически во всех случаях при доведении информации до мест и непосредственных субъектов экономической, культурной и иной деятельности (и обеспечении «обратной связи» с ними) центр района выполняет главным образом «рассеивающую» («собирательную») функцию.

В этом смысле все эмпирически существовавшие или существующие районы похожи друг на друга. Несмотря на индивидуальное своеобразие их пространственных конфигураций, ландшафтных, экономико-географических и социографических характеристик, по доминирующему признаку функционально-пространственной организации все они сливаются в некоторую множественность подобий. Таким образом, главное, что составляет концепт района, – это не эмпирическое многообразие насыщающих территории разных районов элементов географической и социокультурной среды, но неизменно сохраняющая себя в каждом из них устойчивая форма территориальной организации, точнее говоря, самоорганизации. В этом случае мы имеем дело с одним из простейших примеров так называемого пространственного изоморфизма – тождества пространственной структуры без тождества насыщающих ее элементов[10] При этом выведенный методом направленного эмпирического наблюдения как некоторая абстракция неразличимости, концепт района может считаться идеальным конструктом в такой же мере, в какой и основанным на данных опыта чисто индуктивным обобщением.

Известная неполнота подобных обобщений обычно требует их проверки и обоснования в системах иных, более «надежных» (если возможно, универсально-логических) принципов и подходов. В этой связи естественным образом возникает вопрос: является ли наличие явно выраженного функционально-организующего (экономического, культурного, административного и пр.) центра единственным и достаточным основанием для констатации интегрального содержательного единства территории, по своим таксономическим порядкам сопоставимой с районом? Данная проблема может быть, в частности, рассмотрена на примере подходов французской географической школы П.Видаля де ла Блаша к выделению элементарных таксонов районного масштаба – так называемых pays, или «местностей», Франции. В полном соответствии с характерной для этой школы методологией «поссибилизма», pays рассматривались как сравнительно небольшие территориальные единицы, чье интегральное единство было обусловлено не только и не столько физико-географическими (почвы, условия дренирования, рельеф и др.) характеристиками местности, сколько деятельностью человека, объединяющей совокупность вполне разнородных естественных условий в одно экономическое и историческое целое[11] На масштаб pays как небольшой по размерам, доступной непосредственному визуальному охвату местности, своеобразного локального микрокосма отчетливо указывает весь семантический ряд, связанный с этим термином («страна», «земля», «местность», «край», «родина», «земляк») и его производными («paysan» – крестьянин, «paysage» – изображение местности). (В данном случае нас не должна смущать столь широкая, сбивающая с толку, гамма значений – взаимообусловленное, аналогичное соотношение между pays — «страной» и pays — «местностью» приблизительно такое же, как и между двумя известными значениями русского слова «міръ»: 1) совокупность всего сущего, Вселенная, земля с населяющими ее людьми, 2) сельское общество, поземельная крестьянская община). Не менее характерным указанием на концепт pays является происхождение этого французского термина от латинского pagus (мн.ч. pagi), которым римские источники со времен Цезаря, обозначали родовые общины кельтской Галлии и(или) возникшие на их основе небольшие территориальные округа, входившие в состав более крупных племенных

протогосударственных объединений – civitas (мн.ч. civitates)[12]. И, по видимому, связь здесь не только этимологическая, но и генетическая.

Существенно то, что в доримской Галлии, как установлено исследователями, городские или, точнее говоря, псевдогородские поселения, включавшие в свой состав укрепленные пункты (лат. oppidum = галль. dunum), крупные села (лат. vicus) и сельские усадьбы-резиденции знатных галлов (лат. aedificia), еще не могли в полной мере выполнять для окружающих территорий функцию организующих экономических, общественных и административных центров, как это было, например, в римское время[13]. Вероятно, в этом случае содержательное единство территории pagus'а, а затем и исторически формирующегося на его основе pays, было изначально обусловлено коллективным единством закрепившегося на ней рода (лат. gens). И в этом смысле pays П.Видаля де ла Блаша (даже с учетом обретения ими в позднейшие времена своих функциональных – экономических и административных – центров) генетически обладали по сравнению с концептом района существенным дополнительным качеством однородности – качеством, которое, будучи трактуемо в широком социальном смысле, удивительным образом оказывалось актуальным ad hoc и в буквальном прочтении («принадлежащее одному роду»).

Воплощая в себе характерный признак однородности (обусловленной социально-исторически и, в силу этого, хозяйственно-географически), концепт pays тем не менее не утрачивает сходства с районом, поскольку его таксономический масштаб – это масштаб элементарных территориальных единиц, при котором возможна персональная интерпретация географического единства местности во всей ее конкретности. В концепции П.Видаля де ла Блаша, как и вообще в традиции французской социальной географии, выделение pays по признаку объективного содержательного единства неотделимо от позиции географа-наблюдателя, изучающего местность непосредственно через ее целостное историко-географическое восприятие[14]. Примечательно, что Х.Ортега-и-Гассет, пытавшийся применить подобный подход к изучению исторических провинций Испании, считал его одной из самых продуктивных идей географии. Относя понятия Земли как эйкумены и даже страны к категории мысленных конструкций, своеобразных исторических и политических абстракций, испанский мыслитель подчеркивал, что «реальной географической цельностью вправе считаться такой участок земной поверхности, своеобразие (а, значит, и единство относительно других территорий – К.З.) которого схватывается глазом»[15]. Принципиально в границах этого подхода мыслит и Ф.Бродель, когда выделяя pays исторических провинций Франции, в основу констатации мозаичного разнообразия страны кладет зрительно сопровождающую путешественника смену пейзажей, красок, почв, посевов сельскохозяйственных культур, образов жизни, устройства населенных пунктов, то есть всего того, что составляет обобщенный визуальный образ местности[16]. В этом отношении персональный способ идентификации и интерпретации многоаспектного содержательного единства окружающей местности выступает как изоморфный образ функционально-организующей роли районного центра – тем более, что структуры повседневности, определяющие жизнедеятельность населения района в прошлом и настоящем, или, иными словами, его «коллективную автобиографию», находятся, как правило, в горизонтах непосредственного познавательного опыта индивида.

Таким образом, концепт pays, естественно вписываясь в специфический, узкострановой контекст территориальной дифференциации, в универсальном смысле выступает как своеобразное промежуточное звено в процессе развития и взаимопроникновения территориальных систем с различными уровнями и принципами организации: совпадая по ряду структурных признаков с концептом района, он в то же время воплощает собой элементарный, самый «нижний» уровень формирования

региона – территории, отличительным признаком которой является однородность в каком-либо определенном или сразу в нескольких аспектах

Как уже отмечалось выше, именно в этом фундаментальном свойстве, возможно, заключаются основные противоречия и трудности, связанные с уточнением концепта региона. С одной стороны, идентификация региона по какому-либо одному признаку, или критерию однородности в конечном счете ведет к его отождествлению с ареалом или – при изменении интенсивности проявления признака – с зоной, в результате чего утрачивает смысл и сама региональная парадигма. В основе регионального анализа – по крайней мере, согласно концепции классиков региональной географии П.Э.Джеймса, Дж.Д.Уотсона и др. – изначально лежала идея идентификации регионов именно как многоаспектно однородных территорий, то есть как «сквозного» обобщения различных групп явлений (природных, экономических, социальных, политических, культурных и др.), нахождения системных связей всей совокупности социальных явлений с «вмещающей» их природной средой[17] Региональная парадигма должна была открыть для географов те закономерные, устойчивые связи явлений, которые невозможно было выявить в необъятных масштабах всеобщей географии. Иными словами, в исследованиях географов-регионалистов концепт региона должен был воспроизвести строго научно ту цепь зависимостей, которую Х.Ортега-и-Гассет, например, выражал следующей образной формулой: «Земля жизненно влияет на человека, лишь будучи местностью Очертания земного угла, населенного родными ему злаками, и воздух над ним, сухой и влажный, густой и прозрачный, – вот великие ваятели человечества. Как вода капля за каплей обтачивает камень, так и земля лепит свою людскую породу ком за комом – иначе говоря, обычай за обычаем. Народ – это прежде всего уклад»[18] Следует заметить, что в этих словах реально содержится очень немного поэтических преувеличений. Уместно в этой связи привести поразительные факты устойчивости исторических связей природных зон с региональными хозяйственно-культурными укладами, наблюдаемые на территории той же Франции. Например, те естественные границы в виде поясов бесплодных земель (леса, болота, ланды), которые когда-то разделяли civitates Галлии, до сих пор считаются местными крестьянами плохими землями и служат разделительными рубежами регионов, а территории ряда исторических провинций и департаментов Франции до сих пор почти совпадают (и топонимически созвучны) с территориями древних civitates: Овернь – с территорией племени арвернов, Берри – племени битуригов, департамент Дордонь – племени петрокоров и т.д.[19]

Таким образом, изучение регионов как относительно самодостаточных интегрально однородных частей целого (страны, союза государств и т п.) на определенном этапе исследования должно диалектически возвращать нас к более глубокому проникновению в происхождение и природу целого как сложно структурированного образования.

С другой же стороны, выделение обособленных регионов постоянно проблематизировалось тем, что, как пишет Р.Дж.Джонстон, «полная гомогенность встречалась весьма редко даже на самых маленьких участках поверхности»[20] Естественно предположить, что еще реже можно наблюдать однородность в сочетании разноуровневых признаков и явлений, например, природных и культурных; территория же, на которой она может проявляться, в идеале должна стремиться к точечному локусу В этой связи для идентификации регионов неизбежно требовался определенный – достаточно высокий – уровень генерализации и, соответственно, целый ряд упрощений и редукций. Все это вместе взятое повышало свободу исследователя в интерпретации исходного эмпирического материала и тем самым придавало методам выделения регионов характер субъективно-избирательных предпочтений. Теряя строгие объективные критерии, идентификация регионов все

больше превращалась в чисто мыслительный акт классификации пространства. В связи с этим в различных сферах регионалистики никогда не было недостатка ни в крайних релятивистских трактовках понятия «регион», ни в сведении проблемы к самым простым, техническим решениям. Несколько перефразируя высказывание австралийской исследовательницы Д.Брайдон, кредо релятивизма в данном вопросе можно выразить формулой: «определение региона — это установка творческого воображения»[21] (Заметим, что возможности таких подходов к проблеме регионализации пространства содержались уже в одной из исходных семантических парадигм латинского понятия «regio»: на условном языке авгуров оно означало воображаемую пограничную линию на небе, которая затем проецировалась на земную поверхность). Характеризуя ситуацию в региональных экономических исследованиях в странах Запада, К.Гор замечает, что для многих экономистов «определение региона является таким кошмаром, что большинство из них пытается улизнуть от этой задачи и испытывает облегчение, работая с административными регионами»[22]

Помимо множества упрощенных, специфически «отраслевых» подходов к идентификации регионов, редуцирующих сложный территориальный объект до одномерных ареальных характеристик, вышеописанные методологические затруднения порождали и попытки трактовать концепт региона в чисто инструментальном ключе. В этой сугубо практической проекции обособленным регионом могла считаться любая территориальная конфигурация, гомогенность которой сводилась к более или менее характерному проявлению в ее границах какой-либо критической проблемы развития — экономической, социальной, экологической или социокультурной. Соответственно, этот «негативный» критерий регионализации становился основанием для реализации на территории так называемого проблемного региона специальных программ антикризисной направленности, максимально точно учитывающих происхождение и структурную природу решаемой проблемы. Становясь полигоном применения специальных управленческих стратегий и решений, проблемный регион переосмысливается как регион целевой (англ. target region); при этом дополнительным или уточняющим критерием его выделения в новом качестве может выступать наличие на его территории потенциальных ресурсов и социальных возможностей для решения означенной проблемы.

Самой простой, схематичный способ идентификации целевых регионов, использовавшийся, например, в США, — это сведение всего многообразия регионоформирующих признаков к нескольким предельно обобщенным, формализованным критериям проблемности (структурная отсталость экономической базы, низкая деловая активность, низкий уровень среднедушевых доходов, высокий уровень безработицы и аут-миграции, экологическое неблагополучие и др.), которые затем в целях дальнейшей инструментализации (например, для исчисления размеров необходимой финансовой помощи из федерального бюджета) редуцируются до двух основных: высокий (выше средненационального) уровень безработицы и низкий (ниже средненационального) уровень доходов населения. (Следует заметить, что, несмотря на обезличивающую формализацию, данный подход к выделению и классификации регионов имеет одну несомненно ценную в методическом отношении сторону: он утверждает значение статистического метода как важного вспомогательного, а иногда единственно возможного, способа фиксации визуально не идентифицируемых границ между регионами. В свою очередь, сливаясь с методом множественной регрессии и корреляции, статистические измерения становятся основой выделения многоаспектных регионов, прежде всего, выражающих их специфику сцеплений, или ассоциаций, региональных признаков). Однако, когда специальные меры региональной политики вынуждены идти дальше, чем «выравнивающее» перераспределение средств федерального бюджета, и учитывать

системно-генетический аспект социально-экономического неблагополучия территорий, общая категория «бедствующих регионов» неизбежно дифференцируется на ряд типологических моделей. По мере конкретизации стратегий развития, спроектированных для этих региональных моделей, последние вновь начинают обретать всю полноту признаков конкретных регионов в их характерных сочетаниях[23].

Подобным образом, в частности, в США осуществлялась идентификация таких «многоштатных регионов развития», как регион долины р.Теннесси, охватывавший части территорий семи юго-восточных штатов общей площадью 100 тыс. кв. км и ставший полигоном реализации специальной программы комплексного развития, основанной на освоении гидроэнергетических ресурсов[24], или Аппалачский регион, который включил в себя полностью или частично территории 13 штатов, сочетавшие в своем развитии черты депрессивной старопромышленной провинции и консервативной сельской глубинки[25]. Примечательно, что выделение целевых регионов по типам социально-экономических проблем сосуществует в Соединенных Штатах с традиционной культурно-географической классификацией пространства страны на шесть основных регионов (Новая Англия, Среднеатлантический регион, Юг, Средний Запад, Юго-Запад, Запад) и административной «сеткой» субъектов федерации – 50 штатов, исторически конституировавшихся как территориально самоорганизующиеся гражданские политические сообщества (civil body politik). Это до некоторой степени объясняет, почему в США до сих пор не существует единственной общепризнанной классификации регионов и жестких, устоявшихся представлений о границах между ними: относительная автономность различных сфер общественной жизни обусловливает множественность приспособленных к ним и имеющих чисто функциональное назначение региональных структур.

Впрочем, феномен пространственного наложения нескольких функционально обусловленных региональных структур не является чисто американским. Он характерен – хотя и в гораздо меньшей степени – для ряда стран Европы, например для Германии, где еще до присоединения территорий бывшей ГДР в октябре 1990 г., наряду с 11 федеральными землями (Lander)[26], составляющими политический каркас регионализации, по признаку сходства, или однородности, социально-экономических проблем выделялись следующие целевые регионы: 1) территории «конурбаций» – перенаселенных промышленных агломераций Рурского индустриального бассейна, 2) аграрная периферия северной и юго-восточной Германии, 3) так называемая «зона пограничного пояса» – 30–50-километровая полоса территорий вдоль границы с ГДР[27]. Сегодня в рамках Европейского Союза в целях выравнивания уровней деловой активности и социально-экономического развития территорий, более прочного их сцепления в единое экономическое пространство Европы выделено несколько групп проблемных регионов, нуждающихся для структурных преобразований в финансовой поддержке ЕС: 1) периферийные регионы с низким (ниже 75% от среднего по ЕС) уровнем валового внутреннего продукта на душу населения (большая часть Испании, Северо-Западная Шотландия, Ольстер, Ирландия, восточные земли Германии, Южная Италия, Корсика, Греция и др.), 2) небольшие, дисперсно рассредоточенные по Западной Европе регионы затяжного структурного промышленного спада с заметными «сгущениями» на западе Шотландии, в северной Англии, северо-восточной Франции; 3) отсталые сельские регионы с низким уровнем социально-экономического развития и низкими доходами населения (Южная Франция, Центральная Италия, Уэльс, северо-восток Испании, германская зона бывшего «пограничного пояса»)[28].

Каждый из рассмотренных принципов идентификации регионов, несомненно, обладает своей строгой, неопровержимой логикой, и в связи с этим универсальный концепт региона (если он возможен в принципе) должен, по-видимому, определяться через нахождение общего теоретического основания, способного системно

интегрировать различные методологические подходы к интерпретации понятия «регион». Как территория, характеризующаяся однородностью природных и (или) социальных явлений, а также их сочетаний, относительно других территорий, регион должен рассматриваться как объективно существующая реальность. С другой стороны, эмпирически эта однородность территории ни в одном случае не основывается на абсолютном тождестве характеризующих ее элементов реальности. Следовательно, присущую региону однородность можно трактовать только концептуалистски, то есть лишь в том смысле, что в фиксируемых на данной территории единичных явлениях – какими бы уникальными они не были – присутствуют общие им свойства и признаки, которые могут быть подведены под категорию тождественного, однородного, однотипного. Соотношение гомогенности и столь же присущей любому региону гетерогенности можно уподобить единству непрерывности и дискретности в процессе развития объективного мира. Никогда невозможно абсолютно точно определить, в каких пределах территория может считаться однородной и целостной и в какой точке пространства наступает прерывность и отрицание этого качества. Решение данной проблемы возможно лишь через сугубо человеческое, социально обусловленное измерение объективной реальности, предполагающее, во-первых, соответствующий масштаб пространственно-временных сопоставлений и обобщений, во-вторых, определенную ценностную шкалу, согласно которой территория раскрывает свое значение для человека.

Для идентификации и целостного восприятия того или иного эмпирического региона проблема масштаба социального измерения имеет принципиальное значение. Эта мысль, например, имплицитно присутствует в обосновании используемого Ф.Броделем для исследований исторической географии Франции метода «больших протяженностей», который имеет отношение не только к доказательству необходимости глубоких ретроспекций, но в равной мере и к проблеме преодоления узких пространственных горизонтов видения национальной истории[29]. Рассматривая Францию как часть Европы и мира в целом и одновременно исследуя ее внутрирегиональные «инфраструктуры», французский историк фактически формулирует принципиальную для регионоведения методологическую установку: как целостная качественная определенность, или однородность, регион может рассматриваться только выступая структурным элементом более сложного, дифференцированного и разнородного целого. Данный вывод намечает еще одну важную линию осмысления концепта региона – его имманентное свойство выступать частью по отношению к целому. Второе (и самое главное) условие броделевского аналитического метода – значительная временная протяженность (longue duree). В нашем случае глубинный ретроспективный взгляд позволяет рассматривать качественную определенность региона, отличающую его от других территорий, как summa summarum совершаемого историей отбора наиболее устойчивых, неизменно повторяющихся и в этом смысле инвариантных признаков и свойств территориальной однородности. Это до некоторой степени объясняет, почему границы современных регионов часто обнаруживают, по словам Ф.Броделя, «вечно живое и по большей части не внятное сознанию наследие»[30], иными словами, имеют в своей основе уже исчезнувшие, эмпирически не наблюдаемые, слабо фиксируемые современной политической культурой, но все-таки смутно сохраняющиеся в укладе жизни, воспоминаниях, традициях протоструктуры прежнего территориального единства. Этот феномен на примере испанского «автономного региона» Валенсии убедительно раскрывает А.Н.Кожановский: на фоне сосуществования на территории Валенсии двух различных в языковом отношении «этносов» (каталонцев и испаноязычных валенсийцев), к тому же – имеющих свои внешние базы этнической поддержки, основой местного регионализма (и сохранения единства региона) продолжает выступать сознание «земляческое», или «областническое», постоянно

апеллирующее к реминисценциям средневекового прошлого — временам существования в составе Арагона полусамостоятельного Валенсийского королевства[31]

Базирующийся на широких пространственных и исторических генерализациях подход Ф.Броделя к выделению устойчивых, качественно определенных территориальных объектов во многих деталях совпадает с методом геополитического структурирования, впервые обоснованным Х.Дж.Маккиндером. Английский географ подчеркивал, что только крупные исторические генерализации, суммирующие индивидуальные события и явления в относительно устойчивые, направленные тенденции развития, способны объективировать и сколько-нибудь значительные географические обобщения, выражающие связь цивилизационных ареалов, стран и регионов с их географическим фундаментом[32] В контексте этой корреляции между историей и географией регион может рассматриваться в качестве объективной реальности, которая структурно вычленяется в пространственном континууме и содержательно раскрывается только в постоянном взаимодействии с общественным субъектом истории, его познавательной и практической деятельностью. При этом очевидно, что в выделении тех устойчивых признаков территориальной однородности, которые формируют региональное единство, субъективная рефлексия всегда отмечена известной свободой, способной нарушить обычные порядки детерминации. Тем самым, будучи объективно детермированным, концепт региона, в отличие, скажем, от концепта ландшафта, принадлежит к социоцентрическому «развертыванию» реальности.

Связь регионообразования с исторической практикой как целеполагающей деятельностью человека позволяет интегрировать в универсальный концепт региона и феномен целевых регионов. Последние можно рассматривать в качестве территориальных объектов, чья однородность в каком-либо отношении удостоверяется общественно-практической деятельностью человека. В этом случае граница того или иного региона — это тот пространственный рубеж, преодолевая который стандартные способы деятельности и стратегии развития становятся неэффективными и нуждаются в соответствующих видоизменениях. Возможно, именно такое понимание концепта региона и являлось аутентичным, на что указывает целый ряд исходных семантических парадигм латинского понятия «regio» Например, regio как «направление, линия движения» косвенно указывало на роль отношений «центр — периферия» в регионообразовании, то есть на нормативный способ выработки и трансляции государственной политики от центра к периферийным территориям. (Параллель с русским понятием «край» как синонимом земли, области, региона здесь очевидна, причем оттенок периферийности, который присутствует в русском слове «край», несет уже в большей степени не географический, а политико-культурный смысл) Regio как «пограничная линия, рубеж» — это, по-видимому, указание на тот естественный предел, за которым политика государственного центра сталкивается с совершенно новой реальностью и нуждается в изменениях. Наконец, латинское regio, восходящее изначально к глаголу «rego» — направлять, править, руководить, определять (границы), устанавливать (законы), подчеркивает прямую связь специфики территории и необходимости для нее в связи с этим известных институтов самоуправления — как наилучшей гарантии учета ее особенных потребностей и интересов. В этом отношении regio отчетливо противостоит римской provincia как централизованному способу управления территориями, связанному с посылкой из центра облеченных полномочиями магистратов (Если прибегать к лингвистическим параллелям, то на этот раз очень точным синонимом regio, отражающим перемещение центра принятия решений непосредственно на рассматриваемую территорию, является русское «область» = «об-власть»)

Подобная интерпретация концепта региона позволяет увидеть совершенно новые аспекты в логике регионообразования. Так, процесс регионообразования,

представленный в виде пространственной модификации моноцентрической системы социального управления, во многом раскрывает природу формирования крупных исторических государств, прежде всего, возникавших на довольно разнородном географическом фундаменте – часто на стыке цивилизационных платформ, где естественным образом происходит «диффузия» характерных для них признаков. Очевидно, что подобные государственно-политические системы могли возникать и существовать лишь повышая разнообразие структур и способов управления – независимо от того, достигалось ли это известной гибкостью систем централизованного контроля, автономизацией или федеративным переустройством государства. Описанный С.М.Соловьевым процесс формирования в XVI в. из разнородных этнических компонентов (азовцы, русские, «черкасы», севрюки, крымцы) донского казачества выразительно показывает логику превращения не имевшего отчетливой идентификации межцивилизационного средостения в одну из автономных земель Русского государства – Область Войска Донского[33].

При этом необходимо подчеркнуть, что особая – региональная – политика (система управления, стратегия развития) практически всегда играет активную роль в актуализации регионообразующих признаков – даже если не в их усилении, то, по крайней мере, в их консервации перед лицом модернистской унификации. Если на территории осуществляется особая культурная политика, то это является указанием на институциональное оформление региона, выделяемого по признаку культурной однородности. Однако подобные процессы, как правило, никогда не бывают изолированными – естественное внутрирегиональное сцепление различных факторов среды (например климата и почв с сельским хозяйством, сельского хозяйства – с традиционной культурой и т.п.) всегда будет иметь тенденцию к воспроизводству региональной однородности в более широком диапазоне признаков. Собственно же политика, рассматриваемая в универсальной функции многоотраслевого социального управления, по-видимому, в наибольшей степени обладает способностью не только к сохранению регионообразующих признаков, но и к их воспроизводству на совершенно новой основе. Этот процесс эскалации многообразия, или «новой региональной политики», в особенности характерен для последних десятилетий XX в. и зачастую вызывается не столько запоздало-догоняющей «регионализацией» общегосударственных политико-управленческих систем, сколько общецивилизационным процессом распада этих «больших систем» и соответствующим политическим реструктурированием, заданным «техническими» критериями демократизации политики (например федералистской идеей «распределения власти по более мелким политическим структурам...»)[34].

В «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ №803 от 03.06.1996 г. представление о регионе как об интегральном территориальном единстве практически всех природных и социальных признаков («часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий») главным образом задано универсальным кругом задач региональной политики («управление политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны»)[35], а не тем, что многие области и края России действительно соответствуют региональным общностям.

Таким образом, регион можно рассматривать в самом общем виде как территорию, целостность и качественная определенность которой детермированы, с одной стороны, объективным свойством однородности природной, экономической, социокультурной и (или) иной среды, с другой стороны, – исторически устойчивой структуризацией пространства, обусловленной формами познавательной и практической деятельности людей. В реальности, конечно, этот баланс объективных и субъективно-исторических факторов регионообразования может быть смещен как

в одну, так и в другую сторону: безусловно, есть естественные и исторические регионы, которые эмпирически удостоверяют свою качественную определенность, но в очень слабой степени подвергнуты институционализации, и, наоборот, есть немало случаев, когда всеобъемлющая политическая институционализация значительно превосходит степень региональной выраженности территории.

Пожалуй, единственная близкая к идеалу историческая модель регионализации, в которой политическая институционализация была максимально освобождена от внетерриториальных форм господства (финансы, технология и т.п.) и непосредственно исходила от территории и обусловленных ею принципов жизнестроения, – это феодальный (сеньориальный) строй Западной Европы. Для этого строя, по определению известного русского юриста С.А.Котляревского, характерно такое состояние, когда «политические отношения имеют территориальную окраску, а территориальные – политическую»[36] Эту же мысль подчеркивает географ В.А.Анучин, называющий политический строй европейского феодализма «регионализмом» «Территориальные различия в этот период были в значительной степени связаны с воздействием географического фактора, способствовавшего в тех условиях феодальной раздробленности и оказывавшего опосредствованное влияние на многие стороны общественной жизни до идеологии включительно»[37] Следствием этого являлось в известной мере и рассеянное состояние государственной власти, отдельные региональные «ячейки» которой находились в отношениях скорее договорной (хотя и сохранявшей иерархические ранги) координации, чем прямой субординации. Вместе с тем только на такой политической основе было возможно не символическое, но реальное существование таких наднациональных общностей, как например, европейский Pax Christiana.

То, что современный мир на новом – постмодернистском – витке развития «возвращается» к этой политической модели, заставляет по-новому взглянуть на закономерности континентальной и мировой геополитики, в частности, поставить в фокус исследований такую исходную единицу геополитического измерения, как «страна-регион», закономерно переходя от нее к изучению национального государства как «страны регионов». Возможно, только таким путем в последующем можно будет адекватно объяснить динамику изменений современной геополитической структуры мира, все более основывающейся на возрастающем региональном многообразии

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алаев Э.Б.* Экономико-географическая терминология. М., 1977 С. 47
2. *Джонстон Р.Дж* География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М., 1987 С. 65–67
3. *Шупер В.А.* Теория экономического ландшафта на фоне XX столетия // Вопросы истории естествознания и техники, 1995. № 4. С. 28.
4. *Туровский Р.Ф* Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 1995. № 3. С. 36.
5. *Hornby A.S* Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford, 1978 P. 542.
6. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М., 1988. С. 260.
7. *Алаев Э.Б.* Указ. соч. С. 50.
8. *Деменев А.И Морозов Г.Б.* и др Методологические основы и методические принципы определения эффективности региональной экономики // Проблемы политической экономии и региональной экономики. Свердловск, 1978. С. 3–4.
9. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. С. 257 345.
10. *Шупер В.А.* Указ. соч. С. 30.
11. Vidal de la Blache P.V.Principles of Human Geography N.Y 1926.
12. *Широкова Н.С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989. С. 207

13. Культура Древнего Рима. Т II. М., 1985. С. 270–271
14. *Баттимер А.* Путь в географию. М., 1990. С. 178–209.
15. *Ортега-и-Гассет Х.* Эссе об Испании // Иностранная литература. 1993. №4 С. 212
16. *Бродель Ф* Что такое Франция? Кн. I Пространство и история М 1994 С. 22–40
17. American Geography: Inventory and Prospects. Syracuse, 1954 P 9; Watson J.D. The Sociological Aspects of Geography // Geography in the Twentieth Century L., 1953. P 482
18. *Ортега-и-Гассет Х.* Указ. соч. С. 212.
19. *Широкова Н.С.* Указ. соч. С. 208.
20. *Джонстон Р. Дж.* Указ. соч. С. 69.
21. *Bridon D.* Regions and Center: The Literary Images of the Two Countries // Federalism in Canada Australia: Historical Perspectives. 1920–1988. Peterborough. 1989. P 488.
22. *Gore C.* Regions in Question: Space, Development Theory and Regional Policy L., 1984 P 8–10.
23. Backward Areas in Advanced Countries. L., Melbourne, Toronto, N.Y 1969. P 57–58, 59
24. США: организация государственных программ. М., 1980. С. 264–282
25. *Rothblatt D.N.* Regional Planning: The Appalachian Experience. Lexington, 1971 P 4–10.
26. Сами федеральные земли Германии можно относить к интегральным исторически сложившимся регионам в очень различной степени: наряду с землями, базирующими свою региональную идентичность на прочных исторических традициях (Бавария), существуют субъекты германской федерации, образовавшиеся путем довольно искусственного расчленения исторических земель старой Германии лишь во второй половине 1940-х гг. (например, выделенные из земель исторической Пруссии Северный Рейн–Вестфалия и Нижняя Саксония). Сегодня к ним добавлены еще пять восточных федеральных земель, «сконструированных» на базе 14-ти существовавших административных округов ГДР и по этой причине едва ли представляющих собой сложившиеся регионы. См. об этом: *Klatt H.* German Unification and the Federal System // Federalism, Unification and European Integration. L., 1993. P 2–3
27 Facts about Germany: The Federal Republic of Germany Gutersloh, 1982. P 125–126
28. Europe at Service of Regional Development. Luxembourg, 1994. P 6–7
29. *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 9–10.
30. Там же. С. 8.
31. *Кожановский А.Н.* Народы Испании во второй половине XX в. Опыт автономизации и национального развития. М., 1988. С. 16, 63.
32. *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904 Vol. XXIII № 4. P. 7
33. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III. С. 670–673.
34. *Ален А.* Национализм – федерализм – демократия. Пример Бельгии. Лувен, 1994. С. 51
35. Российская газета. 1996. 11 июня. С. 4.
36. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблемы правового государства. М.,1915 С. 181
37 *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982 С. 130, 144

THE CONCEPT OF REGION IN GEOPOLITICAL DIMENSION

The article deals with a wide range of the basic geographical concepts, such as «landscape», «rayon», «pays», and, finally, «region», in order to define them more distinctly. Special focus is made on the concept of region which is almost universal and frequently used in geographical and historical studies. The region is defined as a homogenous territory viewed at the crossing of objective «environmental» and subjective-historical determination lines. In author's view, such a way of thinking allows to combine all existing definitions of region (including authentic Latin paradigms). In real process of region-formation, there may be a variety of historical forms emerging within a complicated geopolitical correlation between politics and geographical fundamentals.

K.Zubkov

А.И.Татаркин

ДИАЛЕКТИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО В МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ РЕФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

Один из мудрых людей произнес однажды пророческие слова: «Найдите истинное значение слов, и Вы избавите мир от половины его заблуждений» Не претендуя на решение столь масштабной задачи в целом, о смысле слова «реформа» и разнообразных его вариациях хотелось бы высказать свои соображения. И не только потому, что оценки экономической политики на всех уровнях часто определяются отношением к реформе, а состояние общества объясняется трудностями его реформирования, но и потому, что истинное понимание значения этого слова возможно позволит правильно оценить последствия макроэкономических «реформ» и определиться в выборе наиболее эффективных направлений их развития.

По сложившимся в мировой практике критериям под реформой понимается процесс целенаправленного, сознательного и эволюционного качественного совершенствования общественного устройства в целях улучшения экономической основы государства, самого государства, духовных и культурно исторических основ жизнедеятельности людей. Иными словами, реформа всегда и при всех условиях призвана ориентироваться в отличие от революции на созидательное начало в социально-экономическом и общественно-политическом развитии. Причем созидание в самом широком смысле этого понятия должно охватывать экономику, государственное строительство, культуру, науку, искусство. Но прежде всего – экономику К сожалению, доминирующими в осуществляемой в России макроэкономической реформе являются не созидательные процессы (хотя и они имеют место), а процессы деструктивные, разрушительные по своей сути.

Речь идет в первую очередь о процессе разрушения производительных сил. Да, это характерно для кризисов. Через это проходят все страны с развитой рыночной экономикой всякий раз, когда иссякают источники экономического роста на базе старого производственного аппарата. Проходят через спад, через безработицу И выход из кризиса они обретают, как правило, на путях резкого обновления основного капитала, а также за счет инвестиций в человека, в работника, в его подготовку, в образование и науку, наконец.

Российские же реформы протекают по иному сценарию. Во-первых, разрушается производственный и трудовой потенциал не только старых, но и передовых, наукоемких предприятий и производств. При разумном экономическом подходе они могли бы стать основой возрождения России, а Уральского региона особенно. Если оценивать современную государственную политику в области науки и образования, то вряд ли следует говорить здесь о каких-либо конструктивных шагах. Трагизм «современной ситуации, – подчеркивает академик РАН Л.И.Абалкин, – не столько в масштабах разрушения, хотя они и равнозначны национальной катастрофе, сколько в отсутствии внутренних источников возрождения. Стремительно разрушается технологическое ядро экономики – научные школы и научно-технические центры, отрасли и предприятия высокой технологии, наиболее эффективные и конкурентоспособные производства» (Абалкин Л И Экономическая реформа зигзаги судьбы и уроки на будущее. М., 1995. С 67)

Во-вторых, реформа, точнее рыночная реформа, предполагает активное развитие товарно-денежных отношений, которые раньше имели второстепенное зна-

чение. На первом месте, как известно, были планово-распределительные методы централизованного управления. Однако сегодня вместо развития товарно-денежных отношений и соответствующей рыночной инфраструктуры мы наблюдаем повсеместный переход к тривиальному продуктообмену и обесцениванию национальной валюты. Во многом это происходит потому, что интенсификация товарно-обменных операций между товаропроизводителями, да и между регионами, наталкивается на нежелание федерального центра упускать из рук распределительные бразды правления. Только теперь Российский центр распределяет преимущественно деньги, а не оборудование и сырье. Но ведь деньги – это всеобщий эквивалент и необходимое средство обращения товаров, без которых полноценных рыночных отношений просто не может быть. Только по Свердловской области убытки от «бартерного» товарообмена составили в 1993–1995 гг по расчетам Института экономики УрО РАН, более 1 триллиона руб И эти убытки с каждым годом нарастают, как снежный ком, не только увеличивая социальную плату за реформы, но и отодвигая радужные рыночные перспективы от реформируемого общества

В третьих, реформа всегда и при всех условиях предполагает формирование новых мотивационных механизмов, в основе которых – свобода экономического поведения людей, коллективов и территорий в удовлетворении своих интересов и потребностей. Свобода, основанная на собственности как результате эффективного творческого производительного труда. Что мы имеем от первых макроэкономических преобразований? Достигнут прямо противоположный результат: производительный труд стал невыгоден, он не в чести, он своевременно не оплачивается, люди, занятые производством материальных благ и услуг, оказываются в самом низу имущественной пирамиды, наряду с учеными, учителями, инженерно-технической интеллигенцией, а накопленная ранее и создаваемая ныне собственность все чаще подвергается угрозе прямого отчуждения со стороны сил преступного мира.

В начале 1996 г., например, шесть из десяти промышленных предприятий разных форм собственности Урала работали не более двух недель в месяц, три – отправляли своих работников в отпуска без содержания на весь январь На девяти из каждых десяти промышленных предприятий происходит задержка с выплатой заработной платы. И лишь чуть более 10% предприятий работали без отпусков, без резких спадов производства и задержек в выплате заработной платы

Если учесть приведенные аргументы, то остается согласиться и с тем, что реформаторские процессы не стали определяющими в экономической политике и поэтому на вопрос: «Почему «буксует» реформа и не наступает долгожданного улучшения социально-экономической ситуации в России?!» – следует, не мудрствуя лукаво и не играя в политическую риторику, отвечать: «Не может буксовать то, чего нет». Не могут дать улучшения социально-экономической ситуации процессы, не нацеленные на повышение жизненного уровня населения и создание оптимальных условий (налоговых, кредитных, законодательных) эффективной работы товаропроизводителей всех форм собственности.

Следовательно, российскому обществу как воздух нужна подлинная реформа, нужен процесс созидания, а не разрушение «до основания» всего, что накоплено российским народом. Требуется реформа, которая имела бы четко определенные цели, учитывала общественно значимые интересы, совпадающие в основном и главном с жизненными целями и интересами каждого отдельного россиянина, территорий и отдельных коллективов. Только тогда она может служить основой экономической политики и объединять людей разных политических ориентаций. Только тогда эти самые россияне и будут эту реформу проводить в жизнь на местах, в регионах, в российской глубинке. Только тогда реформа будет опираться на общественное согласие, а не обеспечиваться силой оружия и авторитетом Министерства обороны.

Эти цели требуют прежде всего реализации модели того общества, которое мы собираемся строить, на которое ориентируем реформы. То, что это общество не может быть классически социалистическим или классически капиталистическим, на наш взгляд, не требует доказательств. Скорее всего будущее российского общества может быть представлено в виде некой интеграционной общественной системы, органически сочетающей отдельные черты и свойства социалистической и капиталистической систем. Американский экономист Дж.Гелбрейт назвал его обществом «конвергенции», но конвергенции (слияния) лучших качеств капитализма и социализма. К таковым он относил от капитализма – частную собственность и вызываемую ею конкуренцию товаропроизводителей; от социализма – планомерность как форму государственного регулирования рыночных отношений и их социальной ориентации.

Не ставя под сомнение предложенный вариант интеграции двух систем, хотелось бы видеть в будущем обществе такие характеристики общественного устройства, как многообразие форм собственности, социальные гарантии территориям, населению и трудовым коллективам, прогнозирование социально-экономического развития и некоторые другие.

Вопрос, как нам представляется, сводится к правильному выбору варианта развития рыночных отношений и формированию общества смешанного типа. Общества с развитой рыночной экономикой далеко не однозначны, они могут принимать разные формы: социально ориентированные (Швеция, Австрия, Финляндия), национально-корпоративные (Япония), «индивидуалистические» (США), «государственные» (Китай) и ряд других. И в зависимости от того, что именно мы хотим видеть в будущем обществе, используются цели и методы проводимых реформ.

Общий ход экономических реформ в Российской Федерации свидетельствует о том, что за основу выбран американский вариант «индивидуалистической» рыночной экономики, отражающей состояние хозяйственной системы США начала XX в. Результаты такого выбора достаточно очевидны.

В течение 1991–1995 гг. происходило уничтожение экономического потенциала России. Национальный доход за этот период уменьшился более чем на половину (для сравнения: с 1940 по 1945 гг. он снизился на 17%). По темпам сокращения валового внутреннего продукта Россия опередила Америку времен «великой депрессии».

Низкая эффективность выбранного курса связана с недоучетом и игнорированием следующих процессов: высокий уровень целостности хозяйственного комплекса России неизбежно резко понижал эффективность его функционирования в условиях ускоренного перехода от планирования к свободной структуре рыночных отношений; сохранение значительной доли предприятий государственной формы собственности также не могло не снизить эффективность рыночных преобразований, усиливающаяся международная конкуренция, обусловливающая необходимость сокращения сроков реконструкции хозяйственного комплекса России и формирования жесткой системы патерналистских мер, направленных на защиту интересов отечественных товаропроизводителей, по существу не реализована до сих пор; сложившийся в большинстве развитых стран высокий уровень социальной защищенности населения требовал от российского руководства более действенных мер; исторически сложившаяся низкая инвестиционная активность населения России была проигнорирована «архитекторами» макроэкономических реформ.

Указанные особенности резко снижают эффективность использования «американской модели» в проведении экономических реформ в Российской Федерации.

Поэтому дальнейшее углубление реформы требует существенной корректировки стратегии и тактики ее проведения.

В качестве возможных альтернативных вариантов экономических преобразований обычно рассматриваются следующие.

Формирование социально ориентированной рыночной экономики.

В рамках этого варианта приоритет отдается защите экономических интересов наемных работников Российской Федерации, а темпы и методы проведения экономических преобразований определяются исходя из возможности решения первой задачи. Преимуществом данной модели с экономической точки зрения является формирование более высокого по сравнению со странами с иными моделями рыночной экономики уровня трудового потенциала; ее недостатки – относительно низкий уровень предпринимательской активности населения, обусловленный, в частности, высоким уровнем налогов. Кроме того, эта модель может эффективно функционировать лишь при достаточно высоком уровне национального дохода, обеспечивающем, в частности, массовую бесплатную подготовку высококвалифицированных работников, в ином же случае ее использование может привести к стагнации национальной экономики. Сложившиеся в России элементы социально ориентированной экономики (бесплатное образование и здравоохранение, низкая квартплата и т.п.) традиционно создают предельно допустимую нагрузку на национальную экономику, поэтому в ближайшей перспективе можно говорить лишь об их сохранении, но не о развитии.

Формирование национально-корпоративной рыночной экономики.

В рамках данной модели главное – достижение такого уровня развития национальной хозяйственной системы, который обеспечивает занятие государством одного из ведущих мест в системе мировой экономики. Средством достижения этой цели становится повышение конкурентоспособности производимой продукции за счет сокращения фонда оплаты труда и одновременно – за счет повышения качества трудового потенциала. Механизм функционирования этой модели в какой-то степени парадоксален – производители готовы работать больше и с лучшим качеством, чем производители в других странах, получая за свой труд меньшую заработную плату. Разрешение данного парадокса достигается за счет использования следующих механизмов:

– развитое национальное самосознание – работник расценивает факт принадлежности к определенной социально-этнической группе выше, чем свой собственный статус в рамках этой группы. Иначе говоря, для него наиболее важным является место государства в структуре мирохозяйственных связей, чем свое собственное место в социально-экономической структуре данного государства,

– корпоративное самосознание – убежденность в том, что все члены общества, независимо от того, богатые они или бедные, являются *сотрудниками* в достижении общей цели – обеспечении преуспевания государства в целом;

– «патернализм» – работник не должен сам прилагать усилия для повышения своего статуса в социально-экономической структуре общества; его добросовестный труд будет обязательно отмечен сверху и приведет к желанным результатам;

– эффективная экономическая политика – убежденность в том, что усилия членов общества действительно приводят к желаемому результату – опережающему росту экономического могущества страны по сравнению с другими странами.

Определенные элементы национально-корпоративной рыночной экономики используются практически во всех странах, особенно эффективно данная модель была применена в Японии и в некоторых других странах Юго-Западной Азии. Вопрос об ее эффективности в России достаточно спорен. С одной стороны, некоторые черты русского самосознания (патриотизм, склонность к патернализму и корпоративности и т.п.) позволили бы относительно легко реализовать данную

модель, с другой – многонациональный состав Российской Федерации и значительный удельный вес русской диаспоры в странах Ближнего Зарубежья могли бы стать факторами, которые в случае реализации данной модели привели бы к непредсказуемым последствиям

Формирование «государственной» рыночной экономики.

Отличительная особенность данной модели – четкое разграничение политической и экономической сфер деятельности общества. Если в условиях традиционного капитализма экономическая и политическая власть неразрывно связаны, то в модели «государственной» рыночной экономики политические структуры сохраняют в своих руках всю полноту власти и способны жестко контролировать процессы формирования и функционирования рыночных отношений. Преимущества данной модели – возможность «ускорения» процессов преобразования и развития экономики страны; недостаток ее видится в склонности к субъективизму (отсюда – возможность стратегических просчетов с катастрофическими последствиями для экономики и опасность формирования коррумпированной экономики, в рамках которой экономический потенциал страны используется для обогащения ее политической верхушки) Предпосылками эффективного использования модели «государственной» рыночной экономики являются политическая стабильность в обществе; четко сформулированная долговременная экономическая программа; авторитет и компетентность управленческого аппарата в экономических вопросах; широкое использование института независимых экспертов разных школ и направлений; удовлетворенность предпринимательских кругов проводимыми экономическими преобразованиями; невмешательство государственных структур в непосредственную деятельность предприятий.

Возможность эффективного использования модели «государственной» рыночной экономики доказывает, в частности, опыт Китая и Южной Кореи. Что же касается Российской Федерации, то здесь, скорее всего, время упущено В современных условиях попытка любой партии взять в свои руки всю полноту политической власти (а это является непременной предпосылкой разделения политики и экономики) натолкнется на ожесточенное противодействие остальных партий и движений.

Несмотря на возможную эффективность рассмотренных альтернативных вариантов проведения экономических преобразований в Российской Федерации существующая расстановка политических сил в стране делает вероятным реализацию любого из них скорее всего в негативном ключе. Для предотвращения этого необходима выработка согласованного варианта концепции проведения экономических реформ в Российской Федерации, в наибольшей степени устраивающая представителей всех партий и движений и свободная от недостатков рассмотренных выше вариантов.

При разработке новой концепции проведения экономических реформ необходимо исходить из анализа реальных противоречий экономики и политики современной России. К их числу относятся:

– необходимость одновременного расширения фонда накопления и фонда потребления. Реконструкция устаревшей экономической базы большинства предприятий России требует многократного расширения инвестиционных потоков, а продолжающееся снижение уровня жизни населения приводит к необходимости перераспределения средств в пользу сферы социальной защиты населения, территорий и коллективов. В свою очередь, необходимость увеличения расходных статей бюджета входит в противоречие с необходимостью стабилизации финансовой системы Российской Федерации,

– временное сокращение платежеспособного спроса на продукцию предприятий группы «А» – в том числе предприятий военно-промышленного комплекса и, вместе

с тем, необходимость сохранения их высокого производственного, научно-технического и трудового потенциала. То же противоречие проявляется и в сфере научной деятельности, особенно в сфере фундаментальных наук,

– необходимость снижения себестоимости продукции предприятий России, обусловленная снижением их конкурентоспособности по сравнению с продукцией иностранных производителей, входящая в противоречие с требованиями работников этих предприятий постоянного и опережающего роста заработной платы;

– сохранение, а в некоторых случаях и усиление различных форм государственной поддержки ряда предприятий, организаций и предпринимательских проектов при одновременном отказе от вмешательства органов управления в процессы их функционирования, развития и реализации,

– объективное усиление роли региональных органов управления в процессах экономических преобразований при сохранении значительной части властных полномочий в руках федеральных органов. Неравноправие различных субъектов федерации;

– необходимость политической стабилизации – основного условия устойчивости и последовательности экономических преобразований и усиливающееся противостояние различных партий и движений;

– экономическая целесообразность восстановления и развития национального самосознания и политическая опасность национализма.

Исходя из отмеченных противоречий можно определить ключевые (приоритетные) элементы обновленной концепции экономических реформ в России, способных существенно активизировать реформаторские процессы и обеспечить позитивный результат.

Прежде всего необходимо перейти не на словах, а на деле, от жестко централизованной схемы формирования экономической политики к схеме, обеспечивающей реальное местное самоуправление, управление на уровне регионов, всячески поощряя и усиливая роль ассоциаций областей и республик России. Региональное управление – это наднациональное управление, гарантия целостности России, путь к укреплению, а не расшатыванию федеративных основ. Именно при наличии такой схемы можно сформировать в рамках региональных хозяйственных комплексов крупные самоуправляющиеся подсистемы: финансово-промышленные и промышленно-финансовые группы, сети технополисов и т.д., восстановить на новой основе нормальное, а не доведенное до абсурда, планирование территориального развития с использованием рыночных регуляторов; отладить систему разработки межотраслевых балансов, что делается сегодня во всем цивилизационном мире, куда мы так стремимся попасть. Это не ностальгия по прошлому, а объективная необходимость, с которой надо считаться. Японское правительство, принимая в 1988 г Новый экономический план, не боялось быть зачисленным в красно-коричневые

Коренной вопрос экономических реформ – налоговая политика федеральных органов власти. Деньги – всеобщий эквивалент: эквивалент, в частности, уральским недрам, земле, продуктам труда живущих на ней людей. Изымая в виде налогов не только прибавочную часть созданной на территории стоимости, но и необходимую для поддержания экономической жизни, мы убиваем реформу, веру в нее, нарушаем права собственности граждан на продукты своего труда, на соответствующую долю прибыли, не объясняя, куда и зачем расходуются аккумулированные центром денежные ресурсы, во всяком случае, не делая этого гласно. Если говорить о демократии всерьез, а не играть в нее, то первое, что необходимо сделать, это хотя бы раз отчитаться Правительству перед своим народом о постатейном использовании государственного бюджета, о том, куда направлены средства Пенсионного фонда, на каком основании планируется консолидировать, централизовать фонды обязательного медицинского страхования и занятости населения и т.д. Сегодня

совершенно очевидно, что при сохранении существующего налогового пресса на товаропроизводителей, мы в 1996 г завершим разрушение отечественного сектора экономики до основания, разрушим, а никак не реформируем экономику России.

Принципиальным, с точки зрения перспектив экономических преобразований в уральском экономическом регионе, да и в России в целом, является решение проблемы конверсии предприятий военно-промышленного комплекса. Сегодня происходит уже во многом необратимый процесс разрушения производительных сил оборонного комплекса, утрачивается, распыляется громадный интеллектуальный и производственный потенциал военной индустрии.

Необходимо в кратчайшие сроки, во-первых, дополнить оборонную доктрину России конкретным планом производства вооружений и военной техники, рассчитанным на период до 2000 г. Во-вторых, сформировать на этой основе устойчивый оборонный заказ предприятиям, объединив последние в центры вооружений. В-третьих, обеспечить неукоснительную дисциплину расчетов военных ведомств с предприятиями за произведенную спецпродукцию. В-четвертых, определить перечень государственных оборонных казенных заводов и начать управлять ими по-государственному, с учетом интересов России. В-пятых, разработать государственную программу военно-гражданской интеграции, способную обеспечить «перелив» высоких технологий оборонного комплекса в отрасли, занятые производством гражданской продукции. В-шестых, в рамках селективной государственной финансовой поддержки выделить в качестве приоритетов не только предприятия, отрасли (сегодня это, в первую очередь ТЭК), но и территории, наукограды, закрытые административно-территориальные образования, способные стать «полюсами роста», прогрессивного развития прилегающих к ним территорий в силу того, что в этих центрах накоплен колоссальный научно-технический и кадровый потенциал.

Институтом экономики уральского отделения Российской академии наук отработаны и уже реализованы методологические и практические подходы по формированию и функционированию технополисов как центров социально-экономической стабилизации и роста (технополисы «Заречный», «Новоуральск» и др.).

Принципиален вопрос об отношении к крестьянству: либо мы своими руками создаем рынок сбыта иностранным производителям сельхозпродукции и окончательно попадаем в жесткую экономическую зависимость, давим свои селян посредством недобросовестной конкуренции, либо поворачиваемся лицом к своему крестьянину, не важно кто он – фермер или член коллективного хозяйства. Сегодня страну кормят не фермеры, и они не скоро ее накормят, при всем к ним уважении. Скудеющие молочные реки и мясо идут из крупных хозяйств. Можно, конечно, поставить их на колени ценовой, налоговой политикой, заставить принимать удобную политикам организационно-правовую позу, но от этого деревенские, сельские (а не хуторские) крестьянские сообщества лучше работать не станут. Надо признать, что в России люди привыкли работать сообща, плохо ли, хорошо ли, но привыкли: само размещение производительных сил на селе – это основа главным образом для коллективных хозяйств. Такова историческая обусловленность. Следовательно, пора прекратить игры с реорганизациями, а выслушать, если угодно, крестьянские наказы. В свое время большевикам хватило мудрости какое-то время не идти поперек крестьянским интересам. А кто сегодня знает мнение селян, кто к нему по большому счету прислушивается в демократических кругах?

Урал мог бы, что называется, одеть и прокормить себя сам, но при условии, что будет снято действие общесистемных факторов негативного свойства, если на уровне региона при поддержке центра нам удастся выработать протекционистскую политику по отношению к своему крестьянству. Хватит пичкать людей зарубеж-

ными отбросами, поить «кристально чистой» импортной водкой, от которой они болеют и умирают.

В этой связи возникает другой, очень важный вопрос экономической реформы, а именно: определение на основе анализа конъюнктуры мирового рынка приоритетов развития внешнеэкономической деятельности регионов, разработки концепции реконструкции их хозяйственных систем при максимальном сохранении экономического потенциала, формирование механизмов такой реконструкции за счет использования возможностей мировой экономической системы. Это предполагает определенные конфигурации и разработку механизма формирования специальных зон хозяйствования – региональных секторов экономики, каждый из которых в максимальной степени охватывает технологический цикл производства продукции, соответствующий приоритетам развития региона. Целесообразно разработать систему льгот и преференций, направленных на привлечение иностранных инвестиций в данные зоны хозяйствования и сформировать оптимальный механизм их использования. В отношении Уральского экономического района данные зоны могут быть сформированы на основе сложившихся технологических укладов и системы внутрирегиональных хозяйственных связей (продукция машиностроения, металлургии и металлообработки, особо чистых материалов, высокотехнологичной продукции оборонного комплекса).

Требуется существенно усилить социальную направленность реформ. Ни для кого не секрет, что гробов сегодня в России (не исключение и Урал) требуется больше, чем пеленок, и это действительно страшно. Демографические показатели – квинтэссенция экономического спада. Надо разработать четкие социальные индикаторы экономических преобразований, определить социальные параметры будущей экономической системы как главные целевые установки реформы. Эрхард, строя социально ориентированное рыночное хозяйство в послевоенной Германии, оценивал любые правительственные решения с точки зрения их социальных последствий: повысился жизненный уровень большинства населения или нет? Вот он – главный критерий. По нему надо мерить успехи и ошибки реформы, и, что очень важно, успехи и ошибки авторов решений, будь то федеральный или местный уровень власти. Необходимо, стало быть, связать власть ответственностью не за то, сколько приватизировано на территории предприятий, сколько появилось чисто рыночных структур и других политэкономических результатов, а за то, сколько людей, находящихся во властной зависимости у того или иного начальника, стало жить счастливее.

Острейшая социальная проблема для Урала – рост безработицы. Особенно тяжелое положение в Курганской области, Удмуртской республике, Коми-Пермяцком автономном округе. Но и на территории других областей и республик Урала есть зоны, где уровень официально признанной безработицы перевалил за 11%. Это зоны подлинного социального бедствия. Данный вопрос в июне 1995 г. рассматривался на заседании Совета ассоциации экономического взаимодействия республик и областей Урала; подготовлен и направлен в адрес Правительства, Государственной Думы пакет предложений по объединению усилий федеральных и региональных органов в решении проблем занятости населения.

Так или иначе, но все вышеперечисленные проблемы не могут быть реализованы, на наш взгляд, без решения вопросов восстановления управляемости социально-экономическим развитием общества и его регионов. Речь идет именно о восстановлении, так как сегодня практически потерян контроль государства как над экономикой, так и над процессами в социокультурной сфере. События так называемого «черного вторника» – это лишь прелюдия к черной полосе. Вероятно, только сегодня мы можем в полной мере оценить и понять смысл фразы «анархия – мать

порядка» Нынешнее смутное время – это та мать, которая может родить новый диктаторский порядок, отбросив общество на века в своем развитии.

Единственный способ не допустить этого – отладить систему управления, оптимизировать организационные структуры власти, распределить на научной основе функциональную нагрузку между всеми ее звеньями, особенно между центром и регионами, субъектами федерации, а не стягивать вновь, как это происходит до сих пор, все функции управления в столицу, наращивать и без того громадный государственный аппарата в центре. Нужна проработанная и выверенная концепция оптимальной модели организационных структур законодательной и исполнительной власти как в центре, так и на местах. Такую концепцию надо заказывать науке, на нее нельзя скупиться и создавать впопыхах. Все устали от бесконечных экспромтов слияния, объединения, сокращения, увеличения и т.п. Уральские ученые могли бы предложить здесь свои услуги, использовать научные заделы в этой области.

Конкретным шагом по разграничению сфер компетенции федеральных и региональных органов власти и управления на научной основе стал договор между Российской Федерацией и Свердловской областью, подписанный 12.01 1996 г Президентом России Б.Н.Ельциным и Губернатором области Э.Э.Росселем. Договор, а также семнадцать соглашений, принятых в его развитие, позволили, во-первых, узаконить колоссальные наработки ученых и инициативу региональных руководителей по определению и закреплению социально-экономического статуса области как субъекта Федерации, во вторых, инициировать дальнейшее развитие реформ как на макроэкономическом, так и на региональном уровне, которое способно работать на конечный, а не на промежуточный результат; в-третьих, подключить к процессам реформирования российской экономики местные органы власти и управления, поскольку без их участия процесс реформирования общества не может получить законченного характера.

Основными каналами экономической связи между субъектами федерации и центром должны остаться федеральный бюджет и кардинально измененная налоговая политика, но экономический механизм их взаимодействия должен основываться на двух требованиях: во-первых, сохранение исторически сложившейся производственной специализации регионов со сформировавшейся инфраструктурой (социальной, кадровой, научной и др.); во-вторых, постепенный перевод предприятий специализации на рыночные условия хозяйствования при активной законодательной и иной поддержке федеральных, региональных и местных органов власти и управления

Для реализации этих требований целесообразно в первоочередном порядке проработать с участием регионов и местных сообществ вопросы разграничения собственности и использования доходов от нее, включая использование природных ресурсов; распределения госсобственности по властной вертикали и закрепления складывающегося статуса органов разного уровня; разработки федеральной промышленной политики с определением специализации регионов и территорий, перечнем отраслевых и территориальных приоритетов в федеральном промышленном комплексе; закрепления механизма ее реализации на каждом уровне хозяйствования; обеспечения приоритетности развития общерегиональной инфраструктуры (энергетики, транспорта, связи, информатики, космоса и т.д.); преобразования налоговой системы из единой в многоканальную, реализации принципа «ни один из уровней власти не является посредником другого в осуществлении полномочий по отношению к гражданам», реформирования финансовой политики, и прежде всего повышения доли региональных бюджетов в консолидированном бюджете, утверждения принципа экстерриториальности всех льгот по федеральным налогам,

закрепления права регионов устанавливать любые налоговые ставки в пределах средств, зачисляемых в собственные бюджеты.

Целесообразно обратить особое внимание на институционализацию организации бюджетно-налоговых отношений. Практика культурно-явочного установления региональных и территориальных льгот, дотаций и субвенций должна быть заменена созданием специальной комиссии по дотациям под патронажем Госдумы и при участии Минфина России и департамента налоговой политики Министерства финансов. Их задачей должен стать гласный и открытый поиск консенсуса со всеми заинтересованными сторонами, проведение непредвзятого анализа объективных причин и последствий перераспределения федеральных средств в пользу отдельных регионов.

Необходимо сокращение числа «раздражающих» и приносящих ничтожный доход местных налогов с переносом центра тяжести на несколько интегрирующих и весомых, предложения по которым неоднократно высказывались в печати производственниками, научными работниками и политиками разного уровня

Одним из вариантов реализации региональной политики является, как указывалось выше, практика заключения договоров федеральных органов власти с ее субъектами. Начало этим процессам положили Татарстан, Башкортостан, ряд других республик. В частности, подписанный Президентом Российской Федерации Б.Н.Ельциным и Губернатором Свердловской области Э.Э.Росселем договор «О разграничении предметов ведения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти Свердловской области» и 17 соглашений во исполнение этого договора четко определяют компетенцию каждой стороны и главное – механизм ее реализации и защиты.

В подписанном договоре и соглашениях закреплено:

1. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области. В договоре закреплено, что вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерацией и субъектов Российской Федерации Свердловская область обладает всей полнотой государственной власти.

2. Расширен круг предметов совместного ведения между Федерацией и субъектами Федерации, закрепленных в статье 72 Конституции Российской Федерации. Согласно договору, к совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Свердловской области отнесены:

– создание условий для структурной перестройки Свердловской области;

– создание условий для восстановления минерально-сырьевой базы области;

– регулирование вопросов, связанных с переработкой и использованием драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на предприятиях области;

– организация функционирования предприятий оборонного комплекса, расположенных на территории Свердловской области, за исключением вопросов производства вооружений и военной техники;

– развитие агропромышленного комплекса области, включая создание зернового фонда Свердловской области;

– сертификация и лицензирование отдельных видов деятельности на территории области;

– осуществление согласованной кадровой политики при осуществлении предметов совместного ведения и полномочий, определенных договором,

– организация прохождения службы, альтернативной воинской.

3. Определен механизм реализации органами власти Свердловской области своих полномочий. К числу важнейших элементов механизма можно отнести

законотворческую деятельность области и государственную защиту областных законов, согласованное принятие и участие области в реализации федеральных программ на ее территории, установление системы органов государственной власти Свердловской области, порядка их формирования, организации и деятельности; создание и функционирование Уставного суда области; решение вопросов административно-территориальных единиц и населенных пунктов с соблюдением прав и свобод граждан и единства экономического пространства; самостоятельное формирование бюджета области, установление административной ответственности за нарушение областных законов и иных правовых актов области, а также нормативных органов местного самоуправления; определение границ государственной собственности и управления ею; создание и функционирование областного банка, организация государственной службы в области; самостоятельное установление и сбор областных налогов и др.

4. Возможность области инициировать решение на федеральном уровне любых других вопросов разграничения компетенции и полномочий, которые могут повысить результативность реформ и эффективность функционирования российской экономики. В частности, признано целесообразным сохранить за областью право инициировать переход в областную собственность некоторых федеральных объектов, более эффективное использование налогов и сборов и др.

Исследуя возможности углубления реформ, нельзя обойти молчанием проблему совершенствования взаимоотношений субъектов федерации с низовыми структурами – местными органами. Вопросы управления низовыми административными единицами – городами и районами, процессами их развития и интеграции в условиях рынка имеют не меньшую актуальность, чем управление регионами.

Тезис о «регионализации реформы» здесь понимается неоднозначно. Для некоторых это звучит как призыв к «суверенизации», к дальнейшему дроблению административных единиц, к появлению новых руководящих постов и собственных вотчин. Но регионализация должна предусматривать прежде всего рост экономических возможностей территорий, активизацию их экономической деятельности, формирование рыночных мотивов и стимулов к инициативе и предпринимательству, максимальному использованию собственных ресурсов.

На Урале образовалась постоянно меняющаяся и весьма дробная структура административно-территориального деления. Всего здесь 215 административных единиц уровня города и района, а если считать с районами внутри крупных городов, то число это превышает три с половиной сотни. Число этих единиц в ходе реформы не уменьшается, а наоборот растет. Так, в Свердловской области в 1992–1993 гг. появились две самостоятельные территории, а после выборов в Государственную Думу России более полтора десятка городов и поселков районного и городского подчинения, проведя референдумы, претендует на административную самостоятельность или стремятся стать городом «областного подчинения».

При всем сочувствии к подобным стремлениям, понимании необходимости развития реального местного самоуправления, приходится констатировать, что экономическая основа такой самостоятельности далеко не всегда экономически продумана.

Она продолжает носить преимущественно политический, а часто и исключительно демографический характер, обостряя и без того сложную ситуацию на территориях. На эти цели продолжают тратиться бюджетные средства, отвлекаются профессиональные кадры управления, деформируется общественное мнение населения, что заметно ухудшает конечные результаты работы этих территорий. В результате, в каждой области и республике Урала увеличивается число районов дотационных (от 60 до 75%), свыкшихся с финансовой опекой, и зачастую, объективно не способных к самостоятельному развитию. С другой стороны, города

и районы-«доноры» не испытывают желания продолжать подобную практику из-за нарастания собственных нерешаемых проблем.

Поэтому регионализация реформы подразумевает и объединение усилий, потенциалов на главных направлениях, причем прежде всего с собственными соседями. Возникает необходимость перехода от этапа суверенизации к этапу интеграции в различных формах. Крайне необходима структуризация этих процессов.

Возможные типы подобной интеграции уже осуществляются по инициативе самих регионов, с помощью правительства областей Урала и при методическом содействии Института экономики УрО РАН. Прежде всего Ассоциации взаимодействия территорий возникают на базе общих производственных связей и территориальных особенностей. Подобная структура складывается, например, в Северном регионе Свердловской области, на базе пяти горнометаллургических центров и четырех агролесных районов. Прорабатывается экономическая концепция объединения их усилий для совместного развития. Сказать, что этот процесс близится к завершению, сегодня еще нельзя. Но уже есть некоторое представление о подходах и критериях, которые помогут инициировать эти процессы и направить их на решение социально-экономических проблем территории и всего региона.

Другой перспективный тип интеграции усилий территорий – создание «полюсов роста» с «зоной внедрения». В настоящее время институтом экономики УрО РАН предложена концепция «полюсов роста» инновационного профиля на базе высоких технологий и интеллектуального потенциала городов военно-промышленного комплекса, в первую очередь ядерно-промышленного. Разработана Программа формирования технополиса «Заречный», в стадии разработки находится аналогичная программа создания инновационных центров на базе городов Свердловск-44 и Свердловск-45; в перспективе – Челябинск-70 и Челябинск-65, Верхняя и Нижняя Салда, Глазов и ряд других. Всего на Урале может быть создано около 10–15 подобных центров, которые бы стали источниками стабилизации и территориями (центрами) технологического и социально-экономического развития.

Ряд объединений городов и территорий формируется на базе решения крупных проблем, причем не только областного, но и межобластного значения, в частности, по реализации Программы реабилитации населения Челябинской, Свердловской и Курганской областей, пострадавших в Восточно-Уральской зоне радиоактивного загрязнения. Программы взаимодействия регионов Свердловской области и Тюменского Приуралья для освоения нефтегазовых ресурсов и создания топливной базы Среднего Урала. Аналогичные объединения возможны для решения проблем рекреационного освоения Южного Урала, реконструкции Горнозаводской Полосы Урала и т.п.

Подобные объединения городов и районов функционируют результативнее, если производственная кооперация сопровождается финансовым и организационным объединением. Положительно сказывается целевое объединение внебюджетных фондов территориального развития, создание трастовых, холдинговых и акционерных компаний под межтерриториальные производства, развитие финансово-промышленных и промышленно-финансовых групп отраслевого и территориального характера. Причем, для Урала наиболее эффективным является создание финансово-промышленных групп и компаний на базе одного или нескольких стабильно работающих предприятий с подключением уральских и других банков, инвестиционных (страховых, пенсионных) и торговых компаний, а также физических лиц. Подобные структуры формируются в виде акционерных обществ открытого типа, хотя могут использоваться и другие организационные формы (трастовые, холдинговые и т.п.), с четким разграничением производственно-финансовых и инвестиционно-коммерческих обязанностей каждой входящей в ПФК структуры.

Для Уральского региона преимущества финансово-промышленных групп (компаний) видятся в следующем.

Во-первых, сохраняется исторически сложившаяся специализация региона как горнопромышленного центра и производителя продукции оборонных отраслей и тяжелой промышленности. Это обстоятельство вызывает особое беспокойство, поскольку непродуманная ориентация федеральных и территориальных органов на развитие рыночных структур в ущерб сложившейся специализации территорий, приоритетная поддержка малого и среднего предпринимательства при подавлении крупных (особенно государственных) предприятий способны усилить кризисные явления и привести страну к экономическому банкротству Безусловно, малый и средний бизнес нуждается в поддержке. Но не за счет и, главное, не в ущерб крупному. Требуется структурно переориентировать экономику, не разрушая сложившуюся специализацию, не ломая насильственно профиль крупных предприятий, определяющих специализацию Урала и отдельных его территорий.

Во-вторых, с созданием производственно-финансовых групп и компаний на базе перспективных предприятий появляется возможность «притянуть» из других регионов свободные денежные ресурсы и сбалансировать натурально-вещественную и стоимостную формы производимых на Урале товаров. Пока что кризисное состояние уральской экономики во многом усугубляется именно диспропорцией между натурально-вещественной и стоимостной формами движения уральских товаров, особенно заметной в промышленно развитых областях и республиках Урала – Свердловской, Челябинской, Пермской и Удмуртии. Если доля Урала в производстве промышленной продукции Российской Федерации практически не изменилась с 1990 г и находится на уровне 17%, то его доля в наличном денежном обороте сократилась существенно, с 12,4% в 1990 г до 7,2% в 1995 г Следствием углубляющейся диспропорции становятся массовые неплатежи и бартерные обмены, возрастающие затраты на производство и заметное его ограничение, ухудшение социальной обстановки из-за длительных задержек заработной платы урезанного финансирования социальных программ и т.п.

Проведенный Институтом экономики УрО РАН анализ возможных вариантов сбалансирования указанных процессов в Уральском регионе показывает, что стабилизация ситуации возможна посредством создания промышленно-финансовых групп и компаний на базе устойчиво работающего предприятия или группы однородных (технологически связанных) предприятий. Попытки решить эти вопросы через массовое дотирование предприятий из федеральных или областных источников может лишь продлить «болезнь», но не ликвидирует ее. Практика Удмуртской ФПГ «Уральские заводы», Свердловской «Драгоценности Урала» наглядно это подтверждает

Наконец, в-третьих, созданием и функционированием промышленно-финансовых групп и корпораций можно ускорить процессы вхождения российских товаропроизводителей в мировой рынок, приоритетного инвестирования производств, обеспечивающих структурный поворот к рыночным требованиям, социальную ориентацию проводимых реформ.

Реализация высказанных предложений может обеспечить надежное действие всех факторов улучшения социально-экономической ситуации в регионе и окажет позитивное влияние на стабилизацию общественной жизни в Российском обществе, продолжит и углубит начатые экономические реформы, придаст им необратимый характер, не столько с макроэкономической, сколько с территориальной направленностью. Макроэкономическими реформами достигнуто главное запущен маховик рыночных реформ, которые, как бы их ни оценивали, создали необходимые условия для становления и развития рыночных отношений на федеральном уровне На очереди не менее сложная проблема – довести макроэко-

номические реформы до каждой территории, каждого трудового коллектива и отдельного жителя. Только «просеянные» через особенности регионов и «привитые» к конкретным задачам развития каждой территории и производственного коллектива, выстраданные ими макроэкономические реформы начнут приносить реальные дивиденды людям, так долго и терпеливо сносящим все невзгоды реформаторских преобразований.

THE DIALECTICS OF THE FEDERAL AND REGIONAL IN MACROECONOMIC REFORMS

Critically assessing the Russian macroeconomic reform accomplishing now, the author suggests the key elements of the renovated conception of economical reforms. It is aimed at significant activation of Russian process of reformation and securing positive outcome. The leading role is assigned to a scheme of economical policy formation which would ensure dialectical interaction of federal and regional bodies of power, real local selfgovernment and administration at the regional level.

A.I Tatarkin

Ю.В.Перевалов

УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ

Ход экономической реформы в стране однозначно свидетельствует о необходимости разработки и проведения обоснованной региональной политики, учитывающей условия и особенности конкретного региона, интересы проживающего в нем населения. В идеале она должна иметь две составляющие: федеральную (политика федеральных органов власти в отношении данного региона) и собственно региональную, проводимую органами власти и управления региона.

Сегодня у федеральных органов власти отсутствует четкая и ясная, последовательная и дифференцированная региональная политика. Региональные органы власти заняты «тушением пожаров»: решением острых, но сиюминутных проблем. Все это самым негативным образом сказывается на положении дел в регионах, даже таких мощных, как Уральский экономический район (УЭР).

Экономическая реформа и экономика Урала

УЭР по своему экономическому потенциалу второй (после Центрального) экономический район России. Имея лишь 4,8% территории страны и 13,8% населения, регион производит почти 16% всей промышленной продукции (в том числе почти половину всей стали и проката черных металлов), примерно 13% – сельскохозяйственной, по некоторым оценкам, дает более 20% прибыли.

Урал – регион старопромышленный. Его роль исключительна на всех этапах развития Российского государства: до революции, в годы индустриализации, во время Второй мировой войны, в период послевоенного восстановления народного хозяйства, создания ракетно-ядерного щита, освоения природных ресурсов Сибири и т.д. Обеспечивалась эта роль во многом за счет населения: по продолжительности жизни, чистоте окружающей среды, развитию социальной сферы Урал стабильно занимал среди экономических районов страны последние места.

К сожалению, плохо продуманная и непоследовательная экономическая реформа не только не способствовала решению старых проблем Урала, но и породила новые. И сегодня уровень жизни в УЭР по большинству показателей не достигает даже среднероссийского: 97% от средней по России среднемесячной зарплаты при доле стоимости набора основных продуктов питания в денежных доходах, превышающей среднюю по стране на 15–80%; 93,9% – по розничному товарообороту на душу населения; 86,9% – по объему платных услуг на душу населения; 78,6% – по обеспеченности населения домашними телефонами Регион является к тому же самым «грязным» в России: дает почти четверть всех российских выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, не говоря уже об отравленных реках, озерах, земле.

Но, на наш взгляд, значительно большее беспокойство должна вызывать происходящая структурная деформация промышленности региона. За последние четыре года доля машиностроения и металлообработки снизилась в 1,6 раза, а электроэнергетики – возросла в 3,9 раза, топливной промышленности – в 1,7 раза, черной металлургии – в 1,5 раза. Резко упала также доля легкой промышленности (в 4,2 раза) и пищевой (в 1,8 раза).

Явно утрачивается машиностроительная специализация региона, что проявляется не только в снижении доли машиностроения, но и в чрезвычайно низкой загрузке производственных мощностей. по многим видам машиностроительной продукции коэффициент загрузки не превышает 10–15%. Урал – монополист по производству бульдозеров (90%), мотоциклов (70%), стиральных машин (39%), производил почти треть металлорежущих станков, пятую часть грузовых автомобилей. Сегодня же коэффициент использования мощностей по производству газовых турбин составляет лишь 3,0%, паровых – 8,5%, вагонов магистральных – 25,8%, синтетических смол и пластмасс – 16,4%.

Обвальная конверсия грозит полным разрушением потенциала ВПК, доля которого в промышленности Урала всегда была достаточно велика и в котором объем производства военной продукции сократился только в течение 1991–1994 гг более чем в 4 раза.

Статистика свидетельствует, что регион постепенно превращается в поставщика сырья и материалов низкой степени обработки, становится местом размещения «грязных» производств. Показательным примером является в этом отношении черная металлургия Свердловской области. Добыча железной руды в 1995 г по сравнению с 1990 г в физических единицах сократилась примерно на 17%, производство чугуна – на 21,7%, стали – на 36,9%, проката – на 42,2%. Аналогичная ситуация в цветной металлургии, и не только в Свердловской области

Необходимо, наконец, отметить сильную изношенность основных фондов в промышленности Урала, достигшую по отдельным отраслям 60–80%.

Региону грозит экономическое вырождение. Поэтому для Урала региональная политика – это прежде всего политика структурных преобразований, без которых невозможно решение ни социальных, ни экологических проблем региона.

Теоретические и методологические основы структурной политики

Структурные преобразования являются средством разрешения возникающего противоречия между изменившейся системой общественных потребностей и структурой материального производства, распределения ограниченных ресурсов между отраслями. Важнейшее значение в возникновении такого противоречия и в его разрешении играет НТП, преобразующий как потребности, так и ресурсную базу экономики.

В соответствии с теорией длинных волн в экономике и разработанной на ее основе теорией технологических укладов (ТУ) именно смена технологического

уклада (совокупности технологически связанных производств, сохраняющих целостность в процессе своего развития и охватывающих замкнутый воспроизводственный цикл) является основным содержанием революционного этапа НТП.

В результате смены технологического уклада происходят изменения в общественном разделении труда, в распределении ресурсов между отраслями, что приводит к экономическому росту и усилению конкурентоспособности экономики.

В экономической литературе выделяют шесть технологических укладов, сменявших друг друга в XIX–XX веках, в каждом из которых доминировало технологическое «ядро» в виде определенной группы отраслей.

Первый ТУ – текстильная промышленность и соответствующие отрасли машиностроения. Второй ТУ – угольная промышленность, черная металлургия, тяжелое машиностроение. Третий ТУ – электроэнергетика, электротехническая промышленность. Четвертый ТУ – химическая и нефтехимическая промышленность, цветная металлургия, химическое машиностроение, автомобилестроение. Начавшийся с конца 70-х годов пятый ТУ опирается на производство вычислительной техники, микроэлектронику, приборостроение, радиоэлектронную промышленность. И, наконец, передовые страны мира начали переход к шестому ТУ, основанному на информационных технологиях и телекоммуникациях, роботостроении, биотехнологиях.

Россия пока медленно переходит к пятому ТУ, отставая от стран-лидеров на один уклад. Более того, реформа (и в частности, конверсия) самым отрицательным образом (в том числе на Урале) сказалась на отраслях, составляющих «ядро» пятого ТУ На Урале только в оборонном комплексе более 35 предприятий представляют отрасли, входящие в ядро пятого технологического уклада. И наиболее существенное сокращение численности занятых произошло, в частности, на предприятиях радиоэлектронной промышленности.

Особенностью нынешнего этапа развития экономики России является полное отсутствие механизма структурных преобразований. Существовавший до начала реформы централизованный механизм распределения ресурсов ликвидирован; рыночный механизм структурных преобразований пока не создан.

Мировой опыт структурной региональной политики

В теории региональной экономики существуют два противоположных подхода к регулированию регионального развития. Неоклассическое направление полагает, что различия в развитии регионов являются временными и устраняются рыночным механизмом. Неокейнсианское направление считает рынок плохим регулятором региональных диспропорций, которые при таком «регулировании» только углубляются. Устранить же региональные диспропорции, по мнению неокейнсианцев, может только программно-целевая деятельность государства.

Опыт использования этих подходов в проведении структурной политики в депрессивных районах Великобритании (Шотландия), Германии (Рур), США (Аппалачи)[1] свидетельствует, что, во-первых, нужна их некая комбинация рыночный механизм должен действовать, но в рамках, устанавливаемых целевыми программами развития. Во-вторых, результаты государственного вмешательства зависят от правильности постановки целей и выбора объектов регулирования кризисные или передовые отрасли. Так, государственная поддержка кризисных отраслей сама по себе бесперспективна, поскольку представляет собой попытку «заморозить» устаревший технологический уклад (т.к. поддержка происходит за счет перспективных отраслей). Эффективна поддержка лишь высокотехнологичных и наукоемких производств в кризисных отраслях и их диверсификация

Несмотря на схожесть проблем Урала и депрессивных районов Великобритании, Германии, США, еще более ценен, по нашему мнению, послевоенный опыт Японии, которая столкнулась с проблемами восстановления промышленного производства (в том числе полной конверсии ВПК) и возвращения своего статуса мировой экономической державы, а также опыт Японии 80-х годов в создании региональных «полюсов роста» Это было сделано за счет программно-целевого подхода и инновационного обновления промышленности.

В условиях России стратегическое вмешательство государства (как на федеральном, так и на региональном уровне) в структурную перестройку неизбежно, поскольку необходимо не только реализовать модель «догоняющей» экономики (а она, как показывает опыт Японии, Южной Кореи, Сингапура, успешна лишь при активном участии государства), но и дополнять (корректировать) не сформированный пока в полном объеме рыночный хозяйственный механизм.

Концепция структурных преобразований экономики Урала

Экономика региона, являясь неотъемлемой частью российской экономики, не может не подчиняться общим закономерностям развития последней. Вместе с тем перспективы экономики Урала в значительной мере определяются также ее конкурентоспособностью. К сожалению, ситуация в целом не очень утешительная. Объем промышленного производства в УЭР за 1990–1995 гг упал практически так же, как и в целом по стране. В Свердловской области падение было даже более значительным. Тем не менее в регионе есть отрасли промышленности, которые выглядят предпочтительнее на фоне общего кризиса соответствующих отраслей в РФ. Так, спад производства в машиностроении и металлообработке Свердловской области на 38% ниже, чем по отрасли в целом; в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – на 35%, в химической и нефтехимической – на 26%; в легкой промышленности – на 25%, в черной металлургии – на 15%; в пищевой и промышленности стройматериалов – на 10%. Таким образом, целый ряд отраслей промышленности обладает явным конкурентным потенциалом, который необходимо использовать. Важно подчеркнуть, что это не связано с усилением экспортной деятельности предприятий Урала, как полагают некоторые специалисты. Объем экспорта в УЭР с 1990 по 1995 гг упал почти в 2 раза больше, чем в РФ.

При формировании стратегии экономического развития региона важно учесть его сильные и слабые стороны. К сильным сторонам можно отнести развитое промышленное производство (особенно военно-промышленный комплекс), богатые и разнообразные природные ресурсы, высококвалифицированную и дешевую рабочую силу, удобное геостратегическое положение, уже реализуемые отдельными отраслями конкурентные преимущества. Не менее существенны и слабые стороны: специализация на тяжелой промышленности, где созданы избыточные мощности, моноотраслевая ориентированность ряда небольших городов и поселков, производство не конечной, а промежуточной продукции, значительный износ основных производственных фондов, экологические и социальные проблемы и т.п.

Долгосрочная стратегия развития региона могла бы основываться на традиционной (статической) теории сравнительных преимуществ. Однако при недостатке капитала и избытке природных ресурсов и относительно дешевой рабочей силы это неизбежно привело бы к ориентации на развитие горнодобывающей (экспортоориентированной) и трудоемких отраслей промышленности, таких, как сборочные производства в машиностроении Поэтому, по нашему мнению, стратегия развития Урала должна исходить из концепции динамических (потенциальных) сравнительных преимуществ, то есть быть не антидепрессионной, а структур-

но-инновационной, обеспечивающей не только сохранение, но и усиление роли региона в экономике России и мира.

Исходя из этого в процессе структурных преобразований экономики Урала следует выделить два этапа – среднесрочный и долгосрочный.

Долгосрочной стратегической задачей является формирование на Урале «интеллектуальной структуры» материального производства («ядра» шестого ТУ), обеспечивающей региону достойное место в международном разделении труда

Современные информационные технологии достаточно активно внедряются в экономику региона. Кроме персональных ЭВМ, всевозможных автоматизированных рабочих мест, информационно-поисковых систем, локальных сетей, число которых выросло в регионе за последние годы в десятки раз, на Урале уже в течение нескольких лет функционирует целый ряд компьютерных сетей: SPRINT РОСПАК, СИТЕК и т.д. Наиболее массовой из них является RELCOM, имеющая узлы и терминальные пункты практически во всех крупных городах региона На базе ведомственной сети УралВЭС (Уральское Ведомство Электронных Сообщений) создана закрытая сеть обмена финансовой информацией для банков региона и региональная валютная биржа.

Вместе с тем работа по информатизации экономики носит пока в регионе несогласованный, локальный характер и требует как организационной так и ресурсной поддержки. Актуальным является, например, создание региональной интегрированной информационной компьютерной сети, блочное внедрение новых информационных технологий и т.п.

Стратегическая задача ближайшего этапа – обеспечить подъем промышленного производства и рационализацию материального производства региона для достижения конкурентоспособности региональной экономики.

Под рационализацией, по аналогии с проводившейся в Японии в послевоенные годы политикой рационализации промышленности[2], следует понимать комплексную рационализацию материального производства, включающую рационализацию его структуры, отраслей, предпринимательской среды, предприятий

Рационализация структуры материального производства должна, по нашему мнению, предусматривать увеличение доли потребительского и инфраструктурного комплексов, включая развитие сферы услуг, транспортной сети и связи, систем охраны окружающей среды, переработки и передачи информации и т.п. как в производственной, так и в непроизводственной сферах. Ориентиром здесь может служить структура валового внутреннего продукта (ВВП) развитых стран, где доля производства услуг достигает 65–70% в общем объеме ВВП (в РФ – около 40%, на Урале – еще меньше).

Важное значение имеет **рационализация отраслевых комплексов**, которая должна иметь две взаимодополняющие стороны. развитие конкуренции и создание условий для сотрудничества предприятий внутри отрасли.

В ходе экономической реформы на Урале были ликвидированы монопольные структуры, объединявшие отраслевые предприятия, такие, как «Уралчермет» «Уралэнерго», объединения лесной, местной промышленности и т.п. Только в Свердловской области самостоятельность получили предприятия, входившие в 12 горнорудных и металлургических объединений, 7 объединений машиностроения, 6 – лесопромышленного комплекса, 3 – химического, 3 – топливно-энергетического и т.п. Вместе с тем это не всегда обеспечивает ликвидацию монополизма, поскольку значительное число промышленных предприятий Урала являются основными производителями той или иной продукции в стране Всего по Уральскому региону в Государственный реестр РФ монополистов включено более 700 предприятий, в том числе более 250 – в его федеральную часть.

По нашему мнению, однако, большинство предприятий-монополистов достаточно безобидны и не препятствуют развитию конкуренции в регионе. По крайней мере, анализ ситуации в Свердловской области показывает, что рост цен на продукцию и изменение объемов производства в большинстве отраслей промышленности никак не коррелируют с долей монопольной продукции в общем объеме производства отрасли.

Так, в цветной металлургии области, доля монопольной продукции в которой составляла в 1994 г 12,9%, падение производства было одним из наиболее значительных в 1990–1994 гг (на 38% больше, чем по промышленности в целом), а цены на продукцию отставали от роста цен в промышленности на 31%. Аналогичная ситуация в черной металлургии и машиностроении. В то же время очень четко проявляется монополизм такой отрасли, как электроэнергетика. Регулируемые цены росли значительно быстрее, чем в среднем цены в промышленности: за 1990–1995 гг они увеличились в 28848 раз против 13218 раз в целом по промышленности. Средняя зарплата в электроэнергетике в 1995 г более чем в 1,5 раза превышала среднюю зарплату по промышленности в целом, хотя производительность труда по сравнению с 1989 г упала в электроэнергетике на 51%, а в промышленности – только на 38%. Интересен, однако, тот факт, что при спаде производства промышленной продукции на 56% спад в электроэнергетике составил лишь 40%.

Это подтверждает теорию «захвата» Стиглера, согласно которой «регулируемые» государством отрасли используют такое «регулирование» для улучшения своего финансового положения за счет потребителей Для устранения монополии следует отделить распределяющую сеть от производителей (в ходе приватизации, наоборот, даже бывшие до этого самостоятельными ТЭЦ были включены в состав региональных энергетических компаний) и ввести среди производителей конкуренцию (используя, в частности, контрактную систему для стимулирования их эффективной работы). Аналогичные меры следует также применить в отношении железнодорожного транспорта, связи и т.п.

Другой стороной рационализации отраслевых комплексов является, как уже отмечалось, создание условий для сотрудничества предприятий внутри отрасли. Как свидетельствует мировой опыт, наиболее эффективную конкуренцию создают крупные интегрированные или дифференцированные корпорации. Финансово-промышленные группы (ФПГ), формируемые сейчас в стране, являются не только формой такой интеграции, но и соединением промышленного, финансового и торгового капитала, что особенно необходимо в отечественных условиях, когда промышленные предприятия не имеют нормальной сбытовой сети, достаточных оборотных средств и, тем более, инвестиционных ресурсов.

В регионе созданы одни из первых в стране ФПГ «Уральские заводы», объединившие 10 промышленных и одно строительное предприятие, научно-исследовательский институт, два торговых предприятия, чековый инвестиционный фонд, два банка и одну страховую компанию, «Драгоценности Урала», куда вошли добывающие и обрабатывающие предприятия золото-платиновой подотрасли Урала и ювелирные заводы (5 предприятий), инвестиционная компания, коммерческий банк.

Функционирование предприятий в составе ФПГ позволяет им улучшить координацию и кооперационные связи, повысить эффективность использования ресурсов за счет их концентрации на приоритетных направлениях развития, ускорить оборот финансовых средств, усилить маркетинг и, в конечном счете, создать преимущества уральским предприятиям в условиях достаточно жесткой конкуренции с иностранными фирмами на отечественном и особенно мировом рынках. Проведенный в Институте экономики УрО РАН анализ свидетельствует, что по-

тенциальной основой для создания ФПГ в регионе могут быть также оборонные и конверсируемые предприятия, предприятия горнодобывающей промышленности, строительного комплекса (жилищное строительство) и др.

Важную роль в рационализации материального производства в регионе должно сыграть **развитие инновационной предпринимательской среды**. Структурная перестройка материального производства требует обновления технической базы производства, внедрения новых, ресурсосберегающих технологий, перехода на выпуск высокотехнологичной, наукоемкой, конкурентоспособной продукции. Однако на Урале, как и во всей РФ, единый процесс воспроизводства нововведений оказался разорванным: есть источники инноваций (весьма развитая академическая, вузовская и отраслевая наука, которая, к сожалению, из-за невостребованности несет существенные потери), есть потенциальные потребители — предприятия региона, но нет звеньев, где идею можно было бы довести до «товарного» вида и подготовить к внедрению в производство.

Таким недостающим звеном, перспективной формой интеграции науки и производства в мире стали технополисы и технопарки. В настоящее время их насчитывается более 500, в том числе почти 200 – в Западной Европе. Технополисы и технопарки создают благоприятные условия для предпринимательской деятельности в сфере наукоемких технологий и высокотехнологичной продукции, представляют инновационным фирмам развитую деловую инфраструктуру, обеспечивают их необходимыми услугами, консультациями, информационной, организационной, финансовой и прочей поддержкой.

Для предприятий (НИИ, НПО) ВПК Урала, имеющих значительный инновационный потенциал, который разрушается в результате обвальной конверсии (численность занятых в научно-исследовательских институтах и подразделениях ВПК на Урале сократилась за период экономической реформы более чем в 3 раза), преобразование в технопарки будет способствовать сохранению этого потенциала, ускорению трансферта оборонных технологий в производство гражданской продукции и товаров народного потребления.

Институтом экономики УрО РАН разработана концепция создания сети технополисов на Урале на базе так называемых «закрытых» и «полузакрытых» городов ВПК, имеющих не только высокий научно-технический, производственный, кадровый потенциал, но и развитую инфраструктуру, и переживающих в настоящее время серьезный кризис. Кроме уже созданного технополиса в Заречном (Свердловская область), подготовлены обоснования для создания технополисов в Новоуральске (Свердловск-44), Лесном (Свердловск-45). Потенциальными объектами для формирования технополисов являются также «закрытые» города Челябинской области (Челябинск-70, Челябинск-65), города Воткинск и Глазов в Удмуртии. Разработаны также предложения по созданию технопарков на базе конверсируемых НИИ и НПО.

Не менее полезной может оказаться идея технопарков для предприятий депрессивных отраслей, например, горнодобывающей. Как уже отмечалось, поддержка депрессивных отраслей сама по себе бесперспективна, так как способствует консервации устаревшей структуры производства и сложившегося технологического уровня. Однако она может стать эффективной, если будет опираться на внедрение в производство новых технологий.

Институтом экономики УрО РАН разработана и реализована также концепция создания технопарка экологической направленности на базе Высокогорского горно-обогатительного комбината (г. Нижний Тагил), целью которого является решение социально-экономических и экологических проблем города путем развития современных природосберегающих технологий, переработки техногенных образований, структурной перестройки производства комбината. Технопарки создаются также

при Уральском отделении Российской академии наук (технопарк «Академический») и при УГТУ–УПИ (технопарк «Уральский»).

Развитие инновационной предпринимательской среды в регионе имеет важнейшее значение для решения не только задачи рационализации материального производства, но и стратегической идеи формирования на Урале «интеллектуальной структуры» материального производства.

Следующим направлением (уровнем) развития регионального материального производства является **рационализация предприятий**, причем рационализация комплексная, включающая не только техническое перевооружение, но и совершенствование управления, реструктурирование.

Основной для большинства промышленных предприятий региона стала стратегия выживания. Интересно, однако, что это не классическая стратегия экономии расходов, которая описана в монографиях по стратегическому управлению и рекомендуется для периодов экономической неопределенности, спада производства, дефицита финансовых средств и т.п. Составными элементами такой стратегии являются снижение текущих затрат, сокращение персонала, снижение запасов, прекращение обновления оборудования, откладывание инвестиционных проектов. На предприятиях Свердловской области, например, хотя инвестиционная деятельность практически остановлена (в 1994 г на развитие и совершенствование производства в промышленности направлено лишь 5,2% всех использованных денежных поступлений, в первой половине 1995 г – 2,4%), численность занятых за 1990–1994 гг сократилась всего на 19,3% (при падении объемов производства за тот же период на 53%), а запасы и затраты в структуре оборотных средств только за первую половину 1995 г увеличились с 42,6% до 46,2% Не свидетельствует о проведении жесткой экономии и очень распространенная практика поездок руководителей предприятий (в том числе находящихся в тяжелейшем финансовом положении) на бесполезные семинары за рубеж.

В то же время большинство директоров оправдывает тяжелое положение своих предприятий внешними обстоятельствами. налоговым прессом, кризисом неплатежей, задержкой поступления средств за государственный заказ, инфляцией, отсутствием протекционизма по отношению к отечественным производителям и т.п.

Хотя эти причины, несомненно, имеют место, отсутствие серьезных попыток экономии затрат показывает, что на промышленных предприятиях реализуется весьма своеобразная стратегия выживания, называемая западными специалистами по управлению «стратегией надежды на лучшее будущее», – стратегия, которую рекомендуется избегать, поскольку она свидетельствует о «туманном будущем и управленческой глупости»[3]

К сожалению, варианты, заданные Государственной программой приватизации, хотя и обеспечили формально контрольный (или близкий к нему) пакет акций в управлении коллективам предприятий, фактически, через механизм доверенности и создание параллельных закрытых акционерных обществ, обеспечили право контроля прежнему руководству, которому часто весьма сложно, если вообще возможно, перестроиться для работы в условиях рыночной экономики. По крайней мере, целый ряд крупных предприятий Урала («Уралмото», «Уралтекс» и др.) попали в тяжелейшее финансовое положение из-за того, что директора со стажем не решились остановить или хотя бы существенно сократить объем производства в первые годы реформы, что привело к затовариванию готовой продукцией (росту незавершенного производства), к необходимости получения кредитов под огромные проценты для продолжения производства и т.д.

Практически ничего пока не делается по реструктурированию предприятий региона. Для промышленности Урала характерны предприятия-гиганты, такие, как Уралмаш, Уралхиммаш, Уралвагонзавод, Нижнетагильский и Магнитогорский

металлургические комбинаты, Уралтрак и т.п. Но и средние по размерам предприятия обладают весьма громоздкой и неэффективной производственной структурой. Они создавались по принципу натурального хозяйства, с развитыми вспомогательными и обслуживающими подразделениями, социальной сферой. Такая структура требовала огромных дополнительных затрат, но была необходима для нормальной, бесперебойной работы предприятия в условиях всеобщего дефицита (что было особенно важно для предприятий ВПК, где в ряде случаев создавались даже авиатранспортные подразделения, обеспечивающие оперативную доставку комплектующих и т.п.).

В рыночной экономике такие предприятия становятся неконкурентоспособными из-за высоких издержек производства. Поэтому логика развития большинства промышленных предприятий, по нашему мнению, состоит в их реструктурировании. В ходе реструктурирования целесообразно выделить в самостоятельные предприятия (акционерные общества) подразделения, которые неэффективно иметь дальше в составе предприятия. К ним можно отнести убыточные подразделения неосновного производства, выделение которых не окажет существенного влияния на производственный процесс, подразделения неосновного производства с избыточной производственной мощностью, выпускающие неконкурентоспособную продукцию (услуги), которой насыщен рынок; возможно, некоторые подразделения (непрофильные, например) основного производства, если это позволит привлечь дополнительные инвестиции со стороны, при этом загрузить производственные мощности, повысить эффективность производства; наконец, подразделения, на базе которых можно создавать инновационные предприятия, если это ускорит процесс доработки и внедрения в производство инноваций. Формы реструктурирования зависят от целей и конкретных обстоятельств: от полностью самостоятельных до дочерних обществ.

Подразделения, остающиеся в составе предприятия, должны быть четко разделены на «стратегические центры», «центры прибыли», «центры затрат» Особое внимание следует уделить вопросам трансфертного ценообразования.

Естественно, что все структурные преобразования на предприятии должны быть предварительно обоснованы. В институте разработан подход, позволяющий моделировать финансовые результаты тех или иных вариантов реструктурирования.

Приоритеты ближайшего периода

Для рационализации материального производства необходимы средства, которые отсутствуют у находящихся в кризисе предприятий. Поэтому необходимо сначала обеспечить подъем промышленного производства в регионе, направляя полученные средства на рационализацию материального производства

Из-за дефицита ресурсов структурная перестройка – всегда селективная. Особенно важен выбор объектов селективной поддержки для решения ближайшей задачи – подъема промышленного производства.

Критериями выбора отраслей – объектов селективной поддержки – могли бы быть: 1) влияние отрасли на совокупный спрос (с учетом смежных отраслей, отраслей-поставщиков); 2) влияние отрасли на совокупное предложение (с учетом отраслей-потребителей и косвенного эффекта, в том числе на потребительский рынок с неудовлетворенным спросом); 3) влияние отрасли на совокупное увеличение экспорта.

Для отбора объектов по таким критериям можно использовать разработанную в Институте экономики региональную динамическую модель, учитывающую сложные прямые и косвенные взаимосвязи в хозяйственном комплексе региона. На основании предварительных соображений, к числу потенциальных объектов под-

держки можно было бы отнести отдельные отрасли машиностроительного комплекса, выпускающие, в частности, оборудование для нефтегазовой, горнодобывающей и металлургической промышленности (особенно оборудование, обеспечивающее комплексное использование сырья) – отраслей, производящих продукцию на экспорт (одним из таких совершенно реальных проектов, требующих, однако, определенного лоббирования, является участие уральских предприятий в реконструкции Самотлорского месторождения)

Это позволило бы в условиях низкого внутреннего спроса увеличить объем экспорта или снизить его себестоимость и получить дополнительные средства, большую часть которых необходимо направить на рационализацию материального производства региона.

Поддержка отраслей, ориентированных на неудовлетворенный потребительский спрос (продовольствие, жилье и т.п.), способствовала бы привлечению к рационализации материального производства средств населения:

Поддержка должна предоставляться всем предприятиям, находящимся в технологической цепочке, если это необходимо для увеличения конечного эффекта.

Механизм реализации структурных преобразований

Механизм реализации структурных преобразований региональной экономики должен, по нашему мнению, включать три основные (функциональные) подсистемы:

— мониторинга и анализа – для сбора, систематизации и обработки данных о развитии процессов, происходящих в материальном производстве региона, выявления и оценки тенденций;

— планирования и прогнозирования – для прогнозирования развития процессов на перспективу, постановки целей и приоритетов, разработки программ, конкретных мероприятий для реализации целей и задач, увязки мероприятий с ресурсами и во времени, корректировки программ и планов;

— стимулирования, регулирования и организации – для создания заинтересованности у субъектов хозяйствования в благоприятных для региона структурных изменениях, для организации структурных преобразований и осуществления регулирующих воздействий на них в соответствии с ходом их реализации и изменениями внешней среды, для координации усилий региональных органов власти и предприятий и организаций разных форм собственности.

Программно-целевой подход довольно широко применяется сейчас в регионе. Экономический комитет по программам развития Урала разрабатывает общеуральские, но частные программы. Программа «Урал» Уральского отделения РАН является научно-исследовательской, состоит из отдельных, не связанных между собой проектов, и тоже не может решить такую проблему, как структурная перестройка экономики региона. Несомненным препятствием для создания единого регионального механизма структурных преобразований является неоформленность региона как объекта управления. Несмотря на наличие общеуральских органов, таких, как Ассоциация экономического взаимодействия областей и республик Урала и Экономический комитет по программам развития Урала, Уральской экономический район пока представляет собой лишь совокупность областей и республик, не объединенных не только экономически, но даже идеологически.

Более реально поэтому создание механизмов реализации структурных преобразований на уровне субъектов Федерации (с возможным объединением таких механизмов в перспективе). Однако и в областях, и в республиках Урала пока разрабатывается множество программ, посвященных отдельным аспектам структурной перестройки и, как правило, весьма плохо согласованных между собой. Только

в Свердловской области, например, за последние годы с участием института были разработаны среднесрочная программа развития области, комплексная программа конверсии оборонных предприятий, программа устойчивого развития. Кроме несогласованности, в этих программах отсутствует необходимая в условиях многообразия форм собственности индикативность.

Сложным является вопрос с финансированием структурных преобразований. Целесообразно создание специального фонда, средства из которого использовались бы для финансирования конкретных проектов, вошедших в программу структурных преобразований. Источниками образования этого фонда могли бы быть не только часть налогов, собираемых на территории и поступающих в областной бюджет, привлеченные средства и т.п., но и часть прибыли, полученной хозяйствующими субъектами в результате организационной деятельности территориальных органов управления. Например, в результате создания организационных и финансовых предпосылок для партнерства машиностроительных предприятий Свердловской области с нефтедобывающими предприятиями Западной Сибири: областные гарантии, вексельные взаиморасчеты и т.п.

Финансирование структурных преобразований должно быть в максимальной степени ориентировано на использование привлеченных средств. Бюджетные средства должны использоваться на создание условий привлечения инвестиций со стороны: для упорядочения областной залоговой системы, формирования инновационной предпринимательской инфраструктуры (технопарков, технополисов), организации ФПГ, реализации конверсионных проектов в виде дочерних обществ конверсируемых предприятий, организации эмиссий акций приватизированных предприятий с целью привлечения средств на структурные инвестиционные проекты, обеспечения благоприятного климата структурных преобразований и т.п. Необходимо вводить также поэтапное конкурсное финансирование проектов.

Правильно построенная система финансирования создает определенные стимулы к структурным преобразованиям. Но более сильным элементом стимулирования является льготное налогообложение. Сегодня практически отсутствуют льготы для инновационной деятельности, для высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Продекларированные Законом РФ «О финансово-промышленных группах» налоговые льготы не реализованы пока даже в устранении НДС на финансовые и материальные потоки внутри ФПГ. В федеральном законе и в проекте областного закона Свердловской области льготы малым предприятиям не распространяются на малые предприятия, образованные на базе реорганизованных (ликвидированных) подразделений предприятий и т.д. Вместе с тем у областей и республик Урала есть все возможности для создания системы льготного налогообложения структурных преобразований хотя бы за счет областных налогов и части федеральных налогов, поступающих в областные (республиканские) бюджеты (с анализом эффективности предоставленных льгот и их корректировкой в случае необходимости).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зарубежный опыт антидепрессионной региональной политики / В.В.Алексеев, К.И.Зубков и др. Екатеринбург: Наука, 1992.
2. *Кравцевич А.* Политика рационализации промышленности Японии: уроки для России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио: Научно-исследовательский институт промышленной политики, 1995. С. 57–139.
3. *Thompson A.A., Strickland III A.J.* Strategy Formulation and Implementation. Tasks of General Manager. Plano, Texas: Business Publications, Inc., 1983. P. 168.

THE URAL REGION: PROBLEMS OF STRUCTURAL REFORMATION OF THE ECONOMY

Appealing to the world experience of regionalism, the author substantiates the necessity of the well considered regional policy coordinated with economical reforms. This policy should embrace both impulses of the future and inertia of the past. The base of such policy should become a strategy of development acknowledging dynamical (potential) comparative advantages. So, it should not be an anti-depressive strategy but rather structural-innovational one, capable of strengthening of the position of the region in the economy of Russia and the world.

Yu.V.Perevalov

А.Т.Шашков

ВОЕВОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В XVII в. (ВЕРХОТУРСКИЙ «РОЗЫСК» О СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЯХ 1678–1679 гг. И СУДЬБА Я.Б.ЛЕПИХИНА)

Среди разрядов сибирских служилых людей особое место в XVII в. занимали дети боярские, которым приходилось выполнять ответственные поручения военного и административного характера. Из их числа формировался высший командный состав урало-сибирских гарнизонов, они участвовали в военных походах и боевых действиях, строили остроги, назначались на приказные должности, им предписывалось организовывать новые слободы, заниматься сбором ясака, доставкой хлеба и соли и многим другим. При сравнительной немногочисленности детей боярских на востоке страны они играли важную роль в сфере управления, поскольку в отличие от Европейской России, где эта категория служилых людей «по отечеству» составляла низшую прослойку феодального класса и зачастую мало чем отличалась от приборного населения, здесь они представляли собой своеобразную служилую «аристократию» Некоторые из них даже занимали воеводские должности. Не случайно в окладных книгах и других официальных документах того времени дети боярские, как правило, записывались с полным именем, хотя и без отчества на «вичь»[1]

Наряду с обычной практикой верстания «подрослей» детей боярских в службу в «выбылые оклады» их отцов и ближайших родственников и переводом из других городов, эту категорию нередко пополняли ссыльные, в том числе «иноземцы», служилые из приборных «начальных» людей (казачьи атаманы и головы, стрелецкие сотники, пятидесятники и десятники), служители сибирских церковных иерархов, представители местной родоплеменной знати, приказной администрации и даже гулящие и тяглые люди. Не было в этом отношении исключением и Верхотурье.

Так, например, в 1657 г сюда был сослан из Москвы «за непристойные слова» на вечное поселение «рыленин» Юрий Арсенев, которого велено было по государевой грамоте поверстать в верхотурские дети боярские с годовым денежным окладом в 15 руб. и соответствующим хлебным жалованьем. Через год он получил прибавку (3 руб. и хлеба «против денег»)[2] Верхотурский сын боярский Измайло Коптев был поверстан в 1649 г из архиепископских детей боярских. Ему был передан 15-рублевый «выбылой» оклад верхотурского сына боярского Андрея Перхурова, «а за хлебное жалованье» он служил «с пашни»[3] В том же году в Верхотурье был

переведен из Енисейска «иноземец» Андрей Бернацкий, за которым сохранился на новом месте его прежний оклад (20 руб. денег, 20 четей ржи, 15 четей овса) В 1652 г. ему прибавили 3 руб., 3 чети ржи и 8 четей овса[4] В 1661 г был переведен из Тюмени и поверстан в верхотурские дети боярские бывший татарский голова Афанасий Бибиков, за которым, очевидно, также сохранился его прежний 10-рублевый оклад. Впоследствии место Афанасия займет его сын Михаил (в 1666 г ему было 16 лет, а сам он являлся еще неверстанным «подрослем»)[5] В 1663 г на приказчика Белослудский слободы Федора Каменского, занимавшего ранее должность подьячего Верхотурской приказной избы, был уже заготовлен воеводой И.Б.Камыниным указ о верстании его в дети боярские в «выбылой» оклад Василия Муравьева[6], который составлял 10 руб. денег, 10 четей ржи и 10 четей овса, однако в слободе его «воровские татары сожгли». Поэтому вместо него в том же 1663 г верхотурским сыном боярским стал его сын Федор[7] В 1664 г был поверстан в верхотурские дети боярские назначенный в 1657 г из Москвы приказчиком Ирбитской слободы Федор Головков[8] В середине – второй половине XVII в. служили в верхотурских детях боярских князья Семен Пелымский и его сын Петр[9] Из стрелецких десятников был поверстан воеводой Л.Т.Измайловым в верхотурские дети боярские основатель Чусовской Уткинской слободы Панкрат Томило Нефедьев. Во время разбора служилых людей Тобольского разряда 1659/60 г его верстание, произведенное «без государева указа и без тобольской отписки», было признано незаконным, а сам он был возвращен в прежний «чин». Тем не менее Нефедьеву удалось добиться пересмотра этого решения, и в 1661 г. ему, учитывая его возраст и заслуги в деле устройства новых слобод, разрешили «быть... по-прежнему в детях боярских» с сохранением 7-рублевого оклада[10] Впоследствии оба его сына, Федор и Иван Томиловы, также служили в детях боярских по Верхотурью[11]

В первой половине XVII в. пополнение слоя детей боярских за счет приборных служилых и даже тяглых людей было в Сибири из-за нехватки кадров явлением достаточно обычным. Не случайно в одном из документов 1632 г подобного рода верстание объяснялось весьма просто: «На Верхотурье розсылки детем боярским многие, а детей боярских на Верхотурье мало, и к государевым делам приставить неково»[12]. Однако уже со второй половины столетия государство берет ситуацию под жесткий контроль.

Так, уже упоминавшийся выше «розыск» 1659/60 г., производившийся тобольским воеводой И.А.Хилковым, выявил 33 случая незаконных или подозрительных с точки зрения администрации верстаний в дети боярские и ряд необоснованных «придач» к жалованью. Главным критерием здесь являлось наличие или отсутствие по каждому конкретному случаю «государевых указных грамот»[13] И хотя этот «розыск» не во всем отличался последовательностью, создавался прецедент, с которым не могли не считаться впоследствии сибирские воеводы при проведении кадровой политики на местах. Тем не менее, несмотря на дамоклов меч возможного «розыска», несанкционированные сверху верстания как приборных людей, так и служилых «по отечеству» продолжались и в последующее время.

В этом отношении весьма показательна служебная карьера Якова Борисова сына Лепихина – человека, оставившего необычайно яркий след в истории урало-сибирского раскола конца XVII в.[14] Родился он в Чубаровской слободе Тобольского уезда в семье пашенного крестьянина, жил в Киргинской, а потом в Нижненицынской слободах (в последней его отец служил дьячком при Никольской церкви). Во второй половине 60-х гг XVII в. Я.Б.Лепихин занимал должность подьячего (иногда в документах его называют также дьячком) судной избы в Пышминской Ощепковой слободе Верхотурского уезда. Будучи к тому времени вдовцом, он вторично женился на родственнице верхотурских детей боярских Тырковых.

Основатель этого верхотурского служилого клана Василий Федоров сын Тырков появился в городе едва ли не с момента его возникновения (во всяком случае, он служил здесь в детях боярских уже в 1600 г.). Его имя упоминается также в дозорных книгах Ф.И.Тараканова 1621 г и М.Тюхина 1624 г [15] Сын Василия, Иван Тырков, был на «приказах» в Ирбитской, Чусовской Уткинской и Пышминской Ощепковой слободах и имел пятерых сыновей. Старший из них, Иван, был в конце 50-х – начале 60-х гг XVII в. взят в Тобольск в рейтарскую службу[16] Второй сын, Михаил Большой, был поверстан после смерти отца в 1663 г в его оклад в верхотурские дети боярские (годовое денежное довольствие Михаила Большого составляло 7 руб., хлебное жалованье он «служил с пашни») Он занимал должности приказчика Краснопольской слободы, Катайского острога, Камышевской и Пышминской Ощепковой слобод (в последней он имел свой двор и «деревню» на р.Пышме, в 5 верстах от слободы, его сыну Кузьме в 1680 г было два года). Умер Михаил Большой в 1694 г [17] Третьему сыну Ивана Васильевича Тыркова, неверстанному «подрослю» Михаилу Меньшому, было в 1666 г 18 лет. Вскоре после этого он тоже стал верхотурским сыном боярским, но и июне 1673 г умер. В «выбылой» 8-рублевый оклад Михаила Меньшого был поверстан из тобольских рейтар его старший брат Иван, которому сразу же поручили строить Верхнепышминскую слободу, куда он и отправился с малолетним сыном Алексеем. Позднее, во второй половине 70-х гг XVII в. Иван Иванов сын Тырков был «на приказе» в Краснопольской слободе. Четвертый сын Ивана Васильевича Тыркова, Алексей, которому в 1666 г было 15 лет, также впоследствии был поверстан в верхотурские дети боярские с окладом в 10 руб и хлебным жалованьем «против денег». Последний, пятый сын Ивана Васильевича Тыркова, Борис (в 1666 г ему было 12 лет), в службе, судя по всему, никогда не был и умер осенью 1682 г [18] Очевидно, вторая жена Я.Б.Лепихина, от которой он «дщерь едину имеша»[19], приходилась вышеназванным братьям Тырковым родной сестрой.

Опираясь на помощь и поддержку новых родственников, предприимчивый подьячий уже в 1668 г завел на свои средства «кречатную ловлю», «прибрав» себе в помощники пышминских беломестных казаков Алексея Ощепкова, Тимофея Фокина, Савву Кондратьева и Ивана Попова.

Как известно, царь Алексей Михайлович был большим любителем соколиной охоты и даже написал по этому поводу особое руководство – «Книгу глаголемую Урядник: Новое уложение и устроение чина сокольничья пути». При нем в Семеновской и Коломенской сокольнях держали около 3 тыс. охотничьих птиц. Обученные соколы и кречеты посылались в подарок правителям Турции, Персии, Крыма и даже Англии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что деятельность Я.Б.Лепихина встретила со стороны верхотурской администрации всяческое одобрение: уже в 1668 г в особой наказной памяти воеводы И.Я.Колтовского ему было велено «ловить на великих государей кречетов в Пышминкой слободе и на Ирбите» В том же году Т Фокин повез в Москву первую пойманную птицу. Через год новых кречетов и ястребов отвозил во своими «помытчиками» в столицу сам Я.Б.Лепихин, «и от царя за это была грамота, чтоб и впредь кречатов ловить»[20]

«Вышеназванных соколов, – отмечал один из иностранцев, проезжавших в 1666 г. через Верхотурье в Тобольск, – везут благородным образом, потому что для каждого подаются отдельные сани, на них устанавливается ящик, изнутри и снаружи обитый войлоком или русским сукном, в них-то соколов и перевозят». В дорогу на содержание каждой птицы выдавалось 3 руб. кормовых денег[21].

В конце того же 1669 г , стремясь расширить дело и беспокоясь по поводу того, что между Камышевской и Пышминской слободами житель тобольской Куяровской слободы Федор Мильчаков собрался строить по наказной памяти из Тобольска новую слободу (а это могло помешать успешной ловле кречетов), Я.Б.Лепихин

добивается у вновь назначенного верхотурского воеводы Ф.Г.Хрущева разрешения основать на р.Пышме на Красном Яру собственную оброчную слободу[22] В январе 1670 г. он приступает к ее строительству, «прибрав» в нее на свои средства четырех беломестных казаков и 11 семей крестьян[23], а в июне того же года подает челобитную с просьбой «за свою службу» быть у слободских беломестных казаков Верхотурского уезда в атаманах «в выбылом окладе» Андрея Липина, занимавшего эту должность прежде, но убитого еще в 1663 г «воровскими татарами»[24] Просьба его была удовлетворена. Правда, в связи с тем, что часть денежного оклада покойного А.Липина, составлявшего «8 рублев с полтиною» в год, была распределена между другими служилыми людьми в виде «придач», Я.Б.Лепихину установили жалованье в 5 руб.[25] Вскоре в Красноярскую слободу перебрались и братья Я.Б.Лепихина, Петр и Андрей. Первый был поверстан в беломестные казаки, а второй стал «кречатьим помытчиком»[26]

В течение последующих лет «крестьянский садчик» и атаман верхотурских беломестных казаков Я.Б.Лепихин отстраивает слободу и острог при ней исполняя обязанности приказчика не только здесь, но позднее еще и в Пышминской Ощепковой слободе, продолжает заниматься кречатьим промыслом, добывает камень для церковного строительства в Тобольске, несет со своими казаками военную службу, а также ведет бесконечные тяжбы из-за земель и угодий с крестьянами соседних слобод[27]

В эти же годы происходит сближение Я.Б.Лепихина с братией Далматовского Успенского монастыря, во вкладной книге которого под 25 декабря 677 зафиксирован его вклад – «приложил... красную корову». Как выясняется далее из вкладной записи, «прежде сего» он «прикладывал» сюда «корову ж черную..., да денег 3 рубли без дву гривен, да сукна белаго 14 аршин»[28] Судя по всему, эти вклады он делал от имени своего отца Бориса, который вскоре принял здесь монашеский постриг, носил «во иноцех имя Боголеп, и преставился, и в Синодик написан»[29]

Далматовский Успенский монастырь являлся в то время одним из тайных центров урало-сибирского раскола. Именно в эти годы в его стенах было написано неизвестным автором адресованное тюменским старообрядцам послание «О Антихристе и тайном царстве его», в котором обосновывалась теория так называемого «духовного» или «мысленного» Антихриста[30] Этих же взглядов придерживался впоследствии в своих эсхатологических построениях бывший верхотурский атаман[31]

Одновременно по роду своей деятельности и служебному положению Я.Б.Лепихину приходилось заниматься преследованием сторонников «старой веры» Так, летом 1678 г он, по всей видимости, отправляет к розыску в Верхотурье группу беломестных казаков и крестьян Красноярской слободы, слушавших старообрядческую проповедь тюменца Ивана Пищалина[32] Ранней весной 1679 г он пытается с помощью поручителей вернуть в слободу проходившего по предыдущему делу беломестного казака Агапита Григорьева сына Палханова, который бежал с семьей в Мехонскую слободу Тобольского уезда, где в связи с розыском, проводившимся после массового самосожжения в Березовской пустыни Даниила-Доментиана, возник очаг сопротивления местным светским и церковным властям[33]

Между тем над головой самого Я.Б.Лепихина стали сгущаться тучи Еще 8 марта 1678 г. верхотурскому воеводе И.Ф.Пушкину была отправлена из Москвы царская грамота о жалованье служилым людям «на нынешний 186 год» В ней, в частности, повелевалось, чтобы всех стрельцов, пушкарей и детей боярских которые были поверстаны в службу в прежние годы не в «выбылые места и оклады» своих родственников, а «из гулящих и из посацких, и из прихожих, и из пашенных и оброчных крестьян, и из иных тяглых людей» или из числа их детей, братьев и племянников, верхотурская администрация лишила жалованья и отставила от

службы, написав «в прежние их чины, чтоб впредь не повадно было на Верхотурье из чину в чин без нашего великого государя указу и без грамот бити челом, потому что от верхотурского верстания нашего великого государя казне истеря болшая, а служилым людем в службах и в посылках нестройство, а десятинной пашне недопашка, а денежному всякому сбору недобор, а податям пустота» 21 августа 1678 г эта грамота была доставлена в Верхотурье[34]

Несмотря на содержавшиеся в грамоте грозные предупреждения в адрес воеводы И.Ф.Пушкина и дьяка Д.Афанасьева о том, что в случае невыполнения этих распоряжений и последующей незаконной выдачи жалованья «те денги, и хлеб, и соль укажем мы, великий государь, взять на вас безо всякие пощады», руководство верхотурской администрации заниматься разбором служилых людей не спешило. Тем временем столичные чиновники взялись за дело всерьез. От приезжавших по делам в Москву верхотурцев в Сибирском приказе были получены подробные сведения о том, кто конкретно был определен в дети боярские без согласия центра. В их числе оказались: «Иван да Алексей Ивановы дети Тырковы, из рейтар Ивашко Романов, гулящего отца сын Савка Федулов, из посадцких людей Тихон Федоров сын Головков, да с Тюмени на Верхотурье переведены Сенка Вязмин из рейтар, ссылной человек Гришко Ушаков, а на Тюмени де они, Сенка и Гришка, были в конных казаках» Выяснилось также, что несанкционированные Москвой «придачи» к жалованью имели верхотурские дети боярские Ефим Шубин (7 руб. к 8-ми рублевому окладу), Михаил Бибиков (5 руб. к 10-ти рублевому окладу), Василий Протопопов (4 руб. к 6-ти рублевому окладу), Иван Коряков (1 руб. к 7-ми рублевому окладу), Илья Будаков (2 руб. к 6-ти рублевому окладу). Кроме того, верхотурские служилые люди сообщили в своих «сказках» в Сибирском приказе, что «на Верхотурье поверстан к беломестным казаком в атаманы Тобольского уезда Чюбаровской слободы пашенного крестьянина сын Якушко Борисов, а оклад ему учинен денег 5 рублев»[35]

В очередной грамоте верхотурскому воеводе вновь, только теперь уже со ссылкой на вышеприведенную информацию, приказывалось «тех людей, которые верстаны по Верхотурью в дети боярские и в атаманы без нашего великого государя указу и грамот, Саву Федулова с товарыщи и иных таких, и придачи у Ефима Шубина с товарыщи, отставить и быть им кто в каком чину и окладе был наперед того, и что давано тяглым людем, которые были в детях боярских и в отаманех, денег и хлеба и соли, и то на них доправить и взять в нашу великого государя казну безо всякие понаровки»[36]

В середине января 1679 г верхотурский воевода И.Ф.Пушкин наконец-то послал в Москву именную «роспись» детям боярским, поверстанным в службу «без указу и без грамот» Всего таковых оказалось 20 человек: «Федор Федоров сын Каменской, Михайло Тырков, Михайло Бибиков, Федор Томилов, Федул Лисицын да сын его Сава, тоболской рейтар Иван Тырков, Иван Дирин, Илья да Семен Будаковы, да из рейтар же Иван Романов, да из неверстанных детей боярских Степан Головков, князь Петр княж Семенов сын Пелымской, тюменской атаман казачей Прокофей Тонков, конной казак Сенка Вязмин, Тоболского уезду Киргинской слободы крестьянской сын Якушко Лепихин[37], неверстаной сын боярской Иван Албычев, тюменской конной казак Гришка Ушаков, верхотурские неверстаные дети боярские Алексей Тырков, Тихон Головков». Было также признано, что незаконные «придачи» к жалованью получали Ефим Шубин и Василий Протопопов. Однако, как это следовало из воеводской отписки, все они «от службы не отставлены и оклады их и придачи из окладу не выложены» В ответной грамоте было потребовано дать объяснение этому вопиющему нарушению предыдущего распоряжения. Особенно досталось верхотурскому дьяку Д.Афанасьеву, обвинявшемуся в «нерадении, недосмотре и лености»[38]

Вскоре в Верхотурье прибыл новый воевода Р.М.Павлов, который уже 7 марта того же 1679 г сообщил в Москву о том, что приказ центра выполнен: верстанные «без указу» от службы отставлены, лишены жалованья и «в денгах и в хлебе стоят на правеже». Удовлетворенные этими действиями московские власти в очередной грамоте, привезенной на Верхотурье 9 апреля 1679 г с отставленных «до нашего великого государя указу тех денег и хлеба и соли править не велели», по всей видимости справедливо рассудив, что службу все эти годы они все-таки несли исправно[39] Одновременно повелевалось, чтобы «тюменских конных казаков Сенку Вязмина, Гришку Ушакова послали с Верхотурья на Тюмень, а Якушка Лепихина Тоболского уезду в Киргинскую слободу, а тяглым людем быть в тягле»[40]

Неожиданное крушение карьеры Я.Б.Лепихина, переведенного из детей боярских в пашенные крестьяне и отправленного под конвоем в Киргинскую слободу, привело к крутым переменам в его судьбе. Со свойственной ему энергией Я.Б.Лепихин вступил на путь бескомпромиссной борьбы с официальной церковью и государством, проявляя при этом крайний радикализм.

Можно предполагать, что уже в 1682 г. он принял активное участие в антиправительственном выступлении в Утяцкой слободе Тобольского уезда Собравшиеся здесь крестьяне, посадские и служилые люди отказались приносить присягу новым царям Ивану и Петру Алексеевичам. В 1682 г в слободу, блокированную со всех сторон заставами, были посланы крупные карательные отряды из Тобольска и Тюмени. Попытка взять заимку и слободу штурмом завершилась массовым самосожжением, в котором погибло около 400 чел.[41]

Через четыре с небольшим года Я.Б.Лепихин выступил организатором самосожжения на р.Юрмыче (левый приток Пышмы), на землях, относившихся к Киргинской слободе Тобольского уезда. О его подготовке сообщил 17 мая 1687 г тобольскому воеводе А.П.Головину приказчик Киргинской слободы Ф Фефилов, приславший «Юрмыцкого села Архангелские церкви попа Игнатья Петрова за рукою изветную челобитную: по научению де прелесника, прежнего вора и еретика[42], Верхотурского уезда Красноярские слободы слоботчика Якушка Лепихина Киргинские слободы многие крестьяне хотят зжетца, и на церковь Божию многия хулы возлагают, и чинят раскол, и священников не пускают»[43]

Получив из Тобольска эти сведения, верхотурский воевода Г Ф.Нарышкин организовал летом того же года грандиозный сыск Я.Б.Лепихина по всем слободам Верхотурского уезда[44], успехом так и не увенчавшийся, однако спровоцировавший, по всей видимости, новые акты протеста со стороны местных крестьян-старообрядцев.

В Сибирском летописном своде второй половины XVII в. о событиях, произошедших на Юрмыче, содержатся довольно противоречивые сведения. Так, статья о самосожжении здесь помещена под 1687 г. уже в самой ранней его редакции – «Книге записной»: «Того же году заведена была раскольная пустынь в Верхотурских уездах (так! – А.Ш.), на Юрмыче от Киргинской слободы. И сгорело в той пустыне близ ста человек»[45]. В Головинской редакции под тем же годом мы читаем, что «Тобольского же уезду Киргинской слободы на Юрмыче, собрався же с расколщики в один двор крестьяне з женами и з детми, згорели же человек с тридцать и болши»[46] В «Записках, к истории сибирской служащих», содержатся два известия, одно из которых восходит к уже знакомому нам тексту «Книги записной», а другое – к тексту Основного вида Нарышкинской редакции[47], в котором говорится: «Да Тоболского ж уезду в Киргинской слободе в деревне на Юрмыче, собрався расколщики в один двор к мужику, человек с пятдесят и болши з женами и з детми, згорели ж во 196-м (1687/88 – А.Ш.) году»[48]

Очевидно, на Юрмыче произошло два самосожжения, одно из которых можно отнести к концу весны – лету 1687 г., а другое – к осени 1687 г или к зиме 1688 г Между прочим, немного западнее Юрмыча в Пышму впадает слева еще одна речка с

похожим названием – Юрмач. Источники их названия часто путают Поэтому не исключено, что одно из вышеназванных самосожжений могло произойти именно здесь.

В «Книге записной» содержится рассказ еще об одном «сборище» в тех же местах и в том же 1687 г «Того ж году собрались в раскольную пустыню человек ста с полчетверта (350 – А.Ш.) на Юрмыче же в инем месте и хотели сожечись. И разсыланы были на разговор от архиерея собору большаго (т е. Софийского – А.Ш.) ключарь Иван Васильев, а из приказной полаты сын боярской Афанасей Ушаков да подьячей Стефан, и их де они разговорили, и по своим жилищам разъехались все»[49] В «Записках, к истории сибирской служащих», читается этот же текст, однако отсутствуют последние слова о том, что уговоры раскольников закончились благополучно[50]

Можно предполагать, что как ко второй Юрмытской «гари», так и к этому «сборищу» также имел какое-то отношение Я.Б.Лепихин. Был он, вероятно, причастен и еще к одному самосожжению, состоявшемуся в том же 1687 г в д.Боровиковой (близ Куяровской слободы Тобольского уезда), в котором погибло около 150 чел.[51]

Во время расследования обстоятельств «гари», состоявшейся 26 августа 1688 г. в д.Другановой на р.Пышме (в Тюменском уезде), в которой погибло более 200 чел., выяснилось, что и здесь побывал Я.Б.Лепихин, но «за день... до горения ушел»[52]

Судя по всему, последнее событие спровоцировало новый сыск Я.Б.Лепихина и его «единомысленников» В соответствии с грамотой тобольского митрополита Павла, посланной 3 декабря 1688 г верхотурскому воеводе Г Ф.Нарышкину, в слободы был отправлен с отрядом стрельцов сын боярский М.Бибиков. 18 декабря он привез в город «братей родных» Я Б.Лепихина Андрея и Петра, а также «детей ево, Адрюшкиных, Якушка и Митку» В своем «доезде» М.Бибиков сообщил» « жены де их, Андрюшкина и Петрушкина, да с ними шестеро детей их сожглись, а их де, Андрюшку и Петрушку, и детей ево, Андрюшкиных, выняли они из огня ж А брата их, Якушка Лепихина, и Сенки Лотова в слободах нигде он, Михайло, не сыскал» Тем временем другие разыскиваемые М.Бибиковым раскольники, «Федка Лотов, Якушко Лазарев, собрався человек с пятдесят з женами и з детми в Верхотурского ж уезду Пышминские слободы в деревне Речелге к раскольнику ж к Федотку Гаврилову, и во дворе заперлись, и взять де их никоторыми делы было невозможно» По распоряжению воеводы Андрея и Петра Лепихиных «и детей ево, Андрюшкиных», отослали в Тобольск к митрополиту Павлу, а у двора Ф Гаврилова в Речелге поставили караул[53]

Еще со времен протеста в Утяцкой слободе Я.Б.Лепихин был знаком с другими видными идеологами урало-сибирского староверия – старцами Авраамием Венгерским и Иваном Кодским[54] Из-за разногласий по вопросам о сущности Антихриста и о допустимости самосожжений он вступил с ними в полемику Будучи, как уже говорилось выше, сторонником теории «духовного» Антихриста и ярым поборником «второго неоскверняемого огненного крещения», он активно занимался пропагандой своих идей среди местных крестьян и служилых людей, в том числе с помощью изобразительных средств, «яко сам сый быв иконник»[55] Возможно именно с этой его деятельностью связано известие 1690 г о том, «что в Тобольском уезде и иных сибирских городов Тоболского розряду в слободах и в деревнях многие крестьяне воруют чинят в тех слободах и в деревнях без указу великих государей своим самоволством, и составливают неведомо какие письма, и с теми составными писмами бегают И от того во многих слободах и в деревнях те воры и составщики в крестьянех чинят смуту болшую и раскол»[56]

Укрываясь от преследователей, Я.Б.Лепихин оказывается в 90-х гг XVII в. на Ишиме, где к тому времени складывается новый центр зауральского старообрядче-

ства. Так, еще в 1691 г тобольский сын боярский О.Сыромятников «посылан был ис Тоболска к Ишиму реке, на Каиркуль-озеро, для сыску раскольщиков, старцов и белцов, и, сыскав раскольщиков, привез в Тоболеск»[57] Учитывая шлейф самосожжений, который тянулся за Я.Б.Лепихиным, можно предполагать, что с его пребыванием здесь была связана еще одна «гарь», организованная неким Феодотом, в которой, если верить старообрядческому Синодику, погибло 36 чел.[58]

Последнее упоминание имени неукротимого расколоучителя и организатора массовых самосожжений содержится в описи дел Тобольской приказной палаты под 1697 г.. «Столп, а в нем дело Тоболского уезду Ишимской слободы раскольников Якова Лепихина с товарыщи в расколе, за приписью дьяка Афанасия Герасимова»[59] После этого его след теряется.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988 С 50–51
2. Архив СПбФИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1 Д. 662. Л. 11; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 663. Л 229–230; *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Пермь, 1897 Вып. 7. С. 188; Во второй половине 60-х гг XVII в. по царскому указу и «по приказу стольника и воеводы Ивана Яковлевича Колтовъяского да подьячего Василья Богданова» «по душе» верхотурского сына боярского Юрия Арсенева был сделан книжный вклад (Апостол, изданный в Москве И.А.Невежиным в 1606 г.) в церковь Казанской Богородицы в Арамашевской слободе (НБ УрГУ Нижнетагильское собр. (VII). № 71 п/2678; воспроизведение вкладной записи см.: Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей Лаборатории археографических исследований (сост А.В.Полетаев). Свердловск, 1990. С. 49.
3. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7 С. 187 (Отец И.Коптева служил в детях боярских «по Белой»,очевидно, в Уфе).
4. Там же. С. 186–187
5. Там же. С. 188.
6. Судя по всему, это место довольно долго оставалось вакантным, так как верхотурский сын боярский Григорий Дирин дал в качестве вклада в Далматовский Успенский монастырь «по душе верхотурского сына боярского Василия Муравьева и сына его Андрея» рукописную книгу Исаака Сирина еще в 1659 г. (Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург. 1906. С. 84).
7. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7 С. 187
8. Там же. С. 188.
9. ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 117; *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7 С. 225.
10. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 311 Л. 95 об; Оп. 3. Стб. 663. Л. 229; *Никитин Н И* Служилые люди... С. 75.
11. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7 С. 188, 226
12. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 65.
13. Там же. С. 74–75.
14. *Шашков А.Т* Яков Борисов сын Лепихин (из истории уральского старообрядчества конца XVII в.) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 46–59.
15. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7 С. 161, 166.
16. Об этом рейтарском наборе, проводившемся при воеводе И.А.Хилкове в городах Тобольского разряда, см.: ПСРЛ. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1· Группа Есиповской летописи. С. 161, 205, 270–271, 326, 349, 373.
17. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7 С. 187, 226; ТИАМЗ. КП 12692. Л. 5–6; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1 Кн. 697 Л. 782 об.
18. 2 ноября 1682 г. верхотурский сын боярский Михаил Тырков «приложил в Далматовский Успенский монастырь «лошадь рыжу и жеребца по брате своем по Зотике» (Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Сост. И.Л.Манькова. Свердловск, 1992. С. 42; заметим попутно, что 11 июля 1681 г. он же «приложило» сюда кобылу, а 30 октября 1684 г – жеребца; см.. Там же. С. 37). Нас не должно смущать, что во вкладной записи Борис назван другим именем, полученным, очевидно, при крещении. О фактах подобного рода см.. *Успенский Б.А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т II: Язык и культура. С. 152–163.

19. Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изд. в «Православном собеседнике». Казань, 1855. С. 169.
20. Архив СПбФИИ РАН. Ф 28. Оп. 1 Д. 1485. Л. 1-5; РГАДА. Ф 111 Оп. 2. Д. 166. Л 243-247
21 *Алексеев М.П* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т 1 XIII-XVII вв. С. 331 341
22. СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 138-139.
23. ДАИ. СПб., 1857 Т. 6. С. 1-4, Архив СПбФИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1 Д. 1613. Л. 1-5; Д. 1646. Л. 1-4; РГАДА. Ф. 111 Оп. 2. Д. 157 Л. 44-51; Д. 167 Л. 1-5; Д. 931 Л. 1-3; СПбО АРАН. Ф 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 138 об. 139 об., 187-190.
24. Архив СПбФИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1724. Л. 1-9; РГАДА. Ф. 111. Оп. 2. Д. 166. Л. 88-94.
25. ТИАМЗ. КП 12830. Л. 17
26. РГАДА. Ф. 111. Оп. 2. Д. 49. Л. 61. 66; Ф 214. Оп. 1 Кн. 697 Л. 762.
27. РГАДА. Ф 111. Оп. 2. Д. 113. Л. 104-105; Д. 49. Л. 60-69; Д. 204. Л. 54-55; Д. 272. Л. 37-38; Д. 274. Л. 57-62; СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 156 об. - 163, 174-174 об., 177, 195-195 об., 256 об. - 264 об.; и др.
28. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. С. 27-28, 167-168.
29. Наше предположение о том, что в Далматовском монастыре принял монашеский постриг незадолго до своей смерти сам Я.Б.Лепихин (см.: *Шашков А.Т* Яков Борисов... С. 52), следует считать неверным.
30. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. LXXXI-LXXXVII, 019-034. Об уточнении датировки этого произведения см.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья (Сост. А.Т.Шашков, В.И.Байдин). Свердловск, 1991 Т. 1 Вып. 1 С. 19-20.
31. Послания блаженного Игнатия... С. 171, *Шашков А.Т* К истории формирования идеологии антифеодального протеста урало-сибирских старообрядцев во второй половине XVII в. // Книга в культуре Урала XVI-XIX вв. Свердловск, 1991 С. 16-18.
32. РГАДА. Ф 111 Оп. 2. Д. 270 Л. 2-3; Д. 282. Л 48.
33. РГАДА. Ф. 111. Оп. 2. Д. 285. Л. 35-35 об., ДАИ. СПб., 1862. Т 8. С. 218, 220, 223-226.
34. ДАИ. Т 7 С. 107-108.
35. Там же. С. 115-116.
36. Там же. С. 116.
37 Судя по всему, Я.Б.Лепихин был поверстан из атаманов в дети боярские осенью или зимой 1678 г.
38. ДАИ. Т 7 С. 116-117
39. Впоследствии значительная часть проходивших по «розыску» верхотурских детей боярских возвратилась в службу, правда, с отменой несанкционированных «придач» к жалованью.
40. ДАИ. Т. 7 С. 17-18.
41. АИ. СПб., 1842. Т 5. С. 162-163; ДАИ. СПб., 1867 Т 10. С. 8-9; Записки, к истории сибирской служащие // ДРВ. Л. Т 36. Ч. 1. С. 218-218, 277 333, 352; РГАДА. Ф. 111. Оп. 2. Д. 308. Л. 23-23 об., 25-25 об.; Памятники литературы и письменности... Т 1 Вып. 2. С. 73-77
42. Эпитеты, прилагаемые к Я.Б.Лепихину, свидетельствуют о том, что он был уже достаточно хорошо известен в качестве расколоучителя как светским, так и церковным властям.
43. РГАДА. Ф. 111. Оп. 2. Д. 351. Л. 92-93.
44. ПСРЛ. Т 36. С. 1. С. 177
45. Там же. С. 225.
46. Записки... С. 264.
47. Там же. С. 268.
48. ПСРЛ. Т 3. Ч. 1. С. 282.
49. Там же. С. 177
50. Записки... С. 264.
51. ПСРЛ. Т 36. Ч. 1. С. 225. 282; Записки... С. 268.
52. Подробнее об этой «гари» см.: Архив СПбФИИ РАН. Ф. 187 Оп. 1 Д. 849. Л. 1-2 об., РГАДА. Ф 214. Оп. 3. Стб. 1066. Л. 73-83; ГАТюО. Ф И-47 Оп. 1. Д. 1777 Л. 7 об.; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII века. М., 1972. С. 363, *Шашков А.Т* Яков Борисов... С. 51.
53. РГАДА. Ф 210. Оп. 17 Д. 26. Л. 32-34; Ф. 214 Оп. 1 Кн. 914 Л 62 об.; ср., *Сапожников Д. И* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII): Ист. очерк по архивным документам. М., 1891 С. 33-34.

54. *Шашков А.Т.* Авраамиев остров // Уральский следопыт. 1988. № 5. С. 25–27. *Он же.* Авраамий Венгерский // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 6–8; Памятники литературы и письменности.. Т. 1. Вып. 1, 2.
55. Послания блаженного Игнатия... С. 13, 15–16, 169–172.
56. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 19. Л. 31.
57. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 655. Благодарим за эти сведения М.О Акишина.
58. *Пыпин А.Н.* Сводный старообрядческий Синодик // ПДП. СПб., 1883. Т. 44. С.
59. СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 27 об. О преследованиях старообрядцев на Ишиме в начале XVIII в. см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1402. Л. 155, 156–156 об., 157 об. 158. Архив СПбФИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 74. Л. 1, Ф. 168. Оп. 1. Д. 161. Л. 1, *Шашков А.Т.* Тобольский митрополит Филофей Лещинский и урало-сибирское старообрядчество начала XVIII в. // Российское государство XVII – начала XX в.: Экономика, политика, культура. Тез. докл. конф., посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613—1993). Екатеринбург, 1993. С. 170–172.

Список сокращений

АИ	– Акты исторические
ГАТюО	– Государственный архив Тюменской области
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим
ДРВ	– Древняя российская вивлиофика
НБ	– Научная библиотека
ПДП	– Памятники древней письменности
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (Москва)
СПбО АРАН	– Санкт-Петербургское отделение Архива Российской Академии наук
СПбФИИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института истории Российской Академии наук
ТИАМЗ	– Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
УрГУ	– Уральский государственный университет им. А.М.Горького (Екатеринбург)

VOYEVODA'S ADMINISTRATION IN THE 17th CENTURY URALS. (THE FATE OF YA.B.LEPIKHIN AND THE «SEARCH» OF 1678–1679 IN VERKHOTURYE CONCERNING SERVICE PEOPLE)

Ya.B.Lepikhin, a peasant by origin, became the ataman of the Verkhoturye cossacks, founded in 1670 the Krasnoyarskaya sloboda (settlement) near the Pyshma river and became its officer. The case of his biography and career is examined in the article in relation with the local administrative machinery in the eastern regions of Russia formation and functioning in the 17th century and its interaction with central bodies of power

A.T Shashkov

Н.А.Миненко

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИПИСНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)*

Важнейшей особенностью российской горнометаллургической промышленности XVIII – первой половины XIX в. было широкое использование в ней труда приписных крестьян. Приписка крестьян к заводам началась еще в XVII в., но особенно заметные размеры она приобрела в следующем столетии. Правительство Петра I, стремясь в первую очередь удовлетворить нужды государства, проводит целый ряд преобразований, направленных на ускорение развития отечественной металлургии, в том числе на востоке страны, с его, казалось, неисчерпаемыми рудными и лесными богатствами.

Тульский заводчик Н.Демидов, в 1702 г ставший владельцем Верхотурского (Невьянского) железоделательного завода, одним из первых по достоинству оценил возможности Урала: «А буде великой государь укажет заводы строить в прибавку, и заводы в прибавку строить мочно... Лесу множественно... и места у заводов дикие, и обидников не будет. и к завоцкому делу вельми угоже...»[1] Во второй четверти XVIII в. начались активные поиски руд и строительство заводов в северных предгорьях Алтая[2]

В промышленном освоении восточных регионов участвовали и частные предприниматели, и казна. Им пришлось испытать большие трудности в обеспечении своих предприятий рабочими руками Помимо общероссийских причин (господство крепостнических отношений, приоритетность сельскохозяйственных занятий и пр.), имели место и специфически локальные, прежде всего относительная малонаселенность восточных территорий, наличие огромного резерва пустующих, пригодных к обработке земель. Местное крестьянское население в массе своей было достаточно зажиточным и не испытывало потребности в найме на заводские работы. Тот же Н.Демидов свидетельствовал. «Да и к тому же сибирской необыкности к тем железным заводам за малолюдством плотников и работников, то дело (изготовление на Невьянском заводе пушек, мортир и гаубиц и прутового железа – Н.М.) вскоре не зделано за их дороговью. Работники наниманы по два алтына по четыре деньги на день, а плотники по три алтына по две деньги... А впредь сибирские плотники и работники ненадежны, потому что милосердием Божьим перед русскими людьми в Сибири хлеб вельми родитца и скоту довольно, и живут на воли, пашни и лугов по русскому не нанимают, и государевы поборы против русских с них лехчая. И затем, коли которой придет наняться поработать, и они работают дни по два и по три, то и много что неделю, и тут ко всякому надобно приставник, а бес приставника ничего не работает А буде которого за худую работу молвишь жестокое слово, и он с полудни, покинув работу пойдет»[3] Таким образом, и психологически крестьянин на Урале и в Сибири не был готов к работе по найму под наблюдением приказчиков.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17225).

Развитие крупной металлургии здесь пошло поэтому главным образом по пути использования принудительного труда, включая труд приписных крестьян

Приписка осуществлялась как к казенным, так и к частным мануфактурам. Так, в 1703 г к Невьянскому заводу, переданному из казны Н.Демидову оказались приписанными 917 душ муж. пола крестьян и бобылей (239 дворов) приписать и ему, Никите, в работу... отдать Верхотурского уезду Аяцкую, Краснопольскую слободы да монастырское Покровское село з деревнями и со всеми крестьяны и з детьми, и з братьями, и с племянниками и землею, и со всякими угодьи», – говорилось в указе Петра I. Повинности первых уральских приписных крестьян были уточнены в «памяти», в том же 1703 г выданной Демидову: «И как к тебе сия память придет, и тебе б на тех крестьян наложить работу и поборы сенные и солому по своему рассмотрению, и тем крестьяном за их работу считаться в правеже за твой платеж, что ты за их в его, великого государя, казну платить учнешь»[4]

К 1745 г. на уральских предприятиях Н.Демидова работало 11205 душ муж. пола приписных крестьян, а через 20 лет на частных мануфактурах Урала оказалось занято около 63 тыс. приписных. На казенных заводах Урала в 1727 г было 25 тыс. душ муж. пола приписных крестьян, в 1734 – 32848 душ, в 1780 г – 1099247 душ, в 1805 г. – 158545 душ. Всего к началу XIX в. на Урале числились 252 тыс. душ приписных крестьян[5]

На Алтае приписные крестьяне появляются в 1727 г вторая ревизия зарегистрировала здесь 3278 душ муж. пола приписных, а к 80-м годам XVIII в. число их выросло до 54830 душ. По данным 7-й ревизии (1815–1816 гг.), в Сибири насчитывалось 104484 души муж. пола приписных. В 1754 г к востоку от Урала было 145484 ревизских души приписных крестьян, все они проживали на территории Алтайского горного округа[6] На Урале к этому времени данная категория населения исчезла – еще в 1807 г. вышел указ, который предусматривал ликвидацию системы приписки в уральских губерниях; приписные крестьяне заменялись здесь непременными работниками[7]

Приписка к заводам влекла за собой изменение формы эксплуатации: приписные крестьяне обязывались выполнять отработки на горнометаллургических предприятиях. В основном они были заняты вспомогательными работами: рубили дрова, добывали руду, заготовляли уголь, известь, занимались перевозками и пр. «Правительственная точка зрения на сословную принадлежность приписных крестьян, – говорится в коллективном академическом труде «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма», – сводилась к определению, что они суть «приписные к горным заводам государственные, обязанные зарабатывать деньги для уплаты подушного оклада заводскими работами». Причем, по мнению авторов, такой взгляд распространялся и на крестьян, приписанных к частным заводам[8]

Действительно, верховная власть рассматривала приписных крестьян как специфическую категорию в составе государственного крестьянства. Так, в «Учреждении о управлении Колывано-Воскресенских горных заводов», «высочайше утвержденном» 16 апреля 1828 г., прямо говорилось: «Земские повинности исправляются приписными крестьянами по общей раскладке оных для Томской губернии, при составлении которой наблюдается, чтобы повинности сии налагаемы были на них уравнительно *с прочими государственными крестьянами*...(подч. мной – Н.М.)[9] Слободы, приписанные к заводам, законодательство продолжало именовать «казенными» При разделе наследства одного из заводовладельцев Урала посредники – сенаторы И.П.Елагин, А.С.Строганов и А.Р.Воронцов – «в правилах, ими постановленных», отмечали: «... при уравнении частей наблюдать, дабы крепостные крестьяне приписными, ниже приписные крепостными не заменялись, ибо приписные не суть собственные, но государевы»[10] Сами приписные крестьяне, и уральские, и сибирские, независимо от владельческой принадлежности предприятий, на которых

они работали, также считали себя государственными, подданными монарха, трудящимися «для славы государственной и общей пользы». Те казенные крестьяне, которые не были приписаны к заводам, в свою очередь не видели принципиальных различий во взаимоотношениях с носителем верховной власти государственных и приписных крестьян «Все равны крестьяна у государя...», – заявляли, например, государственные (казенные) крестьяне, жители дер. Хорошеборской (Алтай, 1850 г.), имея в виду как раз себя и приписных соседей[11]

Однако некоторые историки считают, что крестьяне, приписанные к алтайским заводам, находившимся под управлением Кабинета Е.И.В., по своему статусу были ближе к дворцовым, удельным или даже крепостным, чем к государственным. «При казенных заводах, – пишет, например, Ю.С.Булыгин, – приписные крестьяне оставались государственными, при частных заводах также юридически оставалась государственными, да и на практике государство осуществляло контроль за эксплуатацией крестьян, могло отнять их у заводовладельца. Крестьянин, приписанный к кабинетским заводам, переставал фактически принадлежать государству, хотя в документах довольно часто продолжал называться «государственным». По мнению Булыгина, кабинетский крестьянин «был фактически крепостным»[12] Сходную точку зрения высказали Т И.Агапова, С.С.Лукичев, А.П.Бородавкин, А.Н.Жеравина и др.[13]

Окончательное решение вопроса о социальном статусе кабинетского приписного крестьянства, по справедливому замечанию Т Н.Соболевой, «зависит от того, насколько обстоятельно и всесторонне » будет изучена его «социально-экономическая и политическая история»[14] включая организацию управления. При этом целесообразно параллельное рассмотрение управления алтайскими кабинетскими крестьянами и приписными Урала, которые к ведомству Кабинета никогда не относились. До сих пор такого сравнительного изучения не проводилось, хотя сама проблема организации управления приписными крестьянами интересовала многих историков[15]

Общей особенностью приписной деревни было ее двойное подчинение горнозаводской и общегражданской администрации При этом на разных этапах степень участия тех и других властей в управлении приписными крестьянами оказалась весьма различной. Так, первоначально и на Урале, и на Алтае жизнь приписной деревни во многом регулировалась губернским и уездным начальством (с подчиненными органами) Сибирская губернская канцелярия, выполняя соответствующее распоряжение Сената, еще 8 декабря 1721 г уведомила В.Н.Татищева, возглавлявшего на Урале Главное заводов правление, что ему передается управление приписными крестьянами и сбор с них налогов. Однако на практике компетенция горного начальства оказалась весьма ограниченной: оно не имело права судить приписных крестьян, сбор податей, административный надзор за слободами (в соответствии с плакатом 1724 г.) осуществлялся земскими комиссарами, подчинявшимися воеводам. В июле 1723 г например, возглавлявший казенные уральские заводы В.Геннин доносил в Петербург, что местные воеводы приписными «государевыми» «крестьянами «владеют пуще своих подданных», а земские комиссары, «которым слободы вручены», «розоряют»слободских жителей так, что «истинно жалко смотреть и слушать»[16] Неоднократно писал Геннин в Петербург и о лихоимстве подчинявшихся общегражданской администрации судебных комиссаров («делают великие пакости и неправды»), которым потворствовали воеводские и губернские канцелярии. В конце концов начальник заводов Урала добился передачи горному ведомству значительной доли реальной власти над местной приписной деревней К концу 1730-х гг при В.Н.Татищеве, во второй раз назначенном управлять уральской горнозаводской промышленностью, «административное управление, фискальные и судебные функции по отношению к приписным крестьянам уже полностью перешли от губернских властей к горному ведомству»[17]

Главным органом власти являлась канцелярия Главного заводов правления (подчинялась Берг-коллегии); в ее распоряжении находились заводские комиссары со штатами, заводские управители и заводские надзиратели Во время нахождения на заводских отработках приписные крестьяне подчинялись этим должностным лицам. В остальное время они управлялись земскими органами: Екатеринбургской конторой судных и земских дел и земскими конторами (правлениями) во главе с земскими комиссарами (управителями) При этом земские управленческие структуры находились в подчинении канцелярии Главного заводов правления[18] Только по отдельным вопросам на земских управителей распространялась власть губернских и иных органов власти. Так, губернские чиновники на территории ведомства контролировали таможенные и кабацкие сборы. Обязательную силу имели распоряжения духовного начальства (в пределах их компетенции). Поскольку горнозаводское ведомство в рассматриваемое время обязано было регулярно направлять значительное число приписных крестьян в пограничные крепости «ко охранению границы» (эта повинность называлась временной службой «в казаках»), то земские управители оказывались в определенной зависимости и от военного командования. Показателен, например, сам тон обращения подполковника Немцова к катайскому управителю И.Аврамову (5 августа 1738 г.): «Благородный господин управитель Аврамов! Писано к вам от нас неоднократно, чтоб вы прислали ко мне пищика Потанина, а вы и того упрямством своим по ордерам нашим не исполните, но во всем приносите безделные отговорки, чему повыкли, знатно, из молодых своих лет Чего было и чинить чесному человеку не надлежало, ибо мы х таким безделным отговоркам не привыкли... Об чем я к вам не пишу, того вы без отговорок не зделаите, а хоша и зделаите, и то не по однократному нашему ордеру, чему я весма удивляюсь и мышлю, что вы хочите от меня того, чтоб я вас за всякое ваше неотправление штрафовал, и то вам будет не х чести... Осмотритесь пожалуй сам и вперед к вам необычен дважды и трижды писать не стану, но буду вас за всякую вину штрафовать так, как прямова ослушника...»[19]

Местное управление заводами Алтая в демидовский период осуществлялось Колывано-Воскресенской заводской конторой, а с 1747 г после того, как императрица Елизавета Петровна взяла эти заводы «на себя», канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, подведомственной Кабинету Канцелярии подчинялись заводские приказчики, ведавшие нарядом крестьян на отработки и являвшиеся «фактическими распорядителями в административном и хозяйственном строе деревни»[20] Однако участие губернской (и воеводской) администрации в управлении приписной деревней на Алтае оказывалось более значительным, чем на Урале – всевластия горнозаводского начальства здесь не наблюдалось. С 1779 по 1796 гг алтайские приписные крестьяне вообще находились в исключительном ведении губернской администрации (Колыванского областного правления) Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была ликвидирована Высылка крестьян на заводские работы осуществлялась земской полицией, исправниками; в свободное от отработок время приписные входили «в общий состав казенного управления»[21]

Конечно, горная администрация не могла смириться со сложившейся ситуацией. Постепенно система параллельного подчинения приписных крестьян общегражданским и горным властям восстанавливается. Управляющий Кабинетом Соймонов в инструкции, данной назначенному в 1785 г начальником алтайских заводов Г.С.Качке, предоставлял последнему значительные права в сфере хозяйственного управления приписными крестьянами[22] С 1796 г снова действует канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, в непосредственном подчинении которой находились земские управители, входившие в штат управления горного округа. Земские управители обладали широкой компетенцией в вопросах

хозяйственного, административного и судебного «заведывания» приписной деревней. Однако нельзя согласиться с утверждением Т Н.Соболевой, что с 1797-го по 1824 гг «колывано-воскресенские крестьяне находились в исключительном ведении кабинетской администрации»[23] На них распространялась власть духовного начальства. Да и гражданская администрация продолжала участвовать в управлении приписной деревней, хотя она и оказалась отодвинутой на второй план Сама же Т Н.Соболева признает, что тяжкие уголовные преступления приписных крестьян подлежали разбирательству в уездных судах и Томской палате уголовного и гражданского суда[24] Крестьянские общества платили подати в уездные казначейства. Они обращались к губернским властям с различными просьбами, жалобами на действия горной администрации и пр. Губернскому начальству не раз приходилось силой наводить «порядок» в приписных волостях[25]

При этом гражданская администрация не без оснований сетовала на «произвол» земских управителей, полагая, что их власть «в крестьянском и волостном хозяйстве» должна быть ограничена «единственно надзором за точным исполнением крестьянами заводской повинности»[26] М.М.Сперанский, ставший в 1819 г сибирским генерал-губернатором, вообще поставил вопрос об освобождении алтайских приписных крестьян от заводских повинностей и полной передаче их под управление губернских властей. С решительным протестом выступил управляющий Кабинетом Гурьев. В итоге Сперанский должен был отступить от первоначального замысла. Однако при его активном участии с 1824 г. вводится новый порядок управления приписной деревней, при котором существенно усиливается роль общегражданской администрации. В 1828 г. был принят важный документ – «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов». Вместо канцелярии горного начальства создавалось Колывано-Воскресенское горное правление, которому подчинялись горные конторы (Барнаульская, Павловская, Локтевская, Сузунская, Томская, Змеиногорская, Салаирская и Колыванская) и 10 земских управителей, ведавших отделениями (в каждое входило несколько крестьянских волостей) Земские управители сохраняли значительную административную и хозяйственную власть в приписной деревне. Судебных же полномочий в результате реформы 1820-х гг горное начальство было лишено, правда, его наделили правом контроля за судопроизводством в окружных (уездных) и губернских судах. «По делам суда, – говорилось в «Положении о крестьянах, приписных к Колывано-Воскресенским горным заводам» 1828 г – горное правление ходатайствует за приписных крестьян в присутственных местах, предписывая губернским стряпчим и, в случае нужды, посылая своих чиновников в виде поверенных от крестьян с правом подавать протесты, объяснения и жалобы на законном основании» Главным лицом, через которое горное начальство контролировало деятельность гражданских судебных органов, являлся депутат по делам приписных крестьян, назначаемый в каждое отделение горным правлением[27]

Изменения, которые наблюдались в управлении приписными крестьянами Урала, во многом оказались схожими. Так, по указу 1781 г ликвидировалась канцелярия Главного заводов правления, а все казенные и частные заводы Пермского наместничества вместе с приписными крестьянами переходили в подчинение губернской администрации. То же самое было осуществлено в соседних уральских губерниях. Вместо единого органа управления уральской горной промышленностью возникло несколько самостоятельных – в лице горных экспедиций при губернских казенных палатах. Упразднялся институт земских комиссаров. Раскладка заводских отработок и высылка на них приписных крестьян передавались нижним земским судам и исправникам[28]

После смерти Екатерины II на Урале, как и на Алтае, были восстановлены прежние порядки: снова стали действовать Екатеринбургская канцелярия Главного

заводов правления; вернулись к системе двойного подчинения приписной деревни горной и общегражданской администрации[29] Дальнейшим преобразованиям положила конец отмена системы приписки на Урале.

Вообще можно заключить, что в организации управления уральской и алтайской приписными деревнями существовало принципиальное сходство. Роль горного начальства на Урале при этом на определенном этапе оказывалась даже более значительной, чем в Западной Сибири. Отмеченный факт служит дополнительным аргументом в пользу вывода о близости социального статуса уральских и алтайских приписных крестьян.

Велико было и на Урале, и в Западной Сибири значение органов крестьянского самоуправления. Сельская община оказывалась представленной здесь двумя основными формами: сложной (община-волость) и простой (община-деревня) Во главе деревенских обществ до 80-х гг XVIII в. стояли сотники и десятники; некоторые из этих обществ включали по две и более деревень (оставаясь, однако, простыми общинами). Следует отметить, что и на Урале, и на Алтае имелось немало деревень-малодворок. Горнозаводское начальство предпринимало меры по их «искоренению» «По указу ис канторы судных и земских дел, – говорится, например, в документе 1741 г – ...деревень, кои имеют в себе дворов десеть и более до указа сносить не велено, а однодворки или где по три и по четыре двора, то до сего года летом перенесть самим хозяевам, куда поблизости пристойно, в болшие деревни или крепости...»[30]. Однако местные крестьяне разными путями добивались сохранения малодворок: писали челобитные, подкупали местных управителей, просто игнорировали распоряжения начальства.

Поскольку заселение новых земель осуществлялось в значительной мере стихийно, деревни, расположенные поблизости друг от друга, появились в разные годы, и к тому же постоянно происходили самовольные перемещения населения. Границы сложившихся уже в первой половине XVIII в. сложных слободских обществ оказывались весьма своеобразными. В указе из конторы судных и земских дел от 17 июля 1735 г. говорилось: «Господин Татищев с товарыщи, разсуждая о сочинении окладных книг подушного збору с крестьян, приписных к заводам, по нынешним переписям послободно и по дистриктам, ис которых усмотрено... что по прежнему обыкновению, когда еще слободы заводились, то к ним крестьяне в деревнях селились, кто где хотел. И от того как ныне деревни видимо от слобод так есть далеки, что верст от 50 и до 100. Потом же, когда поселялась одна слобода перво и к ней не в далности другая заведена после, то от тех строенных слобод крестьяне селились также, где способные места сыскать могли, и к прежде построенным слободам весма близко и от своей, в которой ведом, в таком же растоянии, как и выше показано. Да и во многих деревнях есть жители в одной, ведомые в разных слободах, и за тем в наряде их в работы и для других мирских дел в переездах есть великая трудность и напрасные волокиты и убытки. В которой же деревне трех слобод жители, то ис каждой слободы для нарядов и протчего приезжают в одну деревню разные нарятчики. По тому ж их поселению и в переписях оные слободы и к ним деревни писаны, и от того в оных немалое замешание, что одна деревня в трех слободах поминаетца...»[31] В Западной Сибири подобного рода несуразности имели место и в середине XIX в.[32]

Слободские общины возглавлялись старостами, которые выбирались на сходах поочередно. Служили они сначала по полгода, затем по году Начальство требовало выбирать в старосты «из семьянистых людей добрых и пожиточных»[33] Однако это требование не согласовывалось с принципом очередности. Выбирали в слободские «начальники» и беглых, и больных, и престарелых. «Сего 1740 году в генваре месяце, – жаловался в Катайскую земскую контору житель Каменской слободы И.Станиловский, – выбран я во оную слободу бывшим старостой Никифором Безсоновым

с мирскими людьми в годовые старосты из одинаковых Понеже я за одиначеством своим и за глухотой оной службы снесть не могу, да к тому ж в прошлом 1737 году ворами башкирцами скот отогнан и пожитки все увезены, також по роскладу на нынешней 1740 год заводская работа не отправлена.. с покорностию прошу, чтоб. повелено было меня за одиначеством моим и за башкирским раззорением и для отправления заводской работы, и платежа доимочных денег от оной службы меня переменить другим...»[34]

Служба в старостах рассматривалась крестьянами как тяжелая обязанность. Некоторые, не желая оказаться на этой должности, накануне выборов бежали из своих деревень, другие упорно добивались досрочной их «перемены», третьи нанимали вместо себя в старосты добровольцев. Обязанности выборных лиц крестьянского самоуправления оказывались весьма многообразными и хлопотными С.С.Смирнов, проанализировав широкий круг источников, пришел к выводу, что на Урале, например, «роль земских контор в управлении приписной деревней сводилась к выполнению функций передаточного звена от вышестоящих органов к местным органам крестьянского самоуправления и обратно, а также к контролю за органами общинного самоуправления.. Фактически исполнителями поступавших сверху распоряжений являлись не комиссары, как это принято считать, а слободские (позднее волостные) старосты»[35]

Наказ, данный из Катайской земской конторы выбранному на 1745 г в старосты Петру Баженову, включал 24 пункта. Староста отвечал за своевременность и правильность расклада заводских работ, высылку крестьян на заводы и выполнение ими других повинностей, за предупреждение бегства общинников, хорошее состояние слободских укреплений (если они были), за борьбу с пожарами, обеспечение подводами проезжающих чиновников, за поддержание в обществе «тишины и спокойствия», за наделение всех душ муж. пола земельными участками и выполнение «без проронки» всех предписаний сверху. За неисполнительность староста наказывался штрафом, битьем кнутом и пр.[36]

На сходах выбирали также раскладчиков заводских отработок, целовальников, сторожей и других должностных лиц. И при этом главным принципом была очередность. Администрации запрещалось вмешиваться в крестьянские выборы, хотя на практике это запрещение, конечно, не всегда соблюдалось. Вообще в период до 80-х гг XVIII в. контроль за деятельностью общины, вмешательство управителей и «главного» начальства в ее внутренние дела на Урале прослеживались более отчетливо, особенно в годы руководства местными заводами В.Н.Татищевым. Появлялись указы о выборе пастухов, о переносе деревень на новое место, о сломе поскотин и об административном наказании неверных мужей и легкомысленных девиц[37]

В начале 80-х гг XVIII в. самоуправление у приписных крестьян подверглось существенной перестройке. Было введено разделение уездов на волости. Во главе волостей отныне находились волостные суды. Волостной суд состоял из старосты и двух выборных. Правда, эта реформа в полном объеме была проведена только на Урале. На большей части Колывано-Воскресенского горного округа вместо волостных судов продолжали функционировать прежние органы управления – земские избы, в каждой из которых заседали староста и выборный. Существенно менялись функции выборных крестьянских органов. Им дополнительно передавались многие из обязанностей, выполняемых прежде земскими комиссарами, управителями, земскими конторами[38]

Новые изменения в структуре крестьянского самоуправления последовали в 1798 г когда, согласно Положению от 24 августа 1797 г волостные суды (а на Алтае и земские избы) были заменены волостными правлениями, несколько скорректировано само волостное деление (Положение предусматривало, что в волости

должно быть не менее 3000 ревизских душ) В волостное правление входили волостной голова, староста и писарь – впервые писарь назывался в числе должностных лиц крестьянского самоуправления. Каждое селение должно было составлять отдельное сельское общество во главе со старшиной. Волостного голову и писаря полагалось избирать на два года, а сельских старшин – на год. На Алтае Положение 1797 г в полную силу вступило с 1 января 1799 г Причем здесь, в силу специфики местных условий, были внесены в предлагаемую законом структуру крестьянского самоуправления некоторые коррективы (разрешено волостным обществам выбирать дополнительного выборного «для приема и отвоза денег в уездные казначейства», жителям малых деревень иметь одного старшину на два-три селения и пр.) Сложившаяся в конце XVIII в. в приписной деревне система самоуправления сохранялась в основных чертах и к середине XIX в. (на Алтае)[39]

Компетенция выборных крестьянских органов и сходов несколько менялась на протяжении времени, в том числе из-за изменений в управлении горными заводами[40] Однако основные обязанности и права оставались прежними Перемены происходили прежде всего в характере взаимоотношений общин с вышестоящим начальством· усиление роли горных властей, как правило, приводило к усилению контроля и опеки со стороны последних. При всем том и на Урале, и на Алтае приписная община на всем протяжении рассматриваемого времени обладала значительной самостоятельностью; во всех сферах ее деятельности решительно преобладало крестьянское, демократическое начало[41] Принципиальных отличий в структуре и функциях крестьянского самоуправления у приписных Урала и Алтая не обнаруживается. Анализ организации управления и самоуправления приписными крестьянами показывает, что утверждение об особом социальном статусе алтайских крестьян безосновательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв. М Л. 1949. Т 1. С. 118.
2. *Карпенко З.Г* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700 – 1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 47.
3. *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства... Т. 1. С. 118.
4. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1262 – 1881 гг. Пермь, 1889. Период 5. Ч 3. С. 292–294.
5. *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых... Т 1 С. 166; *Козлов А.Г* Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Сб.2. С. 26, 48; История Урала с древнейших времен до 1861 г М., 1989. С. 301, 428.
6. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 262–264; *Жеравина А.Н.* Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) Томск, 1985. С. 43
7. ПСЗ-I. Т 29. № 22498; Рабочее движение в России в XIX в. М., 1955 Т 1 Ч. 1 С. 46.
8. Крестьянство Сибири... С. 271.
9. ПСЗ-II. Т. 3. №1960.
10. *Покровский Н.Н.* Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 182.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 361. Л. 12.
12. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987 С. 64.
13. *Лукичев С.С.* Заводская барщина приписных крестьян Колывано-Воскресенского горного округа в предреформенный период // Вопросы истории Сибири. Вып. 4.: Труды Томского гос. ун-та. Т 214. Томск, 1969; *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 года на Алтае. Томск, 1972; *Жеравина А.Н.* Очерки по истории приписных крестьян..., *Агапова Т И* Кабинетское хозяйство. 1747 1860-е гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Л., 1967
14. *Соболева Т.Н.* Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20 – 50-е гг XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1991 С. 27

15. *Соболева Т Н* Проект социально-экономических преобразований на Алтае М.М.Сперанского // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII - XIX вв. Барнаул, 1984. С. 49-68; *Борблик Е.М* К вопросу организации управления Колывано-Воскресенским горным округом в системе управления российского абсолютизма // Исторический опыт освоения Сибири. Вып. 1. Новосибирск. 1986. С. 66-69; *Она же*. Участие сибирской администрации в управлении ведомством Колывано-Воскресенских заводов в 1747-1779 гг. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 43-53; *Она же*. Проблемы управления Колывано-Воскресенским округом в XVIII - первой четверти XIX в. в досоветской историографии // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул. 1988. С. 63-75; *Миненко Н.А*. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII - первая половина XIX века. Новосибирск. 1991; *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск. 1994.
16. *Геннин В*. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I Екатеринбург. 1995. С. 104-107
17. *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 62.
18. Там же. С. 62-65.
19. ГАСО. Ф. 572. Оп. 1 Д. 31 л83.
20. *Жидков Г.П*. Кабинетское землевладение (1747 -1917 гг.) Новосибирск, 1973. С. 77-78.
21. Там же. С. 68; Крестьянство Сибири... С. 272.
22. РГАДА. Ф. 271. Кн. 2544. Л. 273.
23. *Соболева Т Н*. Управление приписными... С. 27
24. Там же. С. 28.
25. *Миненко Н.А*. Русская крестьянская община... С. 229-231
26. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 320. Л. 5.
27 *Соболева Т Н*. Управление приписными... С. 28-33; ПСЗ-II. Т 3. №1960.
28. *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 69-70; *Лоранский А.М*. Краткий исторически очерк административных учреждений в России. СПб., 1900. С. 132-133.
29. *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 71
30. ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 87. Л. 64-64 об.
31. Там же. Д. 57 Л. 156-156 об
32. *Миненко Н.А*. Русская крестьянская община... С. 93-96.
33. ГАСО. Ф. 572. Оп. 1 Д. 39. Л. 54.
34. Там же. Д. 64. Л. 60.
35. *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 68.
36. ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 94. Л. 48; Д. 158. Л. 183-187 об.
37. ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 14. Л. 484-484 об.; Д. 21. Л. 22-29; Д. 55. Л. 244; Д. 83. Л. 43-43 об.
38. *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 69; *Миненко Н.А*. Русская крестьянская община... С. 23-28.
39. *Миненко Н.А*. Русская крестьянская община...С. 23-50; ПСЗ-I. Т. 21 №17098, 18082; ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 324.
40. *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 71; Крестьянство Сибири... С. 272-279.
41. *Миненко Н.А*. Русская крестьянская община..., ГАСО. Ф. 105. Оп. 1 Д. 63. Л. 1-122 об.; Д. 72. Л. 2-104; Д. 69. Л. 2-246; *Смирнов С.С*. Приписные крестьяне... С. 68.

ORGANIZATION OF GOVERNMENT AND SELFGOVERNMENT OF THE ASCRIBED PEASANTS IN THE URALS AND WESTERN SIBERIA (18th - FIRST HALF OF THE 19th CENTURY)

Organization of ascribed peasants government is discussed in connection with the double subordination of ascribed villages - to the mining and common civil administration. A comparative analysis of the ascribed villages in the Urals and Altai makes possible to conclude that in principal we may speak about the similarity in the organization of the government. Yet, in Western Siberia the role of administration of the governor (and voyevoda) was more significant. This may be considered as an additional argument in favour of the conclusion that social status of the Ural and Altai ascribed peasants was similar

N.A.Minenko

В.А.Шкерин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ УРАЛЬСКИМ ГОРНОЗАВОДСКИМ РЕГИОНОМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В XVIII век Россия вошла испытывая тяжелейшую нехватку металла. Тульские, олонецкие, липецкие заводы, слабо обеспеченные рудой и топливом, не могли удовлетворить запросы страны. Северная война, с одной стороны, сократила поступление на российский рынок шведского металла, а с другой, значительно повысила потребности в нем государства. Россия и Швеция соревновались не только в полководческом искусстве и воинской доблести, но и в развитии металлургии. За три года до начала войны, в мае 1697 г., начальник Сибирского приказа думный дьяк А.А.Виниус радостно сообщал Петру I, что в уральских горах найдена «зело добрая руда» Слабость российских заводчиков и масштабность задачи формирования металлургической промышленности в малонаселенном и удаленном от центра страны районе заставили государство взять инициативу в этом деле на себя Строительство первых уральских заводов – Невьянского (Верхотурского) и Каменского нижнего началось в марте 1700 г Уже через год правительство передало Невьянский завод в руки тульского промышленника Никиты Антуфьева-Демидова[1]

В 1704–1720 гг. правительство основало на Урале еще четыре завода, частный капитал – пять, из которых три были пущены Никитой Демидовым и его сыном Акинфием. Не все заводы оказались долговечными, но рождение нового промышленного региона состоялось. Появилась необходимость создания государственной структуры, которая осуществляла бы контроль за его функционированием. 1720 г стал началом складывания системы местного горнозаводского управления на Урале Правительство прислало в Кунгур группу специалистов во главе с артиллерийским капитаном В.Н.Татищевым. По его инициативе была создана Кунгурская горная канцелярия, которая в начале следующего года была переведена на Уктусский завод и преобразована в Сибирское высшее горное начальство. В подчинении у него находились два нижних горных начальства – Кунгурское и Казанское, казенные заводы, а также Земская контора и Судебная канцелярия, созданные для управления приписными крестьянами. В 1723 г. были основаны крепость и завод на реке Исети – будущий Екатеринбург, который изначально задумывался как центр горнозаводского края. По мере строительства Екатеринбурга генерал-майор В.И.де Геннин, сменивший В.Н.Татищева, перевел туда Земскую контору, Судебную канцелярию, таможню, а в сентябре 1723 г. и Сибирский обер-бергамт (так с этого года назывался главный орган местного горнозаводского управления). В 1724 г Сибирскому обер-бергамту был подчинен Нерчинский бергамт, в в 1725 г был создан Пермский бергамт. В результате к 30-м гг XVIII в. оформилась трехступенчатая система органов горнозаводского управления: заводские конторы – горное начальство (бергамты) – высшее горное начальство (Сибирский обер-бергамт)[2] На государственном уровне делами горнозаводской промышленности ведала Берг-коллегия, созданная в 1719 г.

Создание системы местного горнозаводского управления устанавливало государственный контроль над прежде самовластными действиями заводчиков на Урале Уже между Татищевым и Демидовыми возник острый конфликт, послуживший причиной временного удаления первого начальника заводов с Урала[3] В период правления императрицы Анны Иоанновны наметился поворот в сторону развития

частной горнозаводской промышленности за счет и в ущерб казенной. В 1738 г Генерал-берг-директориум, временно сменивший петровскую Берг-коллегию в управлении горнозаводской промышленностью империи, решил, что «для интересу Ея Величества» было бы полезно раздать казенные предприятия в частные руки. На Урале это решение реализовалось в передаче Гороблагодатских заводов в 1739 г генерал-берг-директору барону Шембергу, выходцу из Саксонии и протеже могущественного графа Э.И.Бирона. С падением Бирона Шемберг был вынужден покинуть Россию, а Гороблагодатские заводы в 1742 г были возвращены государству[4] Наиболее же чувствительный удар горнозаводское управление получило в середине XVIII столетия, когда специальная комиссия, решавшая в Санкт-Петербурге вопрос о дальнейшей судьбе казенной металлургической промышленности, вновь пришла к выводу о целесообразности передачи ее в руки «партикулярных» людей. Уральские предприятия попали во владение представителей сановной знати – канцлера М И.Воронцова, его брата Р.И.Воронцова, камергера И.Г Чернышева, графа П.И.Шувалова и др В собственности казны остались только Екатеринбургский и Каменский заводы. Необходимость в существовании местного горнозаводского управления отпала. В 1775 г была ликвидирована и Берг-коллегия[5]

Но несмотря на щедрое субсидирование деньгами и широкие привилегии в использовании рабочей силы, аристократия оказалась не способной к успешному ведению горнозаводского хозяйства. В развитии уральской металлургии начали проявляться кризисные явления, заводы, переданные сановникам, возвращались в государственное владение или переходили в собственность купеческого капитала. Государственными заводами ведали Казенные палаты, чье некомпетентное руководство послужило причиной их дальнейшего запустения. Наконец, в 1796 г Берг-коллегия была востановлена, а в Екатеринбурге создано Главное заводов правление, наделенное правами и обязанностями Сибирского обер-бергамта. Не обошли стороной горнозаводской Урал и реформы Александра I. В 1804 г был образован «особенный комитет», который на основе громадного материала, извлеченного из законодательства и собранного на заводах, создал «Проект горного положения для управления заводов хребта Уральского», содержавший около тысячи статей. «Проект» был утвержден царем 13 июля 1806 г. и приобрел силу закона Многие его положения легли в основу «Уставов горных» – сводов нормативных актов, регулировавших функционирование горнозаводской промышленности.

Высшим органом управления горнозаводской промышленностью империи стал Департамент горных и соляных дел, созданный при Министерстве финансов в Санкт-Петербурге. Его составляли Горный совет, ведавший решением законодательных и технических проблем, и исполнительный орган – Горная экспедиция, осуществлявшая экономическую политику[6]

Существенная доля власти приходилась на органы местного горнозаводского управления. В начале XIX в. Горное правление некоторое время располагалось в губернском г Перми, затем было возвращено в Екатеринбург Возглавлялось оно берг-инспектором, подчинявшимся приказам как министерства финансов, так и губернатора, а через него – министерств внутренних дел и юстиции. Распоряжения, рожденные в канцеляриях различных министерств, порой противоречили друг другу, что мешало нормальной работе. Николай I указом от 22 ноября 1826 г устранил это неудобство, учредив должность главного начальника горных заводов хребта Уральского[7] «Главный Начальник непосредственно подчиняется Министру Финансов, по местному начальству своему есть главный командир и хозяин заводов», – утверждалось во всех редакциях «Устава горного», созданных в первой половине XIX в [8] Особое положение горного начальства в иерархической структуре российского государства, независимость его от губернских властей подчеркивались особой статьей «Уставов». «Горное Правление, кроме Императорского Величества и

Правительствующего Сената, ни от кого не принимает указов»[9] В обязанность главному начальнику вменялось «привести в лучшее устройство горную часть Уральского края вообще, сохранить единство в управлении заводами и иметь необходимый ближайший надзор по всем частям горного устройства»[10] Первыми главными начальниками были артиллерийские генералы А.А.Богуславский (1827–1831 гг.), А И.Дитерихс (1831–1836 гг.) и В.А.Глинка (1837–1856 гг)[11]

Горное правление находилось в прямом подчинении у главного начальника уральских заводов и подразделялось на два департамента. Первый из них вел «дела распорядительные и исполнительные по заводам казенным и частным», второй – «дела судебные»[12] Редакция «Устава горного» 1842 г. существенно детализировала функции и порядок работы первого департамента. Наиболее важные «распорядительные и исполнительные» дела должно было решать общее присутствие департамента[13], прочие – специально созданные отделения. Функции и задачи отделений частично пересекались, но в целом их можно определить так. первое занималось кадровыми вопросами (как по чиновникам, так и по рабочим), второе собирало сведения по ведению хозяйства на казенных и частных заводах и рудниках, а в случае необходимости брало под государственную опеку и даже имело право продавать частные предприятия, задолжавшие государству; третье было ответственно за социальные вопросы управления горными заводами и заводскими селениями; четвертое – за выполнение заказов Военного и Морского министерств, вопросы транспортировки заводской продукции, рациональное использование лесов. Счетное отделение, осуществляло финансовый контроль за казенными и частными предприятиями[14]

В первой половине XIX в. государство владело на Урале шестью горнозаводскими округами (Екатеринбургским, Богословским, Гороблагодатским, Златоустовским, Пермским и Камско-Воткинским), в составе которых находилось более 20 заводов. Горнозаводские округа были едиными хозяйственно-территориальными комплексами, объединявшими металлургические заводы, рудники и прииски, леса, использовавшиеся для углежжения, реки и гидротехнические сооружения, дававшие энергию, вспомогательные производства. Заводы и прииски управлялись заводскими и приисковыми конторами, которые, в свою очередь, подчинялись окружным конторам и горным начальникам. Таким образом, в первой половине XIX в. вновь функционировала трехступенчатая система местного горнозаводского управления: заводские конторы – окружные конторы – Горное правление.

Государство стремилось контролировать и развитие частной горнозаводской промышленности В числе обязанностей главного начальника значилось «соблюдение вообще, как по казенным, так и по частным заводам должного порядка подчиненности, благочиния и повиновения заводских людей, а также попечение о их чести и призрении престарелых, больных и увечных; попечение о срочном (своевременном – В.Ш.) поступлении горных податей и покровительстве частных заводов во всех частях»[15] Контроль государства не отрицал хозяйственной самостоятельности частных предприятий. «Уставы» провозглашали, что «внутреннее хозяйственное управление всего производства частных горных заводов и промыслов зависит совершенно от самих заводчиков»[16] Частная промышленность также была организована по окружной системе, в которой каждый горный округ имел владельца и обладал хозяйственной самодостаточностью. «Уральские заводы готовили у себя средствами своих латифундий все до последнего гвоздя: даже канаты и сальные свечи для рудников выходили из заводских мастерских, была своя швальня для заготовки обуви рабочим, своя писчебумажная фабрика, свой фаянсовый завод для делания чернильниц и песочниц», – писал в начале XX в историк и экономист В.Д.Белов[17] Горные власти имели право вмешиваться в дела заводовладельцев в случае, если они противоречили требованиям законов или создавали угрозу

социальной стабильности Постоянное непосредственное наблюдение за порядком на частных заводах осуществляли чиновники, называемые заводскими исправниками Их место службы находилось на самих этих заводах[18]

«Уставы горные» обязывали главного начальника по вступлению в должность «объехать и внимательно осмотреть все казенные заводы; равным образом по сему случаю или впоследствии и заводы частных владельцев, а особливо между последними те, при коих находятся данные от казны мастеровые, непременные работники и казенные леса»[19] В дальнейшем он должен был повторять подобные «временные обозрения»[20] Уральский врач А.А.Миславский вспоминал, что ревизии, производимые главным начальником, «составляли целую эру» в жизни заводов[21] По свидетельству другого мемуариста – Ал.Корельского, они «должны были представлять собою нечто вроде внезапных ревизий без предупреждения местного начальства о времени прибытия в округ главного начальника Но в канцелярии последнего были свои, знакомые люди и каждый раз заблаговременно извещали горных начальников о предстоящем выезде главы Урала из Екатеринбурга, с приложением подробного и точного маршрута»[22]

В горнозаводских регионах России был установлен военно-заводской режим. Широко известны слова Д Н.Мамина-Сибиряка «В царствование Николая I это военное положение достигло своего апогея, точно Екатеринбург находился на неприятельской территории Это было настоящее государство в государстве, беспримерное существование которого требует серьезного изучения: тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения»[23] Спустя более века после написания этих строк военно-заводской режим как явление российской государственности по-прежнему нуждается в изучении В советский период развития исторической науки он рассматривался лишь как составляющая проблемы изменения правового положения рабочих. В соответствии с таким подходом определялось и время установления режима на заводах. Одни историки искали конкретное событие, конкретную дату К.А.Пажитнову, В Я.Кривоногову, М.А.Горловскому и А.Н.Пятницкому военное положение представлялось прямым следствием издания «Горного положения» 1806 г., а А.М.Панкратова связывала военно-заводской режим с введением штатов 1847 г [24] Е.Г.Неклюдов и Н Г.Павловский предлагают рассматривать установление военного режима не как единовременный акт, а как процесс, завершившийся в 1847 г [25] Второй подход представляется более продуктивным. Вместе с тем очевидно, что одного критерия изменения положения рабочих ни для определения времени установления военного режима, ни тем более для его всестороннего описания недостаточно. Это явление гораздо более многогранное

Верхние этажи военно-заводской иерархии занимали офицеры Корпуса горных инженеров. Еще В И.де Геннин в 1731 г писал в Сенат о необходимости уравнять заводских служащих рангами и жалованием с офицерами воинской службы Представленный им табель горных чинов был переработан В.Н Татищевым и утвержден в 1734 г как «Штат чинов при Сибирских горных заводах» Однако это было лишь начало длительного процесса определения места горного офицерства в сословной структуре российского общества. Только «Устав о службе гражданской» 1832 г однозначно констатировал, что «чиновники горные пользуются всеми преимуществами военной службы, то есть приобретают потомственное дворянство с пожалованием в первый классный горный чин»[26] Согласно положению о Корпусе горных инженеров от 1 января 1834 г по штату уральских заводов числились главный начальник заводов в чине не ниже генерал-майора, при нем три адъютанта – поручик, штабс-капитан и капитан, да при Горном Правлении три штабс-капитана, три капитана и три майора, а также начальники горных округов в полковничьих чинах и так далее[27]

В отличие от горных инженеров большая часть чиновников ведомства воинских чинов не имела, но и они в соответствии с нормами эпохи были обязаны носить форму Согласно «Проекту горного положения» 1806 г все чиновники горного ведомства получали право выхода в отставку с пенсией в размере половинного жалования после 20, а полного – после 25 лет службы. Чиновники иных ведомств получали подобные права лишь после 25 и 35 лет службы, соответственно. Условием получения пенсии была непрерывность службы. Среди прочих привилегий горного чиновничества было право бесплатного обучения детей в Горном институте в Санкт-Петербурге, что способствовало созданию династий управленческих и технических кадров на горных заводах[28]

Общая численность служащих высшего звена уральской казенной промышленности первой половины XIX столетия определялась штатным расписанием в 400 с небольшим человек. Согласно отчетам штаба Корпуса горных инженеров, в начале 1844 г на заводах Урала на службе состоял 421 чел., из которых 70 были горными инженерами, 72 горными и 279 гражданскими чиновниками. К началу 1861 г там находилось на службе 408 чел., в числе которых было 137 горных инженеров, 5 горных и 266 гражданских чиновников[29]

В распоряжении главного начальника были и настоящие войска – три линейных Оренбургских батальона, один из которых был расквартирован непосредственно в Екатеринбурге. Ал.Корельский писал, что обязанности воинских подразделений на горнозаводском Урале заключались «в охранении денежных кладовых и магазинов, в содержании караулов при заводских управлениях, в препровождении и охранении транспортов с золотом, денежными суммами и металлами; в содействии в экстренных случаях заводской полиции к охранению казенного интереса и сохранению порядка и безопасности и, наконец, в исполнении экзекуций»[30]

На заводском Урале находились также уездные инвалидные команды, подвижные инвалидные роты, горная полиция. Полицейскую команду Екатеринбурга составляли казаки, десятники, будочники, трубочисты, профосы, сторожа и чины пожарной команды во главе с брандмейстером. Окружная полиция состояла из казаков, сотников и десятников. Все должности горной полиции комплектовались людьми из военного ведомства, «туземцев и местных жителей» принимать воспрещалось[31]

Максимальное отождествление военнослужащих и рабочих казенных предприятий достигалось уже в ходе рекрутских наборов В результате их крестьянин мог попасть и в армию, и на завод. Рекруты, не признанные медицинской комиссией годными к строевой службе, отправлялись «служить» на заводы. На основании законов того времени солдатские дети «по своему происхождению» были обязаны поступать на воинскую службу Так же и дети мастеровых вслед за отцами попадали на службу горную. Мастеровые казенных заводов, как и военнослужащие, освобождались от всех государственных податей и повинностей Единственной повинностью мастеровых и рабочих людей была починка дорог и мостов внутри своего горнозаводского округа. Подобно военнослужащим мастеровые и работные люди пользовались правом выхода в отставку и получения пенсии. И армейские, и заводские отставники получали личную свободу Срок службы в армии ограничивался двадцатью пятью годами, и лишь «бывшие в штрафах» теряли право на отставку Четверть века заводской работы была только минимальным сроком, после истечения которого начальство могло отпустить работника на волю. Основанием для отставки работников служило признание их «неспособности к службе» Только штаты 1847 г. утвердили единый срок службы казенных мастеровых и работных людей, который составил 35 лет Выслуга положенного срока теперь давала работнику право самому решать. продолжать ли ему работу на заводе или

выходить в отставку При этом отставку могли получить лишь рабочие, за время службы не состоявшие в штрафах[32]

В характеристике военно-заводского режима, данной Д.Н.Маминым-Сибиряком, есть и такие слова: «Если тяжело было положение рабочих на частных заводах, то на казенных оно превращалось в каторгу»[33] Сказанное классиком не пропало втуне. Академик А.М.Панкратова отождествляла мастеровых казенных заводов с каторжниками[34] Другой исследователь А.С.Черкасова утверждает, что «в первой половине XIX в., когда на них (казенных заводах – В.Ш) был введен военный режим, волнения и другие акты сопротивления произволу стали обычным явлением и на этих заводах»[35] Между тем на казенных заводах Урала в период, прошедший от упразднения системы приписки до реформ 1860-х гг волнений трудового люда не происходило. Единственным исключением явилось выступление мастеровых Березовского завода 1820–1821 гг Может быть выдвинуто предположение, что отсутствие массовых выступлений на казенных заводах Урала в первой половине XIX столетия объясняется не исчезновением причин для недовольства, а страхом перед возросшей мощью карательного механизма Но тот же механизм запускался в действие и при возникновении непорядков на частных заводах, а их в указанный период было в избытке. Главным требованием многих выступлений было распространение на частные округа норм оплаты и условий труда, принятых на казенных заводах.

Разумеется, идеализировать положение рабочих казенных заводов не следует Речь идет о феодальном обществе с присущими ему ограничениями свобод и внеэкономическим принуждением. На горных заводах России они действовали как при военном режиме, так и без него. Конечно, военный характер режима создавал и ряд дополнительных трудностей для рабочих. Нельзя, например, положительно оценить их привлечение к участию в парадах по случаю приезда высоких гостей. Но более существенным представляется тот факт, что положение военнослужащих послужило основанием для закрепления прав и обязанностей казенных рабочих соответствующими документами – штатами И если штаты не полностью спасали от проявлений произвола, то, по крайней мере, создавали для этого правовые условия. На частных заводах произвол администрации не ограничивался почти ничем и, как правило, был гораздо сильнее.

Влияние главного начальника в крае выходило за пределы собственно горнозаводской сферы. «Проект горного положения» 1806 г предусматривал создание на Урале «горных городов» по образцу подобных центров в Германии, Чехии и других странах Западной Европы. Исследователь Г.И Маньковский писал, что «авторы Положения надеялись тем самым освободить население этих городов от крепостного права»[36] Историки М.А.Горловский и А.Н.Пятницкий утверждали обратное: согласно замыслу «Проекта» горные города «должны были стать опорными пунктами подчинения всей жизни края интересам горного производства и центрами борьбы с недовольством горнозаводского населения»[37] Обращение к тексту документа подтверждает первое мнение. В «Проекте» записано: «Производство горных работ вольными людьми, а не из принуждения, людьми, гордящимися своим состоянием, и вообще упражнение сих людей в горных промыслах, следовательно, науках, как собственно горных, так и тех, кои сим служат вспомогательными, не только усовершенствовало горные работы, но и возвело на высшую степень совершенства умозрительную часть горных наук. Если бы с учреждения горных городов в России правительство беспрерывно следовало сим началам, то, вероятно, многие заводы или по крайней мере многие работы были бы исправляемы уже вольными людьми В учреждении горных городов сей предмет есть главнейший, и сия польза не только для заводов, но и для государства есть самая важнейшая Сообразно с сею целию определены в Горном Положении некоторые права для горных городов»[38] Документ

предусматривал учреждение пяти горных городов по числу существовавших тогда казенных округов: Екатеринбург – для Екатеринбургских заводов, Кушва – для Гороблагодатских, Богословск – для Богословских, Юг – для Пермских, Ис – для Камских. В 1806 г статус горного города получил Екатеринбург[39] Однако правительство быстро охладело к идее горных городов. Другие такие центры в России не появились, «начала» вольности, о которых ратовали авторы «Проекта», были забыты.

Незавершенность предприятия поставила Екатеринбург в сложное положение. В качестве горного города он находился в подчинении у горных властей, но поскольку иных подобных примеров не имелось, то не был ликвидирован и его уездный статус, и в этом качестве город оставался в ведении губернской администрации. Екатеринбург являлся не только столицей горнозаводского края, но и центром средоточия торговли и негорнозаводской промышленности, и потому ни горная, ни губернаторская власти не желали отказываться от контроля над ним В 1847 г между ними разгорелся конфликт по вопросу о контроле над городским управлением Екатеринбурга, завершившийся в 1851 г полным подчинением города горным властям[40] В 1854–1859 гг. губернская администрация пыталась взять реванш в этом вопросе, но безуспешно. 18 июля 1859 г министр внутренних дел С.С.Ланской писал министру финансов: «Признавая со своей стороны согласно с мнением бывшего Министра Финансов что Екатеринбургская Городская Дума должна находиться в прямой зависимости от Горного Начальства и не может быть подчинена гражданскому управлению, я сообщил о том Начальнику Пермской Губернии для надлежащего руководства»[41]

Усилению влияния горных властей в регионе способствовало открытие Екатеринбургской конторы Государственного Коммерческого банка и ее временного отделения в Ирбите. Сезонность сбыта металлургической продукции Урала и неэффективность распределения полученных средств создавали почти всеобщую проблему нехватки оборотного капитала у частных заводов в дореформенный период. Контора и ее отделение были учреждены именным указом императора от 15 января и сенатским указом от 31 января 1847 года Декларировалось, что контора создавалась «в видах содействия частным горным заводам хребта Уральского к выгоднейшему сбыту их произведений и для облегчения денежных оборотов Ирбитской ярмарки». Во главе конторы стояли управляющий и трое директоров, один из которых назначался из числа чиновников горного ведомства Директор со стороны горного ведомства сообщал присутствию конторы сведения о состоянии дел на частных заводах и об их владельцах, а также информировал главного начальника заводов о ссудах, предоставляемых банком заводчикам. Екатеринбургская контора принимала вклады для трансферта, выдавала ссуды под залог различных сортов железа и меди, а также золота по квитанциям Уральского Горного правления, производила другие банковские операции. При выдаче денег под залог металлов горный исправник удостоверялся в наличии товара, о чем сообщал Горному правлению. После выдачи ссуды на металлы накладывался секвестр, и они поступали под контроль исправника. Если заводчик все же умудрялся продать засеквестрованные металлы, он должен был выплатить пеню в размере четверти суммы реализованного товара, а сами заводы брались Горным правлением под казенный присмотр Если деньги не возвращались банку в срок, металлы продавались с публичных торгов, а заводы опять же попадали под казенный присмотр. Примерно на таких же условиях предоставлялись ссуды и под залог золота[42] К началу 50-х гг XIX в в Екатеринбургской конторе находилось в залоге не менее 900 тыс. пудов металлов, величина выданных займов достигала 700 тыс. руб В списке получателей кредитов числились владельцы двенадцати частных горнозаводских округов, в первую очередь Нижне-Сергинского, Нижне-Тагильского и Кыштымского[43]

В период с 1 февраля по 1 марта, когда работала ежегодная Ирбитская ярмарка, на нее с утверждения министра финансов направлялись управляющий и один из директоров Екатеринбургской конторы Коммерческого банка. Они вместе с четырьмя директорами, избранными обществом местных и прибывших на ярмарку купцов первых двух гильдий, составляли временное отделение конторы в Ирбите. Отделение принимало денежные вклады для трансферта и выдавало ссуды под учет векселей[44] Способствуя развитию одной из крупнейших российских ярмарок[45], горные власти брали в свои руки мощный рычаг воздействия на купеческий капитал.

Описывая круг полномочий главного начальника уральских заводов, Д.Н.Мамин-Сибиряк сделал следующий вывод: «Одним словом, это была обширная и совершенно своеобразная власть, какая дается только военным генерал-губернаторам в областях, объявленных на военном положении. Поставленная рядом с ней власть губернатора бледнела и совершенно терялась»[46] Сравнение главы заводского края с губернатором и генерал-губернатором полюбилось другим авторам и было использовано в литературе неоднократно[47]

«Относительная медлительность посланцев, невзгоды, на каждом шагу грозившие им задержанием, приводили к тому, что действительной властью была только власть на месте», – писал знаменитый французский историк Марк Блок, характеризуя феодальное общество[48] В новое время зависимость меры самостоятельности местных властей от величины территории государства и уровня развития средств передвижения и связи еще не потеряла актуальности. «Наша страна слишком велика, для того, чтобы всеми ее делами ведало одно правительство», – считал один из основателей США Томас Джефферсон. В стране с демократическим режимом из этой посылки делался вывод о необходимости развития представительных органов власти. В России пошли по пути создания «особенных управлений», господствовавших на большей части окраин Наместники и генерал-губернаторы пользовались значительной самостоятельностью решений и, подчиняясь непосредственно императору, то и дело конфликтовали с центральными министерствами[49] Особенность власти главного начальника заводов заключалась в том, что горные округа, в которых он был «командиром и хозяином», были разбросаны по территории четырех губерний: Пермской, Оренбургской, Вятской и Казанской Законы недостаточно разграничивали полномочия горных и общегражданских властей, оставляя большое количество причин и поводов для их противоборства. Рядом актов в обязанности губернаторам вменялся надзор за функционированием казенной промышленности[50] Наиболее рельефно указанное противоречие проявлялось в Пермской губернии, где располагалась большая часть заводов, а также сама «ставка» главы горной администрации. Логической вершиной противоборства горной и губернской властей послужило предложение начальника заводов В.А.Глинки об учреждении собственной, подвластной ему губернии. Генерал высказал ее в письме от 18 февраля 1852 г к Олонецкому (бывшему Пермскому) архиепископу Аркадию. Глинка надеялся на создание губернии в «будущем году» из ряда уездов Пермской губернии, городов Туринска, Кургана и Челябинска[51] Вероятно, предпринимались и официальные шаги. Проект не был реализован, но он примечателен уже тем, что в нем едва ли не впервые нашла отражение идея создания губернии с центром в Екатеринбурге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т 1. М.; Л., 1949. С. 72, 77 425–426.
2. История Урала с древнейших времен до 1861 г М., 1989. С. 263–264, 296.

3. *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 164–165; *Шакинко И.М.* В.Н.Татищев. М., 1987 С. 31–39; *Черкасова А.С.* История одного конфликта. Из переписки В.Н.Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник. Исторический альманах Екатеринбург, 1994 С. 174–199.
4. *Мамин (Сибиряк) Д.* Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889. С. 13–14; *Он же.* Статьи и очерки. Свердловск, 1947 С. 93; *Струмилин С.Г* История черной металлургии в СССР. Т. 1: Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954. С. 255.
5. *Иванов П.А.* Краткая история Управления горной частью на Урале Екатеринбург, 1900. С. 11, *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 255–256; *Маньковский Г.И.* А.Ф.Дерябин о преобразовании горной промышленности России // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. Т 25. М., 1959. С. 50, 51–53; *Черкасова А.С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985 С. 98–99; История Урала..., 1989. С. 272–273; Ironmaking in Sweden and Russia. A Survey of the Social Organisation of Iron Priduction before 1900. Uppsala, 1993. P 53
6. *Маньковский Г.И.* Указ. соч. С. 68; *Blackwell W.L.* The Beginnings of the Russi Industrialization. 1800–1860. Princeton, 1968. P. 160.
7 *Белов В.Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 63–64; *Горловский М.А.* Горный город Екатеринбург 1807–1863. Свердловск, 1948 С. 71
8. Свод учреждений и уставов Горного управления // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича состоавленный. Т 7 Ч. 3: Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1832 (Далее – Устав Горный, 1832) Ст.312; Устав Горный // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 7. Ч. 3: Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1842 (Далее – Устав Горный, 1842). Ст.658; Устав Горный // Свод законов Российской империи издания 1857 года. Т 7 Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1857 Ст.718.
9. Устав Горный, 1832. Ст.312; 1842. Ст.658; 1857 Ст.718.
10. Устав Горный, 1832. Ст.279; 1842. Ст.510; 1857 Ст.576.
11. *Белов В.Д.* Указ. соч. С. 64.
12. Устав Горный, 1832. Ст.294; 1842. Ст.576; 1857 Ст.596.
13. Устав Горный, 1842. Ст.539–541, 589.
14. Устав Горный, 1842. Ст.542–546.
15. Устав Горный, 1832. Ст.281, П.3; 1842. Ст.512, П.3; 1857 Ст.579, П.3.
16. Устав Горный, 1832. Ст.392; 1842. Ст.744; 1857 Ст.801
17. *Белов В.Д.* Указ. соч. С. 27
18. Устав Горный, 1832. Ст.394; 1842. Ст.746; 1857 Ст.803.
19. Устав Горный, 1832. Ст.434; 1842. Ст.786; 1857 Ст.834.
20. Устав Горный, 1832. Ст.281, П.11, Ст.433; 1842. Ст.512, П.11, Ст.787, 1857 Ст.579, П.11; Ст.844;
21. *Миславский А.А.* Автобиография // Записки Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге. Приложение к т.XXII. Екатеринбург, 1902. С XVII
22. *Корельский А.* Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 10. С. 147
23. *Мамин (Сибиряк) Д.* Указ. соч. С. 34–35.
24. *Павловский Н.Г* Правовой статус мастеровых и рабочих казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма Свердловск, 1991 С. 130.
25. *Неклюдов Е.Г* Горнозаводские рабочие Урала в период кризиса феодализма (30–50 гг XIX в.). Дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1988. С. 73; *Павловский Н Г* Указ. соч. С. 131, 141–142.
26. *Дашкевич Л.А.* Социально-правовое положение технических кадров горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 151–164. С. 151–164.
27 *Земцов В Н., Ляпин В.А.* Екатеринбург в мундире. Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 1992. С. 132–133.
28. *Дашкевич Л.А.* Указ. соч. С. 155.
29. *Дашкевич Л.А.* Формирование технической интеллигенции в горнозаводской промышленности Урала дореформенного периода (конец XVIII в. – 60-е годы XIX в.) Дисс канд. ист. наук. Свердловск, 1988. С. 76.
30. *Корельский Ал.* Указ. соч. С. 138–139.
31. *Земцов В.Н., Ляпин В.А.* Указ. соч. С. 127–130.
32. *Павловский Н.Г* Указ. соч. С. 132–135, 141
33. *Мамин (Сибиряк) Д.* Указ. соч. С. 35.

34. *Панкратова А.М* Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX в. // Рабочее движение в России в XIX в. Сб. документов и материалов Т I Ч I: 1800–1825. М., 1955. С. 57
35. *Черкасова А.С.* Истец и ответчик в суде по иску мастеровых к управителю Сысертского завода Василию Бурцову (1757–1758 гг.) // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 78.
36. *Маньковский Г.И* Указ. соч. С. 76.
37 *Горловский М.А., Пятницкий А.Н* Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954. С. 67
38. *Маньковский Г.И.* Указ. соч. С. 77–78.
39. *Горловский М А., Пятницкий А.Н* Указ. соч. С. 67, *Blackwell W.L.* Указ. соч. P 160–161
40. *Горловский М.А.* Указ. соч. С. 72–73.
41. РГИА. Ф. 37 Оп. 13. Д. 967 Л. 24–24 об.
42. ГАСО. Ф. 593. Оп. 5. Д. 40. Л. 94–105.
43. *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. С. 177
44. ГАСО. Ф. 593. Оп. 5. Д. 40. Л 101 об.–103.
45. *Эйгер Н* Некоторые сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии на ней торговли // Пермский сборник. Кн. II. М., 1860. Отд.III. С. 12.
46. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Указ. соч С. 35.
47 Владимир Андреевич Глинка. Галлерея уральских деятелей // Уральское горное обозрение 1900. № 48. С. 1–2; *Иванов П.А* Указ. соч. С. 21; *Сумцов В.Н.* Аракчеевцы на Урале Экскурсионный очерк. Нижний Новгород, 1913. С. 122.
48. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 128.
49. *Seton-Watson H* The Russian Empire. 1801–1917 Oxford, 1967 P 155; *Ерошкин Н.П* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 192.
50. *Андреевский И.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 120, 146.
51. *Дмитриев А.А.* Давность вопроса об учреждении особой Екатеринбургской губернии // Екатеринбургская неделя, 1893. № 46

STATE ADMINISTRATION OF THE URAL MINING REGION IN THE 18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Evolution of central and local administrative bodies that controlled mining industries in the region is examined parallel with the changes in economical policy and international economical conjuncture. The author identifies three levels in the local administrative system in the period of the first half of the 19th century: works' offices – main offices of the districts – Mining Board. State mining district is characterized as a whole economical and territorial complex that united works, mines and forests, rivers and hydrotechnical constructions.

V.A.Shkerin

М.В.Кричевцев

УПРАВЛЕНИЕ БОГОСЛОВСКИМ ГОРНЫМ ОКРУГОМ В 1791–1796 гг. (ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ КАБИНЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ)

В 1791 г Богословские заводы Походяшиных на Северном Урале перешли в собственность Государственного ассигнационного банка. Новое казенное хозяйство состояло из трех заводов, славившихся производством меди и железа Указ от 11 апреля 1791 г предписывал управлять ими «хозяйственным порядком» по примеру Кабинета ее императорского величества (е.и в.), ведавшего предприятиями в Сибири[1]

По образцу императорского ведомства при правлении банка была создана особая экспедиция по горным банковым заводам Уже к 17 декабря 1791 г она имела в своем составе 1 управляющего, 2 членов, 3 камериров, 1 секретаря, а также не менее 11 канцелярских служителей[2]

Указ от 11 апреля 1791 г предписывал снабдить банковские предприятия «потребным штатом», представив его на утверждение государыни. Руководство банка затребовало у Кабинета нужные к составлению «штата» сведения. В ответе Кабинета сообщалось о порядке управления его сибирским хозяйством. «заводы поручаются в полное распоряжение начальников, которые делают тамо учреждение, применяясь к обстоятельствам, а потому постоянных правил в подробнейшем управлении заводов, кроме изданных узаконений, предписать не можно, равномерно и назначение людей к работам зависит от его распоряжения, ибо нередко случается, что одного звания работников должно уменшить, а другого – прибавить, что и делается по встречающимся обстоятельствам, а потому и штата заводского утвердить не можно»[3] В этой цитате фактически изложено административное кредо Кабинета в его политике в отношении сибирских предприятий императрицы. Однако подобные рассуждения мало устраивали банковских начальников: им было дано указание свыше подготовить штатное расписание и представить его на высочайшую апробацию. Поэтому правление банка вынуждено было обратиться к Правительствующему Сенату за содействием, чтобы банковские службы были все же обеспечены копиями со всех узаконений и правил, по которым «управляются и в подробности распоряжаются» казенные заводы страны[4] Таким образом, банковское ведомство решило по собственному почину прибегнуть к более широкому и многообразному опыту общегосударственной горной администрации Пока банк вырабатывал собственную стратегию управления, руководство Богословскими предприятиями на месте было поручено начальнику заводов – капитану М Н Попову От банка ему были даны соответствующие инструкции по приему заводов и рудников из частного в казенное владение, капитан должен был снабдить сведениями о состоянии производства центральную администрацию[5]

Тем временем экспедиция по горным банковым заводам приступила к составлению плана организации управления предприятиями Богословского округа В декабре 1791 г. этот план был уже внесен на рассмотрение правления банка С 19 января 1792 г. началось его чтение и обсуждение в присутствии правления[6] Для составления заводского штата и окончания выработки «основания» или «плана» о заводском производстве в столицу был вызван начальник заводов. 23 января 1792 г по прибытии Попова в С.-Петербург, проект был возвращен а экспедицию для его дальнейшей доработки при участии капитана[7] В конце марта и апреле 1792 г на заседании правления банка прошли чтения и обсуждение доработанного текста «Положения к управлению горных банковых заводов», а также «штата» заводов и административных служб[8]

В соответствии с указанием императрицы выработанный банковским ведомством «примерный штат» Богословских заводов и их администрации был внесен на высочайшее рассмотрение. Однако Екатерина II повелела передать документ на предварительный просмотр кабинетским руководителям С.Ф.Стрекалову и П.А.Соймонову. Одновременно членам Кабинета были отосланы названное выше «Положение» и копия «с мнения на оное» капитана М.Н.Попова, «дабы из оного в случае надобности ближе усмотреть могли, какими соображениями экспедиция предваряема была при составлении помянутого штата»[9] Разбирая присланные в Кабинет документы, члены императорского ведомства не располагали достаточным временем, чтобы собрать нужные справки, и поэтому основывали свое мнение исключительно на предоставленной банком информации, а также на опыте работы кабинетского хозяйства в Сибири и управления им[10] Руководители Кабинета

критически оценили присланные материалы и предложили особые замечания к ним, предназначенные к рассмотрению правительством.

В докладе кабинетских руководителей императрице говорилось, в частности, о несовместимости подробной регламентации деятельности подчиненных учреждений и реальной практики управления. Члены Кабинета подчеркивали, что «в правилах, постановляемых горною банковою экспедициею, находятся многие предписании, которые требуют беспрестанной переписки начальника заводов с горною экспедициею, и постановлено множество приказных обрядов, которые вместо того, чтоб привести дела в ясность и в выплавке меди благоуспешность, ничего другого не произведут, кроме бесполезного письма без существенной пользы»[11] Руководители Кабинета были правы. Действительно, текст «Положения» содержал излишне детализированную регламентацию обязанностей как начальника заводов, так и подчиненных ему чиновников. Предписания касались подчас даже таких мелких вопросов, как исправление ошибок в деловых бумагах («буде каким случаем приказный опишется, то не должен того чернить и чистить, но внизу того слева подчертить и ту речь оговорить на удобном месте с засвидетельствованием члена» заводского правления). Громоздкая отчетность, представляемая в центр согласно «Положению», необходимость для начальника и правления заводов по всякому поводу запрашивать мнение столичной горной экспедиции (что лишало местное начальство самостоятельности и оперативности) – все это также вызвало критику со стороны С.Стрекалова и П.Соймонова. Они указывали на то, как важно, учитывая отдаленность заводов от центра, предоставить начальнику их свободу действий, не стеснять его мелочными предписаниями, которые могут лишь повредить делу[12]

Замечания руководителей Кабинета, очевидно, были приняты во внимание правительством. 14 октября 1792 г появился особый именной указ, который подтверждал стремление привести управление Богословскими заводами в соответствие с сибирской кабинетской системой. Указ предписывал «препоручить те заводы в полное и хозяйственное на месте распоряжение начальнику заводов на таком основании, как и Колывано-Воскресенские заводы управляются». Необходимость последнего мотивировалась двумя причинами: отдаленностью заводов и преимущественным использованием вольнонаемного труда на Богословских предприятиях[13]

Одновременно были внесены изменения в состав служащих горной экспедиции. Трех камериров заменил один бухгалтер. По новому «штату» число канцелярских служителей не было точно фиксировано и, по-видимому, было отнесено на благорассуждение банковских руководителей. Согласно послужным спискам, с начала 1793 по середину 1796 г оно колебалось от 10 до 13 чел.[14]

Поначалу, казалось бы, дела по управлению Богословскими предприятиями шли нормально. Новый начальник заводов М.Попов был в 1792 г. в столице, и на время его отсутствия они были вверены под надзор поручика Н.Калинина, доносившего в центр, что «действие заводское обстоит благополучно»[15] В столице капитан Попов был на хорошем счету и в октябре 1792 г даже удостоился сразу чина надворного советника (VII класс) с заслугой двух лет и четырех месяцев[16] В декабре 1792 г он покинул С.-Петербург и отправился вновь на Богословские заводы[17] Но благополучие оказалось лишь внешним. Уже в бытность Попова в столице экспедиция по горным банковым заводам не могла найти в его отчетах «ничего правильного и обстоятельного»[18] Далее, когда Попов уехал, беспокойство экспедиции еще более усилилось. она никак не могла получить от местных властей Богословского округа ясных и полных отчетов о горнозаводском производстве, расходовании казны и припасов на два года[19] В то же время присылаемые сведения отчасти противоречили поступавшим из Екатеринбургской монетной экспедиции, ведавшей чеканкой монеты из банковской меди[20] Наконец, в горную банковскую экспедицию были

доставлены рапорты двух присутствующих заводоначальства – обер-гиттенфервальтера на должности бергмейстера И.И.Рита и форстмейстера коллежского асессора И.Андреева. Присутствующие подали донос на начальника заводов Попова, обвинив его в неоправданной растрате казенных средств, попытке ее сокрытия путем угроз и нажима на доносителей, протежировании своим родственникам и прочее[21] Разбирая 21 июля 1793 г. рапорты двух чиновников, правление банка отнеслось к ним неодобрительно, сочтя эти представления неосновательными и причислив их к проявлению «личных неудовольствий» и «несогласий» Причем правление исходило из той посылки, что указом от 14 октября 1792 г. Богословские заводы были препоручены «в полное и хозяйственное на месте распоряжение» начальника, следовательно, он имел полное право поступать, как сочтет необходимым[22] Как видим, здесь явственно проступает желание членов правления точно следовать предписанию верховной власти установить образ кабинетского управления горными предприятиями.

Это желание просматривается также и в более раннем (от 7 января 1793 г.) ответе правления горной банковской экспедиции на ее рапорт о необходимости иметь все данные о действиях заводоначальства и заводских контор по примеру правления и подчиненных ему служб. Так как хозяйственное руководство поручалось начальнику заводов на месте (по кабинетскому образцу), значит «за силою сего банковые заводы в изъявляемой експедициею относительности до нее и так подобно, как само Правление имеет подчиненные места, быть не могут и обязывать всех заводских контор еженедельною присылкою в експедицию копий с дневных записок не можно иначе, как с отвлечением заводских чиновников от важнейших предметов, наиболее вниманию их всегда предлежащих»[23]

И в то же время правление банка не собиралось понимать требование указа от 14 октября 1792 г как предоставление начальнику заводов полной бесконтрольности. Как и горную экспедицию, правление начала беспокоить неприсылка точных сведений о состоянии производства, а также информация о количестве меди, поставленной с Богословских заводов на Екатеринбургский монетный двор: она явно не соответствовала запланированным показателям[24] Письменные напоминания, увещевания и угрозы о предстоящей ответственности за нарушения ни к чему не приводили: начальник Попов отделывался нелепыми ссылками на отсутствие должного числа канцелярских служащих, что якобы тормозило работу по составлению отчетности[25] После долгих проволочек правление банка решило апеллировать к помощи верховной власти и просить ее об отправлении на заводы строгого ревизора[26] В ответ на эту просьбу, выраженную во всеподданнейшем докладе правления, последовал именной указ императрицы от 25 октября 1793 г [27] который предписывал направить на Богословские заводы специального ревизора – В.Н.Гурьева.

Статский советник и кавалер ордена Св.Владимира IV степени В.Гурьев ранее находился при графе А.Р.Воронцове для исправления дел, поручаемых от государыни его сиятельству, числился среди чиновников, служивших при Кабинете е.и.в. и при «собственных» е.и.в. делах[28]. Можно полагать, что Гурьев был известен императрице, а исполняемая им должность сближала его со служащими Кабинета В помощь статскому советнику тем же указом был определен горный специалист, чиновник государева ведомства обер-гиттенфервальтер Я.С.Качка; для ревизионной комиссии банк выделил из своего персонала бухгалтера К.Кунста и двух солдат – П.Тюшнякова и Я.Иванова. В.Гурьев и Я.Качка, назначенные императрицей, должны были представлять независимую экспертизу, что придавало ревизии характер вневедомственной проверки. Но, с другой стороны, оба они стали получать жалованье из сумм банка по окладам его чиновников: Гурьев – по окладу советника правления, а Качка – члена горной банковской экспедиции[29]

Гурьев был наделен «полной» властью и в своем лице представлял правление банка[30] Так, по сути вневедомственная проверка была облечена в форму ведомственной ревизии, ибо само ведомство более других было заинтересовано в ее результатах. Этим ревизия В.Гурьева отличалась от других вневедомственных проверок, например, от сенаторских ревизий[31]

Во исполнение императорского указа Гурьев прибыл на Богословский завод 13 января 1794 г [32] Основные цели его ревизии заключались в том, чтобы осуществить проверку работы предприятий и административных служб и внести соответствующие изменения для ее улучшения. Для этого ему была дана специальная инструкция от правления банка и предоставлены самые широкие полномочия: местные горнозаводские власти, не исключая начальника заводов Попова, были подчинены полной его «команде», Гурьев имел право использовать в случае необходимости караул и отсылать к уголовному суду лиц, препятствующих его деятельности ревизора[33] Правление банка стало видеть в этом чиновнике не только простого агента в проведении своей политики, но и буквально своего прямого заместителя в Богословском округе Об этом свидетельствует то обстоятельство, что многие рапорты, передаваемые из горной банковской экспедиции в правление банка, без особой резолюции пересылались в округ на личное усмотрение Гурьева[34]

Однако несмотря на предоставленные полномочия столичному чиновнику пришлось столкнуться с прямым неподчинением заводских властей. Документы на ревизию доставлялись ему неохотно и медленно, часть сведений укрывалась от пытливого взора статского советника. Инициатором такого отношения к ревизии являлся сам начальник заводов. Так как в администрации предприятий М.Попов имел своих приверженцев, то он мог смело противостоять натиску Гурьева, запугивая других служащих. «Никто из подчиненных начальнику, даже из рабочих людей, быв застрашены его жестокостию, не осмеливается открыть неистинны. Ищущего в крайности защищения у Гурьева начальник угнетает; кричит прочим "Гурьев на время, а я здесь хозяин и неподвижной начальник; я вам банк: вы должны по-моему делать" [35] Именно в таких ярких красках предстало перед руководителями банка поведение Попова. Они могли теперь пожинать плоды введения кабинетского образа правления, породившего нового узурпатора власти.

Несмотря на угрозы начальника банковских предприятий, в окружной администрации нашлись люди, оказавшие помощь ревизору из С.-Петербурга (например младший писец Богословской заводской конторы В.Столарев), и хотя расследование продвигалось вперед очень медленно, Гурьеву удалось вскрыть многие нарушения в ведении дел, фальсификацию документов, пропажу казенных средств, установить причины спада производства на Богословских предприятиях. Они крылись в плохой организации работ и многочисленных нарушениях технологического процесса, в дурном обращении начальства с рабочими и дороговизне заготовляемых припасов, что приводило к массовому бегству работников с заводов[36]

Функции В.Гурьева в округе не ограничивались только расследованием, он попытался исправить сложившееся положение. Ревизор добивается смены Попова. Вопрос о судьбе последнего решался на самом высоком уровне. Правление банка поднесло императрице два доклада (составлены 4 декабря 1794 г и 12 января 1795 г.) о злоупотреблениях заводских властей Богословского округа[37] Доклады были заслушаны на заседании Совета при высочайшем дворе 15 марта 1795 г на котором было одобрено предложение об отстранении Попова от должности и предании его суду[38] 16 мая 1795 г генерал-прокурор граф А.Н.Самойлов передал в письме к главному директору банка волю императрицы об отправке Попова в С.-Петербург, опечатании его имущества и бумаг Но только в письме от 29 июля того же года генерал-прокурор объявил указ государыни об отсылке Попова, а также других обвиняемых по данному делу – берг-пробирера А.Ламаева и секретаря Зотова

– в С.-Петербургскую палату уголовного суда. Были отстранены от должностей и некоторые другие провинившиеся деятели местной заводской администрации[39]

На должность нового начальника Богословских предприятий правление банка предложило «похваляемого» Гурьевым участника ревизии Я.С.Качку Последний проявил себя способным и инициативным человеком: «Сей Качка, спускаясь во внутрь заводских рудников, определил по горному знанию, какую каждой из них изобильность в рудах имеет»; после осмотра работ «открыл тут происходимые небрежности и упущения, от коих много казна теряет· во отвращение чего зделал он нужные к наставлению примечания, доказав то правилами хозяйства и опытною руд проплавкою»[40] После неоднократных представлений императрице от правления банка и утверждения кандидатуры Качки на Совете при высочайшем дворе 15 марта 1795 г 14 июля последовал указ о его назначении[41]

В отношении рабочих В.Гурьев стремился ослабить непосильный гнет, отменил жестокости прежнего правления. Руководство банка полагало, что именно милосердие столичного ревизора привело к увеличению числа вольнонаемных рабочих, приходивших на Богословские заводы[42] И все же возникли новые препятствия.

В 1794 г на заводах всерьез обострилась продовольственная проблема. Заводоначальство своевременно не обеспечило предприятия съестными припасами, резко подскочили цены на хлеб· если в 1793 г цена отпускаемого работникам хлеба за пуд была 29 коп., то в 1794 г. уже 54 коп. Гурьев приложил все старания для закупок и снабжения заводов продуктами питания и одновременно предложил банковскому руководству установить максимум цен при продаже хлебных припасов работникам вне зависимости от того, во сколько эти припасы обошлись казне. Пуд ржаного хлеба, по его мнению, должен был стоить не дороже 40 коп.[43] Правление банка сочло нужным еще сбавить цену до 30 коп. за пуд и обратилось за разрешением вопроса к верховной власти[44] Здесь, как и в случае с отстранением от власти Попова и назначением ему замены в лице Я.Качки, обращает на себя внимание неоправданное промедление правительства Екатерины II. Возможно, в этом сказалась неповоротливость высших органов государства при старой и болезненной императрице. Прошло более года с момента подачи доклада правления банка о продовольствии, прежде чем был издан указ от 13 ноября 1795 г о сниженных ценах на хлеб и корм для лошадей, продаваемые работникам заводов Цена за один пуд молотого ржаного хлеба определялась указом в 30 коп.[45]

Одновременно с решением кадрового и продовольственного вопросов на заводах осуществлялось устранение технологических нарушений и бесхозяйственности, был начат разбор отвалов с содержанием меди[46] Однако одних усилий В.Гурьева и Я.Качки (последний уже в конце 1794 г вернулся в С.-Петербург с сообщениями от Гурьева, оставшегося в округе[47]) для наведения порядка в богословском хозяйстве было недостаточно. Поэтому 7 июля 1795 г. Екатерина II повелела отправить на банковские заводы начальника Колывано-Воскресенских предприятий Г.С.Качку, чтобы он оказал помощь в налаживании производства. Ему была предоставлена возможность «зделать там учреждения и распоряжения, сообразуясь с управлением кабинетских заводов», дать соответствующее наставление начальнику Богословских предприятий. Правление банка было обязано «преподать» все потребные в данном деле «способствования»[48] Чуть позже в округ был направлен и вновь назначенный руководитель банковских заводов Я.С.Качка. В.Гурьев же должен был дождаться приезда Г.Качки и оказать посильную помощь в работе этого опытного специалиста, предоставить в его распоряжение всю потребную информацию о предприятиях[49]

13 сентября 1795 г. Г.С.Качка отправился из Колывано-Воскресенского горного округа и 28 сентября прибыл на Богословский завод. Гурьев предоставил руководителю алтайских предприятий необходимые материалы и предписал заводона-

чальству немедленно исполнять все требования Г.Качки, относящиеся к вверенному ему поручению. 1 октября гость отправился осматривать рудники и прииски: с этого началось его ознакомление с богословским хозяйством[50] Последнее произвело на него удручающее впечатление: покосившиеся шахты, ветхие строения заводов, произведение действий без всяких правил и записи, неумение и нежелание людей работать и многое другое. Турьинские рудники не внушали больших надежд на изобилие. Поэтому Г.Качка пришел примерно к такому же выводу, что был сделан ранее Я.Качкой: в таких условиях вместо запланированных 75 тыс. пуд. богословское производство способно давать казне лишь 40–50 тыс. пуд. меди в год[51] Г.Качка, однако, не исключал возможности открытия новых месторождений и дал указание всемерно поощрять их поиски, привлекая для этого старателей дополнительными наградами. Об этом, а также о действиях на главных рудниках Суходойском и Фроловском шла речь на специально созванном горном совете 12 января 1796 г На нем председательствовал сам Г.Качка, а членами совета являлись начальник банковских заводов Я.Качка, берггешворен штата Колывано-Воскресенских заводов И.Мейшнер и правивший должность маркшейдера горной конторы Богословских заводов И.Грунт По указанию алтайского руководителя была также построена и пущена в ход водоотливная машина на Фроловском руднике[52] Помимо совершенствования рудничных работ, Г.Качка обратил внимание на правильное ведение рудных плавок. Он приказал вести расплавку руд и очистку меди «методою Колыванских заводов», что, по его мнению, должно было принести ежегодную прибыль в 222388 руб. 53 3/4 коп. Он также установил плавку руды на одном угле без использования дров, ввел обогащение руды, строительство более прочных печей, повелел сократить число людей, занятых при шплейзовании[53]

Оценивая состояние кадровых дел, Г.Качка отметил, что недостаток людей в разных работах и на должностях составляет, по его подсчетам, 1965 чел., а сверх того 400 чел. для конных и пеших работ при Богословском заводе, по 200 – при Петропавловском и Николае-Павдинском. Избежать недостатка в рабочей силе, по мнению алтайского руководителя, можно было лишь путем увеличения числа вольнонаемных, а мастеровых и работных людей Г.Качка предложил комплектовать за счет рекрутчины, «по примеру протчих, поместя на первый случай живущих при тех заводах разного звания людей, из являющих к тому свое желание, или отделением таковых из протчих казенных заводов»[54]

Другие предложения колыванского начальника касались учреждения при Богословских заводах военного суда (правление банка постановило учредить его 25 ноября 1796 г), организации торговли и проч. Дав наставления начальнику банковских заводов, другим должностным лицам округа (заводскому приставу, казначею и др.), Г.Качка 22 января 1796 г. отписал правлению банка о завершении своей миссии, после чего уехал на Алтай[55] Однако для окончательного приведения в порядок горнозаводского хозяйства Богословских предприятий Г.Качка оставил после себя еще нескольких колыванских специалистов: шихтмейстера А.Борзунова, унтер-кунстштейгера Г.Стрижкова, шплейзерного подмастерья Ф.Сваровского и бергайеров И Плотникова и П.Бабушкина. А.Борзунов ведал плавильным производством Богословского, а затем Петропавловского заводов, занимался исследованием рудных месторождений, Г.Стрижков создал две коннодействующие машины, промывальный станок и рудоразборные плотики на Суходойском руднике, Ф Сваровский сделал один корпус новых печей для обжига штейнов, И Плотников обучал молодых рабочих. Выполнив порученное, группа алтайских специалистов 13 июля 1796 г. покинула Богословские заводы[56]

В целом визит Г С.Качки и его подчиненных на банковские предприятия имел благотворные последствия. Благодаря обмену опытом был значительно повышен качественный уровень производимых заводских и рудничных работ, а вместе с тем

увеличены объемы выплавки меди По данным исследователей М.Блинова и В.Чудиновских, в 1796 г было произведено свыше 57 тыс. пуд. этого металла против 30 тыс., выплавленных в предыдущем году[57] В литературе дана высокая оценка деятельности Г.Качки на Богословских заводах[58], но, думается, что без работы ревизионной комиссии В.Н.Гурьева эта деятельность была невозможна Именно Гурьев, сломив сопротивление местных заводских властей, провел тщательный анализ ситуации, сложившейся на банковских предприятиях, представил верные рекомендации для действий высших органов, создал необходимую подготовительную базу для успешной работы Г.Качки. Статский советник находился при заводах во время этой работы в округе, ведя переписку с банковским руководством, и покинул предприятия только в 1796 г [59].

Из вышеизложенного может создаться впечатление, что в период действия комиссии В.Гурьева и Г.Качки центральное банковское начальство было как бы и непричастно к непосредственному управлению горнозаводским хозяйством: очень многое решалось на месте этими чиновниками Наверное, такое впечатление имеет под собой некоторые основания. Правление банка, даже поддержанное горной экспедицией, не могло чувствовать себя уверенно в сфере, далекой от собственных финансовых расчетов и операций. Поэтому понятно стремление банковских руководителей в этом неведомом для себя горнозаводском деле возложить ответственность на других лиц. И все же не следует сводить роль центральных банковских служб в управлении металлургическим комплексом к осуществлению функции простого передаточного механизма от Гурьева, начальника заводов, и других подчиненных лиц к высоким инстанциям и обратно. Банк имел и самостоятельное значение в этой области. К примеру, горная банковская экспедиция выработала особое положение о торговле спиртным на предприятиях и представила в своем рапорте от 28 ноября 1793 г в правление банка. Последнее приказало отослать это положение на рассмотрение Гурьева в округ, и по истечении времени оно было в большей части пунктов одобрено Г.Качкой[60] Особое внимание банковское руководство уделило организации доставки богословского железа в С.-Петербург и последующей торговле этим металлом в столице. В августе и октябре 1794 г., еще до привоза сюда первой партии железа, были приняты особые положения о такой торговле[61]

Финансовое обеспечение предприятий также являлось важной заботой банковских служб. Сама покупка заводов, обмежевание земель горного округа, приобретение крепостных работников – все это производилось за счет банковских средств[62] В период 1793–1795 гг. банк ежегодно отсылал на содержание предприятий не менее 260 тыс. руб. ассигнациями. Всего со времени приобретения Богословских заводов в казенное ведомство (с апреля 1791 г) по май месяц 1796 г банк израсходовал только на выплавку металлов 1386374 руб 63 1/4 коп., не считая издержек на передел меди в монету и доставку ее в караванах 1795 и 1796 гг [63] Подчас банку приходилось делать чрезвычайные отпуски средств на нужды округа Так, учитывая сложное положение, возникшее на заводах в 1795 г и вызванное дефицитом и дороговизной продовольствия, по запросу правления банка правительство приняло в январе 1796 г. специальное решение об отпуске 150000 руб. ассигнациями («не в число штатного на заводское производство положения») «на полную годовую закупку жизненных припасов и товарных вещей». В случае необходимости банк также практиковал выдачу положенных штатных денег заранее, за несколько месяцев вперед[64].

Банковское руководство занималось также решением кадрового вопроса. Нехватку специалистов в округе можно было ликвидировать либо путем перевода служащих с других казенных предприятий, либо занимаясь подготовкой собственных работников. Попытка воспользоваться первым способом была в самом начале пресечена правительством. В 1791 г банковское руководство пыталось апеллировать

к Правительствующему Сенату и Кабинету с просьбой о выделении горных специалистов с других производств для Богословского округа. На это последовал отрицательный ответ в указе императрицы от 2 июля 1791 г (из Сената)[65] Сам Кабинет, советуя в 1792 г перевести на банковские заводы часть мастеровых с других казенных предприятий Урала, вовсе не собирался трогать для этого кадры своих заводов. Уже в 1796 г. по требованию начальника Богословских заводов Я.Качки главный директор банка обратился к управляющему Кабинетом В.С Попову с просьбой выделить из состава Колывано-Воскресенских заводов для нужд банковских предприятий 37 разных служащих, на что получил решительный отказ[66] Тогда же лишь Военная коллегия удовлетворила запрос банка о предоставлении 32 унтер-офицеров для магазейн-вахтерских и надзирательских должностей (исполняемых на тот момент времени мастеровыми). Она предписала выделить военнослужащих из полевых полков Сибирского корпуса[67]

Впрочем, правление банка могло рассчитывать на распределение выпускников Горного училища в С.-Петербурге, находившегося в ведении того же Кабинета. В данном вопросе последний оказался более милостивым и пошел навстречу банковским запросам. Шихтмейстеры XIII класса А.Ламаев, Р.Борзунов, Н.Кованко (выпуск Горного училища 1792 г.), В.Никитин, Н.Мамышев, Н.Малышевский (выпуск 1795 г.), А.Фарафонтов, В.Шестаков, шихтмейстеры XIV класса Ф.Гельман, Х.Лео, А.Говорков, И.Трофимов (выпуск 1796 г.) были определены и служили на разных должностях богословского производства[68] Для подготовки кадров в самом Богословском округе было создано особое училище. Преподавал в нем один учитель – И.Суворов; по данным на майскую треть 1796 г в училище обучалось 46 чел.[69] Важно отметить, что для офицеров округа банк добился некоторых привилегий, отличавших колыванских горных офицеров: указ императрицы от 14 октября 1792 г приравнял рангами бергмейстеров, маркшейдеров и прочих чинов банковских заводов к служащим Колывано-Воскресенских[70]

В округе преимущественно использовался труд вольнонаемных рабочих. Ссылаясь на реальные трудности, с которыми был сопряжен наем, банковское руководство ратовало за проведение приписки крестьян к Богословским заводам. Однако правительство не давало на то своего согласия (Приписка была осуществлена лишь в 1801 г.) Единственное, чего сумел добиться банк, это покупки в собственность предприятий округа крепостных Н.Походяшина, совершенной в 1794 г [71]

Заводское действие в Богословском округе было в значительной мере выправлено усилиями комиссий В.Гурьева и Г.Качки. Однако с управлением предприятиями не все обстояло благополучно: новые кадровые назначения породили и новые проблемы. Став начальником заводов, Я.Качка не сумел сработаться с присутствующими в заводоначальстве С.Горчаковым и И.Андреевым. Последние отказывались выезжать по командировкам, назначаемым начальником. Возник крупный конфликт, за разрешением которого обе тяжущиеся стороны обратились к центральной банковской власти. Последняя, наученная горьком опытом, старалась действовать как можно более осторожно. С одной стороны, горная банковская экспедиция, а за ней и правление попытались внушить подчиненной местной администрации «вежливость» к начальнику заводов. Но, с другой стороны, ссылаясь на наставление, данное в свое время от Кабинета начальнику Нерчинских заводов (от 10 февраля 1788 г.), согласно которому присутствующие заводоначальства не подлежали личному распоряжению начальника предприятий, и экспедиция, и правление банка встали на сторону Горчакова и Андреева, повелев не отлучать их от присутственного места[72] Некоторые действия начальника Богословских заводов встретили у банковского руководства непонимание и даже осуждение, как в случае с отрешением от должности управителя Богословского завода И.Капишникова без назначения ему замены[73]

Но, пожалуй, самое главное заключалось в другом. Воспользовавшись возникшими трудностями в работе местной заводской администрации, горная экспедиция вновь поставила перед правлением банка вопрос о необходимости установления строгой отчетности окружных служб центру: об обязательной еженедельной присылке в эту экспедицию копий с дневных записок заводоначальства И то, что правление банка отвергло 7 января 1793 г., оно одобрило 20 октября 1796 г [74] Смысл происшедшей метаморфозы понять не трудно. После неудачи с начальником заводов М.Поповым банковское руководство более не было намерено доверяться благорассуждению нового начальника, каким бы способным он не являлся. Боязнь повторения печального опыта недавнего прошлого заставляла правление банка и горную экспедицию держать местную администрацию Богословского округа под своим неусыпным контролем. Принятое 20 октября 1796 г решение явно нарушало сложившуюся субординацию центральной и местной горных властей, что ставило под сомнение использование кабинетских методов управления в банковском ведомстве. Трудно сказать, каковы могли быть реальные последствия данного решения, если бы не происшедшая перемена на русском престоле, вызвавшая резкие изменения в российской администрации в целом.

В первый год правления нового императора Павла I была восстановлена Берг-коллегия. Указ от 4 декабря 1796 г переводил под ее управление Богословские заводы Государственного ассигнационного банка, одновременно ликвидировалась горная экспедиция при его правлении. Все дела последней передавались в распоряжение возрожденного горного ведомства[75] Кабинетская система центрального управления, внедренная в практику работы банковских служб, была полностью разрушена.

В целом можно оценить предпринятую попытку распространить кабинетский опыт на деятельность банка как неудачную. Ошибки в кадровой политике, слабая оснащенность техническими средствами и квалифицированными специалистами (по сравнению, скажем, с Кабинетом, довольно эффективно руководившим алтайскими предприятиями) – все это немало способствовало неудаче. Само же банковское начальство так и не смогло полностью принять, оценить достоинства кабинетской системы управления и использовать их в своей административной практике. Эта система так и не смогла прижиться в банковском ведомстве и просто-напросто была отторгнута его бюрократией, действовавшей по сложившимся стереотипам управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСЗ. СПб., 1830. Т. 23. № 16957; РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 692. Л. 52–52 об.
2. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1 Ч. 4. Кн. 2561. Л. 112–119; РГИА. Ф. 584. Оп. 1 Д. 692. Л. 57 об; ПСЗ. Т. 23. № 17005.
3. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 692. Л. 52 об.
4. Там же. Л. 53.
5. Там же. Л. 88 об. – 99 об.
6. Там же. Д. 1280. Л. 36 об. – 37, 43.
7. Там же. Л. 51 об. – 53, 127 об. – 128.
8. Там же. Л. 194–194 об., 195, 198–198 об., 199 об. – 200, 204, 260–269.
9. Там же. Л. 312 об. – 313; РГАДА. Ф 19. Оп. 1. Д. 421 Ч. 12. Л. 2.
10. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421 Ч. 12. Л. 93, 94–94 об.
11. Там же. Л. 99.
12. Там же. Л. 5–36 об., 99–100 об., 102 об.
13. РГИА. Ф 584. Оп. 1. Д. 1281 Л. 207–208 об.
14. Там же. Л. 255–256; РГАДА. Ф. 271 Оп. 1. Ч. 4. Кн. 2561. Л. 163–168, 176–181, 194–199, 207–212, 233–239, 251–257
15. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1282. Л. 11
16. Там же. Д. 1281. Л. 247

17. Там же. Д. 1282. Л. 14 об.
18. Там же. Д. 1280. Л. 46.
19. Там же. Д. 1282. Л. 320-320 об., 356 об., 357-357 об.
20. Там же. Л. 378-379; Д. 1283. Л. 19 об., 58-58 об.
21. Там же. Д. 1283. Л. 58 об. - 60 об.
22. Там же. Л. 61-67
23. Там же. Д. 1282. Л. 9-9 об., 12-13.
24. Там же. Л. 356 об. - 358, 382 об. - 386; Д. 1283. Л. 64 об. - 65, 66 об. - 67. 131-131 об., 210 об. - 212.
25. Там же. Д. 1282. Л. 357-358; Д. 1283. Л. 64 об. - 65, 66 об. - 67
26. Там же. Д. 1283. Л. 210 об. - 213.
27. Там же. Л. 260-260 об.
28. Месяцеслов... 1789. СПб., б/г. С. 12; Месяцеслов... 1790. СПб., б/г. С. 12; Месяцеслов... 1791. СПб., б/г. С. 11; Месяцеслов... 1793. СПб., б/г. С. 11.
29. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1283. Л. 260 об., 281 об., 282, 294 об. - 295, 305 об.
30. Там же. Л. 260 об.
31. *Паина Э.С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX - начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX - начала XX века. Л., 1967. С. 147
32. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1284. Л. 110.
33. Там же. Л. 211-213; Д. 1283. Л. 260-260 об., 323-323 об., 325, 326-330 об.
34. Там же. Д. 1284. Л. 32 об. - 33 об., 37 об., 69-71 об., 143-143 об., 155-156 об., 157, 220-221, 222, 271, 274 об.
35. Там же. Л. 188-188 об., 301-302; Д. 1285. Л. 380-381, Д. 1286. Л. 26.
36. Там же. Д. 1284. Л. 303; Д. 1285. Л. 371 об. - 381, 382 об.; Д. 1286. Л. 30-34, 164 об. - 165, 386.
37. Там же. Д. 1285. Л. 371-382; Д. 1286. Л. 30-34 об.
38. Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 2. Стб. 588-589, 590-591
39. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1286. Л. 167 об., 296-296 об., Д. 1287. Л. 93-93 об.
40. Там же. Д. 1285. Л. 381, Д. 1286. Л. 387 об. - 388.
41. Там же. Д. 1286. Л. 34; Д. 1287. Л. 46; РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Ч. 12. Л. 195; Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 2. Стб. 591
42. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1285. Л. 394 об., 403-404 об.
43. Там же. Д. 1284. Л. 302-303; Д. 1286. Л. 294 об. - 295.
44. Там же. Д. 1285. Л. 115-116.
45. Там же. Д. 1287. Л. 286 об. - 288, 341-341 об. См. также: Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 2. Стб. 589.
46. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1284. Л. 303-303 об.; Д. 1285. Л. 378 об., Д. 1286. Л. 387 об. - 388.
47. Там же. Д. 1285. Л. 411
48. Там же. Д. 1287. Л. 17-17 об.
49. Там же. Л. 18 об., 46, 48; Д. 1286. Л. 297
50. Там же. Д. 1287. Л. 283, 325 об. - 326; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 2556-2560. Л. 150.
51. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 2556-2560. Л. 150-150 об., 152 об., 153, 159 об., 160; РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1287. Л. 136 об., 137
52. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 2194. Л. 646. Ч. 4. Кн. 2556-2560. Л. 151, 153 об. - 154 об.
53. Там же. Кн. 2556-2560. Л. 161, 162.
54. Там же. Л. 157, 157 об., 158 об., 176 об.
55. Там же. Л. 162 об. - 176, 177 об., 178, 178 об., 179; Ч. 3. Кн. 2194. Л. 640; РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1288. Л. 158 об.; Д. 1289. Л. 426-427
56. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1289. Л. 374-376; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 2194. Л. 639, 640-647
57. *Блинов М.В.* Историко-статистический очерк Богословских заводов // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1855. Ч. XIII. Кн. 9. С. 74; *Чудиновских В.А.* Богословский горный округ в конце XVIII - первой половине XIX в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма. Свердловск, 1989. С. 42
58. *Блинов М.В.* Историко-статистический очерк... Кн. 8. С. 111. *Чудиновских В.А.* Богословский горный округ. С. 41-42.
59. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1287. Л. 325 об. - 326, 377-378, 425 об., 430 об.; Д. 1288. Л. 19 об. - 20, 41 об. - 42, 140-141, 448 об., 450-450 об.
60. Там же. Д. 1283. Л. 357 об. - 359. Д. 1286. Л. 252-254; Д. 1288. Л. 100. Ср. Там же. Д. 1287. Л. 156-156 об.
61. Там же. Д. 1285. Л. 134-134 об., 135, 252-253 об., 254-255 об.

62. Там же Л. 333; Д. 692. Л 61 об - 62, 82 об. 83 об 106-106 об., 107, Д. 1284 Л 193-193 об., РГАДА. Ф 19. Оп. 1 Д. 421. Ч 12. Л. 193-193 об.
63 РГИА. Ф. 584 Оп. 1. Д. 1288. Л. 314, Д. 1289. Л. 420-420 об.
64. Там же. Д. 1286. Л. 294 об. - 296, 321-321 об., Д. 1288. Л. 42 об - 44, 66 об. - 67
65. Там же. Д. 692. Л. 65-65 об 89 об., 105 об.
66. Там же. Д. 1288. Л. 253 об. - 254, 255 об. - 256; Д. 1289. Л 4, 4 об., РГАДА. Ф 19. Оп. 1 Д. 421 Ч. 12. Л. 119 об. - 120 об.
67 РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1288. Л. 256; Д. 1289. Л. 39 об. - 40.
68. Там же. Д. 1287. Л. 295-295 об.; Д. 1289. Л. 4, 4 об., 438 об. - 439; РГАДА. Ф. 271 Оп. 1 Ч. 3. Кн. 2194. Л. 365, 365 об., 366, 366 об., 367 об., Ч. 4. Кн. 2272. Л. 182 д - 182 ж; Кн. 2542 Л. 625; Список лиц, окончивших курс в Горном Институте с 1773 по 1923 год // Горный журнал, 1923. № 11. С. 748.
69. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1 Д. 421. Ч. 12. Л. 110; Ф. 271 Оп. 1 Ч 3 Кн 2194. Л 365 об Ч 4 Кн. 2612. Д. 11 Л. 221, 221 об. - 224.
70. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Ч. 12. Л. 37 об. - 38 об., РГИА. Ф. 584. Оп. 1 Д. 1281 Л 208
71. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Ч 12. Л. 39-39 об., 40-51, 187; Блинов М.В. Историко-статистический очерк... Кн. 9. С. 70; *Чудиновских В.А.* Комплектование рабочей силы на Богословских заводах во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975. Сб. 13. С. 12-25; *Он же.* Наемный труд в горнозаводской промышленности Северного Урала в конце XVIII - первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. Свердловск, 1986. С. 77-92
72. РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1288. Л. 254 об.-255, 390-390 об., 401-401 об., 402, 402 об. - 403 об., 424 об., 425 об.; Д. 1289. Л. 174 об. - 175, 307-307 об., 309-311, 320, 320 об.
73. Там же. Д. 1289. Л. 309-309 об., 312 об. - 313, 314-315 об., 321.
74. Там же. Л. 308 об., 321, Д. 1282. Л. 9 об., 12-13.
75. Там же. Д. 1289. Л. 471 об., 472, 535, 559-563; ПСЗ. I 24 № 17607

THE STATE ASSIGNATION BANK AND ADMINISTRATION OF THE BOGOSLOVSKY MINING DISTRICT IN 1791-1796

The article is about the unique attempt to apply the cabinet's experience of economical administration to the State Assignation Bank activities (such as decentralization, delegation of wide authorities to local power, directly to the enterprise manager). The Bogoslovsky Mining District was subordinated to this bank in the late 18th century The author proves that this attempt failed because of the bank's management bureaucratism, its inability to accept and value the benefits of the cabinet's system of government as well as errors in the staff politics, lack of technical means and skilled specialists.

M.V.Krichevtsev

М.Ю.Нечаева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ МОНАСТЫРЯМИ УРАЛА В XVIII В.

Управленческий опыт накапливается и сохраняется в практической деятельности веками. Поэтому исторический анализ организационных структур и методов позволяет оценить эффективность различных форм управленческого воздействия и выделить наиболее сбалансированные способы регуляции, опробованные опытом многих поколений.

Русские монастыри XVIII в представляли собой сложные полифункциональные общности, включенные практически во все сферы церковной и государственной деятельности, поэтому на материалах монастырских фондов можно изучать типичную для того времени управленческую систему во всем ее многообразии.

Восемнадцатый век для монастырей – эпоха перелома Первая его четверть – время преобразований Петра I, в том числе и церковной реформы, положившей начало новому периоду истории русской церкви. Заключительный аккорд ее – создание в 1721 г Синода, центрального органа, регулировавшего деятельность всех церковных организаций, включая и монастыри. Секуляризация 1764 г привела к исключению из сферы регуляции монастырской администрации основного круга хозяйственных проблем, к существенному изменению системы управления монастырями. Период истории монастырей между двумя этими датами – 1721 и 1764 гг – особо интересен в плане управленческой практики: в это время уже в полной мере проявились основные формы взаимоотношений различных звеньев государственного аппарата эпохи абсолютизма – центральных и местных, церковных и светских, а разносторонняя деятельность монастырей, еще не подвергшихся секуляризации, испытывала воздействие административных предписаний всех этих органов по самому широкому спектру вопросов – от чисто хозяйственных до культовых

Уральских монастырей в то время было около 12 (численность их колебалась – одни закрывались, другие появлялись, монастыри соединялись и разделялись). В основу данной статьи положен комплекс источников из трех архивных фондов – Далматовского Успенского, Верхотурского Николаевского и Кондинского Троицкого монастырей[1], представляющих собой значительную часть сохранившихся материалов о монастырях Урала. Все эти обители[2] в 20–60-е гг XVIII в. относились к одной епархии – Тобольской и Сибирской, до образования Оренбургской губернии состояли в ведомстве Сибирской губернии, что позволяет более детально проанализировать практику местного управления, взаимно дополняя материалы каждого из трех изученных монастырских фондов.

Одна из важнейших характеристик системы управления – формы взаимодействия центральных и местных властей в процессе регуляции различных направлений деятельности Эти исторически преходящие формы представляют собой определенные модели механизмов управления. Они могут быть описаны как с помощью традиционных исторических методов, так и с использованием статистических показателей.

Поскольку все решения внешних для монастырей органов власти доводились до обителей в форме письменно фиксируемых распоряжений, можно говорить о том, что само количество предписаний, присылаемых в монастыри из различных инстанций, является отражением степени внимания этих органов к тем или иным аспектам жизнедеятельности монастыря и его вотчины, вклада этих инстанций в управление монастырями. Поэтому в основу выделения форм взаимодействия центральных и местных органов может быть положено численное соотношение решений этих властных структур по различным направлениям деятельности, которое могло колебаться в значительном диапазоне (см таблицу)

Некоторые направления деятельности монастырей составляли предмет забот центральных органов при весьма скромном участии местных инстанций (культовое освящение государственной деятельности, политические преступления, общие принципы судебной деятельности, размещение отставных военных по монастырям) По ним от 70 до 100% получаемых в обители указов издавалось центральными инстанциями. Столь явное устранение местных органов от их реализации объяснялось обычно одной из следующих причин.

1 Распоряжения имели для монастырей чисто информационное значение, поскольку их практическое воплощение возлагалось на иные инстанции

Соотношение распоряжений центральных и местных органов власти, получаемых монастырями по различным видам деятельности*

Виды деятельности	Решения инициативных органов, %	
	центральных	местных
Культ святых**	100	–
Мон. служители на админ. должностях**	89	11
Культовое освящение гос. актов	87	13
Культовое искусство**	86	14
Политические правонарушения	77	23
Общие вопросы судебной деятельности	75	25
Содержание отставных военных	69	31
Культура (внерелигиозная)**	67	33
Миссионерство	65	35
Общеорганизационные вопросы	56	44
Имущество умерших монахов**	56	44
Владельческие повинности	55	45
Имущественные отношения	55	45
Преподавание религ. дисциплин мирянам**	50	50
Государственные монополии	47	53
Рекрутский набор	45	55
Гос. налоги и повинности	42	58
Хоз. деятельность	41	59
Культовые акты (негосударственные)	41	59
Материальное обеспечение церквей	38	62
Деятельность должн. лицприсланных в мон-рь	35	65
Церковные сборы	32	68
Социальные конфликты	28	72
Деят-ть монашества	25	75
Сословная принадлежность	25	75
Содержание колодников	24	76
Военные поставки	17	83
Админ. деятельность мон. крестьянства	15	85
Деят-ть священнослужителей	14	86
Уголовные дела	12	88
Оборона региона	6	94
Имущ. правонарушения	5	95
Религиозное воспитание**	–	100
Богословие	–	–
Проповедничество	–	–

* – Учитывались те документы, инициативный орган для которых указан в документе монастырских архивов или восстановлен по публикациям источников.
** – Единичные документы.

Примером такого назначения были присылаемые в уральские обители указы и предписания относительно общих принципов судебной деятельности

В 20–60-е гг XVIII в. не принимались законодательные акты, коренным образом меняющие или систематизирующие все правовые нормы в России. Продолжали действовать основные сборники светских и церковных правовых норм – Соборное Уложение, Номоканон, Правила и акты церковных соборов, дополнявшиеся отдельными законодательными актами Внимание центральных органов (а их решения составляли до 75% присылаемых в монастыри указов по данному направлению деятельности) было направлено на более четкое размежевание компетенции светских и духовных инстанций в судебной деятельности (на уровне центральных и губернско-епархиальных органов) и определение правил ведения судебно-следственного процесса. Такие указы в монастырях просто «принимались к сведению»

2 Указы касались прецедентов, почти не встречающихся в практике уральских монастырей (например политические преступления)

3. Центральные органы имели прямые контакты с монастырями

Распределение отставных военных по монастырям по каждой конкретной кандидатуре, например, обычно решалось центральными органами, а местные их только присылали в монастырь согласно предписаниям Концентрация решений о судьбе отставных военных в руках нескольких центральных органов – императорской власти, Сената, Военной коллегии – была логическим продолжением традиционного отнесения к компетенции государя всех вопросов формирования регулярной армии. С момента приема отставного за его реальным положением в вотчинах уральских обителей внешние инстанции – ни центральные, ни местные – уже не наблюдали.

Вполне традиционной в 20–60-е гг XVIII в. стала регуляция религиозного освящения актов государственной деятельности (событий, связанных с правящей династией – рождениями, браками, смертями, а также с военными действиями) Указы становились своеобразным средством информирования о тех минимальных изменениях, которые следует произвести в богослужебных текстах, а печатные формы, рассылаемые при этом, носили стандартный характер и автоматически разрабатывались Синодом при наступлении того или иного государственного события. Подобные распоряжения достаточно было довести до сведения исполнителей (священников), поскольку сама сфера, характер распоряжения и механизм реализации на местах были вполне традиционны. Особая ритуализация этой деятельности позволяла легко проконтролировать исполнение указов существовали традиционные сроки чиноположения церковных служб, сами культовые акты происходили при большом стечении прихожан, поэтому всегда была масса свидетелей их исполнения или неисполнения

По ряду направлений деятельности монастырей была обратная картина – явное преобладание решений местных органов. Так, вопросы организации обороны региона и военных поставок решались губернскими властями и подведомственными им военными и светскими канцеляриями – это была традиционная сфера их компетенции, вполне логичная и обеспечивающая должную оперативность оборонных мероприятий. Имущественные споры, уголовные дела, вопросы сословной принадлежности, социальные конфликты, содержание колодников регулировались решениями местных органов в силу своего узко-конкретного характера Большинство указов о монашестве, священнослужителях принималось на епархиальном уровне, поскольку епископы традиционно имели большую власть в этой сфере и решения касались отдельных представителей духовенства (например, вопросы разрешения на постриг, назначения в церковный причт наказания за бытовые проступки – пьянство, «шумство», драки – и мелкие должностные неисправности – небрежное или неправильное церковное делопроизводство).

Примерно равное соотношение решений центральных и местных властей в регуляции того или иного направления деятельности (в диапазоне 40 – 60%, см таблицу) также могло объясняться различным механизмом взаимодействия инстанций.

1 Предметное размежевание сфер компетенции. В сфере общеорганизационных вопросов, например, центральные инстанции принимали распоряжения относительно общей организации канцелярской службы, почты и т д., действующие как для монастырей, так и для светских канцелярий, а епархиальные органы решали вполне традиционные для них территориальные проблемы разделения приходов, заказов, монастырей.

2. Однотипность решений, принимаемых центральными и местными органами. Такие распоряжения обычно носили прецедентный характер и издавались скорее «для ведома», чем для исполнения в обязательном порядке. Примером тому является регуляция хозяйственной деятельности

Основу монастырского хозяйства составляло земледелие, поэтому справедливо было бы ожидать особого внимания к нему внешних инстанций, так как, помимо денежных податей, все остальные государственные сборы из монастырской вотчины брали продуктами земледелия – хлебом и фуражом. Однако интерес внешних инстанций к этой сфере хозяйственной деятельности был весьма скромным

Центральные светские органы требовали предоставления помещиками (это имело отношение и к монастырским властям) своим крестьянам семенного и пищевого хлеба (указы 1723, 1734, 1749, 1754, 1761 гг)[3] Никакого механизма контроля за их исполнением предусмотрено не было.

Такая практика действительно существовала в уральских монастырях, но порождена была отнюдь не указами светских властей. Случаи подобных заимообразных выдач фиксируются намного раньше времени издания указов, ни монастырские власти, но ни сами просители на эти указы никогда не ссылались.

Епархиальные власти эпизодически принимали решения, обязательные для монастырского исполнения, по отдельным текущим вопросам В 1751–1752 гг например, консистория приказала Кондинскому монастырю предоставить нескольким крестьянам заимки по их индивидуальным прошениям, землю для пашни и сенокоса[4] Сохранилось всего два таких документа в достаточно многочисленном делопроизводственном массиве монастырей, так что подобное вмешательство в хозяйственно-экономические отношения в целом следует признать нетипичным

Этим практически ограничивались все решения внешних инстанций по основной отрасли монастырского хозяйства. Конкретные вопросы выносились на их решение редко, а общие распоряжения, тоже весьма эпизодические, не имели продуманного механизма реализации и контроля, могли не учитываться монастырскими властями.

Второй крупной отраслью монастырского хозяйства было скотоводство В Далматовском монастыре, например, было значительное поголовье крупного рогатого скота различных пород, свиньи, овцы. Лошадей здесь покупали даже губернаторы и митрополиты.

Внешние органы в первую очередь интересовались мерами против падежа скота, поскольку эпизоотии носили инфекционный характер Указы о мерах против падежа скота издавались императором и Сенатом в 1746, 1756, 1757гг [5], в них был предусмотрен целый комплекс мер: больной скот угонять в леса и поля и там держать до смерти или выздоровления, в места эпизоотий скот не водить, павших животных закапывать в ямы, не снимая шкур. Все это было предписано еще указом 1746 г и потом только подтверждалось. О начале и прекращении эпизоотий было предписано рапортовать в Сенат Ответственность возлагалась на губернаторов, воевод, вотчинных управителей и мирские правления под угрозой штрафа.

Местные светские власти действительно проявляли большую активность при возникновении в регионе случаев конского падежа, как после издания указа 1746 г так и до этого. С мест достаточно оперативно рапортовали о случаях падежа в управительские и провинциальные канцелярии. Последние рассылали по всей провинции указы с информацией о эпизоотии с повторением всех или отдельных предписаний центральных властей. Таким образом, после указа 1746 г как центральные, так и местные светские органы лишь повторяли те указания, которые поступили при начале эпидемии[6]

Несмотря на эту повторяемость случаи нарушения отдельных правил имели место на протяжении всего периода (хотя одиозных случаев в монастырских вотчинах не зафиксировано) Проверкой исполнения мер предосторожности внешние инстанции не занимались, довольствуясь стандартными рапортами от монастырских властей

Местные светские власти предписывали правила содержания лошадей. Связан этот интерес был с тем, что монастыри по р.Исети находились рядом с жилищами «киргизцев», имевших устойчивую славу конокрадов, и случаи угона пасшегося без присмотра скота были достаточно часты Управительские и провинциальные канцелярии неоднократно предписывали (1743, 1758, 1759 гг.)[7] держать лошадей под присмотром, грозили штрафом хозяевам, отпустившим их на пастьбу, но реализация этих предписаний целиком ложилась на монастырские власти. внешние инстанции не проверяли его исполнения. Само повторение этих предписаний, спровоцированное каждый раз прецедентами его нарушения, говорит о том, что в целом в Исетской провинции соблюдали его не всегда. Монастырские власти кроме публикации таких указов дополнительных распоряжений в вотчину не давали и отчетов о исполнении не требовали; но лошади в монастырских вотчинах терялись чаще все-таки со двора, чем с пастбища Все эти предписания в равной мере относились как к монастырям, так и к другим вотчинам и государственным владениям

3. Примерно равное соотношение распоряжений органов различных уровней чаще свидетельствует о том, что решения центральных реализуются через местные, то есть о существовании определенного механизма действий и системы контроля Такое положение было характерно для организации государственных сборов и повинностей, рекрутчины, государственных монополий и т.д.

Размер, периодичность, целевое назначение, форма выплаты (деньгами или натуральными продуктами) государственных сборов, социальная принадлежность облагаемых податями устанавливались исключительно центральными светскими властями. Они же определяли и те организационные структуры, на которые возлагались эти мероприятия

Губернские органы вмешивались в процесс регуляции государственных сборов в трех случаях.

а) при несоблюдении сроков предоставления сборов и соответствующих ведомостей;

б) при отдаче на откуп таможенных сборов по провинциям,

в) при непосредственном обращении к ним различных инстанций с требованием организовать сыск скрывающихся от уплаты подушного сбора.

В 20-е гг в подушный сбор были непосредственно вовлечены епархиальные органы. Назначая комиссаров (до конца 1724г), давали им инструкции, весьма интересные в организационном плане. Так, в инструкции комиссару от земли архиерейского дома сыну боярскому Петру Шмыгину от 20.4.1724 г предписывалось собирать подушный сбор с крестьян и разночинцев «по богатству», учитывая число престарелых, малолетних, увечных и бедных. В инструкции четко указывались суммы и сроки сборов, давались указания о числе счетчиков и рассыльщиков, которых комиссар мог выбирать на местах, предписывалось исправное ведение

записных книг, ежемесячные рапорты в архиерейский дом о ходе сборов, разрешалось брать определенное количество подвод (не более двух) Записные книги и собранные деньги предписывалось присылать в консисторию ежегодно Приступив к своим обязанностям, Петр Шмыгин вскоре составил и прислал в архиерейский дом реестр выбывших после проведения ревизии, и консистория предписала выключить их из подушного оклада, считая это положение вытекающим из именного указа 1722 г. о ревизии. Такое толкование, несомненно, было оригинальным, но в системе ревизского учета так и не реализованным. Показательно, что Сибирская губернская канцелярия в 1731 г запрашивала сведения о числе таких же выбывших податных, но и ей не удалось принять коренного решения по данному вопросу По-видимому, на местах практика уплаты подушного оклада только с числа наличного населения продолжала существовать, и в 1735 г губернская канцелярия вынуждена была специально разослать указ о запрете самостоятельного исключения кого-либо из подушного оклада[8] Таким образом, на местах с момента введения подушного обложения по ревизским сказкам существовало стремление к текущей корректировке данных переписей и соответственно подушного сбора, причем в понимании необходимости этого были единодушны и сами вотчинники, и мирские власти, и губернские, и епархиальные органы, но центральные инстанции оказались неспособны наладить такую корректировку, и она не получила законодательной силы. Местные органы, считая несправедливым сбор с выбывших, в то же время предпочитали вопрос о включении дополнительно в оклад лиц, с момента проведения ревизии уже достигших податного возраста, не ставить, хотя прописные крестьяне, прибывшие в вотчину на жительство отставные военные включалось в ревизские сказки с уплатой подушного сбора и в межревизский период. Думается, что складывающуюся на практике систему текущей регуляции податного обложения можно было при желании дополнить и системой фиксации убыли населения и этим придать ей законченную гибкую форму, но центральные органы так и не санкционировали это.

Ряд функций за епархиальными органами сохранился и в 30–60-е гг Как в своеобразную арбитражную инстанцию в консисторию обращались с жалобами на неправомочные с точки зрения монастырских властей действия светских органов Консистория по таким жалобам списывалась с губернскими инстанциями и старалась урегулировать их, иногда выносила решения сама. Могли обратится в епархиальные органы и немонастырские жители, желая заставить монастырские власти выслать на постоянное место жительства находящихся в вотчинах беглых податных

Практической организацией сбора государственных податей в 20–60-е гг XVIII в. занималось низшее звено местной администрации в лице светских органов В непосредственном контакте с монастырями находились земские (ставшие позднее управительскими) и воеводские канцелярии. Они информировали о наступлении срока сдачи сборов – каждого, хотя они менялись не так часто: подушный сбор сдавался до конца 1731 г. по третям года, с 1732 г — по полугодиям, остальные сборы – за весь год сразу. Информировали заблаговременно – скажем, если полугодовые сборы проходили в апреле-мае и ноябре-декабре, то соответствующие напоминания рассылались еще в январе и сентябре Обязательно указывалась необходимая сумма сбора в целом с вотчины, отдельно по ревизским душам и вписанным впоследствии. Напоминалось о необходимости выбора специальных сборщиков. Об их числе и поименном составе требовали сведения еще до приема денег Такие списки хранились в управительских или воеводских канцеляриях много лет, поскольку ответственность сборщиков за недоимки не прекращалась автоматически со сдачей денег в канцелярию.

Аналогично была организована поставка рекрутов для российской армии Основные условия определялись, естественно, центральными светскими инстан-

циями Именными указами санкционировался ежегодный набор, эти указы издавались каждый год, даже если его условия и не менялись. В указах определялась разнарядка рекрутского сбора (до проведения первой ревизии – с количества дворов, после нее – с числа душ), требования к здоровью (обычно в довольно общем виде), определенный комплект одежды новобранца, сроки прибытия. Указом 1720 г определялась выдача им жалованья, равного солдатскому, а с 1761 г помещикам разрешено отдавать в солдаты непокорных крестьян Особо предписывалось следить за тем, чтобы крестьяне не занимались членовредительством для уклонения от рекрутского набора (указ 19 1 1758г) Одновременно предписывалось отправить и доимочных по предыдущим нарядам рекрутов (особенно в 20–30-е гг.). Такую недоимку частично удавалось ликвидировать, но время от времени государство вынуждено было просто списывать задолженности, например, в 1754 г был издан указ о сложении недоимки с прописных душ за 1724–1747 гг С помощью рекрутского набора правительство пыталось избавить страну от нищих и гулящих, которых по сенатским указам 1736 и 1758 гг предписано было брать в солдаты. Требуя исправной поставки рекрутов, правительство не желало идти на конфликты с помещиками, и в 1742 г было указано не брать на службу добровольцев, сбежавших без согласия их владельцев[9]

Дети военных чинов (а к ним причислялись и отставные офицеры, и солдаты, живущие в монастырях на пропитании), освобожденные от податного состояния, были военнообязанными и подлежали отправке в школы с 7 лет (это так и не было реализовано в тот период), а «великовозрастные» – на военную службу Для их выявления проводились периодические смотры недорослей, военные власти фиксировали их возраст, получая информацию о числе лиц, уже годных в службу, или вскоре вступающих в призывной возраст Указы о проведении таких смотров издавались либо императором, либо Сенатом. Пропуск смотров считался уклонением от службы и предполагал наказание, хотя правительство периодически объявляло о прощении этой вины[10]

Непосредственная организация рекрутского набора ложилась на местные органы. Губернская канцелярия определяла сроки присылки в нее рекрутов. Управительские канцелярии указывали срок сбора всех крестьян на смотр в монастырской вотчине, на который приезжали представители канцелярий и определяли потенциальную годность в службу крестьян. Велся учет присутствовавших на смотрах, остальных потом требовали прислать в эту канцелярию (вообще предписывалось на срок смотра крестьян из вотчины не отпускать) Подобные смотры фиксируются по источникам 20–30-х гг [11], позднее, когда требования к рекрутам стали уже достаточно привычными, смотры были отменены Сам сбор рекрутов возлагался на комиссаров, назначенных архиерейским домом, а впоследствии – на управителей земских и управительских канцелярий. Они определяли, сколько требуется рекрутов с каждой вотчины или слободы, сумму, взимаемую за «раскладочных рекрутов» – такая раскладка велась сначала между крестьянами церковных вотчин, а позднее между крестьянством ведомства одной управительской канцелярии; следили за своевременностью присылки рекрутов. Сам выбор рекрутов был в полной компетенции крестьянской общины, монастырские власти в них не вмешивались, только изредка отправляя непокорных и особо драчливых в рекрутчину[12] Миром и снаряжали их, и собирали средства на отправку и жалованье на время до принятия их в службу После этого рекрутов отправляли еще на один смотр, где их осматривал лекарь и определял годность к службе Такие смотры в 20–30-е гг обычно проводились в губернской канцелярии, в 40-е гг – в управительской, с 50-х – в провинциальной

Негодных рекрутов отправляли назад с требованием замены Это повторялось на протяжении всего изучаемого периода, хотя требования к здоровью рекрутов

практически не менялись и были достаточно просты Иногда бывала и вторичная замена. Мирские власти на второй или третий такой запрос отправляли сразу несколько возможных кандидатур, предлагая соответствующей канцелярии самой выбрать из них подходящего[13] Вероятно, такое предоставление негодных рекрутов являлось средством занизить их число: монастырские власти никогда не говорили о том, что не в состоянии набрать требуемое число рекрутов, обычно в первый же раз отправляли предписанное количество, но в результате последующей отбраковки, перевыборов, отсылок срок сбора кончался и недопоставленных рекрутов до следующего набора не требовали.

Приведенные примеры показывают, что при активном вовлечении местных органов в процесс реализации предписаний центральных властей удавалось добиться достаточно динамичной регуляции сложных управленческих ситуаций, таких, как государственные сборы и повинности. Хотя в них и накапливались определенные недоимки, но их размеры в монастырских вотчинах Урала были невелики и не вызывали особой тревоги властных структур

Подводя итоги, можно отметить, что эффективность управления во многом зависела от формы размежевания полномочий между центральными и местными органами власти, степени проработки механизма их взаимодействия. Наиболее результативны в этом отношении были механизмы управления, основанные на примерно равной вовлеченности в данный процесс всех уровней властных структур, а также сохранении широкой компетенции местных органов власти в решении региональных проблем. Сосредоточение управленческих решений в руках центральных органов при фактическом устранении от их реализации местных органов могло обеспечить стабильное выполнение предписаний в монастырях Урала только при условии традиционности самих этих требований и отработанности до мелочей практики их исполнения на местах.

В этот период не было еще разделения законодательных и исполнительных решений, поэтому тот, кто издавал указ, должен был сам и продумать механизм его реализации, меры контроля. Ни одно нововведение не реализовывалось в полном объеме в результате однократного провозглашения, даже при условии того, что механизм реализации был предусмотрен в инициализирующем указе Само бытование этих новаций и механизмов реализации должно было стать привычным, пройти проверку временем, а система контроля должна была показать свою практическую действенность и последовательность, чтобы его строгость оценили. 20–60-е гг XVIII в. – время складывания многих механизмов такого контроля для различных предписаний, в том числе и для вполне традиционных.

Анализ книг исходящей документации Сената и Синода[14] – органов, через которые чаще всего распоряжения центральных учреждений доводились до сведения монастырских властей Урала, показывает, что 87% распоряжений Синода предназначались всем епархиям страны, а до 65% указов Сената – всем губерниям и провинциям. Остальные указы как правило касались отдельных должностных лиц и в монастыри не посылались. Таким образом, описанная выше картина воздействия центральных органов на монастыри Урала типична и для остальных регионов России.

Решения епархиальных и губернских органов распространялись на все церковные и светские (соответственно) учреждения региона. Для низшего звена администрации были характерны распоряжения в большей степени узко-конкретные, но достаточно типичные для всех подведомственных им мест (разнарядки сборов, проведение допросов, подряды и т.п.).

Это позволяет говорить о том, что анализируемые в статье взаимодействия центральных и местных управленческих структур характерны для всех монастырей страны, а многие черты такой регуляции были общими как для церковных, так и

для государственных образований. Конечно, вопрос о специфике управления теми или другими из них требует особого изучения, и приведенные выше сведения можно считать предварительными данными для такого анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 603. Верхотурский Николаевский монастырь. Оп. 1 Д. 1, 4–5; Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 156. Тобольская консистория. Оп. 1 1747 г. Д. 45; Ф. 701. Кондинский Троицкий монастырь. Оп. 1 Д. 1–9; Шадринский филиал Государственного архива Курганской области (ШФ ГАКО). Ф 224. Далматовский Успенский монастырь. Оп. 1. Д. 58–64, 66–71, 74–84, 87–91, 93–95, 96–98, 100–101, 103, 149, 151–156, 162–167, 170–171, 176–186, 189–191 266, 306, 373, 393, 431, 520 (Л.1–11), 533 (Л.2–4, 9–16), 555 (Л.1–9), 600, 609, 623, 643, 653 (Л.8–18, 71–75, 78–83), 675, 687–689, 708, 713–717 731–732, 734–750, 752–753, 757, 3105, 3191 3218–3222, 3224–3235.
2. *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшаго приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1906; *Баранов В.С.* Летопись Верхотурского Николаевского монастыря в связи с историческим сказанием о житии, чудотворениях и св. мощах Св. Праведного Симеона, Верхотурского Чудотворца. Н.-Новгород, 1910; *Головин П.* Кондинский Троицкий монастырь // Календарь Тобольской губернии на 1892 г. Тобольск, 1891; *Кривощеков А.* Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. Научный отдел.
3. ПСЗ. Т IX, № 6653; Т XV, № 11203; ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1 Д. 675. Л. 7; Д 177 Л. 1–2; ГАСО Ф. 603 Оп. 1 Д. 1 Л. 171; ТФ ГАТО. Ф 701 Оп. 1 Д. 8. Л. 19 об.
4. ТФ ГАТО. Ф 701 Оп. 1 Д. 5. Л. 351, 353 об.
5. ТФ ГАТО. Ф. 701 Оп. 1 Д. 5. Л. 188–191; Д. 8. Л 94–100, 182 об.; ПСЗ. Т XII, № 9269; Т XIV, № 10583, 10589; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1 Д. 1 Л. 243–243 об
6. ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп 1 Д. 191 Л. 3 об.; Д. 3105. Л. 9 об.; Д. 393. Л. 13 об., 17 Д. 643. Л. 19; ТФ ГАТО. Ф. 701 Оп. 1 Д. 6. Л. 116–116а; Д. 8. Л 334, 350–350 об., 376–377; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1 Д. 4 Л. 105–106.
7 ШФ ГАКО. Ф 224. Оп. 1. Д. 600. Л. 6 об.; Д. 623. Л 9 об.; ТФ ГАТО. Ф. 701 Оп. 1 Д. 4. Л. 244 об.–245.
8. ТФ ГАТО. Ф 701 Оп 1 Д. 1 Л. 18; ШФ ГАКО Ф. 224. Оп. 1. Д. 149.
9. ПСЗ. Т. V, № 2632; Т VI, № 3587; Т. VII, № 4184, 4846, 4868; Т. VIII, № 6153; Т XI, № 8320; Т XIV, № 10230; Т XV № 10793, 10824; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1879–1912. Т II, С. 684; Т. III, С. 35; ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1. Д. 191 Л 8 об., Д. 183. Л. 8–16; ТФ ГАТО. Ф 701. Оп. 1 Д. 4. Л. 119–119 об.; Д. 6. Л. 168 об.; Д. 8. Л. 260.
10. ПСЗ. Т VI, № 3631; Т. IX, № 6949, 7082; Т XIII, № 9909; ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1 Д. 58. Л. 24; Д. 623. Л. 404–405; Д. 3191. Л. 1 об., 5 об.; Д. 67 Л. 34–34 об.; Д. 600. Л. 8; ТФ ГАТО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об., 25 об.; Д. 6. Л. 85–86, 106 об.
11. ПСЗ. Т V, № 2753; ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1 Д. 71. Л. 1, 4–5, 11–12; Д. 164. Л. 1–1 об. Д. 191. Л. 5; Д. 183. Л. 1–1 об., 4.
12. ТФ ГАТО. Ф. 701. Оп. 1 Д. 8. Л. 306–306 об.
13. ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1 Д. 71. Л. 1, 4–5, 8–8 об., 11–12; Д. 78. Л. 3;Д.164. Л. 5, 11, Д. 191. Л. 7 об.; Д. 183. Л. 5–5 об.; Д. 185. Л. 11–11 об., Д. 98 Л 1, 6; ТФ ГАТО. Ф. 701 Оп 1 Д. 4. Л. 247–247 об.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф 248. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2964–2975., Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 5. Д. 257; Оп. 7 Д. 41, Оп 8. Д. 98; Оп 14. Д. 309; Оп. 15. Д. 169; Оп. 25. Д. 301, Оп. 444. Д. 14, 75–78, 207–208, 211.

INTERACTION OF CENTRAL AND LOCAL POWERS IN THE ADMINISTRATION OF THE URAL CLOISTERS IN THE 18th CENTURY

The 18th century cloisters were complex polyfunctional entities participating virtually in all spheres of clergical and state activities. The author argues that this makes possible to reconstruct a typical administrative situation. Basing the research on the cloisters' collections of documents statistical analysis (source complexes of the Dalmatovsky Monastery of Assumption, Verkhotursky Nicholai's Monastery, Kondinsky St.Trinity Monastery), the author concludes that the efficiency of the administration strongly depended on the form of authorities' demarcation between central and local bodies of power, the way the mechanism of their interaction worked. The mechanism of administration based on the more or less equal participation of all levels of power structures in the administrative process is considered to be the optimal. Wide range of competence enjoyed by the bodies of local power is also considered to be significant in regional problems solution.

M.Yu.Nechayeva

Е.В.Алексеева

УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКИМИ КОЛОНИЯМИ В АМЕРИКЕ (1741—1867 гг.)

Эффективное управление является универсальной проблемой, заметно актуализирующейся на переломных этапах общественного развития. Ретроспективный анализ исторических прецедентов ее решения, знание о специфических формах управления, возникавших в нестандартных условиях, безусловно, обогащает понимание предмета, способствует принятию адекватных решений в современной практике администрирования.

Российские колонии в Америке явились географическим пределом расширения империи на Восток. Имея в своем активе несколько столетий успешной колонизационной практики, в результате которой Урал, Сибирь и Дальний Восток были прочно интегрированы в орбиту Российского государства, выработав определенные принципы управления обширными территориями, Российская империя, не остановленная водной преградой, распространилась и на американский континент. Импульс, в течение нескольких столетий лежавший в основе центробежного движения русского народа, оказался достаточным для того, чтобы в 1741 г. открыть со стороны Тихого океана Америку, основать там поселения, просуществовавшие в составе Российской империи до 1867 г. укоренить матрицу русской жизни на Аляске, в Верхней Калифорнии, на Алеутских и других островах Тихого океана.

Проблемой, анализируемой в данной статье, является соответствие формы управления особенностям объекта управления. В рамках обозначенного исторического контекста рассматривается организация управления российскими владениями в Америке, определяется ее эффективность и адекватность историко-географическим условиям. Несмотря на очевидную значимость, этот вопрос рассматривался лишь в общем изложении истории Русской Америки, не являясь объектом специального анализа[1]

Русские пионеры в Новом Свете оказались в прежде неизвестных им специфических условиях. Монолит российской тверди впервые разделился холодными водами океана, которые отрезали осваиваемую американскую «землицу» от обжитых центров экономики и администрации, гасили властный тон, звучавший теперь отдаленным эхом в указах и инструкциях, ослабляли возможность контроля за их выполнением, а иногда и поглощали эти рескрипты вместе с кораблями, на которых они везлись.

Немногочисленные по сравнению с местным населением русские первопроходцы не имели тыла, как это было в Сибири, и находились в гораздо более конкурентонасыщенной среде. Русские колонии даже спустя десятилетия довольно успешного развития, являясь российским анклавом в Америке, постоянно ощущали угрозу со стороны своих соседей, коренных жителей и европейских народов – англичан, испанцев. Суровый морской климат не позволял успешно заниматься сельским хозяйством и животноводством, независимо обеспечивая себя продовольствием. Даже охота за главным «колониальным» товаром, основой существования российских колоний в Америке – ценными морскими животными, всецело зависела от алеутов – непревзойденных морских охотников, чей отшлифованный столетиями опыт эксплуатировался европейцами. Все это осложняло положение колонистов, делая систему жизнедеятельности уязвимой, требовало ее особой организации.

Итак, на выбор формы управления единственными колониями, которыми обладала Россия, должны были оказывать влияние три главнейших фактора: 1) чрезвычайная удаленность американских территорий от петербургского центра государственной власти; 2) крайняя малочисленность русского населения, 3) наличие недружелюбных коренных народов и конкурирующих европейских наций, превосходивших русских по численности.

Традиционно история Русской Америки хронологически подразделяется на два крупных этапа: 1) 1741–1799 гг. – с момента открытия Америки экспедицией В.Беринга и последовавшего за ним беспорядочного освоения Алеутских островов вольными промышленниками до учреждения монопольной Российско-Американской компании; 2) 1799–1867 гг. – история колоний в период управления ими Российско-Американской компанией.

В соответствии с указанными этапами можно говорить о преобладании на первом из них стихийного и на втором – сознательного механизмов управления.

После государственного импульса к открытию Америки (I и II Камчатские экспедиции выполняли задачи, поставленные императором и Сенатом и финансировались из государственной казны), центральная власть не только в прямом, но и в переносном смысле несколько дистанцируется от сложного, рискованного, стоящего жизней и денег дела морских открытий и разведывания экономической перспективы на Тихом океане, практически пустынном и неизведанном в середине XVIII в. Подавляющее большинство экспедиций, отправлявшихся в плавание за американской пушниной, были движимы частнопредпринимательским интересом. По данным Р.В.Макаровой, на протяжении второй половины XVIII в. русские купцы и промышленники совершили 101 промысловую экспедицию в Тихом океане[2]. По уточненным оценкам Л.Блэк, 59 судов в 1741–1799 гг. осуществили 110 плаваний к юго-западной Аляске[3].

Роль властных органов на этом этапе ограничивалась по сути контролем за поступлением определенной доли привозимых из вояжей мехов в казну. Для этого местные власти должны были знать, какие суда отправлялись в плавание и каковы были его результаты. Первая задача решалась запретом на выход в море без разрешения местного начальника, упорядочением донесений о вояжах с 1760-х гг. Последнее требование, а также ряд практических мер по оказанию помощи купе-

ческим промысловым компаниям (выдача пороха, снабжение судов морскими картами, государственное кредитование экспедиций) были приняты центральной властью при активном участии сибирского губернатора Ф.И.Соймонова. Для решения второй задачи в плавание отправлялся сборщик ясака, обязанный следить за его успешным взиманием и сдачей в казну. Помимо ясака, купеческая компания, организовавшая плавание, также уплачивала государству «десятую» пошлину и подушную подать за работных людей, служивших в компании во время вояжа. Относительно небольшая доля из прибыли выделялась на церковь и школу.

Стремление центральной власти Российской империи к расширению границ, получению новых источников прибылей, обеспокоенность интересом, который стали проявлять европейские державы к открытым русскими территориям, попытка закрепить права России на них проявились в организации и осуществлении правительственных экспедиций под командованием лейтенанта И.Синдта (1764–1767 гг.), капитан-лейтенанта П.Креницина и лейтенанта М.Левашова (1764–1769 гг.), подготовке в 1786–1787 гг. экспедиции капитана Г.Муловского, не состоявшейся из-за русско-турецкой войны, и успешной экспедиции капитанов И.Биллингса и Г.Сарычева (1785–1792 гг.). Однако несмотря на определенные успехи этих экспедиций, собравших ценнейшую информацию, сделавших многие открытия на севере тихоокеанского бассейна, они мало способствовали упрочению прав России на эти земли. До самого конца XVIII в. единственными представителями России на Тихом океане оставались русские промышленники.

Период слабого институционального контроля за всем происходившим в новых заокеанских землях, открытых во второй половине XVIII в. русскими людьми и постепенно включенных в орбиту Российского государства, сменился в 1799 г. (с предоставлением образованной частной Российско-Американской компании монополии на открытие, заселение и освоение территорий в Америке) на достаточно четкую организацию управления. Происходившие перемены в организационной структуре закреплялись в периодически корректировавшихся и утверждавшихся Уставах компании (1821 г., 1841 г.).

В соответствии с Уставом Российско-Американской компании ее Главное правление было учреждено в Иркутске. (В 1800 г. – переведено в Петербург, ближе к правительственным кругам.) Акционеры, в числе которых был сам император, члены императорской семьи и некоторые министры, на своем общем собрании избирали четырех директоров компании, отвечавших за ее финансовое состояние и материальное обеспечение, заключавших контракты с промышленниками, нанимавших служащих компании, представлявших компанию во всех юридических и гражданских делах, готовивших ежегодно публиковавшиеся отчеты компании. В правлении к их услугам были советники, секретари, переписчики, оценщики и т.д. Компания имела свои конторы в 10 крупных городах: Москве, Иркутске, Кяхте, Якутске, Охотске, Казани, Тюмени, Томске, Гижиге и на Камчатке. Служившие в компании чиновники считались состоящими на государственной службе.

Наблюдение за коммерческими действиями компании центральная власть вверила министру финансов; Министерство иностранных дел способствовало решению проблем, возникавших при общении с иностранными державами; Морское министерство защищало интересы компании на море, участвовало в перевозке грузов и почты; в Министерство внутренних дел обращались в случае необходимости рассмотреть уголовное дело. Религиозные вопросы находились в ведении Священного Синода. Управление компанией осуществлялось собранием акционеров, советом компании и Главным правлением. Необходимо иметь в виду, что оперативное влияние центральных органов Российско-Американской компании на ситуацию в колониях было весьма ограниченно. Распоряжения Главного правления, передаваемые с капитанами кругосветных экспедиций, или тащившиеся по

суше через Сибирь, достигали конечного пункта этой коммуникативной цепочки лишь через год. Поэтому роль местной администрации в колонизации американских территорий трудно переоценить.

Центральной фигурой, руководящим ядром российских колоний в Америке был Главный правитель, размещавшийся в Ново-Архангельске на о. Ситха, административном центре российских колоний в Америке, их «столице». Его полномочия были близки должности коменданта порта и губернатора. В руках Главного правителя практически сосредоточивались судебная и полицейская функции. Он обладал правом назначать на должность и смещать служащих в колониях, офицеров, командовавших компанейскими судами, определять и изменять плату аборигенам-охотникам, высылать провинившихся в Россию. Круг его обязанностей был еще более широк – он отвечал за все происходившее в колониях, являясь полноправным хозяином Русской Америки, пользуясь фактически безграничной властью. Под его руководством осуществлялись организация промыслов, снабжение колоний продовольствием и товарами, исследование территорий, контакты с иностранцами, взаимодействие со священнослужителями, поддерживалась обороноспособность укреплений, велось строительство, развивалось ремесленное производство, медицинское и школьное дело. Главный правитель должен был инспектировать подвластную ему территорию и ежегодно отправлять отчет о состоянии дел в колониях в Главное правление компании в Петербурге. Последнее, со своей стороны, также контролировало происходящее в Русской Америке, периодически посылая туда своих представителей с ревизионными целями. (Плавание Н.П.Резанова 1805–1806 гг., Л.А.Гагемейстера 1818–1819 гг., П.Н.Головина и С.А.Костливтцева 1860–1861 гг.)[4]

Главных правителей в истории Русской Америки было 15. Первого «господина Аляски», А.А.Баранова, яркого представителя купеческого сословия, отдавшему освоению колоний почти 30 лет своей жизни и вышедшего в отставку в 1818 г., сменили на этом посту морские офицеры, исполнявшие должность Главного правителя в течение 1–5 лет. В 1844 г. это правило было официально закреплено в новом Уставе компании, по которому Главный правитель утверждался императором на срок 5 лет из представляемых главным правлением компании кандидатов (только штаб-офицеров морской службы). При правителе назначался также помощник и совет колониального управления. Эти перемены привели к созданию более четкой и эффективной администрации и к более жесткому контролю за жизнью колоний.

Распоряжения Главного правителя исполнялись представителями местной администрации в колониях, которая была организована следующим образом. Колонии подразделялись на отделы, управлявшиеся конторами. В 1799 г. при образовании компании, контор было четыре: уратская (в Охотске), кадьякская, уналашкинская и курильская. Главное управление колониями поначалу находилось в Охотске, затем было переведено в Кадьяк, а в 1804 г. – с образованием ситхинского отдела – сосредоточилось в Ситхе. В 1860-х гг. на завершающем этапе своей истории, колонии подразделялись на шесть отделов: Ситхинский (острова и материковые земли от залива Якутата (Беринга) к югу до 54°40' с.ш.), Кадьякский (от залива Якутата и меридиана горы Св. Ильи до р. Кускоквим и меридиана Шумагинских островов), Северный или Михайловский (бассейн р. Квихпак и все пространство к северу от р. Кускоквим до Ледовитого океана и до Берингова пролива), Уналашкинский (западная часть полуострова Аляски, острова Шумагинские, Лисьи и Прибылова), Атхинский (все Алеутские острова к западу от о. Амухты), Курильский (острова от Урупа до Шумшу). Кадьякский отдел подчинялся кадьякской конторе, а остальные – ситхинской[5].

Поскольку в 1820-е гг. произошла переориентация вектора колонизации с южного направления на северное и начали более активно осваиваться материковые

территории, что оказалось связанным со значительными трудностями (в частности, с малочисленностью русских, ограниченностью материальных ресурсов, враждебностью местного населения), компании разрешалось строить фактории внутри материка «лишь с согласия природных жителей», а также воспрещалось требовать с них дань, ясак или какие-либо иные приношения.

В исторической литературе показано, что с 1799 г по 1867 г под юрисдикцией Российско-Американской компании находились Сахалин, Курилы, Алеутские и другие острова на севере Тихого океана, Аляска, а с 1812 по 1841 гг также поселения в северной Калифорнии, населенные различными народами Гиляки и айны жили на Сахалине, курильское население на Курилах, различные алеутские группы на Алеутских островах, коняги на Кадьяке, тлинкиты населяли пространство между проливом Ванкувера и Чугачским заливом, чугачи – по берегам самого залива, инуиты на севере Аляски, помо – в северной Калифорнии[6]

Это пестрое коренное население подразделялось на зависимое (курильцы, алеуты, коняги); полузависимое (кенайцы и чугачи) и независимое (тлинкиты, колчане, малегмиуты, инуиты, жители Командорских островов и помо)[7] Субъекты первой группы, обитатели Курильских и Алеутских островов по уставу об управлении инородцев 1822 г были причислены к сибирским инородцам Алеуты, сильнее других подвергшиеся в ходе колонизации европейскому воздействию, насчитывали к началу контактов, по данным Р.Г.Ляпуновой, специально рассматривавшей этот вопрос, около 8–10 тыс. чел.[8] К концу русского периода численность алеутского населения составляла примерно 2400 чел.[9] Убыль населения объясняется тяжелой эксплуатацией аборигенов, переселениями, гибелью на охоте, эпидемическими заболеваниями. Особенно большие потери принесла эпидемия оспы 1837–1838 гг., когда несмотря на интенсивные меры, предпринимавшиеся русской администрацией по проведению вакцинации, численность алеутов сократилась с 6991 чел. (по данным на 1 января 1836 г.) до 4007 чел. (1 января 1840 г.)[10]

Зависимые туземцы считались подданными России, освобождались при этом от повинностей, управлялись своими родовыми старшинами под надзором Российско-Американской компании. Таким образом, в Русской Америке, как и в Сибири, мы наблюдаем интеграцию традиционных форм общественного устройства с государственными, характерную для косвенного колониального управления[11]

По требованию компании половина всего туземного населения мужского пола от 18 до 50 лет должна была являться ежегодно для ловли морских зверей. Все добытое на охоте алеуты обязаны были сдавать компании за плату, которая назначалась на основании постановлений Главного правления и составляла примерно пятую часть товарной стоимости. Средняя оплата труда алеутов в разных районах была неодинакова, кроме того, со временем она несколько раз повышалась. Вознаграждение за труд также выражалось в натуральной оплате – предоставлении продуктов, одежды, жира для освещения и смазки байдарок и т.д. Как бы ни была низка оплата труда аборигенов (на 1 января 1830 г жалованье Главного правителя составляло 30 000 руб., морского офицера – от 4 500 до 7 000 руб. работника алеута – от 50 до 150 руб.[12]), компания неизменно проводила принцип, на который обращал внимание еще К.Т.Хлебников: « алеуты и их жены никуда не употребляются безвозмездно»[13] Для феодально-крепостнического государства, каковым являлась Российская империя в первой половине XIX в., это было весьма необычно и свидетельствовало о специфической организации труда, сложившейся в колониях. Несмотря на тяжелый принудительный труд и подчиненное положение коренные жители российских колоний не были рабами. Указанная особенность представляется важной в сравнении с рабством, типичным для колониальной Великобритании, Португалии и самих Соединенных Штатов. Более того, руководство Российско-Американской компании декларировало, что «островитяне в качестве

подданных России находятся под заступлением закона, и, следственно, собственность и личность каждого неприкосновенны»[14]

Конечно, подчеркивая, что формальное колониальное рабство было нехарактерно для Российской империи, нельзя отрицать принудительного подчинения и тяжелой эксплуатации алеутов Но то фактически крепостное состояние, в котором находились алеуты в колониях, и не могло быть иным, поскольку, «что же удивительного в том, что тогда этот вопрос не умели разрешить иначе, когда и в целом государстве, русские люди находились в крепостном состоянии?»[15]

Среди независимого населения центральное место занимали индейцы – тлинкиты, насчитывавшие к моменту прибытия европейцев на Аляску 25 000–30 000 чел.[16] Открытое и пассивное сопротивление воинственных и сильных тлинкитов русской колонизации было столь важным фактором, что позволило исследовавшему данную этническую группу историку А.В.Гриневу заключить, что именно это сопротивление ограничило и остановило продвижение русских в южном направлении вдоль северо-западного побережья Северной Америки. Выступления тлинкитов в 1802–1810 гг утверждает исследователь, перечеркнули планы царского правительства превратить северную часть Тихого океана во «внутреннее море» Российской империи и значительно ослабили позиции Российско-Американской компании на Аляске, став одной из косвенных причин продажи Аляски США[17]

В 1970-е гг рассматривая особенности расселения русских на Аляске, их контакты с аборигенным населением, С Г Федорова сделала вывод, что к началу 1820-х гг половина существовавших в то время в колониях поселений представляла собой незначительные населенные пункты, в которых проживало от одного до трех русских, возглавлявших промысловые артели аборигенов. С начала 1770-х гг по 1867 г русские сумели создать на Аляске и в Верхней Калифорнии свыше 60 поселений. При этом характер расселения русских колонистов определялся тем, что 80% русского населения приходилось на сферы управления, технического обслуживания промыслов, флота и обороны колоний В соответствии с этим в 1860 г из 595 русских поселенцев 519 (87%) проживало в столице Русской Америки г Ново-Архангельске и на о Кадьяк[18] «Такой принцип расселения, хотя он и был вызван постоянной острой нехваткой русских поселенцев, объективно приводил к тому, что русские сближались с аборигенами, и это многолетнее общение смягчало жесткость колонизационной политики Российско – Американской компании»[19] Исследовательница утверждает, что во многом этому способствовали смешанные браки русских с аборигенами и создание значительной прослойки креольского населения Креолы рассматривались компанией как опора русской колонизации. В 1821 г они были приравнены в правах к мещанам, что позволяло продвигаться по служебной лестнице на гражданской службе и достигать офицерских чинов на военной. Креолы были освобождены от государственных налогов, податей и повинностей, но за полученное ими на средства компании образование обязаны были отработать в ней К 1821 г в колониях проживало около 300 креолов, а к 1861 г их насчитывалось уже 1 896 чел.[20]

Действительно, при средней численности русских в 550 чел (максимум, достигнутый в 1839 г равнялся 823 чел.)[21] географической и коммуникативной отрезанности американских территорий от метрополии, сложных отношениях с соседями (американцами, англичанами, испанцами, индейцами), окружавшими российский анклав в Америке, политика, проводимая правителями Русской Америки, должна была ориентироваться на компромиссное, взаимоприемлемое решение конфликтных ситуаций, вживание в ситуацию, а не на насилие.

Строительство и содержание Российско-Американской компанией школ и больниц, создание выдающимся миссионером Иннокентием Вениаминовым алеутской письменности стали важнейшими факторами распространения матрицы рос-

сийской государственности на американский континент Система медицинского обеспечения, созданная русскими на Аляске в XIX в. по оценке современных исследователей, была близка модели здравоохранения, существующей в настоящее время[22] К 1851 г в Русской Америке функционировало 7 учебных заведений, в которых обучалось 202 мальчика и 114 девочек[23] По некоторым оценкам, в 1867 г в колониях было около 8 000 христиан[24]

Представление о структуре и формах управления российскими колониями в Америке, конкретном функционировании этой системы, данное выше, позволяет нам перейти к рассмотрению принципиального вопроса – оценке эффективности симбиотического частно-государственного способа реализации власти. В том, что это был уникальный по своей природе симбиоз власти, сомневаться не приходится – данное положение подтверждается вышеизложенным материалом Очевидным это было и для современников. Официальный историограф Российско-Американской компании П.А.Тихменев в 1861 г писал: «Компанию, по обширности и разнородному кругу ее действий, нельзя ставить в сравнение ни с какою другою Сверх торговой и промышленной монополии, правительство уделило ей и часть своей власти по управлению отдаленным и просторным краем, где лежит теперь на ней и на собственных ее способах вся местная администрация В таком виде компания есть уже не одно коммерческое сословие, но некоторым образом и власть правительственная»[25]

Однако впоследствии в историографии взгляды на этот вопрос расходятся Была ли Российско-Американская компания действительно частным предприятием или же креатурой императорского правительства – таковы, по сути, полюса существующих в исторической литературе мнений Последнее из них утвердилось достаточно прочно. Выдвинутое и обоснованное С.Б. Окунем в 1939 г[26] оно разделяется многими историками. Сторонники этой точки зрения считают, что Российско-Американская компания была по своей сути российским аналогом таких известных компаний, как Компания Гудзонова залива, голландская, французская, английская Вест- и Ост-индские компании. Являясь акционерными, частными компаниями, они при этом были орудиями экспансии своих государств, готовившими условия для юридического оформления свершившегося факта захвата новых территорий, не обременяя правительства ответственностью за столкновение интересов с другими государствами. Наиболее четко это мнение выражено в современной англоязычной литературе в предисловии к заключительному сборнику документов из серии «К Сибири и Русской Америке. Три века русской экспансии на Восток» под названием «Российские американские колонии 1798–1867 г.», авторами которого являются Б.Дмитришин, Е.Кроунхарт-Воган, Т Воган. Исследователи считают распространенное в научной и популярной литературе представление о компании как о частном предприятии ошибочным и пишут, что со времени ее основания в 1799 г и до конца в 1868 г Российско-Американская компания никогда не была частным предприятием в западном понимании этого слова. Скорее она являлась важным помощником российского императорского правительства. По мнению авторов, этот статус диктовался социальными, политическими и экономическими реалиями Российской империи той поры. Российские власти никогда не позволили бы какой-бы то ни было организации или учреждению существовать вне правительственного контроля[27] Правительство не только учредило компанию, но и наставляло, снабжало, контролировало и защищало ее от отечественных и иностранных конкурентов. Именно правительство продало аляскинские владения в 1867 г Соединенным Штатам, а затем аннулировало компанию, так же, как ранее ее создало[28] Одним словом, как писал другой американский автор, Российско-Американская компания была «официальной рукой Санкт-Петербурга на Тихом океане»[29]

Однако не все авторы так категоричны в определении статуса Российско-Американской компании как марионеточного Признавая особое внимание к ней государства, они все же склонны расценивать его скорее как протекционистскую, защитную меру по отношению к компании, впрочем и к своим политическим и экономическим интересам также Эта мысль проводится в труде Р.В Макаровой, изучавшей в 1960-е гг становление купеческих поселений и в том числе Российско-Американской компании[30] Сторонником идеи большей самостоятельности Российско-Американской компании является американский профессор М.Уилер. Она считает, что компания выросла естественным образом из практики русских купцов, промышлявших пушниной на Тихом океане и была посмертным творением одного из них – дальновидного и удачливого Г И.Шелихова[31] Вместе с тем, Уилер высказывает предположение, что компания была учреждена правительством в целях прекращения борьбы между промышленниками и купцами, усилившейся после смерти Г.И.Шелихова. По мнению М.Уилер, привилегии, пожалованные в 1799 г Павлом I компании, были не сознательным созданием монополии в империалистических целях, а попыткой расширить (предварительно упорядочив) деятельность промышленников[32]

Некоторые исследователи ставят вопрос о степени зависимости компании от правительства, учитывая фактор времени и развитие событий В ряде трудов утверждается, что первоначально купеческое начало, частнособственнический интерес были очень сильны, но со временем, укрепляя свои позиции, компания все плотнее сближалась с правительственными учреждениями С 1820-х гг компания не только постепенно превращалась из частного предприятия в правительственную структуру, все более бюрократизируясь и политизируясь, но также становилась все более военной по своему характеру организацией. (С 1818 г все правители Русской Америки были офицерами императорского флота, с 1844 г правление директоров, увеличенное до пяти человек, включало в себя только одного купца, а остальные четверо были морскими офицерами С 1857 г в правлении не было уже ни одного представителя купечества)[33]

По-видимому, следует считать, что, зародившись как объединение частного капитала, коммерческого интереса крупнейших российских зверопромышленников конца XVIII в. компания отвечала и государственным интересам, осваивая земли, вошедшие в состав Российской империи. Пользуясь императорским покровительством, компания чувствовала себя более уверенно, выполняя определенную службу и государству После ухода в 1818 г от должности купца А.А.Баранова и с назначением на пост главного правителя колоний государственных чиновников – морских офицеров, укреплением российских позиций в Америке, компания, естественно, все более становилась государственной структурой, но специфичность условий, исторические промысловые традиции и большая удаленность от центра оставляли Российско-Американской компании значительную свободу для самостоятельного маневра.

Какова была степень этой свободы? В каких случаях интересы российского правительства и Российско-Американской компании вступали в конфликт? Принципиальное противоречие состояло в несовпадении заинтересованности и готовности Российско-Американской компании шире развернуть свою деятельность в тихоокеанском бассейне, с одной стороны, и в неподдержке этого стремления правительством, опасавшимся столкновений интересов с другими государствами и не имевшим достаточных ресурсов для эффективного отстаивания своих притязаний или действенной поддержки компании, с другой.

Противоречия между официальной политикой Российской империи и планами экспансии Российско-Американской компании в Тихом океане, основанными на конкретном знании реальности последней, особенно отчетливо проявились на

южном направлении колонизации. Если правительство не стремилось к активной экспансии в Америке и к какому-либо серьезному нарушению статус-кво, то Главное правление компании при удобном случае было не прочь расширить свои владения, закрепиться в Калифорнии, установить постоянные торговые связи с Мексикой, Гавайскими островами, Гаити и т.д. Но доводы Главного правителя Ф.П Врангеля о необходимости ценой признания Мексиканской республики царским правительством укрепить положение форта Росс в Калифорнии не были приняты во внимание. Гавайская авантюра доктора Г.Шеффера, фактически распространявшая на «острова вечной весны» российский протекторат, также не была поддержана. С особой силой эти разногласия проявились, по мнению Н.Н.Болховитинова, в период заключения Россией конвенций 1824–1825 гг. с Великобританией и США, в результате которых торговые интересы и практическая деятельность русских колонистов в Америке были существенно ограниченны[34]

Классический тезис С.Б.Окуня о Российско-Американской компании как ширме для проведения экспансионистской политики царизма и ее деятельности, находившейся под строгим контролем правительства, подвергся сомнению Н.Н.Болховитиновым. Он считает такую позицию верной лишь в самом общем плане. «По многим конкретным вопросам и даже проблемам принципиального характера между руководством компании и царским правительством не только не было единства, но даже возникали открытые и серьезные разногласия,» – заключает академик[35] Таким образом, можно считать, что центральная власть Российской империи тормозила освоение новых территорий частной компанией, не использовала многообещающие перспективы, возникавшие в случае прочного закрепления россиян в тихоокеанском бассейне. Однако учитывая слабую населенность восточных земель империи, растянутость коммуникаций, возникновение более сильных центров притяжения на самом северо-американском материке, сдержанную политику России на Тихом океане можно оценить как разумную и в исторической ретроспективе единственно правильную.

Анализируя феномен Русской Америки, надо признать, что основа, заложенная в фундамент колониального здания, оказалась весьма крепкой, а сам фундамент устойчивым и разумно заданным. Несколько десятков русских, занесенных в этот суровый край ветрами фортуны, надувавшей паруса их кораблей, и застрявших как песчинки в скалах островов, стали кристаллообразующей основой, на которой впоследствии по российской модели вырос целый мир. Если бы предпосылки к укоренению русского народа на тихоокеанском побережье Америки были поддержаны государством, то Российская империя в начале XIX в. имела бы реальный шанс прочно располагаться на трех континентах. Но это уже вступало в противоречие с принципами геополитики

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. М., Л., 1939; To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Eastward Expansion. The Russian American Colonies. 1798–1867. Vol.3. Oregon, 1989; etc.
2. *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 113.
3. *Black L.* Early Russian Contact. Anchorage, Alaska, 1986. P.5
4. To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Eastward Expansion. The Russian American Colonies. 1798–1867. Vol.3. Oregon, 1989. P.XXXIV–XLIII.
5. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. XXVII. С. 122–123
6. To Siberia and Russian America. Vol.3. P.XLIII.
7. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. XXVII. С. 122
8. *Ляпунова Р.Г.* Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1987. С. 85

9. Там же 117
10. *Sarafian W* Smalipox strikes the Aleuts // Alaska Journal. 1977 № 7 (1) P.49
11 *Конев А.Ю* Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи. (XVIII – начало XX вв.). М., 1995. С. 30
12. Русская Америка в «Записках» К.Хлебникова Ново-Архангельск. М., 1985. С. 95–96
13. Там же С. 105.
14. Там же. С. 104.
15. *Завалишин Д И* Российско-Американская компания М., 1865. С. 6.
16. *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск. 1991 С. 30.
17 Там же С 245–246.
18 *Федорова С. Г* Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. 1867 г.). М. 1971 С. 246.
19. Там же. С. 184
20. Там же. С. 153
21 Там же. С. 140.
22. *Fortuine R.* Chills and Fever. Health and Disease in the Early History of Alaska. University of Alaska Press. 1989. P 139
23 *Starr L.J.* Education in Russian America. Alaska State Library Historical Monographs. Number 2. 1972 P.32
24. Ibid. P.24.
25. *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1. 1861 С 285.
26. *Окунь С.Б.* Росссийско-Американская компания. М., Л 1939
27 To Siberia and Russian America.. Vol.3. P.XXXIV
28 To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Eastward Expansion. 1558–1867 Russian Penetration in the North Pacific Ocean. 1700–1797 Vol.2. Oregon. 1988. P.XXXIII.
29. *Manning C.* Russian Influence on Early America. New-York, 1953. P.30.
30. *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане... С. 159.
31 *Wheeler M.* The Russian-American Company and the Imperial Government:Early Phase // Russia's American Colony Durham. 1987
32. Ibid. P.44
33 *Hulley C.* Alaska. 1741–1953. Portland, 1953. P 152; Gibson J Tsarist Russia in Colonial America. Critical Constraints // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. London and New-York. 1991 P.97
34. *Болховитинов Н.Н* Русско-американские отношения. 1815–1832 М., 1975. С. 574.
35 *Болховитинов Н Н* Россия открывает Америку 1732–1799 М., 1991 С. 197

ADMINISTRATION OF RUSSIAN COLONIES IN AMERICA (1741 – 1867)

The problem analyzed in the article is the correspondence of a form of administration with features of the object of administration. Based on historical sources of the 19th century as well as Russian and foreign publications of the present century, the author examines organization of administration in Russian America, defines how it was efficient and adequate to historical and geographical conditions. Although the significance of the theme is obvious, it has never been an object for special analysis, receiving yet but mentioning in the course of general accounts on Russian America

E.V Alexeyeva

Е.Ю.Рукосуев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДОБЫЧЕЙ ЗОЛОТА И ПЛАТИНЫ НА УРАЛЕ

Конец XIX – начало XX в. в России – годы ускоренного развития промышленности и в то же время сказочно быстрых обогащений, кризисов, катастроф, лопнувших банков и акционерных обществ, крупных мошенничеств – порождали у многих обостренный интерес к одному из «законных» способов стать богатым – к добыче благородного металла, «товара, который должен служить вечным двигателем процесса обогащения»[1]

Открытие новых месторождений золота во второй половине XIX в в Калифорнии, Австралии, Южной Африке, на Аляске – в Клондайке сопровождалось таким явлением, как «золотая лихорадка», когда тысячи людей разных национальностей, жаждущих быстрого обогащения, устремлялись на поиски золота. Эта «болезнь» имела такие симптомы, как беззаконие, вседозволенность, пьянство, грабежи, разврат, убийства. Через какое-то время «болезнь» отступала, устанавливались стабильные государственно-правовые структуры, на смену разномастной братии приходили грамотные предприниматели, которые начинали вести дело, используя современное оборудование и технологию.

Урал явился приятным исключением из общего правила. В вышеназванных странах месторождения золота были открыты в отдаленных, труднодоступных районах, в которых отсутствовали представители административной власти, и золото явилось тем рычагом, который сдвинул развитие этих районов с мертвой точки. Вслед за золотоискателями шли торговцы, строились железные дороги, предприятия, обслуживающие прииски, вводились административные органы и т.д. Золото вдохнуло жизнь в ранее «дикие» районы.

На Урале было по-другому. Этот район, освоенный крестьянами и промышленниками, имел крупные заводы и рудники, здесь производилось больше количество чугуна, железа, меди. И только после этого на Урале были открыты золотые, а потом и платиновые месторождения. Таким образом, новая отрасль промышленности развивалась в районе с уже сложившимся населением, имевшем разветвленную сеть речных и грунтовых дорог, с промышленными предприятиями, которые снабжали прииски необходимым оборудованием. К тому времени сложился административно-управленческий аппарат, с помощью которого Урал избежал «золотой лихорадки», вернее сказать, «перенес ее на ногах», поэтому имевшиеся здесь случаи пьянства, грабежи, убийства и т.п. не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило в других частях света.

Царское правительство, не допуская свободного обращения золота и стремясь сохранить монополию на добываемые в стране благородные металлы, обставило золотоплатиновую промышленность целым рядом положений и Уставов, которые регламентировали все процессы поиска и добычи этих металлов:

Первым законом, призывавшим к поиску золота в России, была подписанная Петром I 10 декабря 1719 г Берг-Привилегия, которая сообщала, что «соизволяется всем и каждому дается воля, какого б чина и достоинства не был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях – искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы: сиречь – злато, сребро, медь, олово, свинец, железо. »[2] Берг-коллегии было предписано: «оказывать желающим всю возможную помощь, всякие способы показать, каким образом с тою рудою и минералами наилучше поступати и в доброе и неубыточное состояние произвести»[3]

В 1739 г указы Берг-коллегии были подтверждены Берг-регламентом[4], а в 1754 г особыми указами Сената и Берг-коллегии, практически дословно повторявшими петровский указ[5] Нашедшим золото и руды предоставлялось право получить разрешение на постройку заводов. Одновременно был издан указ Берг-коллегии о разрешении всем желающим разыскивать полезные ископаемые и строить заводы в Оренбургской губернии[6]

Однако добыча золота в России в XVIII в. развивалась только на казенных землях – на Березовских, Миасских, Гороблагодатских приисках. Объясняется это политикой, которую проводила Екатерина II в отношении горнодобывающей промышленности в целом и золотодобычи в частности

Исходя из жалованной грамоты дворянству и «подтверждая благородным право собственности не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей, но и в недрах той земли и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные минералы и на все из этого делаемые металлы», Екатерина II 28 июня 1782 г издала указ о «горной свободе»[7]

Указ предоставлял помещикам право добычи золота при условии уплаты в казну десятой доли стоимости добытых металлов. Отменив тем самым обращение Петра I ко всем сословиям, указ Екатерины II сковывал предпринимательскую инициативу всех, кроме помещиков, которые, как правило, не стремились заниматься промышленной деятельностью. Нежелание землевладельцев искать месторождения золота было вызвано, видимо, и таким прецедентом, как потеря Демидовым Колывано-Воскресенских заводов на Алтае в 1747 г из-за находки там благородных металлов[8] Учитывая подобный случай, другие заводчики препятствовали поискам золота на подвластных им землях, предпочитая довольствоваться малым, чем потерять все.

28 мая 1812 г был издан сенатский указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати»[9] Закон был принят правительством в связи с тяжелым положением государственных финансов накануне войны 1812 г Этот закон открывал полный простор для любых предпринимателей, жаждущих золота, создавал возможности перехода к капиталистическим формам в золотопромышленности.

Каждая фраза и каждое слово нового закона, как и весь его текст в целом, показывают, что он сильно отличался от действовавшего до него указа 1782 г «О горной свободе». Это был первый русский закон, специально посвященный добыче золота и серебра, тогда как во всех предшествующих указах речь шла о добыче драгоценных металлов только попутно с другими металлами, к розыску которых призывали[10]

Теперь землевладельцы могли более не опасаться того, что находка драгоценных металлов может повлечь изъятие их владений, как это произошло у Акинфия Демидова с его Алтайскими заводами. Все могли разрабатывать золото с платой подати, сумма которой различалась в зависимости от того, имеет заводчик пособие от казны или нет: с первых должны были взыскивать 15%, а со вторых – 10%.

В законе точно определялось, что правительство не будет претендовать на места находок золота и серебра, а сохранит за собой только преимущественное право на получение драгоценных металлов, что после того, как предприниматель заплатит «узаконенную подать» с добычи золота и серебра, казна имеет право потребовать обмен остального количества драгоценных металлов на отчеканенную из них монету Новый закон в корне менял все дело. Это было ясное и точное постановление о свободе добычи золота и серебра, свободе, доступной, разумеется, только людям, располагающим достаточно большими капиталами[11]

Заводчики колебались, к 1823 г частных золотых промыслов было только семь, состояли они из 53 работающих приисков и стольких же неработающих Но производительность их быстро росла: в 1819 г добыча составила 20 фунтов шлихо-

вого золота, в 1820 г – 1 пуд 9 фунтов, в 1821 г – 7 пудов 9 фунтов, в 1822 г – 28 пудов 29 фунтов, а в 1823 г поднялась до 69 пудов 10 фунтов[12]

Для проведения широких геолого-поисковых работ, установления местоположения и запасов золотоносных песков, увеличения добычи золота в апреле 1823 г в Екатеринбурге была создана Временная горная комиссия под председательством сенатора В.Ю Соймонова[13] В результате деятельности комиссии была проведена большая работа по обследованию золотоносных районов Урала, в том числе многих частных округов (Верх-Исетского, Ревдинского, Шайтанского,Билимбаевского, Сысертского, Кыштымского и др.).

Результатом работы комиссии явился вышедший 9 сентября 1824 г сенатский указ «О распространении открытий и умножений разработки золотых песков» По указу право добычи золота имели только казна и заводчики-собственники земель, таящих в своих недрах запасы золотоносных руд и песков «Золотосодержащих рудников, открытых кем бы то ни было в землях казенных и в особенности в округах казенных заводов, – говорилось в указе, – частным людям во владение не отдавать, ибо по недостатку в тамошнем крае свободных людей, едва ли они найдут к разработке оных способы, по неимению же таковых способов будет беспорядочная разработка и даже утайка золота. Впрочем, если бы тут открылись какие-либо предложения частных людей, то представлять о них особо»[14]

Однако золотые промыслы казны и горнозаводчиков не могли удовлетворить все возраставшие потребности страны в драгоценном металле С середины 20-х гг казна начала выдавать разрешения сначала купцам, а потом и представителям других сословий на разработку золотосодержащих руд в различных губерниях

Открытие в 1819 г и начало разработки на Урале платины вызвало необходимость в определении размеров подати, подлежащей удержанию с этого металла, и выяснению права промышленников на распоряжение им В своем представлении в Комитет Министров по этому вопросу министр финансов Е.Ф.Канкрин указывал, что «платине никакой постоянной цены еще не определено, да и большой надобности для казны в ней не предвидится»[15] Положением Комитета Министров в 1826 г было постановлено «взимать с платины подать на том же основании, как это было установлено для золота в 1812 г но самый металл, по определении подати натурой, возвращать промышленникам для распоряжения по собственному усмотрению, доколь правительство не встретит надобность требовать и сие количество на какое-либо полезное для казны употребление и не определит постоянную за платину цену»[16]

В таком виде постановления о горном промысле вошли в Устав горный 1857 г[17] Четвертая часть этого устава была посвящена правилам о разработке золотоносных песков в области Уральской и вне ее лежащей Кроме постановления о добыче золота на землях посессионных и принадлежавших на праве собственности, в Уставе горном содержались общие правила о разработке золота на казенных землях Урала Исключение было допущено только для башкирских и тептярских земель Оренбургской губернии, для которых имелись особые правила Особые же правила были даны и для земель Оренбургского казачьего войска, причисленных к частновладельческим землям

К золотому промыслу допускались «потомственные и личные дворяне, почетные граждане, купцы 1-й гильдии и лица, имеющие свидетельства этой гильдии почетные смотрители учебных заведений, лица белого духовенства, если пожелают участвовать в компаниях и товариществах без личного участия»[18]

Реформа 1861 г освободила от крепостной зависимости казенных и частновладельческих заводских мастеровых и урочных работников. Казна, лишившись дарового труда крепостных, начала сворачивать производство Частные предпринима-

тели, наоборот, стали более активно внедряться в золотопромышленность и в ближайшие после реформы годы почти удвоили добычу, дав более 40% всего золота.

В этих условиях 24 мая 1870 г был утвержден Устав о частной золотопромышленности[19]

Устав разрешал «заниматься золотым промыслом всем русским подданным и иностранцам, без различия сословий, за исключением только лиц, служащих по известным управлениям, лиц белого духовенства, лиц, лишенных прав состояния или потерявших все особые права и преимущества»[20]

Устав горный и Устав о частной золотопромышленности, взаимно дополняя друг друга, регулировали порядок разведки, разработки и сдачи благородных металлов до начала XX в.

Начинать работы по поиску или добыче золота разрешалось с 1 мая, а заканчивать 10 сентября. Только в конце века это ограничение было снято, при условии, что на прииске есть теплые промывальни. Все добытое золото полагалось записывать в специальные шнуровые книги и сдавать в Екатеринбургскую золотосплавочную лабораторию, независимо от того, находился ли прииск рядом с Екатеринбургом, или удален от него на расстояние 500–600 км.

Каждый решивший заниматься добычей золота должен был выполнять целый ряд необходимых формальностей.

1 Получить удостоверение о правоспособности

2. Получить свидетельство на право занятия золотопромышленностью.

3. Подать заявление в полицейское управление о выходе с партией, указав паспорта, звания, имена и фамилии рабочих

4. Прибыв на место, поставить два разведочных столба и приступить к разведке, предполагая, что местность выбрана правильно, на это уходило от одной недели до одного месяца

5. Снять разведочные, поставить заявочный столб и подать заявку в полицейское управление.

6. Получить из полиции копии

7 Представить в течении трех месяцев копии окружному инженеру, в Горное управление и ждать до следующего года извещения о явке на съезд землемеров

8. Поехать на съезд золотопромышленников и землемеров, иначе заявка не будет назначена к отводу

9. По приезду землемера принять отвод – дать рабочих, понятых, столбы, гербовые марки и проч.

10. Дождаться получения планов (по закону не более 6 месяцев), за отведенную, но неиспользуемую землю платить подесятинную плату

11. Получить книги на записку золота.

12. Приступая к работе, донести окружному инженеру

13. Если золотопромышленник неграмотный, нанять кого-либо для записи золота в книгу, купить весы Если в книге вес будет показан неверно, по закону полагался штраф.

14. Получить у окружного инженера или горного исправника провозное свидетельство на добытое золото

15. Отправить золото в Екатеринбург в лабораторию для сплава лично или через комиссионера

16. За сданное золото получить ассигновку, дисконтировать ее и примерно через месяц получить деньги

17 Ежемесячно доносить горному исправнику или окружному инженеру о ходе работ, числе рабочих, добытом золоте и проч. За неисполнение или несвоевременное представление полагался штраф.

На все это от начала золотопромышленной деятельности до получения денег за добытое и сданное в казну золото уходило около двух лет Расходы предпринимателя за это время составляли около двух тысяч рублей[21]

За нарушение какой-либо из формальностей, например, за неправильно установленный заявочный столб, заявка отнималась у золотопромышленника и зачислялась в казну. В.К.Павловский по этому поводу писал: «За мою двадцатипятилетнюю практику я не знаю ни одного случая, чтобы зачисленная таким путем «в казну» заявка была бы отведена за счет казны и как «прииск « продана с торгов, принеся таким образом хоть один грош казне. Если сказать, что такие заявки, пробыв тунележащими в течении 3–4 лет, в течении которых шло ходатайство и разрешение просьбы золотопромышленника, в конце концов объявлялись свободными для новых (?) поисков и «заявок» и, или оставались тунележащими до сего времени, или попадали в руки людей, расходы которых выражались лишь в 2–3 руб на гербовые марки, чтобы «заявить» открытую ранее другим лицом местность, то «ненормальность» такого положения станет еще более понятной»[22]

Для каждого прииска или рудника отводилась площадь, равная 1 кв. версте или 25 тыс. кв. сажен. Это количество квадратных сажен могло заключаться в площади такой длины и ширины, какая сочтется нужной по положению и простиранию руд[23] За пользование землей, отведенной под прииск, полагалось платить подесятинную плату – 50 коп. за десятину (1 кв.верста = 10,5 дес.). А так как россыпное золото встречалось преимущественно по берегам рек и ручьев, то в отвод часто включалась совершенно не используемая земля, не содержащая золота, но за нее надо было исправно вносить подесятинную плату С рудным золотом бывало еще интереснее: золотая жила могла вертикально пройти в глубь земли и для ее эксплуатации было бы достаточно нескольких квадратных метров (саженей) для строительства шахты, но платить приходилось за весь отвод – квадратную версту

Если прииск располагался на территории Оренбургского казачьего войска и входил в состав станичного юрта, то промышленник должен был платить войску дополнительно 1 руб. 34 коп. за каждую десятину, а в начале XX в. эта сумма увеличилась до 3 руб.[24]

Земли башкир и крестьян можно было использовать для добычи золота или платины только по приговору общества, которое владело землей. Промышленник считался арендатором и платил деньги обществу, сумма и срок пользования прииском определялись взаимным соглашением, которое обязательно заверялось у нотариуса[25]

Золотопромышленник был собственником только оборудования, установленного на прииске, и добытого золота и платины Собственно земля считалась отданной ему в пользование до выработки золота, ее в любое время можно было вернуть прежнему владельцу Строения на прииске должны были служить только для обработки добытой руды или песка, а также удовлетворять жизненные потребности рабочих. После окончания эксплуатации прииска все строения подлежали сносу Когда в 1877 г. на прииске купца Козицына в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии была обнаружена скотобойня и салотопня, где забивали до 6 тыс. баранов в год, а крупного рогатого скота – по мере надобности рабочих, то Войсковое хозяйственное правление потребовало либо заплатить штраф и снести строения, либо платить налог 3 руб в год, а после завершения эксплуатации прииска передать строения войску[26]

Уже промытые пески не принадлежали хозяину прииска Их полагалось сваливать отдельными отвалами так, чтобы не смешивать с пустой породой Эти пески предполагалось обрабатывать впоследствии, когда появятся более совершенные способы извлечения золота Золотопромышленник Котенев за попытку в 1876 г продать откидные пески в Гороблагодатском округе на строительство железной

дороги получил предупреждение от окружного ревизора И.М. Белоносова, что за эту продажу он рискует заплатить штраф, а прииск может быть конфискован[27]

Хозяин прииска должен был ежедневно записывать в специальные шнуровые книги объем промытых песков или обработанной руды и количество добытого золота и платины. За исправления, подчистки и неправильную запись количества добытого золота владельца могли оштрафовать на сумму от 50 до 100 руб.[28] Каждая книга выдавалась на год. По окончании срока, не позднее 1 апреля, ее нужно было представить на ревизию окружному инженеру, при опоздании полагался штраф по 1 руб за каждую книгу и за каждый день просрочки[29]

Горная администрация большое внимание уделяла сохранению лесов на территориях, где велась добыча золота. Владелец прииска мог пользоваться лесом, растущим на его отводе, на общих основаниях. Для этого у лесничего надо было получить порубочный билет и тетрадь для записи срубленного леса[30] В эту тетрадь промышленник должен был записывать весь лес, который был срублен и заклеймен на его прииске. Этот лес можно было использовать только в пределах отвода и никуда не вывозить. Раз в полгода тетрадь представлялась на ревизию и подсчитывалась сумма, которую необходимо уплатить за срубленный лес[31] Если при обходе лесничий обнаруживал срубленный, но не заклейменый и не записанный лес, то хозяин должен был заплатить за него как за незаконно заготовленный тройную плату[32] В случае обнаружения лесного пожара все обязаны были принять меры к его тушению и сообщить в лесничество. Лесная администрация могла требовать предоставления ей необходимого числа рабочих для тушения пожара с оплатой им за счет владельца прииска[33]

На отведенных приисках могла вестись и промышленная вырубка леса, причем владельцы прииска не должны были этому препятствовать. Им также запрещалось вести работы по берегам рек, если это мешало лесосплаву[34] Грная администрация следила также за тем, чтобы не было случаев использования площади прииска только для вырубки леса, а не для добычи золота и платины[35]

После окончания эксплуатации прииска хозяин должен был обязательно засыпать все шурфы, шахты и дудки или огородить их, чтобы туда не могли упасть люди и домашние животные. Сделать это было довольно трудно, так как только в 1893 г на приисках Кочкарской системы работы производились в 700 шахтах и 1300 дудках. Дудки использовались, как правило, один год. Единовременная засыпка их была очень трудна с материальной точки зрения. Шахты вообще считалось засыпать нецелесообразно, так как при хорошем креплении в них всегда можно было возобновить работы, поэтому их только огораживали Хозяевам, скот которых проваливался в выработки, золотопромышленник выплачивал вознаграждение[36]

Все добытое золото должно было быть зарегистрировано у окружного ревизора, а впоследствии – у окружного инженера, которые выдавали свидетельство на право транспортировки добытого металла в Екатеринбург в золотосплавочную лабораторию. За сданное золото выдавалась ассигновка, по которой банк выплачивал деньги. Государство монопольно скупало все золото по твердой цене. Только в XX в. отделениям некоторых частных банков, расположенных на Урале, было разрешено скупать золото по коммерческим ценам.

В 1901 г был принят закон о свободном обращении золота. По этому закону отменялась обязательная сдача частными лицами добытого ими шлихового золота в казну Его надо было представлять в лабораторию только для сплава и апробирования, с правом получения обратно в слитках, либо требовать на него ассигновок. Частным лицам разрешалось открывать собственные лаборатории для сплава золота и очистки платины[37]

Принятие закона было связано с денежной реформой С.Ю Витте, по которой был введен золотой стандарт, обеспечивающий устойчивое положение рубля

Система золотого стандарта включала несколько основных элементов В обращении находились золотые монеты. Они были главной формой денег, по отношению к которым бумажные деньги и деньги из других металлов играли подчиненную роль В 1913 г на США, Англию и Францию приходилось 62% мирового монетного обращения, что по абсолютной величине соответствовало 3,5 тыс т золота В России было в обращении сравнительно мало золотых монет – 0,4 тыс т или 7% золота, находившегося в мировом обращении. Все остальные виды денег можно было обменивать на золото по номиналу

Размен обеспечивали частные коммерческие банки, всегда имевшие запас золотых монет Гарантом денежного обращения выступал Государственный банк, только он имел право печатать и чеканить деньги, в нем же хранился национальный золотой запас Самый крупный золотой запас в 1913 г имели США – 1,9 тыс т, на втором месте была Россия – 1,2 тыс. т, на третьем – Франция – 1,0 тыс т В России ввоз и вывоз золота был свободным[38]

Государственный банк устанавливал высокую процентную ставку по своим ссудам частным коммерческим банкам, чтобы уменьшить объем кредита и обращения банкнот При повышенной процентной ставке коммерческие банки брали меньше ссуд в Государственном банке и сами давали меньше ссуд промышленникам, торговцам и населению. Денег в обращении оставалось меньше, от этого они становились «дороже» Во время Первой мировой войны Государственный банк стал принимать золото даже в обмен на иностранную валюту[39]

Платина также представлялась в лабораторию для освидетельствования. После определения пробы от нее отделяли 3%, которые государство оставляло себе в качестве подати. Остальную платину отдавали владельцу, который мог ею распоряжаться по собственному усмотрению[40] Платина, которая оставалась в лаборатории, могла быть свободно куплена любым желающим[41] Владельцы платины, как правило, продавали ее за границу, так как в России было только два-три завода, где этот металл перерабатывался.

20 декабря 1913 г был издан закон «Об упорядочении платинопромышленности и мерах к улучшению ее положения»[42], который должен был укрепить право государства распоряжаться своим богатством, тем более, что в России добывалось 95% мировой платины По этому закону сырая платина при вывозе за границу облагалась пошлиной в размере 30% ее цены. Определять цену было поручено Совету Министров. Были также ужесточены меры наказания за нарушение правил добычи, хранения и продажи платины.

Во время Первой мировой войны, в 1915 г , понимая значение платины как валютного и технического металла, пермский губернатор М.М.Лозина-Лозинский издал обязательное постановление, по которому подлежала реквизиции вся платина, находившаяся у частных лиц, предприятий и учреждений За нарушение виновных подвергали штрафу до 3000 руб или аресту до трех месяцев[43] Это было продолжением политики, направленной на освобождение от иностранной зависимости на рынке драгоценных металлов.

Административный контроль за деятельностью золотопромышленников осуществлял институт окружных инженеров, которые возглавляли горные округа, созданные там, где имелись предприятия горной и горнозаводской промышленности Началом существования этого института на Урале следует считать приказ министра финансов от 19 апреля 1861 г которым были учреждены должности окружных ревизоров частных золотых приисков Пермской и Оренбургской губерний[44] Они подчинялись Главному начальнику Уральских горных заводов, сфера их деятельности распространялась на все частные золотые промыслы соответствующей губернии. Окружные ревизоры занимались отводом приисков, контролировали правильность ведения горных работ, соблюдение правил техники безопасности,

боролись с хищением золота, наблюдали за точностью записи количества добытого золота в шнуровые книги Однако они не имели права вмешиваться в хозяйственное управление приисками.

В связи с прекращением в 60–80-х гг разработки золотых промыслов казной и общим развитием горнозаводской промышленности Урала 10 марта 1886 г должности окружных ревизоров были упразднены, а территория четырех уральских губерний была разделена на 8 округов во главе с окружными инженерами[45] Были образованы. I Вятский, II Пермский, III Западно-Екатеринбургский, IV Уфимский, V Верхотурский, VI Восточно-Екатеринбургский, VII Оренбургский и VIII Оренбургский-Южный горные округа Золотые и платиновые прииски находились в семи из них, в I Вятском округе благородные металлы не добывались.

Быстрый рост производства в 90-е гг XIX в. распространение горнозаводской промышленности на новые территории, переход предприятий из личной собственности в акционерную привели к расширению количества горных округов. Законом от 7 июня 1899 г[46] на Урале были учреждены 12 горных округов Вятский – включавший в себя все уезды Вятской губернии, Чердынский – Соликамский и Чердынский уезды Пермской губернии, Пермский – Осинский, Оханский, Пермский и часть Кунгурского уезда Пермской губернии, Северо-Верхотурский – северную часть Верхотурского уезда Пермской губернии и Березовский уезд Тобольской губернии, Южно-Верхотурский – южную часть Верхотурского, Ирбитский и часть Кунгурского уезда Пермской губернии, Северо-, Западно- и Южно-Екатеринбургские округа – Екатеринбургский и Красноуфимский уезды Пермской губернии, Уфимский – все уезды Уфимской губернии, Миасский – Троицкий и Челябинский уезды Оренбургской губернии; Верхнеуральский – Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии, Оренбургский – Орский и Оренбургский уезды Оренбургской губернии, Тургайскую и Уральскую области

Золото и платина добывались в 11 округах Во главе горного округа стоял окружной инженер, имевший звание горного инженера и чин надворного, коллежского или статского советника[47] Каждый окружной инженер имел в своем подчинении помощника, писаря и несколько стражников

Надзору окружных инженеров подлежали все частные заводы, фабрики, золотые и платиновые прииски, каменоломни и угольные копи, расположенные в пределах округа. Окружной инженер был обязан два раза в год объехать все предприятия своего округа[48] Каждый месяц все предприятия представляли ему данные о численности рабочих, жилищных условиях, питании и пр. для годового отчета в Уральское горное управление.

Все золотопромышленники были обязаны сообщать окружным ревизорам или окружным инженерам о начале, возобновлении или прекращении работ, а также о предвидимой при разработке опасности или произошедших уже несчастных случаях, при этом должно быть в точности указано место работ и лицо, ответственное за ведение разработки.

В 1867 г окружной ревизор частных золотых промыслов И.М.Белоносов, проинспектировав прииски Гороблагодатского округа, обнаружил на некоторых из них неправильное ведение работ В своем циркуляре приисковым управлениям он потребовал «немедленного исполнения правил ведения работ», указав, что «этого требует горное искусство и совесть для сохранения жизни рабочего класса»[49] Если же совесть промышленника оставалась глуха к принятию мер по охране труда рабочих, то на него накладывался штраф. Если и после этого промышленник не спешил исправить положение, то штраф могли наложить повторно, но уже в большем размере[50]

Вместе с окружными ревизорами и инженерами за порядком на золотых и платиновых приисках следили горные полицейские. Этот институт возник в 60-х гг

XIX в. для надзора за порядком и благоустройством на приисках и недопущения хищничества и кражи золота Горная полиция состояла из горных исправников, стоявших во главе горнополицейских округов, и находившихся в их подчинении урядников и стражников. В инструкции 1874 г[51] указывалось, что они являются посредниками между нанимателями и рабочими. Помимо общеполицейских функций горные исправники следили за соблюдением на приисках требований Устава горного и Устава о частной золотопромышленности, помогая окружным ревизорам и инженерам.

До 1896 г на Урале было три горных исправника Оренбургской губернии и два чиновника, заведовавших полицейской частью на золотых промыслах Пермской губернии[52]

В 1896 г территория Пермской и Оренбургской губерний была разделена на 6 горно-полицейских округов, по 3 в каждой губернии[53] Горная полиция подчинялась Уральскому горному правлению и с обычной полицией связана не была В 1900 г в подчинении 6 горных исправников находилось 24 урядника и 26 стражников, к 1917 г их число увеличилось до 150[54]

Находясь непосредственно на приисках, стражники могли в любое время вмешаться в споры между предпринимателями и рабочими и тем самым предупредить возможные недоразумения[55] Благодаря их оперативному влиянию рабочие на золотых и платиновых приисках редко прибегали к забастовкам, решая почти все вопросы через горную полицию и окружных инженеров.

Окружные инженеры как могли боролись с эгоизмом предпринимателей, добиваясь соблюдения ими правил техники безопасности, улучшения жилищных условий рабочих, организации медицинской помощи, понимая, что экономя на рабочих, невозможно успешно развивать добычу благородных металлов

Золото- и платинопромышленники по мере развития и усложнения добычи благородных металлов начинали стремиться к объединению для обсуждения своих нужд и принятия мер по совершенствованию законодательства В отдельных округах и группах приисков происходили местные съезды золотоплатинодобытчиков. Были созданы постоянные совещательные конторы золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний и золото- и платинопромышленников Пермской губернии. В 1897 г в Екатеринбурге под председательством Главного начальника Уральских горных заводов прошел Первый общий съезд Уральских золото- и платинопромышленников[56] На съезде рассматривались такие вопросы, как причины уменьшения добычи золота на Урале, о развитии химического способа добычи золота, мерах борьбы с хищничеством, недостатке числа лиц с техническим образованием, развитии геологической службы, об учреждении общей кассы для оказания помощи приисковым рабочим, страховании рабочих на приисках и т.д.

В 1902 г в Петербурге начала свою деятельность Постоянная совещательная контора золото- и платинопромышленников[57] Контора имела право собирать сведения о положении золотой и платиновой промышленности в России, обсуждать и разрабатывать вопросы, касавшиеся нужд этой промышленности, издавала периодический журнал «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», впоследствии переименованный в «Золото и платину» В состав конторы входило не менее 7 чел., избиравшихся на 3 года местными съездами и представителями предприятий, расположенных на частновладельческих, посессионных и кабинетских землях[58] Заседания собирались не реже 12 раз в год. Денежные средства складывались из регулярных ежегодных взносов (по 5 руб. с пуда добытого золота или платины) всех предприятий, изъявивших согласие участвовать в расходах по содержанию конторы. За время своей деятельности контора принимала активное участие в обсуждении законопроекта «О новом положении о местных съездах», правил найма рабочих на золотые и платиновые прииски, о свободном обращении

золота, беспошлинном ввозе машин и химических продуктов для нужд золотопромышленности и т.п. За это же время она подготовила и провела два Всероссийских съезда золото- и платинопромышленников, в 1907 и 1915 гг. Намеченный на март 1917 г. третий Всероссийский съезд не состоялся[59].

Уральские золото- и платинопромышленники неоднократно обращались к правительству с просьбами об увеличении приемочных цен, упорядочении расчетов за сданную платину, о ликвидации посессионного права, о выдаче ссуд на развитие промышленности, но почти все эти ходатайства были оставлены без ответа.

Чиновничьи придирки по оформлению отводов золотоносных площадей приводили к тому, что многие уже разведанные месторождения не разрабатывались. Заниматься золотодобычей в России могли только состоятельные люди, в стране не было ни одного банка, который бы предоставлял кредиты золотопромышленникам. Вся добыча золота сковывалась мелочной регламентацией, которая не давала свободно развернуться средним и мелким промышленникам, составлявшим большую часть людей, занятых добычей драгоценных металлов. Россыпи и коренные месторождения разрабатывались хищнически, добывалось только золото, лежащее близко к поверхности земли. Из-за недостатка средств никто из промышленников не рисковал строить глубокие шахты. Стремясь сохранить за собой право на монопольную торговлю золотом, правительство очень долго держало цены на металл на одном уровне. Таким образом, имея на своей территории крупнейшие запасы золота и являясь монополистом в добыче платины, российский административно-бюрократический аппарат не мог в полной мере обеспечить стране получение соответсвующих доходов от этого дара природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 135.
2. ПСЗ. Т. 5. № 3464.
3. *Данилевский В.В.* Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX в. М., 1959. С. 23.
4. ПСЗ. Т. 10. № 7766.
5. ПСЗ. Т. 14. № 10244.
6. Там же.
7. ПСЗ. Т. 19. № 15119.
8. *Данилевский В.В.* Русское золото... С. 68.
9. ПСЗ. Т. 32. № 25119.
10. *Девиер А.А.* Краткий исторический очерк постановлений по частному золотому промыслу // Горный журнал, 1901. Т. 3. № 8. С. 234.
11. *Данилевский В.В.* Русское золото... С. 111.
12. *Девиер А.А.* Краткий исторический очерк... С. 234.
13. *Шилов А.В.* Временная Екатеринбургская горная комиссия 1823 г. и становление уральской золотопромышленности // Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. Свердловск, 1980. С. 48–54.
14. ПСЗ. Т. 39. № 30056.
15. *Девиер А.А.* Краткий исторический очерк... С. 357.
16. ПСЗ–2. Т. 1. № 530.
17. Свод законов Российской империи. Т. 7. Устав горный.
18. *Лоранский А.* Наши законы о золотопромышленности // Горный журнал, 1872. Т. 3. № 7–8. С. 342.
19. ПСЗ–2. Т. 45. № 48399. Горный журнал, 1870. Т. 3. № 9. С. 58–107.
20. *Девиер А.А.* Краткий исторический очерк... С. 384.
21. Как способствовать развитию золотопромышленности / Уральское горное обозрение, 1898. 8 февраля. С. 8–9.
22. *Павловский В.К.* Современный «Устав о частной золотопромышленности» и «Промысловое положение» в применении их к золотому промыслу. СПб., 1905. С. 29.

23. Свод законов.. Т 7 Устав горный. Ст.635.
24. *Павловский В.К.* Оренбургская золотопромышленность за 100 лет Екатеринбург. 1905 С. 68
25. ГАСО. Ф. 156 Оп. 1 Д 216 Л 16
26. ГАСО. Ф 24. Оп. 31 Д. 566. Л. 81-84.
27 ГАСО. Ф. 120. Оп. 1 Д. 1543 Л 58-59 об.
28. Там же. Д. 2. Л. 31-35, 67-67 об.
29. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 Д. 105. Л. 11
30. ГАСО. Ф. 120. Оп. 1 Д. 1555. Л. 82-82 об.
31 ГАСО. Ф. 51. Оп. 1 Д. 687 Л. 85-85 об.
32. ГАСО. Ф. 120. Оп. 1 Д. 2. Л 93; Ф. 24 Оп. 19 Д. 1568. Л 108-109.
33. ГАСО. Ф. 51 Оп. 1. Д. 390. Л. 58-61
34. ГАПО. Ф. 36. Оп. 3. Д. 39. Л. 5-5 об.
35. ГАОО. Ф. 156.Оп.1.Д.207.Л.1-1 об; ГАСО. Ф. 53 Оп 1.Д.103. Л 134-134 об
36. ГАСО. Ф. 14. Оп. 1 Д. 444. Л. 122-122 об.
37 Собрание законов и распоряжений правительства. 1901 Ст.683.
38. *Аникин А.В.* Золото М., 1984. С. 211-212
39. ГАСО Ф. 51 Оп. 1 Д. 797 Л 331
40. РГИА. Ф. 37 Оп. 44 Д. 309. Л. 2-3 об.
41. ГАСО. Ф. 22. Оп. 1 Д. 8. Л. 15-16.
42. Собрание законов и распоряжений правительства. 1914. Ст.24.
43. ГАСО. Ф. 50. Оп. 2 Д. 2892. Л 10.
44. ГАСО. Ф. 120. Оп 1. Д. 1 Л 1-2 об.
45. *Лоранский А.М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700-1900 года. СПб., 1900. С. 147
46. Собрание законов и распоряжений правительства. 1899. Ст 2128.
47 ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 188. Л. 8-8 об.
48. ГАОО. Ф. 156. Оп. 1 Д. 177 Л. 17
49. ГАСО. Ф. 120. Оп 1 Д. 1 Л. 190-190 об.
50. ГАСО. Ф. 46. Оп. 1 Д. 365. Л. 20-21 об.
51 Собрание законов и распоряжений правительства. 1874. Ст.47
52 ГАСО. Ф 51 Оп. 1. Д. 340. Л. 54-55.
53. Там же Л. 92-93.
54. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1 Д. 198. Л. 21
55. ГАСО. Ф 51 Оп. 1 Д. 340 Л. 185-186 об.
56. ГАСО. Ф 47 Оп. 1 Д. 388. Л. 5-6.
57 Собрание законов и распоряжений правительства. 1902. Ст 1037
58. РГИА. Ф. 49. Оп. 1 Д. 1 Л. 47 об-48.
59. Там же. Д. 39. Л. 1-3.

STATE CONTROL OVER GOLD AND PLATINUM MINING IN THE URALS

Legislation of the 18th-early 20th centuries which regulated gold and platinum prospecting and mining is analyzed in the article. The attention is also given to the system of administrative control over gold and platinum business owners activities which was carried out by the institution of the district engineers and mining police The author states that petty reglamentation on the part of the state fettered gold mining and put obstacles for small business.

Ye Yu Rukosuyev

Д.В.Гаврилов

УРАЛЬСКОЕ ЗЕМСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ОПЫТ И УРОКИ

В общественной жизни России во второй половине XIX – начале XX в значительную роль играли созданные по реформе 1864 г органы местного самоуправления – земства. Образование земских учреждений было одной из составных частей политики реформирования политического строя страны, осуществлявшейся правительством Александра II в рамках «Великих реформ» 60–70-х гг XIX в., еще одним важным шагом на пути модернизации страны, ее перехода от традиционного (доиндустриального) общества к модернизированному (индустриальному), шагом по превращению России в государство с более современной социально-политической структурой, преобразованию ее из феодальной монархии в буржуазную монархию.

История уральского земства исследована еще недостаточно Ее изучение оказалось тесто связанным с изменениями общественно-политической ситуации в стране, развитием общественных движений, переменами в государственной и общественной жизни, что непосредственным образом сказалось на масштабах исследований и подходах к познанию темы. Изучение истории уральских земств прошло несколько периодов подъема и спада.

Первая волна интереса широкой общественности к истории земств возникла в конце XIX – начале XX в и была связана с надеждами либерально-демократической интеллигенции на привлечение правительством представителей земств «к участию в делах внутреннего управления», к работе в высших органах государственной власти и государственного управления, что, как тогда полагали, могло стать шагом к конституционной монархии (Николай II назвал эти надежды «бессмысленными мечтаниями») В ту пору появилось большое количество публикаций, освещавших историю возникновения земских учреждений и их практическую деятельность за первые десятилетия существования. Среди этих работ выделяются труды Б.Б.Веселовского, В.К.Трутовского и др., исторические обзоры деятельности уральских земств, написанные Д.М.Бобылевым, П.А.Голубевым, В.Ф.Герасимовым и др [1] Крах надежд либеральной интеллигенции на демократизацию политического строя в стране через привлечение представителей земств к делам внутреннего управления и Октябрьская революция 1917 г привели к резкому падению интереса к земствам. Первые десятилетия советской власти (1920–40-е гг) характерны почти полным отсутствием обстоятельных работ по истории пореформенных земств.

Вторая волна серьезного внимания к истории земств относится к 1950–60-м гг когда развертывание местных исследований оказалось невозможным без изучения истории земств, сыгравших значительную роль в развитии экономики, медицины, народного образования и культуры регионов. Обстоятельный анализ деятельности Пермского земства был осуществлен М.И Чернышом, социальный состав и практическую деятельность Вятского земства осветила И.И Стефанова[2]

Новая волна интереса к земствам приходится на наши дни и связана с «перестройкой» и «рыночными реформами», с попытками возродить земское движение (придать ему «второе дыхание), использовать его опыт для создания новых органов местного самоуправления в связи с самоидентификацией региональных сообществ, регионализацией социально-экономических, политико-правовых и социокультурных процессов[3]

Тема имеет обширную источниковую базу это архивные материалы делопроизводства государственных учреждений, обширнейшие комплексы печатных документов, созданных земствами в результате их деятельности – журналы и постановления земских собраний, доклады и отчеты земских управ, материалы земских статистических исследований и др Эта источниковая база изучена очень слабо, по сути дела, еще только начинает разрабатываться

Проводя земскую реформу 1864 г правительство Александра II преследовало несколько социально-экономических и политических целей Создание выборных органов местного самоуправления должно было: 1) улучшить условия для капиталистического развития страны, способствовать подъему в регионах промышленности, торговли, транспорта, путей сообщения; 2) содействовать развитию образования и культуры, развернуть подготовку кадров квалифицированных рабочих и служащих, необходимых для успешного экономического развития страны, 3) привести в порядок заброшенное, обветшавшее и запущенное местное хозяйство, 4) усилить влияние дворян в системе местного управления, 5) привлечь на сторону правительства представителей местной буржуазии путем участия ее в решении проблем хозяйственной жизни на местах, 6) отвлечь либеральную интеллигенцию от оппозиционного и революционного движении, направив ее энергию на выполнение «малых дел» – решение местных хозяйственных вопросов (в ограниченных рамках «польз и нужд уездов и губерний»), и, таким образом, сбить «волну общественного возбуждения и революционного натиска», ослабить общественное недовольство правительством[4]

В основу формирования земских учреждений были положены три принципа выборность, сословность, имущественный ценз. Избиратели делились на три курии землевладельческую, городскую и сельскую Правом участия в выборах по первой курии пользовались владельцы не менее 200 дес. земли, собственники торгово-промышленных предприятий и другого недвижимого имущества стоимостью не ниже 15 тыс. руб. или приносящего доход не менее 6 тыс руб. в год, по второй курии – имевшие купеческие свидетельства, владельцы торгово-промышленных заведений с годовым оборотом не ниже 6 тыс. руб. или недвижимой собственности на сумму от 0,5 до 3 тыс. руб. (в зависимости от размеров города), по третьей курии – сельские общества, причем выборы по этой курии были многостепенными. сельские общества выбирали представителей на волостные сходы, которые избирали выборщиков, а те, в свою очередь, – гласных в уездное земское собрание Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях.

Система выборов обеспечивала абсолютное преобладание в земствах представителей верхушки имущих классов – помещиков и крупной буржуазии. В 1865–1867 гг в уездных земских собраниях среди гласных дворяне составляли 41,7%,купцы – 10,4, духовенство – 6,5, мещане – 0,5, крестьяне – 38,4%, в губернских земских собраниях дворян было 74,2%, духовных лиц – 3,8, купцов – 10,7, мещан – 0,5, крестьян – 10,6%. По положению 1890 г представительство дворян в земствах было еще усилено, а крестьяне были лишены права непосредственно выбирать гласных – они стали избирать кандидатов, из которых губернатор назначал гласных, причем число гласных от них было сокращено. После выборов 1897 г дворян оказалось в уездных земских собраниях 55,1%, в губернских – 87,1, число гласных от крестьян в уездных земских собраниях сократилось до 31%

Сложная система выборов, сословность, имущественный ценз, сосредоточение всех распорядительных функций в руках исполнительных органов – земских управ, бюрократический стиль их работы свидетельствовали о несовершенстве организационных форм вновь создаваемого местного самоуправления

В первый период деятельности земств господствующее положение в них в большинстве губерний безраздельно занимали дворяне-помещики, но по мере

развития капитализма, усиления экономической силы буржуазии и разорения дворян-помещиков, сокращения дворянского землевладения в земствах усилились буржуазные элементы. Более демократичными были земства северных губерний (Вологодской, Олонецкой), уральских (Вятской и Пермской) и некоторых других, в которых было мало дворян, большинство гласных составляли крестьяне и буржуазно-разночинные элементы. Эти земства по своему составу и характеру деятельности были преимущественно буржуазными, чем значительно отличались от земств центральных и южных губерний, где преобладало земледельческое дворянство (см таблицу)

Таблица

Состав уездных земских собраний в 1867 – 1870 гг в Вятской губернии и в 24 центральных губерниях (% к составу собраний)*

Группа гласных	Вятская губерния	24 центральные губернии
Дворяне и чиновники	15,9	42,5**
Духовенство	13,3	6,4
Купцы	16,7	12,3
Мещане	0,9	0,45***
Крестьяне	49,5	38,8

* *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет СПб., 1911 Т 3. С. 49. *Мамулова Л.Г* Социальный состав уездных собраний в 1865-1886 гг // Вестник Московского гос. ун-та, 1962. Серия 9. История. № 6. С. 47; *Стефанова И.И.* О социальном составе Вятского земства в 1867-1891 // Уч. зап. Кировского пед. ин-та, 1971 Вып. 21 Кафедра истории СССР. С. 25, 28, 29, 31, 34.
** Только дворяне.
*** В 29 центральных и южных губерниях.

Например, по сравнению с центральными в уездных земских собраниях Вятской губернии дворяне имели в три раза меньше мест, духовенство – в два раза больше, крестьяне – больше на 10,7% В отдельных уездах представительство крестьян было еще более высоким: в Слободском уезде – 66,7%, Глазовском – 63,3, Яранском – 56,2, Нолинском – 54,5% и т.д.

В Пермской губернии крестьяне преобладали в шести уездных земских собраниях – Камышловском (66,8% гласных), Красноуфимском (до 59,1%), высокий процент был также в Кунгурском, Ирбитском, Осинском и Верхотурском[6]

Среди крестьян-гласных преобладали представители зажиточных слоев. Так, в Вятской губернии в числе гласных были владельцы крупных кожевенных заводов И.В.Долгушин (Вятский уезд), Ф Т и И.Т.Вахрушевы (Слободской уезд), владелец шубно-овчинного заведения с годовым оборотом в 62,6 тыс. руб. И.В.Оглоблин (Слободской уезд), лесоторговец П.Р.Заркин (Слободской уезд), владелец 4017 дес земли в Малмыжском уезде А.И.Зайцев и т.п.[7] В Красноуфимском уезде Пермской губернии из числа крестьян-гласных И.В.Зайков имел 521 дес. земли, И.М.Горбунов – 912 дес гласный Кунгурского уездного земского собрания С.Я.Дремин был владельцем канатного завода, гласный Шадринского уездного собрания К.Н.Ермаков владел крупчаточным заведением с годовым оборотом свыше 6 тыс руб и т п [8]

Социальный состав губернских земских собраний был несколько иным. В Вятском губернском земском собрании в первое трехлетие 1867-1870 гг дворяне и чиновники составляли 37,9%, духовенство – 20,7 купцы – 17,3, крестьяне – 20,8% В Пермском губернском земстве в первом трехлетии 1870-1873 гг 46,5% всех голосов принадлежало помещикам-горнозаводчикам[9]

Характеризуя земскую «крестьянскую демократию», литератор-публицист С.С.Шашков писал, что гласные крестьяне «вовсе не бедные мужики. а люди богатые, торговые, полированные, которые нередко ни в чем не уступят не только купцу, но даже образованному землевладельцу из «шляхетского корпуса», и замечал, что «нечего восторгаться и теми земскими собраниями, в которых много гласных из обыкновенных крестьян: по своей робости, неразвитости они всегда на все согласны и безгласны»[10]

Земства вводились постепенно, и этот процесс растянулся на несколько десятилетий. К 1867 г земства были введены в 28 губерниях, к 1879 г – в 34, к 1914 г – в 43. На Урале земства были введены в Вятской губернии – в 1867 г в Пермской – в 1870 г., в Уфимской – в 1875 г., в Оренбургской – в 1912 г

Земства должны были заниматься исключительно местными хозяйственными делами, касавшимися «польз» и «нужд» их уездов или губерний. В круг обязанностей земств вошли «попечение» о развитии местной промышленности и торговли, содержание и улучшение местных путей сообщения; строительство и содержание школ и больниц, богаделен и приютов, взаимное страхование, местное продовольственное дело; содержание земской почты, ветеринарной службы, местных тюрем и домов для умалишенных[11]

На деятельности земств сказывались их социальный состав и местные особенности. Для уральских земств – Пермского, Вятского, Уфимского – были характерны повышенный интерес к экономическому положению горнозаводского населения и кустарей; стремление оказывать кустарям и крестьянам техническую помощь, большое внимание к проблемам народного образования и медицины Пермская губернская земская управа в 1873 и 1876 гг провела сбор материалов о быте горнозаводского населения в 12 заводских округах, в 1885–1887 и 1891 гг – организовала подробные подворные переписи в двух наиболее населенных горнозаводских уездах – Екатеринбургском и Красноуфимском В 1887 г пермским земством были собраны материалы о кустарной промышленности, в 1894–1895 гг в губернии была проведена подворная кустарная перепись, отличавшаяся тщательностью, богатством и полнотой собранного материала,в 1900 г были собраны обширные материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения губернии продовольствием[12] В Вятской губернии в 1875 г земский статистик Н.Н.Романов дал описание экономического быта населения четырех северных уездов; в 1884–1894 гг земство провело подворные переписи во всех уездах, а в 1889–1894 гг собрало значительный по объему материал и дало обстоятельное описание кустарных промыслов губернии[13]

Земские учреждения были лишены каких бы то ни было политических функций, не имели административной власти и являлись, по мнению современников, «пятым колесом в телеге российского государственного управления» Поскольку земства не обладали исполнительной властью, не имели средств принуждения, для выполнения своих постановлений они должны были обращаться за содействием к местной полиции, которая подчинялась не им, а губернатору и уездным исправникам Обособленность, отделение земств от общей администрации привели к тому, что местное управление оказалось раздробленным между различными государственными и земскими учреждениями, что негативно отражалось на их деятельности Например, строительство и финансирование школ было в ведении земств, а программы и содержание обучения, состав преподавателей определялись дирекцией и инспекторами народных училищ, то есть правительственной администрацией

Однако и в пределах своей компетенции земства находились под бдительным надзором и контролем правительственной администрации, были стеснены, опутаны сетью всевозможных чиновничьих запретов, ограничений, всевозможных «разъяснений» Земства находились в большой зависимости от министерства внутренних

дел, местных предводителей дворянства Председателями уездного и губернского земских собраний по закону были уездный и губернский предводители дворянства Председатели земских управ утверждались в своих должностях: председатель уездной земской управы – губернатором, губернской управы – министром внутренних дел Губернатор и министр внутренних дел имели право приостанавливать любое постановление земского собрания, многие постановления земских собраний не могли вступить в силу без их утверждения Губернатор мог не утвердить в должности любое избранное земством лицо, признав его «неблагонадежным» Земства были ограничены в своих возможностях облагать налогом промышленные и торговые заведения В 1890 г для усиления административного контроля над земствами были учреждены Губернские по земским делам присутствия, заседавшие под председательством губернаторов. Земствам разных губерний было запрещено сноситься друг с другом. Они не могли без разрешения губернских властей печатать отчеты о своих собраниях. При обсуждениях на земских собраниях гласные не должны были выходить из круга задач, отнесенных к компетенции земств. Председателям уездных и губернских земских собраний предписывалось немедленно закрывать заседания, если на них будут обсуждаться вопросы, находившиеся вне компетенции земств[14]

Земствам не предоставлялось из государственной казны каких-либо финансовых средств, они должны были существовать за счет «земских сборов», которыми облагали население, то есть, говоря современным языком, находились на самофинансировании Основу земского бюджета составляло обложение недвижимых имуществ – земель, лесов, домов, фабрично-заводских предприятий, торговых заведений. Это были скудные средства, и большинство земств постоянно испытывало недостаток в деньгах, вынуждено было ограничивать масштабы своей гуманной деятельности Расходы земств делились на «обязательные» и «необязательные» К первым относились дорожная, квартирная и подворная повинности, содержание гражданских управлений, тюрем и мировых судов Другие расходы, в том числе на образование и здравоохранение, считались необязательными и выделялись по «остаточному принципу» Поэтому если промышленные губернии на эти статьи еще могли выделять значительные средства, то в аграрных губерниях на них оставались мизерные суммы.

Поскольку основу земского бюджета составляли налоги с недвижимого имущества, земства испытывали большую зависимость от крупных плательщиков земских налогов – помещиков, владельцев торгово-промышленных заведений и т п., которые всячески стремились уменьшить размеры взимаемых с них налогов, неизменно находя в этом поддержку у администрации

Уральские горнозаводчики, не имея возможности подчинить земства своему влиянию, постоянно конфликтовали с ними, стремились изменить порядок выборов гласных в земские собрания и систему взимания земских налогов с недвижимого имущества – земель, производственных зданий и т.п. О Пермском губернском земстве С.С.Шашков писал, что «гласных дворян заменяют здесь заводчики или их уполномоченные и чиновники горные, лесные, акцизные и т.д.»[15] Пермский губернатор Андреевский доносил, что поверенные горнозаводчиков, представлявшие их в земстве, «заботятся только о том, чтобы как можно меньше пало налога на имущество доверителей, а каким путем это сделается, все равно»; поверенные враждовали с земскими управами из-за сметных назначений, составляли партии, «не стесняясь никакими средствами (насколько бы последние постыдны не были)»[16]

Несмотря на ограниченность прав, сферы деятельности и недостаток финансовых средств земства сыграли большую роль в развитии народного образования и культуры, здравоохранения, местной промышленности и торговли, путей сообщения, содействовали развитию инициативы и активизации общественной деятельно-

сти на местах. Земства уделяли много внимания развитию народного образования, как школьного, так и внешкольного, созданию сети культурно-просветительных учреждений. Они открывали школы, гимназии, учительские семинарии, приобретали для них учебные пособия, выплачивали стипендии нуждающимся учащимся и студентам, организовывали курсы для учителей, создавали вечерние школы для взрослых, содержали на свои средства библиотеки, музеи, выставки и т п

Наиболее внушительными были успехи уральских земств в области народного образования. Благодаря главным образом земствам, открывшим в пореформенный период значительное количество новых школ, в регионе заметно выросла грамотность и образованность населения: если в 60-х гг XIX в. грамотных на Урале насчитывалось 2–3%, то в конце 90-х гг – уже 18%, грамотность горнозаводских и фабричнозаводских рабочих за этот период увеличилась с 10 до 40%, в конце 90-х гг. от 1/4 до 1/3 грамотных новобранцев уральских губерний имели свидетельства об окончании начальных народных училищ или других учебных заведений[17] Однако общий уровень грамотности и образования оставался еще очень низким, сдвиги в народном образовании оказались весьма скромными, они не смогли коренным образом изменить доставшуюся от крепостнического периода печальную картину почти сплошной неграмотности.

Земства открывали больницы и аптеки, созывали съезды врачей, проводили фельдшерские и акушерские курсы, организовывали оспопрививание. Созданная земствами первоклассная по тому времени статистика до сих пор сохраняет большое значение для изучения экономики пореформенной России.

Экономические мероприятия земств в основном были направлены на улучшение техники сельского хозяйства и ремесла, на приспособление крестьянских хозяйств к запросам рынка. Земства основывали сельскохозяйственные фермы, опытно-показательные станции, сельскохозяйственные выставки, создали земскую агрономию, ввели должность агрономических смотрителей Первым в России пригласило агронома в 1879 г земство Верхотурского уезда Пермской губернии, этот год считается годом зарождения российской земской агрономии Земства открывали за свой счет сельскохозяйственные школы, создавали опытные поля, склады, содействовали сельскохозяйственному кредиту, устраивали кустарно-промышленные выставки, открывали кустарно-промышленные банки

В Пермской губернии первая сельскохозяйственная выставка состоялась в 1876 г в г Осе, в 1880 г была проведена такая же выставка в г Ирбите. В дальнейшем сельскохозяйственные выставки стали проводиться регулярно почти во всех уездах губернии. Земство распространяло методы травосеяния путем бесплатной раздачи семян клевера, тимофеевки и др.; пропагандировало необходимость удобрения земли; содействовало приобретению крестьянами усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, в 1894 г открыло в Перми кустарно-промышленный банк и т.п.[18] Вятское земство учреждало сыроваренные артели, выписывало племенной скот, проводило мероприятия по улучшению пород лошадей и крупного рогатого скота, в 1892 г открыло в Вятке кустарный музей и склад, создавало ремесленные учебные мастерские и т.п.[19]

Мероприятия земств не всегда достигали поставленных целей. Нередко причиной этого была слабость финансовой базы. Так, Вятское и Пермское земства начиная с конца 90-х гг XIX в. неоднократно ставили вопрос о введении всеобщего начального образования, но каждый раз оказывалось, что для этого нет достаточной материальной базы: не хватает школ, учителей и т.п. Не способствовал авторитету земств и бюрократический стиль деятельности их уездных и губернских управ.

Все мероприятия земств, в частности выставки и проводимые эксперименты, не только оплачивались самим населением, но и не всегда были для него безобидными Так, Шадринская земская сельскохозяйственная ферма заняла несколько сот де-

сятин казенной земли, которую прежде арендовали крестьяне, и лишила их таким образом средств к существованию. Чтобы оградить владения фермы от соседей, ее окопали глубокой канавой, в которую постоянно падал крестьянский скот. Попавший на территорию фермы крестьянский скот морили голодом, избивали палками и кнутами, подвергали истязаниям, свиней травили собаками, за попавший в потраву скот ферма выжимала из крестьян последние копейки. Ферма, которая по планам земцев должна была содействовать «улучшению народного быта», была далека от этой роли, и крестьяне окрестных деревень ненавидели ее лютой ненавистью[20]

Поскольку экономическими мероприятиями земств пользовались главным образом только зажиточные слои, большая часть населения считала их «господскими забавами», осуществлявшимися за счет средств, собранных с народа.

За полвека своего существования земства создали многочисленный, разветвленный аппарат с квалифицированными, опытными кадрами. В 1912 г., по имеющимся данным, земские служащие и лица, труд которых оплачивался земствами (учителя земских школ, врачи, агрономы, ветеринары и т.п.) насчитывали 150 тыс. чел.[21] Вокруг земств сформировался и приобрел большое общественное влияние так называемый «третий элемент» – служащая интеллигенция, в значительной части состоявшая из оппозиционно и революционно настроенных лиц: либералов, народников, эсеров, социал-демократов и т.п.

В период Первой мировой войны, в июле 1914 г. был создан Всероссийский земский союз (председатель – князь Г.Е.Львов), занявшийся оказанием помощи больным и раненым воинам, беженцам, выполнением заказов на одежду и обувь для армии. Объединившись в 1915 г. с Всероссийским союзом городов, он пытался включиться в политическую деятельность, выступал за введение в состав правительства представителей буржуазии.

И, тем не менее, до 1917 г. деятельность земств носила локальный, раздробленный, самодеятельный характер, не координировалась каким-либо руководящим и направляющим центром. Земства не имели своих органов и на низах – в волостях. Царское правительство решительно противилось тому и другому. В то время говорили, что « земство – это здание без фундамента и крыши». Важнейшим требованием либералов к царизму с 70-х гг. XIX в. было настояние «увенчать здание реформ» – создать при правительстве особый совещательный орган из представителей земств или включить в один из высших органов империи выборных от земств. Но царизм не шел на такой шаг, опасаясь постепенного превращения этого органа в парламент, ограничивающий власть монарха.

После Февральской революции 1917 г. первое Временное правительство возглавил видный земский деятель, близкий к кадетам князь Г.Е.Львов. Не имея широкой социальной опоры, новое правительство хотело использовать для формирования своего аппарата государственной власти существующую сеть земских учреждений и значительный контингент земских служащих, видя в них готовый механизм государственной машины. Циркулярным распоряжением от 5 марта 1917 г. были упразднены должности губернаторов, уездных исправников, полицмейстеров. Их заменили комиссары Временного правительства, причем обязанности этих комиссаров возлагались на председателей губернских и земских управ и городских голов. Таким образом, была предпринята попытка использовать земские учреждения в качестве аппарата государственной власти, создать с их помощью вертикаль исполнительной власти сверху донизу. 21 мая 1917 г. Временным правительством был издан закон о введении волостных земств. Летом и осенью 1917 г. прошли выборы в земства, в результате которых они стали более демократичными, в них вошли представители различных партий и общественных организаций[22]

Буржуазная демократическая печать провозгласила земства идеальной и единственно возможной системой местного управления, истинно демократическим органом власти, «основой народной свободы», «нижним пластом демократического строя России»[23] Казалось, для земств наступил «звездный час» их здание приобрело фундамент и крышу, они получили в свои руки долгожданную административную власть, вошли в правительственные структуры, превратились в составную часть государственной машины

Однако надежды на превращение земств в органы государственной власти не оправдались. Земства оказались не приспособленными для выполнения возложенных на них функций, для несения на себе «бремени» государственной власти Кроме того, у них сразу же после Февральской революции появился опасный соперник в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Попытки земств летом-осенью 1917 г ликвидировать местные Советы или подчинить их земствам окончились полной неудачей. В развернувшейся в конце 1917 – начале 1918 гг борьбе с Советами земства потерпели сокрушительное поражение, а в феврале-мае 1918 г. повсеместно были распущены и сошли с исторической сцены, причем эта борьба ярко высветила сильные и слабые стороны земств и Советов

Земства превосходили Советы профессионализмом своих кадров (особенно в хозяйственных вопросах), самофинансированием (по крайней мере до конца 1917 г.). Кадровый состав Советов был слабым, непрофессиональным, у них не было источников финансирования, для обеспечения своей деятельности они вынуждены были прибегать к сбору пожертвований и другим таким же источникам, а после октября 1917 г – к конфискациям, контрибуциям, реквизициям и другим «чрезвычайным мерам», крайне непопулярным среди имущего населения – не только богатых, но и средних слоев, которые тоже затрагивались этими акциями

Почему же в соперничестве с Советами земства потерпели неудачу, оказались вытесненными с исторической арены?

Советы в 1917 г (до их последующей трансформации). 1) представляли законченную структуру, действовавшую на всех уровнях – от низших до высших, от сельских и волостных Советов до Всероссийского съезда Советов и ВЦИК, 2) возникшие в 1905 г они были очень популярны в народных массах как органы революционной власти трудящихся; 3) были по своему составу рабоче-крестьянскими, в них отсутствовали представители буржуазии, 4) представляли собой демократические органы самоуправления, тесно связанные с избиравшими их трудящимися массами (проводились регулярные выборы, осуществлялся отзыв депутатов, депутаты были подотчетны и ответственны перед избирателями, самостоятельно принимали все свои решения и т.п.), 5) были органами революционной власти, считавшими себя полномочными решать любые политические, экономические, социальные вопросы; 6) работавшие в Советах большевики стремились отвоевать у своих политических противников трудящиеся массы, прилагали много сил для того, чтобы привлечь их на свою сторону, для чего вели активную пропаганду и агитацию, разъясняя свою программу и тактику

Земства, даже после прихода к власти Временного правительства, в состав которого постоянно входили представители земств, и после того, как фактически превратились в правительственную структуру 1) реально существовали только в уездах и губерниях, у них не было Всероссийского высшего органа, их низшее звено – волостные земства – были созданы только в самом конце существования земств – в сентябре-октябре 1917 г 2) остались до последних дней существования органами, занимавшимися чисто хозяйственными, местными делами, их политическая деятельность после Февральской революции ограничивалась принятием резолюций, обращений, воззваний, словесной поддержкой Временного правительства, 3) руководящую роль в земствах играли буржуазные деятели, по убеждению народных

масс, преследовавшие только свои, узко классовые интересы, 4) действовали старыми бюрократическими, вызывавшими возмущение масс методами, с их волокитой, произволом, взяточничеством и т.п., 5) основной массой населения воспринимались как старые, буржуазные, контрреволюционные учреждения, не поддерживающие проводившиеся в интересах трудящихся масс преобразования и поэтому подлежащие роспуску и замене новыми, революционными, более близкими к трудящимся массам органами местного самоуправления, 6) пользовавшиеся в земствах преобладающим влиянием эсеры были сторонниками «прямых действий» (террор, экспроприации) и пренебрежительно относились к пропаганде и агитации, сами же земства не имели какой-либо социально-экономической и политической перспективной программы

После Октябрьской революции 1917 г часть земств, находившихся под влиянием большевиков (на Урале, например, это были многие земства в горнозаводских поселках и промышленных центрах), активно поддержали советскую власть и декреты II съезда Советов, чем сразу же внесли раскол в земское движение, большинство же земств заняло по отношению к ним выжидательную или нейтральную позицию. В Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, взявших всю власть в свои руки, преобладало мнение, что пока Советы не могут охватить своим руководством все сферы государственного управления и народного хозяйства, земства следует сохранить, предоставив им возможность по-прежнему заниматься хозяйственными делами по формуле «Советам — политику, земствам — экономику»[24]

Однако с развитием революции и обострением классовой борьбы большинство земств не удержалось на нейтральных позициях и выступило против советской власти. Но на активную борьбу с Советами, имевшими в своем распоряжении вооруженные отряды красногвардейцев и боевые рабочие дружины, у них не было сил. Свое отрицательное отношение к советской власти земства выразили в принятых ими резолюциях, обращениях, воззвания и т.п., сопротивлением советской власти, саботажем мероприятий Советского государства, которые не дали результатов и лишь ускорили ликвидацию земств. Только немногие земства открыто предъявили свои претензии на государственную власть и пытались оказать сопротивление установлению Советской власти. На Урале с таких позиций выступили земства в уездных городах Златоусте, Шадринске, Соликамске, Чердыни, Котельниче, Сарапуле, Тюмени и др. Но все такие «контрреволюционные мятежи» были легко подавлены присланными из Екатеринбурга, Перми и других пролетарских центров отрядами красногвардейцев и революционных матросов[25]

Ввиду «контрреволюционного характера», антисоветской деятельности, саботажа советских мероприятий земства были признаны «ненужным пережитком» и по мере укрепления советской власти и постепенного расширения Советами своих хозяйственных функций, ликвидировались, причем часть бывших земских служащих, их технический аппарат переходили на службу в советские учреждения. Весьма характерно постановление III Уральского областного съезда Советов (январь 1918 г.) об организации и задачах областного советского аппарата, в котором говорилось «Все городские, волостные и земские самоуправления упраздняются по мере охватывания Советами хозяйственных функций. Хозяйственные функции этих учреждений передаются Советам, которым надлежит использовать существующий хозяйственный и технический аппарат»[26] В феврале-мае 1918 г земства повсеместно были ликвидированы, уступив место всевластным Советам

Подводя итог, можно сказать, что путем создания по реформе 1864 г выборных органов местного самоуправления — губернских и уездных земств — царскому правительству удалось в некоторой степени модернизировать и либерализировать политический строй, привлечь к решению местных хозяйственных вопросов более

широкие круги провинциального дворянства и нарождающейся крупной буржуазии, способствовать развитию инициативы и активизации общественной деятельности на местах.

Земства содействовали утверждению в стране капиталистических отношений, расширению внутреннего рынка, развитию на местах промышленности, торговли, путей сообщения, средств связи, подъему местного хозяйства Они сыграли большую роль в развитии на местах здравоохранения, народного образования и культуры, взаимного страхования, в создании учреждений по оказанию социальной помощи. Оправдался и расчет правительства на то, что земства отвлекут либерально настроенную интеллигенцию от оппозиционной и революционной деятельности, направив ее усилия на решение местных хозяйственных дел Правительству также удалось отделить, обособить земства от общей администрации, установить за ними всесторонний бдительный надзор и контроль, держать их «в крепкой узде», решительно пресекать все попытки добиться «участия представителей земства в делах внутреннего управления» Даже после издания Манифеста 17 октября 1905 г и учреждения законодательной Государственной Думы земства не получили какого-либо представительства в высших органах государственной власти и государственного управления

Вместе с тем из-за непропорционального представительства различных сословий, имущественного ценза при выборах земских гласных, отстранения от выборов значительных слоев населения (рабочих, мелкой буржуазии, интеллигенции), права административных властей оказывать влияние на замещение выборных должностей, земства не были по-настоящему демократическими органами. Из-за ограничения их прав решением только хозяйственных вопросов, отрыва и обособленности от общей администрации, отсутствия административных прав, жесткого надзора и контроля, чрезмерной «опеки» над ними со стороны административных властей, раздробленности местного управления между различными государственными учреждениями, действующими параллельно с земскими, отсутствия возможности отстоять свои права при конфликтах с административными властями, земства не были по-настоящему и органами местного самоуправления. Сфера их деятельности была сосредоточена в строго очерченных (и постоянно сужаемых властями) рамках, выходить за которые они не имели права. Оба эти обстоятельства сыграли важную роль в том, что в 1917 г земства оказались неспособными взять управление местными делами в свои руки, не смогли стать реальной властью на местах.

Российское земство, сошедшее с исторической сцены более семи десятилетий назад, сейчас оказалось в поле жгучего интереса публицистов, политиков, историков. В дискуссиях об «обустройстве России», федерализме и местном самоуправлении постоянно вспоминаются земства, делаются ссылки на «исторический опыт», впрочем, толкуемый очень произвольно. отдельные примеры и факты из деятельности земств, случайно выбранные, используются для доказательства «истинности» той или иной политической концепции, хотя известно, что единичные примеры, будучи абсолютно верными, не могут служить доказательством правильности всей теории в целом.

Земское самоуправление на основе отдельных примеров и бездоказательных утверждений широко пропагандируется нашими средствами массовой информации и публицистами как образец якобы сильного местного самоуправления, эффективно действующего, самостоятельного, демократического, успешно решающего с использованием местных возможностей и резервов местные хозяйственные дела, проблемы народного образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения и т.п. Однако подобный облик земств, предельно идеализированный, имеет мало общего с исторической действительностью, с российскими земствами второй половины XIX – начала XX в.

Большую агитацию за земское самоуправление ведет нынешнее «земское движение», возглавляемое с мая 1992 г так называемым Всероссийским земским союзом (председатель Е.В.Панина) Важную роль земствам в «возрождении России» придает в своем плане «обустройства Российского государства» А.И.Солженицын, который считает, что в настоящее время у нас установилась власть олигархии и «обустройство» должно начинаться с реформирования местных органов власти, создания органов местного самоуправления – земств, которые явятся основой государственности новой, демократической России, сыграют решающую роль в реорганизации общественной жизни страны[27]

Утверждается, что земства сыграют первостепенную роль в децентрализации государства, в отходе от унитарно-тоталитарной системы; регулировании компетенции федеральной и региональных властей, сохранении целостности России, в гармоничном развитии духовных, культурных, экономических связей между всеми частями Российского государства, внесут свежий импульс затухающей жизни в отдаленных регионах, в регулирование деформированных отношений между центром и периферией, дадут выход стремлению территориальных общностей «к самостоятельности и свободному развитию» Предполагается также, что земства сыграют выдающуюся роль в строительстве в нашей стране правового государства, что с возрождением земских учреждений начнется «возрождение России» на принципах свободы, гражданственности и демократии; земства должны стать средством эффективной защиты общества и граждан, удовлетворения повседневных нужд и запросов населения, создания «таких условий жизни, чтобы каждый человек чувствовал себя человеком»

Земства, построенные на принципах «самоуправления и самофинансирования», должны будут иметь собственные финансовые средства для решения местных проблем, смогут в нынешних трудных экономических условиях успешно самостоятельно решать вопросы образования, здравоохранения, культуры, жилищного строительства, транспорта, социального обеспечения, досуга граждан, охраны окружающей среды и т.п. Считается, что земства будут играть важную роль в воспитании у россиян духовности, нравственности, патриотизма, сохранении национальных традиций.

Трудно сказать, какие из этих планов «второго рождения земств», пожеланий, идиллических надежд и ожиданий основаны на практических расчетах, анализе современной социально-экономической и политической ситуации, а какие являются плодом маниловских мечтаний, беспочвенных иллюзий, безмерной идеализации земств пореформенной России

Исторический опыт земских учреждений в России – стране с обширнейшей территорией и огромным разнообразием природных, экономических, национальных и исторических условий – свидетельствует, что органы местного самоуправления, чтобы они могли действовать эффективно и результативно, должны быть

1) подлинно демократическими, избранными всеми гражданами данной местности, тесно связанными с избравшим их населением, подотчетными и ответственными перед избирателями, пользующимися их доверием и поддержкой, для чего необходимо, чтобы на выборах за них голосовало не менее 50% избирателей,

2) по-настоящему органами действительного самоуправления, обладать полной самостоятельностью в решении всех местных вопросов, иметь эффективно функционирующий аппарат с опытными квалифицированными кадрами, способный успешно осуществлять управление всеми сторонами местной жизни,

3) имеющими надежные и достаточные для решения местных проблем и осуществления на своей территории сильной социальной политики источники финансирования, которые должны состоять не только из местных налогов, но и определенной доли федерального бюджета, что позволило бы успешно решать на

местах вопросы здравоохранения, народного образования, науки, культуры, жилищного строительства, транспорта, социального обеспечения, досуга граждан, охраны окружающей среды;

4) обладающими на своей территории административной властью, исполнительными функциями, четко определенными законодательным путем, с точным разграничением функций федеральных и местных властей, бюджетных, налоговых и земельных прав;включенными в структуры законодательной и исполнительной государственной власти. Нижняя планка этой власти не должна подниматься слишком высоко, иначе органы местного самоуправления окажутся на обочине государственной жизни, превратятся в такие же бесправные и бессильные, занятые исключительно хозяйственно-культурными вопросами, подвергающиеся постоянному давлению со стороны вышестоящих законодательных и исполнительных властей органами местного «самоуправления», какими были российские земства второй половины XIX – начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. В 4 т. Т I – IV М., 1909–1911, *Он же.* Земство и земская реформа. Пг., 1918; *Трутовский В.К.* Современное земство. Пг., 1914, *Львов Г.Е., Полнер Т И.* Наше земство и 50 лет его работы. М., 1917, *Голубев П.А.* 30-летие земства в Пермской губернии. СПб., 1905; Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867 – 1902). Вятка, 1906; *Бобылев Д.М.* Что сделали земства Пермской губернии в интересах местного края: краткий обзор. Пермь, 1914; *Герасимов В.Ф.* Очерк деятельности Уфимского губернского земства (к 50-летию введения земских учреждений). Уфа, 1914

2. *Черныш М.И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство Пермь, 1959; *Стефанова И.И.* О социальном составе Вятского земства в 1867–1891 гг // Уч. зап. Кировского пед. ин-та. Киров, 1971. Вып. I. С. 22–40; *Она же.* Основные направления деятельности Вятского губернского земства в 60–90-е гг. XIX в. // Там же. С. 41–57

3. *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России М., 1990; *Он же* Земства и Советы // Свободная мысль. М., 1993. №4. С. 97–106; *Пирумова Н.М* Альтернатива: Об истории появления земств в России, их делах и возможностях // Родина. М., 1992 № 8–9. С. 24–26; *Она же.* Земства и политика. // Родина. М., 1993. № 5–6 С. 100–104; *Ефимова Н.И , Лаптева Л.Е.* История земства и перспективы развития местного самоуправления (Международная конфер. Тверь, 25–29 мая 1993 г.) // Государство и право. М., 1993. № 11 С. 250–53; *Лаптева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993; *Шлемин П.И Фадеев В.И* Местное самоуправление: Российский вариант. М., 1993; *Абрамов В.Ф.* Демократическая практика российского земства // ПОЛИС: Политические исследования. М., 1995 № 3. С. 145–151; Кто они, «новые земцы»? // Российская Федерация. М., 1995. № 5. С 26–28; *Семенченко И В.* Земское самоуправление на Южном Урале в 1917–1918 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Челябинск. 1995; *Богатырева О.Н.* Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. Автореф. дисс. канд. ист наук. Екатеринбург 1996.

4. *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 г М 1957 С. 20–50; *Чернуха В.Г* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг XIX в. Л 1978. С. 15–45; *Захарова Л.Г* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *Ленин В И* Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т 5. С. 21–72.

5. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет Т 3. С. 49, 680–681 *Он же* Земство и земская реформа. С. 9, 14–15; *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России С. 27

6. *Черныш М.И* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. С 108

7 *Стефанова И.И.* О социальном составе Вятского земства в 1867–1891 гг С. 35.

8. *Черныш М.И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство С. 109.

9. Там же. С. 112; *Стефанова И.И.* О социальном составе Вятского земства в 1867–1891 гг С. 36.

10. *Шашков С.С.* Земские прогрессы. Рецензия на книгу Д.Л.Мордовцева «Десятилетие русского земства, 1864–1875 гг.» // Дело. СПб., 1877 Год 11-й № 9. С. 51

11 Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб 1867 Т 39. № 40457 С 1–22

12. Материалы для ознакомления с условиями быта горнозаводского населения на Урале / Собраны Р.С. и М.Я.Поповыми // Сборник Пермского земства, 1873. № 5, 1874 № 1–4, 1876. № 4–6;

Сборник статистических сведений Екатеринбургскому уезду Пермской губернии Екатеринбург 1891, Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань. 1890–1894. Вып. 1–5. Обзор Пермского края: Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии Пермь. 1896, Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении. Пермь, 1900.
13. *Романов Н.Н* Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка. 1875. Вып. 1 Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1886–1901 Т 1–12; Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1889–1893. Вып. 1–5.
14. Полное собрание законов Российской империи. Т 39. № 40457. Материалы по земскому общественному устройству СПб., 1885–1886. Т 1–2; *Захарова Л.Г* Земская контрреформа 1890 г С. 147–149, 157–159.
15. С.Ш. (Шашков С.С.). Земская смышляевщина: К десятилетнему юбилею Пермского земства // Слово. СПб., 1879. Год 2-й, янв. С. 15.
16. Цит по. Записка горнозаводчиков о земском деле в Пермской губернии. СПб., 1887 С. 3
17 *Гаврилов Д В.* Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX 1885–1900 гг // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1995. № 2. С. 96
18. *Черныш М И* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство С. 115–169.
19. *Стефанова И.И* Основные направления деятельности Вятского губернского земства в 60–90-е гг XIX в. С. 41–57
20. *Носилов К.Д* По поводу шадринских агрономов // Урал (Екатеринбург). 1898. 5 дек. № 547
21 *Герасименко Г.А.* Земства и Советы. С. 101
22. *Загряцков М.Д.* Закон о волостном земстве М., 1917 *Дурденевский В.Н.* Волостное земство М., 1917, *Шингарев А.М.* Мелкая земская единица или волостное земство. М., 1917
23. *Веселовский Б.* Программа бесед о волостном земстве // Волостное земство. Пг., 1917.№ 13–14; *Он же* Волостное земство // Там же. № 15–16; *Фромм.мет Б.* Народное земство. Пг 1917
24. *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. С. 149; *Он же.* Земства и Советы; *Лисовский Н.К.* Октябрь на Южном Урале: Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг Челябинск. 1957 С 174–175.
25. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск. 1967 С. 471 475–476. 484–485; *Лисовский Н.К.* 1917 год на Урале Челябинск, 1967 С. 465–467 469–470. 478–480; *Минц И.И* История Великого Октября. М 1973 Т 3. С 459–460.
26. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961 С. 407
27 *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. М., 1990

ZEMSTVO IN THE URALS. EXPERIENCE AND LESSONS. (SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)

The author examines organization of zemstvo in the Urals after the reform of 1864. Principles of its formation, social structure, practical activities and local specific features are discussed As to the latter, the following peculiarities are marked out highly democratic structure, special interest given to the economical position of the Urals miners and handicraftsmen, to the problems of civic education and medical care. Positive and negative sides in the zemstvo activities are exposed. Reasons that blocked zemstvo's transformation into the bodies of state power and led to the excluding of zemstvo in 1917–1918 out of the historical scene by the Soviets are named. The author criticizes an excessive idealization of zemstvo and keeping silent about its weak sides by modern publicists and mass media.

D V.Gavrilov

В.П.Микитюк

ДЕЯТЕЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА УРАЛЕ НАЧАЛА XX В. П.В.ИВАНОВ

Среди персонажей истории Урала конца XIX – начала XX в. было немало выдающихся и талантливых людей, оказавшихся в советский период в силу господствовавшей политической конъюнктуры почти совершенно забытыми. К их числу относится Павел Васильевич Иванов, которого современники знали как солидного коммерсанта, активного общественного деятеля, добросовестно и эффективно отстаивавшего интересы регионального сообщества в органах местного самоуправления.

Павел Иванов родился в 1867 г. в «старинной коммерческой семье Урала»[1]. Его отец – екатеринбургский купец второй гильдии Василий Никитич Иванов – занимался хлеботорговлей. Скопив средства, он вложил их в постройку мельницы в с. Бобровском Екатеринбургского уезда. Это позволило ему занять одно из первых мест среди мукомолов Пермской губернии. Будучи человеком предусмотрительным, Василий Никитич постарался передать дело в надежные руки и позаботился о том, чтобы его сыновья получили хорошее образование. Первоначально они были направлены в средние учебные заведения Екатеринбурга, в частности, Павел Иванов закончил местное Алексеевское реальное училище. Затем они отправились в Москву, где старший сын Павел поступил в императорское высшее техническое училище, а младший Анатолий – в сельскохозяйственную академию. Закончив учебу, они вернулись на Урал и стали помощниками отца в его торгово-промышленной деятельности. Получив таким образом двух квалифицированных специалистов (инженера-механика и агронома), Василий Никитич мог только порадоваться своей предусмотрительности, так как бурное развитие мукомольной отрасли предъявляло повышенные требования к качеству сырья и техническому оснащению мельниц.

По возвращении в родные пенаты Павел Васильевич целиком сосредоточился на предпринимательской деятельности. Практически все 90-е гг. он занимался модернизацией оборудования, что в ту пору было жизненно важным. К этому периоду мукомольная промышленность Урала имела за плечами долгую и богатую историю, страницы которой были заполнены жесткой конкурентной борьбой, взлетом одних фирм и разорением других. Во второй половине XIX в. началось укрупнение производственных мощностей, которое сопровождалось внедрением новой, более производительной техники.

Благодаря этому на Урале имелось немало крупных фирм, обладавших большими и прекрасно оборудованными мукомольными мельницами. Особенно высокой была их концентрация в Исетском мукомольном районе. Потребители Урала и центральных губерний России были прекрасно знакомы с продукцией торговых домов «Братья Макаровы», «Братья Степановы», «А.Н.Первушин и К°», «С.И.Грачев и А.Е.Борчанинов». Не менее широко были известны фирмы, которыми руководили В.П.Злоказов, В.С.Жиряков, И.И.Симанов, Ф. А.Соснин. В целом в конце XIX в. в Исетском районе оперировало около 20 крупных мукомольных компаний.

Оказавшись в условиях жесточайшей конкурентной борьбы, Павел Васильевич сумел модернизировать Бобровскую мельницу и поднять ее производительность. В 1863 г. эта мельница имела суточную производительность в 600 пуд., которая в 1883 г. достигла 1200 пуд., а в 1896 г. уже равнялась 2400 пуд. Эта цифра не была пределом, в 1904 г. Бобровская мельница ежесуточно давала по 3 тыс. пуд. Это стало возможно благодаря установке дополнительного оборудования. Так, в 1896 г.

П.В Иванов установил на предприятии в Бобровке гидротурбину системы Жонваля в 200 л с., к которой в 1904 г добавилась вспомогательная паровая машина в 100 л с

Постоянная забота о совершенствовании оборудования способствовала тому, что Ивановы не только сохранили свои позиции на рынке, но и укрепили их. Одновременно с этим в отцовской компании укреплялись и позиции Павла Иванова, который постепенно превратился из заведующего технической частью в подлинного руководителя фирмы, державшего под контролем закупку сырья, его переработку и сбыт готовой продукции.

После того, как В.Н.Иванов скончался, его наследники в 1900 г организовали полное товарищество под названием «Братья Ивановы», в которое в качестве компаньонов вошли Анатолий и Павел Ивановы, а также их мать – Анна Ивановна Несмотря на то, что все компаньоны считались полными товарищами, ведущая роль в фирме принадлежала Павлу Васильевичу, который был ее членом-распорядителем, обладавшим наибольшим количеством прав при ведении дела.

По мере того, как Павел Иванов углублялся в мукомольный бизнес, укрепляя позиции своей фирмы, возрастал и его личный авторитет О нем заговорили не только как о рачительном хозяине и талантливом коммерсанте, но и как о прекрасно образованном специалисте, хорошо осведомленном во всех тонкостях технологического процесса и последних новинках мукомольного оборудования. Особенно высоким был его авторитет среди коллег по бизнесу, что было весьма немаловажным, так как мукомолы, обосновавшиеся в основном на Уктусской улице Екатеринбурга, играли заметную роль в жизни города и уезда Несмотря на все перипетии конкурентной борьбы, они часто выступали сплоченной группой для отстаивания общих интересов и заставляли считаться с собой самые влиятельные в губернии круги Наиболее заметным было влияние исетских мукомолов в Екатеринбурге, где они занимали ведущие позиции в городской думе и земском собрании. Один из местных общественных деятелей отмечал, что в начале XX в в Екатеринбурге «сложилась инициативная торгово-промышленная группа, состоящая из наиболее просвещенной части купечества»[2] Лидером этой группировки являлся управляющий конторой Госбанка А.И.Кожевников. В нее также входили мукомолы А.Е.Борчанинов, П.С.Первушин, И.И Симанов и ряд других коммерсантов. Павел Васильевич примкнул к этой группировке и опираясь на ее поддержку начал свою карьеру общественного деятеля

В начале XX в. спектр общественной жизни Екатеринбурга был довольно разнообразным, что открывало широкие перспективы для реализации потенциальных возможностей Помимо органов городского и земского самоуправления, начинающие деятели могли использовать свои силы в структурах различных государственных ведомств и общественных организаций. В Екатеринбурге к таким организациям можно было отнести благотворительное общество, местный комитет Красного Креста, музыкальный кружок, общества любителей велосипедного спорта и поощрения коннозаводства, Уральское общество любителей естествознания и т.п. В Екатеринбурге размещались управленческие структуры съездов уральских горнопромышленников и золотопромышленников, а также мукомолов. Кроме того, функционировали Общественное и Коммерческое собрания, различные попечительские комитеты и пр. Наконец, на повестке дня стояло создание новых общественных структур, в том числе биржевых и кредитных организаций, родительских комитетов и т.д.

Павел Васильевич избрал традиционный путь в 1900 г он был избран гласным уездного земства, которое делегировало его в состав Пермского губернского земства Начиная с 1902 г П.В Иванов стал фигурировать среди гласных Екатеринбургской городской думы. Начав свою карьеру с земского и городского самоуправлений, он

не покидал их вплоть до вынужденной эмиграции в 1919 г , не раз пройдя через сито избирательных кампаний. Подобное долголетие объясняется той прекрасной репутацией, которую приобрел Павел Иванов среди земских и городских гласных, а также среди избирателей. Коллеги Павла Васильевича быстро оценили его незаурядные качества и стремились максимально их использовать. И земства, и дума постоянно давали ему разнообразные поручения, с которыми он блестяще справлялся. Павел Васильевич был одинаково хорош как на месте секретаря земских собраний или заседаний городской думы, так и на месте докладчика по различным вопросам.

Общественная деятельность П.В Иванова началась в не слишком благоприятных условиях. С принятием в 1889 г закона о земских начальниках и в 1892 г нового «Городового положения» самостоятельность земств и городских дум была сильно урезана, что заметно осложнило их деятельность. Для Екатеринбурга ситуация обострялась еще и наличием крупного долга, которым был отягощен городской бюджет и с которым никак не удавалось расплатиться В этих условиях было весьма трудно вести плодотворную и эффективную деятельность И, тем не менее, Павел Васильевич активно включился в работу земских и городских органов самоуправления. По мнению его знакомых, это объяснялось тем, что у него «вместе со здоровой, упорной, «крестьянской» работоспособностью имеется еще и несомненная, не часто встречающаяся «крупная изюминка» бодрой общественности, не дающая подернуться вялой, эгоистической ленью разуму и душе человека он не опускает рук ни перед каким делом, не отступает ни от какой общеполезной работы»[3]

Обладая подобными качествами, Павел Васильевич сумел в короткое время стать полезным сотрудником органов местного самоуправления. Этому также способствовали и его обширные познания, умение кратко и четко формулировать свои мысли, хорошие ораторские задатки. Работая во всевозможных думских и земских комиссиях, П.В.Иванов выказал способность находить общий язык даже с самыми неконтактными людьми. Не остался незамеченным его организаторский талант Все это позволило Павлу Иванову завоевать авторитет у екатеринбургской общественности.

В начале XX в. российские предприниматели прилагали энергичные усилия к созданию биржевых структур. Не остался в стороне от этого процесса и Урал. 7 октября 1901 г была открыта биржа в Перми, одновременно началась подготовка к созданию подобного учреждения в Екатеринбурге. Местными коммерсантами был разработан устав, который был высочайше утвержден 22 мая 1904 г но открытие биржи из-за начала русско-японской войны, а также экономического кризиса и последующего спада производства несколько затянулось Только 30 ноября 1905 г состоялось первое собрание местного биржевого общества, которое провозгласило Екатеринбургскую товарную и горнопромышленную биржу открытой и избрало исполнительный орган – биржевой комитет На этом же собрании был избран председатель биржевого комитета. Им стал Павел Васильевич Иванов, который получил большинство голосов (21 – «за», 5 – «против»)

Становление екатеринбургской биржи происходило в довольно сложных условиях. Если ее открытие было встречено в целом благожелательно, то позднее стало нарастать скептическое отношение к биржевой деятельности В январе 1906 г пресса сообщала: «Екатеринбургская товарная и горнопромышленная биржа открыла свои действия. В первые же дни состоялись сделки по продаже золота, хлебных товаров и прочего. ..Биржа посещается охотно»[4] Но продолжалось это недолго, и уже в 1907–1908 гг некогда бурная река посетителей иссякла и превратилась в тонкий ручеек: за день биржу посещали 1–2 коммерсанта Одновременно стало

уменьшаться количество членов местного биржевого общества Если в 1907 г их численность равнялась 80, то к 1912 г в обществе осталось только 59 членов

Неудачи, преследовавшие екатеринбургскую биржу, не поколебали авторитета П.В.Иванова, поскольку они в основном объяснялись объективными причинами. Русско-японская война, революция 1905–1907 гг , экономический кризис и затяжной спад производства создали такую обстановку, которая не могла не оказать отрицательного воздействия на местную биржу Отрицательно сказалось на ней и негативное отношение крупных уральских горнопромышленников, которые предпочитали заключать сделки помимо биржи. Кроме того, горнопромышленники видели в ней конкурента в области представительства интересов уральской буржуазии. Этих причин было вполне достаточно, чтобы обеспечить екатеринбургской бирже более чем скромное существование, но вины Павла Васильевича в этом не было. Членов биржевого общества вполне удовлетворяла его деятельность, поэтому они неоднократно переизбирали П В.Иванова на должность председателя биржевого комитета

Несмотря на то, что львиную долю времени Павла Васильевича поглощали попытки гальванизировать биржу, он успел принять активное участие в тех политических баталиях, которые происходили в России в 1905–1907 гг Начиная с октября 1905 г Павел Васильевич стал членом екатеринбургской организации партии народной свободы, но не ограничился формальным присутствием в ее рядах, а постарался принять непосредственное участие в деятельности уральских кадетов В частности, Павел Иванов выступил в качестве инициатора организации издательства, которое взяло на себя выпуск газеты прокадетской ориентации. В результате товарищество газеты «Уральский край» было создано в декабре бурного 1905 г среди молодого «зеленого шума», охватившего из конца в конец проснувшуюся Россию»[5] Уже 28 декабря 1905 г был выпущен первый номер «Уральского края», а начиная с 1906 г газета стала выходить регулярно. Во главе товарищества был поставлен известный на Урале общественный деятель Е.Н.Коротков, а первым редактором стал активный член екатеринбургской кадетской организации, врач по профессии, А.М.Спасский.

Губернские власти без особого восторга отнеслись к созданию «Уральского края» и не раз штрафовали редакцию за помещение острых политических статей, что неблагоприятно сказывалось на материальном положении издательства. А.М.Спасский позднее заявил, что наиболее существенную помощь в этой ситуации оказали П.В.Иванов, Н.Ф.Магницкий и К.Я.Бурдаков.

Удачная деятельность П.В.Иванова в региональной организации мукомолов сыграла важную роль в его судьбе. Исетские мукомолы, и ранее знавшие его как умелого коммерсанта, увидели в нем умного и дельного защитника корпоративных интересов, поэтому избрали Павла Васильевича уполномоченным Сибирского мукомольного района, а также поддержали его кандидатуру при выборах председателя Екатеринбургского биржевого комитета. Заняв пост уполномоченного, П.В.Иванов неоднократно принимал участие в деятельности всероссийских съездов мукомолов Кроме того, на нем лежала ответственность за подготовку и проведение региональных съездов, что было исключительно сложным делом. Основная трудность состояла в том, что региональная организация, созданная по воле вышестоящих структур, объединяла в своих рядах исетских и западносибирских мукомолов, между которыми шла острая конкурентная борьба, породившая целую группу противоречий В силу этого западносибирские мукомолы практически игнорировали региональные съезды, проходившие, как правило, в Екатеринбурге Устранить разногласия между двумя группами конкурентов Павлу Васильевичу не удалось, поэтому при организации повседневной деятельности Сибирского мукомольного района он в основном опирался на исетских мукомолов В числе его ближайших помощников и

сотрудников были представители крупных мукомольных фирм, в том числе А.Е.Борчанинов, В.А. и И А.Макаровы, Н.С. и И С.Степановы, П С.Первушин и др.

Представляя интересы исетских мукомолов, Павел Васильевич принял участие в решении большой группы сложных проблем, среди которых наиболее важной была организация своевременного железнодорожного подвоза сырья и вывоза готовой продукции. Добиваясь выполнения этой задачи, П В Иванов и его коллеги настаивали на увеличении паровозного и вагонного парка Омской железной дороги от деятельности которой зависел успех работы исетских мельниц, так как они работали преимущественно на привозном сибирском зерне С этой целью исетские мукомолы неоднократно отправляли ходатайства в соответствующие инстанции, а также делали представления министру путей сообщения, но с помощью этих мер удавалось достичь лишь временного улучшения Мукомолы не могли удовлетвориться половинчатыми решениями путейских чиновников, поскольку от своевременности подвоза сырья зависели установление цены на муку-крупчатку реализация готовой продукции и получение наличных денег для дальнейшей торгово-промышленной деятельности Своевременность подвоза была важна еще и потому, что у исетских мукомолов, и ранее имевших немало соперников, в начале XX в. появился мощный конкурент в лице быстро развивающегося Челябинского мукомольного района, который, пользуясь льготным железнодорожным тарифом, захватывал традиционные для Исетского района рынки сбыта

В этой ситуации П.В.Иванов и другие мукомолы стали добиваться строительства так называемого Исетского подъездного пути Затратив массу времени и положив много сил для достижения желанной цели, они так и не добились сооружения линии Екатеринбург–Курган. Государственные структуры затянули процесс принятия решения настолько, что начавшаяся Первая мировая война еще раз перечеркнула надежды исетских мукомолов. Правда, некоторые участки Исетского подъездного пути были все-таки построены, но их было явно недостаточно.

Период 1905–1909 гг для Павла Иванова был наполнен огромной, но далеко не всегда эффективной работой. Он энергично трудился в уездном и губернском земствах, городской думе, биржевом комитете и в ряде других организаций Его энергия была оценена как общественностью, так и правительством В апреле 1906 г газета «Урал» поместила следующую информацию «Государь император всемилостивейше соизволил пожаловать ко дню святой Пасхи 1906 г за отличное усердие и особые труды орденом святого Станислава 3 степени попечителя Бобровского земского начального училища екатеринбургского купца, инженера-механика П.Иванова»[6] Таким образом были отмечены заслуги Павла Васильевича по ведомству народного просвещения. Слова об «отличном усердии и особых трудах» не были трафаретной любезностью. Они полностью отражали умение П В.Иванова оказывать учебным и медицинским заведениям конкретную помощь. Не делая никаких широковещательных деклараций о любви к ближнему, он быстро и своевременно помогал решать проблемы, препятствовавшие развитию учебных учреждений Например, для облегчения деятельности Билимбаевского районного школьного музея Павел Васильевич подарил телефон, а при Бобровском земском училище открыл общежитие для учащихся и взял на себя все расходы по его содержанию Благодаря этому получили возможность учиться в Бобровке ребята из самых отдаленных уголков Екатеринбургского уезда Открытое П.В.Ивановым общежитие долгое время оставалось единственным в сельских местностях Екатеринбургского уезда

Благосклонность власть предержащих к П.В Иванову во многом объясняется тем, что в 1906 г они еще не получили от компетентных органов информации о его принадлежности к кадетской партии. Когда же этот факт перестал быть для них секретом, они не замедлили выказать Павлу Васильевичу свое неудовольствие Произошло это в период 1907–1909 гг., когда екатеринбургские кадеты подверглись

со стороны властей различным преследованиям В частности, в октябре 1907 г местные репрессивные органы провели масштабный обыск в штаб-квартире екатеринбургских кадетов, а затем поспешили выслать за пределы Пермской губернии одного из лидеров кадетской организации – Л.А.Кроля. В 1908 г был организован судебный процесс над кадетами, в ходе которого в качестве обвиняемых были привлечены многие соратники П.В.Иванова, в том числе Л А.Кроль, П А Кронберг А.М.Спасский и ряд других. Самого Павла Васильевича власти не сочли нужным привлекать к судебной ответственности, но и без наказания, правда, довольно мягкого, не оставили. В 1908 г Павел Иванов в очередной раз был избран почетным мировым судьей при Екатеринбургском окружном суде. Бдительный пермский губернатор, имевший право информировать сенат о благонадежности и нравственных качествах кандидатов в мировые судьи, поспешил известить высокую инстанцию о кадетских увлечениях П.В.Иванова и добился того, что сенат не утвердил Павла Васильевича в этой должности.

Несмотря на недвусмысленное обвинение в политической неблагонадежности П.В.Иванов не опустил рук и продолжал вести большую организаторскую работу В 1908 г он, выполняя свои общественные обязанности, изрядно поколесил по стране В январе Павел Васильевич побывал в Самаре, где принял участие в заседании Восточного порайонного комитета, который занимался контролем за грузоперевозками на огромных просторах Поволжья, Сибири и Урала В феврале он посетил Петербург, где участвовал в деятельности съезда представителей биржевой торговли. В марте П.Иванов вновь выезжал в Северную Пальмиру На этот раз он представлял интересы Пермского губернского земства в совете по делам местного хозяйства при министерстве внутренних дел, а также интересы исетских мукомолов на заседаниях очередного всероссийского съезда мукомолов. Из Петербурга Павел Васильевич отправился в Самару где вновь состоялось заседание Восточного порайонного комитета. В мае он выезжал в Пермь для участия в чрезвычайном собрании пермского губернского земства. Не менее насыщенной была и осень 1908 г В октябре П В.Иванов участвовал в работе Восточного порайонного комитета, а в ноябре принял участие в заседании совета съездов мукомолов. При таком плотном рабочем графике Павел Васильевич успевал принести пользу и екатеринбургским организациям. Так, в феврале 1908 г он был избран в состав театральной комиссии при екатеринбургском комитете попечительства о народной трезвости, а в апреле того же года Павел Иванов вошел в состав правления общества вспомоществования недостаточно обеспеченным учащимся Алексеевского реального училища.

Напряженная деятельность в течение всего 1908 г была не результатом кратковременного прилива энергии, а прямым следствием исключительной работоспособности П В.Иванова, которая позволяла ему и в дальнейшие годы работать также динамично. Широкий спектр общественных интересов П.В.Иванова объяснялся не только его работоспособностью, но и рядом других факторов. Один из них – разная степень его участия в деятельности тех или иных организаций Если в попечительстве о народной трезвости, обществе вспомоществования недостаточно обеспеченным учащимся реального училища участие Павла Васильевича носило эпизодический характер, то в биржевом комитете, городской думе, уездном и губернском земствах он играл ведущую роль. Другим важным фактором можно признать умение Павла Иванова правильно распределять силы. Он имел выдающиеся организаторские способности Павел Васильевич изложил свое кредо следующим образом «Мой принцип сперва организовать, потом работать. Я сторонник коллективной работы»[7]

Наиболее ярко умение организовать коллективную работу проявилось в деятельности биржевого комитета В то время как екатеринбургское биржевое общество в

целом было довольно пассивно, его исполнительный орган становился все более деятельной и эффективной структурой Существенную роль в этом сыграло то, что председатель комитета, подобрав грамотных и работоспособных сотрудников, искусно распределял между ними обязанности П.В.Иванов весьма удачно выбрал секретарем биржевого комитета И.И.Казанцева, который наладил делопроизво и взял на себя значительную часть бумажной работы. Учитывая его исключительную полезность, Павел Васильевич приплачивал ему некоторую сумму из собственных денег Еще одной крупной удачей для комитета стало приглашение на должность юрисконсульта известного на Урале присяжного поверенного и крупного общественного деятеля Н.Ф.Магницкого, который занялся не только юридическими консультациями, но и помог осуществлять биржевому комитету третейские функции в возникавших конфликтных ситуациях.

Актив биржевого комитета, помимо вышеупомянутых лиц, состоял из небольшого кружка людей, среди которых были представители старшего поколения екатеринбургских предпринимателей (З.Х.Агафуров, Ф А.Злоказов, В А.Макаров, Н.С. и И.С.Степановы), не имевших почти никакого образования, но обладавших огромным житейским и коммерческим опытом, а также более молодой поросли местных бизнесменов в лице С.Ф.Злоказова (Петербургский технологический институт), И.Ф.Круковского (Петербургский лесной институт), Ф.Е.Ошуркова (Московский и Петербургский университеты), П.С.Первушина (реальное училище) Существенную роль в биржевом комитете играли управляющий Верхисетским горным округом инженер-механик А.И.Фадеев, представители от съезда уральских горнопромышленников горные инженеры Г.И.Бострем и Б.А.Рулев, от съезда уральских золотопромышленников – Н.Г Стрижов Опираясь на этих людей Павел Васильевич сумел оживить деятельность биржевого комитета и сделать его влиятельной представительской организацией.

Обладая правом ходатайства перед вышестоящими организациями о введении новшеств в области торгово-промышленного законодательства, екатеринбургский биржевой комитет неоднократно им пользовался, хотя и с переменным успехом

Удалось Павлу Васильевичу и его коллегам сдвинуть с мертвой точки и другие направления деятельности биржевого комитета. В частности, активно заработала котировальная комиссия, занимавшаяся котировкой цен на товары, имевшие хождение на местной бирже. Она наладила выпуск специального бюллетеня Выдержки из него, в основном в виде цен на золото и платину, перепечатывались всероссийским журналом «Промышленность и Торговля» В ноябре 1912 г при биржевом комитете было открыто тарифное бюро, которое преимущественно занималось разрешением конфликтных ситуаций между предпринимателями и управлениями железных дорог Работа тарифного бюро быстро получила широкую огласку, и к его услугам стало прибегать большое количество коммерсантов, в том числе тех, кто не состоял в биржевом обществе Еще одним новшеством, которое пришлось по душе предпринимателям, стало составление и распространение с июля 1912 г ежедневных телеграмм, содержавших подробные сведения о ценах на внутренних и международных хлебных рынках.

Благодаря колоссальным усилиям П.В.Иванова и его соратников деятельность биржевого комитета стала более разнообразной и эффективной, а сам комитет превратился в уважаемую организацию, которая имела немалый вес как в Екатеринбурге, так и деловом мире Урала. Подтверждением вышесказанного может служить постепенное увеличение числа членов биржевого общества. с 63 в 1910 г до 102 в 1919 г

Отдавая много сил и времени работе в биржевых структурах, Павел Иванов не манкировал своими обязанностями земского и думского гласного, что высоко оценивалось современниками, а также органами местного самоуправления Пос-

ледние активно выдвигали Павла Васильевича во всевозможные временные и постоянные комиссии, а также избирали его в состав подведомственных им организаций. Например, в 1911 г. П.В.Иванов одновременно входил в попечительные советы 1-ой и 2-ой женских гимназий Екатеринбурга, аналогичного совета Верх-Исетского сирото-воспитательного дома имени С.А.Петрова, был членом общества вспомоществования недостаточно обеспеченным ученицам 1-ой женской гимназии и т.д. Занимая эти должности, он отнюдь не выступал в роли свадебного генерала. Находясь в составе любой общественной организации, Павел Иванов стремился приносить практическую пользу. Так, вступив в екатеринбургский филиал российского общества Красного Креста, он стал ежегодно вносить по 360 рублей на содержание одной койки в детской больнице. В качестве попечителя различных учебных заведений П.В.Иванов регулярно выделял средства на проведение новогодних праздников и оказывал другую помощь. Именно такие поступки позволили одному из местных журналистов охарактеризовать Павла Васильевича как «капиталиста без жадности и волчьей повадки драть три шкуры со всего и со всех»[8].

Будучи членом попечительного совета 2-й женской гимназии, П.В.Иванов много сделал для того, чтобы убедить городскую думу выделить участок земли в 4700 кв. сажен под строительство нового здания для этого учебного заведения. Павел Васильевич в качестве члена строительной комиссии принял самое деятельное участие в контроле за процессом сооружения здания. Выступая в январе 1913 г. на празднике, посвященном открытию нового учебного помещения, он признался, что для него и для всех членов строительной комиссии главной задачей являлось, чтобы «2-я женская гимназия – по устройству своему лучшее украшение города – сделалась бы для учащихся и учащих родной и любимой гимназией»[9].

Для П.В.Иванова была характерна постоянная забота о развитии системы народного образования. Помимо того, что он много сделал как попечитель ряда учебных заведений, Павел Васильевич принял непосредственное участие в борьбе за открытие горного института в Екатеринбурге, университета в Перми, а также екатеринбургского коммерческого училища. Добиваясь открытия этих учреждений, он неоднократно участвовал в переговорах с чиновниками вышестоящих государственных структур. Изрядно поднаторев в защите корпоративных интересов уральских предпринимателей, П.В.Иванов приобрел огромный опыт работы с властными структурами российского государства, а также обзавелся полезными связями в петербургских бюрократических кругах. Добиваясь решения того или иного вопроса в пользу Урала, Павел Васильевич применял самые разные методы для достижения цели. Он неоднократно прибегал к составлению для вышестоящих государственных структур всевозможных докладных записок, но предпочтение отдавал личным контактам. Во время одного из думских заседаний Павел Васильевич заявил, что «личное разъяснение всех возникающих по вопросу сомнений имеет огромное преимущество перед докладными записками»[10]. Органы местного самоуправления, учитывая эти соображения П.В.Иванова и зная его умение производить благоприятное впечатление на чиновников, регулярно поручали ему защиту своих интересов. Поэтому нижеследующее газетное объявление выглядит абсолютно типичным: «Выехавшему на днях в Санкт-Петербург и Москву гласному думы П.В.Иванову, которому поручено лично поддержать в столицах некоторые из городских ходатайств, переданы из городской управы все необходимые материалы и сведения по ходатайствам о скорейшем открытии в Екатеринбурге горного института, о переводе управления Сибирской железной дороги в Екатеринбург и по вопросу о залоге театров»[11].

Оказываясь в столицах, Павел Васильевич не только вел необходимые переговоры, но и активно работал над созданием группы поддержки екатеринбургских ходатайств, привлекая для этой цели различных влиятельных людей. Так, решая

задачу об открытии горного института, он подключил к этой работе своего брата Анатолия, который в 1913 г стал членом Государственной думы от Рязанской губернии. А.В.Иванов сочувственно отнесся к ходатайству Екатеринбурга и через думские комиссии постарался оказать содействие благоприятному его разрешению

Период 1910–1913 гг для П.В.Иванова был не менее насыщенным, чем предыдущие годы. Он продолжал сотрудничество со всеми вышеупомянутыми организациями, успевая принять деятельное участие в работе новых общественных структур: был избран членом общества взаимного кредита, вошел в правление семейно-педагогического кружка, стал действительным членом Уральского общества любителей естествознания и членом правления общественной библиотеки имени Белинского и т.д. Это стремление к разнообразию форм общественной деятельности сохранилось у Павла Васильевича и в годы Первой мировой войны. В частности, он был избран земством и утвержден сенатом на должность почетного мирового судьи по Екатеринбургскому уезду Несколько ранее, в 1913 г Павел Васильевич был избран уполномоченным Уральского страхового общества, а в мае 1914 г вошел в состав комиссии по разработке устава этой организации С началом военных действий П.В.Иванов принял непосредственное участие в создании городского и уездного общественных комитетов по оказанию помощи семьям запасных, а также Уральского военно-промышленного комитета.

В годы войны на долю Павла Васильевича выпало немало испытаний, так как его общественные нагрузки многократно возросли. Наиболее трудным делом оказалась организация Уральского областного военно-промышленного комитета. В конце июня 1915 г состоялось совещание общественных деятелей и предпринимателей, на котором П.В.Иванов был избран председателем комитета. Перед новоиспеченным председателем и его коллегами встала сложнейшая задача – организация производства военной продукции. Правда, подобная задача стояла и перед соответствующими государственными структурами, что позволяло разграничить сферы деятельности, но одновременно создавало опасность дублирования В этом же направлении работали специально созданные заводские совещания, а также военно-промышленный комитет, образованный владельцами уральских горных округов, штаб-квартира которого находилась в Петрограде. Обилие организаций, контролирующих выполнение военных заказов, не могло не породить столкновений между ними

Результатом таких столкновений стала жалоба председателя заводского совещания П.И.Егорова пермскому губернатору, в которой он писал: «Из постоянных сношений с заводами, а также из известных мне фактов я вижу, что деятельность Уральского областного военно-промышленного комитета приняла давно уже направление вредное для обороны»[12]

Этот вывод П.И.Егорова был продиктован в основном желанием бросить тень на конкурирующую организацию. В реальности же Уральский областной военно-промышленный комитет, преодолев большую часть сложностей организационного периода, сумел сыграть важную роль в переводе региональной экономики на военные рельсы. Павел Васильевич Иванов и его сподвижники, учтя возможность дублирования деятельности однотипных организаций, правильно выбрали направление, сосредоточившись «на работе по созданию для предприятий, исполняющих военные заказы, возможно более благоприятных условий в смысле обеспечения их рабочей силой, необходимым топливом, сырыми и полуобработанными материалами и т п.»[13] Кроме того, комитет сыграл важную роль в распределении военных заказов, так как его члены прекрасно знали возможности уральской промышленности, особенно средней и мелкой.

Основной же в деятельности военно-промышленного комитета являлась организация своевременной помощи заводам, выполнявшим военные заказы Эта помощь была разнообразна и многопланова. В частности, при комитете было организо-

вано изготовление чертежей военной продукции, которые затем отправлялись на нуждающиеся в них предприятия. Помимо этого, техническое бюро комитета наладило выпуск необходимых инструментов для потребностей военного производства. Не менее эффективной была деятельность комитета по обеспечению заводов квалифицированными кадрами, правда, она в основном сводилась к посылке в центральный военно-промышленный комитет рабочих

Роль П.В.Иванова в деятельности комитета была значительной и заключалась прежде всего в умелой организации повседневной работы. Павел Васильевич сумел обеспечить комитет работоспособными и энергичными кадрами. Например, делопроизводственную часть взял на себя секретарь биржевого комитета И.И.Казанцев. Другие участки были поручены не менее опытным специалистам Одновременно Павел Васильевич, стремясь сделать комитет более эффективной организацией, своевременно информировал вышестоящие органы о всех препятствиях, мешавших деятельности военно-промышленных комитетов. Благодаря усилиям П.В.Иванова и его сотрудников Уральский военно-промышленный комитет сыграл значительную роль в организации производства боеприпасов, военного снаряжения и другой продукции.

Работа в различных организациях превратила П.В.Иванова в умудренного общественного деятеля, известного и популярного далеко за пределами Пермской губернии. 1917 г открыл новый период в его жизни, в котором значительная часть времени стала уходить на политическую борьбу С момента крушения самодержавия Павел Васильевич энергично поддержал Временное правительство и постарался оказать ему всевозможную помощь. Он принял самое деятельное участие в создании новых властных структур, в распространении «займа свободы» Он и его коллеги по мукомольному бизнесу предоставили свои мельницы в распоряжение демократических властей, кроме того, Павел Иванов лично участвовал в попытках решения продовольственного вопроса.

Местные кадеты, учитывая большой авторитет Павла Васильевича, выдвинули его кандидатом в Учредительное собрание, но преодолеть избирательное сито он не сумел. Вскоре Иванов, как и все российские кадеты, оказался автоматически зачислен большевиками в стан «врагов народа». Впрочем, его это не удивило. С приходом к власти большевиков он некоторое время продолжал работать в городской думе, заводском совещании, военно-промышленном комитете, где имел возможность тесно общаться с пролетарскими революционерами В конце концов, он пришел к твердому убеждению: «Нельзя работать вместе с теми, кто стоит на утопической и фантастической точке зрения и не способен к продуктивной работе»[14]. Это суждение было им высказано на одном из заседаний заводского совещания и вызвало неудовольствие большевиков.

С того момента, как Павел Васильевич оказался в числе «врагов народа», его следы временно теряются. С приходом в Екатеринбург чехословаков он возобновляет свою общественно-политическую деятельность, продолжая работать в уездном и губернском земствах, биржевом комитете, городской думе и других организациях. П.В.Иванов вновь принимает самое непосредственное участие в решении насущных вопросов, особенно продовольственного.

В годы гражданской войны П.В.Иванов испытал немало взлетов и падений Первым его взлетом был пост председателя Временного областного правительства Урала, который он занимал в августе–ноябре 1918 г Помимо председательского кресла, Павел Иванов одновременно занимал место главноуправляющего министерством торговли и промышленности. Временному правительству Урала не была суждена долгая жизнь, под давлением объективных обстоятельств оно было вынуждено самораспуститься и передать свои полномочия Сибирскому правительству Для

Павла Васильевича этот шаг был вполне естественным, так как он был сторонником сильной центральной власти, к тому же не был одержим честолюбием

Начиная с зимы 1918 г и до лета 1919 г Павел Васильевич не занимал крупных постов, ведя обычную общественную деятельность в привычных для него организациях. Лишь в июне 1919 г он был назначен главноуправляющим по уральской промышленности. Это был второй взлет П.В Иванова, который оказался более кратковременным, чем первый. Оставление колчаковскими войсками Урала сделало пост Павла Васильевича ненужным, поэтому он спустя некоторое время эмигрировал и оказался в Харбине, где активно сотрудничал с эмигрантскими кругами Дальнейшая его судьба неизвестна.

Несмотря на то, что общественно-политическая и предпринимательская деятельность П.В.Иванова была искусственно прервана, он сумел оставить яркий след в уральской истории. Он внес большой вклад в развитие уральской промышленности, становление земских и городских органов самоуправления, предпринимательских представительских структур. При его непосредственном участии произошло открытие многих медицинских и учебных учреждений, в том числе Пермского университета и Екатеринбургского горного института. Совокупность сделанного позволяет считать Павла Васильевича Иванова одним из крупнейших и талантливейших общественных деятелей Урала конца XIX – начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Зауральский край, 28 июня. 1913 г
2. Там же, 4 апреля, 1913 г
3. Уральская жизнь, 15 июня, 1919 г.
4. Уральское горное обозрение, № 23. 1 декабря, 1906 г.
5. Зауральский край, 1 января. 1916 г
6. Урал, 22 апреля. 1906 г
7 Отечественные ведомости, 12 июня, 1919 г
8. Уральская жизнь, 15 июня, 1919 г
9. Зауральский край, 16 января, 1913 г.
10. Уральский край, 4 апреля, 1909 г.
11 Голос Урала, 5 сентября, 1912 г
12. Зауральский край, 25 марта, 1917 г.
13. Уральская жизнь, 29 октября, 1915 г.
14. Зауральский край, 8 декабря, 1917 г.

P V.IVANOV, A FIGURE OF LOCAL SELFGOVERNMENT, IN THE EARLY 20th CENTURY URALS

The article depicts biography of the Ural businessman, engineer, social figure who invested a lot in the Ural industry's development, introduction of zemskoye and town's selfgovernment and businessmen representative structures. P V.Ivanov did much for the foundation of a number of medical and educational institutions, the Perm University and the Ekaterinburg Mining Institute among them.

V P Mikityuk

Т.В.Прощёнок

ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА XIX – НАЧАЛА XX В. (ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА)

История формирования еврейской диаспоры на Урале, как и в других внутренних регионах России, относится к числу малоизученных вопросов. Между тем эта тема принципиально важна и для изучения роли еврейской диаспоры в развитии региона, и для характеристики существовавшей в России практики управления жизнедеятельностью религиозно-этнических общин.

До конца XVIII в. евреи в России почти не проживали или появлялись в её границах эпизодически. Ситуация драматически изменилась после разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг., когда к России отошли территории со значительным – самым многочисленным в Европе – еврейским населением. В силу укоренённых религиозных предрассудков при определении правового статуса евреев эти новые российские подданные были причислены к «инородцам» и подчинены действию особых законоположений (на евреев, принявших христианство, эти законоположения, соответственно, не распространялись)[1] Указом Екатерины II от 23 декабря 1791 г для еврейского населения Российской империи была введена «черта оседлости», ограничившая право его проживания территорией Белоруссии, Екатеринославского наместничества и Таврической области[2] Впоследствии область еврейской оседлости то сужалась, то расширялась, а к началу XX в. евреи имели право селиться в десяти губерниях царства Польского и пятнадцати губерниях юго-запада России[3] Параллельно с определением прав еврейского населения на жительство в империи, в российском законодательстве появляются ограничительные постановления, регламентирующие социально-экономический и правовой статус евреев В общей сложности к началу XX в. было издано более 500 таких положений, правил и циркуляров. За более чем сто лет была сформирована громоздкая, весьма запутанная нормативная система, постоянно вступавшая в противоречие с объективными условиями и потребностями экономической жизни страны.

Несмотря на то, что с установлением «черты оседлости» свобода передвижения и поселения евреев за её пределами была ликвидирована, уже в первой половине XIX в возникают еврейские диаспоры во внутренних губерниях России, в том числе на Урале Миграции еврейского населения из «черты оседлости» были обусловлены рядом факторов внутренней политики, а также появлением в российском законодательстве в 60–70-е гг XIX в. положений, разрешавших проживание вне «черты оседлости» отдельным социальным группам еврейского населения. Процесс формирования уральской диаспоры имел некоторую специфику, связанную прежде всего с преобладанием в регионе горнозаводской промышленности и особой ролью горной администрации в социально-экономической жизни края. В этой связи регламентация правового статуса еврейского населения на Урале осуществлялась не только по общероссийским законам, но и в соответствии с положениями, касающимися пребывания и деятельности евреев в уральских губерниях. Эти положения были представлены именными указами, распоряжениями высших органов законодательной и исполнительной власти, а также циркулярами и постановлениями органов местной власти. Первостепенное внимание уделялось определению прав еврейского

населения в сфере горнозаводского хозяйства, горного дела и золотопромышленности, а также прав евреев на пребывание и службу в округах горных заводов Большое количество циркуляров и предписаний Пермского губернского правления касалось вопросов полицейского надзора за прибывающими на Урал евреями.

Одним из первых правовых актов, относящихся к пребыванию евреев на Урале, является указ Александра I от 19 декабря 1824 г Поводом к его изданию послужила поездка императора по Уральскому хребту, в ходе которой им было замечено, что «евреи, вопреки государственных узаконений, стекаются на горные заводы, и, занимаясь тайною закупкою драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков» Очевидно, что пребывание евреев на территории Урала носило незаконный характер, в связи с чем данным указом горному начальству предписывалось, «чтобы евреи отнюдь не были терпимы как на казённых и на частных заводах, в горном ведомстве состоящих, равно и в Екатеринбурге, ни проездом, ни жительством»[4] Указ 1824 г носил конфиденциальный характер и не был включён в Свод законов Российской империи, однако долгое время служил основанием для распоряжений, ограничивавших проживание и службу евреев в Екатеринбурге и на уральских горных заводах Исполнение указа неукоснительно проводилось до тех пор, пока существовала горнозаводская полиция, а именно – на заводах до 1861 г , в Екатеринбурге до 1863 г [5]

16 августа 1828 г. вышел указ Сената, касающийся пребывания евреев на государственной службе. По существующим постановлениям евреям было запрещено поступать на гражданскую службу Указ предписывал губернаторам провести проверку, не состоят ли на службе в государственных учреждениях евреи, не принявшие христианства. На основании проверки казённых заводов горный начальник Екатеринбургских заводов представил в Пермское губернское правление рапорт от 18 февраля 1829 г в котором сообщалось, что «евреев, не принявших христианской веры, по всему здешнему ведомству не состоит»[6]

Начало формированию еврейской диаспоры Урала, очевидно, положили ссыльные евреи. Пермь была крайним западным пунктом, где таковым было разрешено селиться. В первой четверти XIX в. в Перми появляются первые еврейские жители – ссыльные контрабандисты и лица, проходившие по Велижскому делу (обвинение в ритуальном убийстве)[7]

С введением для евреев натуральной рекрутской повинности указом от 26 августа 1827 г на Урал начинают прибывать значительные партии евреев-кантонистов. Устав рекрутской повинности 1827 г допускал приём от евреев рекрут с 12 лет. Такие малолетние рекруты поступали в специальные заведения (батальоны военных кантонистов), учреждённые для подготовки к военной службе. По достижении 18 лет кантонисты поступали на действительную военную службу[8] Институт кантонистов, просуществовавший до 1856 г , был средством принудительной ассимиляции еврейского населения Российской империи через отрыв их от своей этнической среды и обряд крещения. Пермские батальоны благодаря стараниям местного духовенства и военного начальства прославились своей миссионерской деятельностью. Так, в 1837–1842 гг в Перми было обращено в православие свыше 380 мальчиков[9] В период с 1840 по 1843 гг в Пермских батальонах было крещено 613 человек, а к июлю 1845 г здесь не осталось ни одного необращённого еврея-кантониста[10] Подобные успехи достигались, как правило, принудительными мерами.

25 июня 1867 г было издано положение об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов, согласно которому нижние чины из евреев получили право повсеместного проживания в империи и право повсеместно приписываться с жёнами и детьми в мещанство и купечество[11] Отставные солдаты-евреи привозили себе невест с родины или роднились со ссыльными. В 30–60-е гг XIX в. отставные нижние чины – бывшие кантонисты – составляли основное ядро еврейской

диаспоры Урала. Несмотря на то, что процесс формирования диаспоры сопровождался частичной ассимиляцией евреев за счёт последовательно проводившейся в батальонах кантонистов политики христианизации, основная часть еврейского населения сохраняла свою традиционную конфессиональную принадлежность. многие из крещёных евреев тайно оставались иудеями или переходили обратно в иудаизм. В основном именно отставные нижние чины первыми наиболее успешно интегрировались в экономическую жизнь региона. В 40–50-е гг XIX в. в городах Пермской губернии начинают появляться первые торговые лавки, содержателями которых были евреи. Так, в 1840 г в Екатеринбурге открылось часовое производство Анцелевич[12], а в 1850 г в Перми возникает торговый дом «Зелик Эпфельбаум с сыновьями», основателем которого был николаевский солдат[13]

Источники дают противоречивую информацию о численности еврейского населения Пермской губернии в середине XIX в. В 1858 г в губернии проживало 480 евреев[14] В 1860 г здесь отмечено 309 человек иудейского вероисповедания[15] По сведениям за 1865 г в Пермской губернии проживало 259 евреев[16] Очевидно, что эти данные носят лишь приблизительный и фрагментарный характер, как в силу погрешностей учёта, так и в связи с постоянно варьировавшей численностью евреев, прибывавших в регион и покидавших его.

Проникновение евреев во внутренние губернии России, в том числе и на Урал, усилилось с начала 60-х гг XIX в. Это было обусловлено изданием целого ряда законодательных положений, разрешавших поселение вне «черты оседлости» определённым категориям еврейского населения. Началась качественно новая волна миграции евреев на территорию Пермской губернии, связанная с буржуазными реформами 1860–1870-х гг Так, закон 16 марта 1859 г разрешал поселение вне «черты оседлости» евреям-купцам первой гильдии: Они получили право приписываться в купечество вместе со своими семействами во всех городах Российской империи и Закавказья при условии, что они состояли в первой гильдии не менее двух лет до издания этого закона или не менее пяти лет после. По закону 24 ноября 1861 г евреи, имевшие дипломы на ученые степени доктора медицины, а также на ученые степени доктора, магистра или кандидата по другим факультетам университета, допускались на службу по всем ведомствам, без ограничения места их пребывания «чертой оседлости» Им разрешалось также постоянное пребывание во всех губерниях империи для занятия торговлей и промышленностью. Этот закон в 1865, 1866 и 1867 гг был распространен на евреев-врачей, не имеющих высшей ученой степени, а в 1872 г на евреев, окончивших курс в Санкт-Петербургском технологическом институте. Высочайшим повелением 19 января 1879 г право повсеместного жительства было предоставлено евреям, окончившим курс в высших учебных заведениях, аптекарским помощникам, дантистам, фельдшерам, акушерам, а также изучающим фармацевтическое, фельдшерское и повивальное искусство. Согласно закону 28 июня 1865 г право проживания вне «черты оседлости» предоставлялось евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам вместе с их семействами. Евреям до 18 лет, даже если они не принадлежали к ремесленному сословию, было дозволено приезжать в местности вне «черты оседлости» для обучению ремеслу с ограничением срока их пребывания там не более пяти лет[17]

Перечисленные постановления способствовали заметному приросту еврейского населения на Урале. По данным 1877 г численность жителей еврейской национальности в Пермской губернии составляла 1141 чел [18] Источники свидетельствуют о притоке евреев в уральские губернии и в 80-е гг XIX в. Газета «Екатеринбургская неделя», в частности, сообщала в 1883 г »В последнее время Екатеринбург стаёт пунктом, куда идёт переселение евреев. Что ни день, то видишь всё новые и новые лица»[19] Перепись 1887 г зарегистрировала численность евреев в Ека-

теринбурге в 238 чел.[20], тогда как, согласно переписи 26 марта 1873 г в городе проживало только 13 евреев[21]

Далеко не всегда переселение евреев во внутренние губернии имело законные основания. Часть из них не имела права жительства вне «черты оседлости», однако благодаря недостаточному надзору со стороны местной администрации успевала не только поселиться, но и вступить в торгово-экономические отношения с местным населением. Выселение незаконно проживающих евреев могло стать причиной разорения значительного числа лиц, связанных с ними экономическими отношениями, поэтому правительство вынуждено было приостановить его В апреле 1880 г. Министерством внутренних дел губернаторам было предложено не высылать из губерний евреев, незаконно поселившихся в них до 3 апреля 1880 г Местные власти фактически приобретали в этом вопросе самостоятельность. Они не всегда руководствовались этим циркуляром или, напротив, разрешали на его основании селиться в губерниях евреям, не имевшим на это по закону никаких прав[22] Таким образом, приток еврейского населения в Пермскую губернию носил двоякий характер: прибытие на жительство лиц, имевших официальное разрешение на проживание вне «черты оседлости», и лиц, незаконно селившихся здесь

После ликвидации заводской полиции в 1861–1863 гг евреи начинают появляться на территориях горных округов. Миграция еврейского населения сюда усилилась с развитием железнодорожного строительства и вводом в эксплуатацию в 1876 г Уральской горнозаводской железной дороги[23] Местные власти стремились воспрепятствовать водворению евреев в округах горных заводов. В своих действиях они опирались на указ Александра I от 19 декабря 1824 г и на приказ управляющего Министерством государственных имуществ от 25 июля 1886 г Этот приказ, носивший секретный характер, по сути, являлся подтверждением закона 1824 г Согласно приказу, за лицами иудейского вероисповедания сохранялись те права по горному делу в пределах казённых и частных заводов, которыми они пользовались до сих пор, впредь же евреи не допускались до ведения этих дел в горных округах. При переходе к евреям по каким бы то ни было актам горных заводов или приисков в пределах горных округов, или права доверенного участия в управлении заводами или приисками от других частных лиц, евреи категорически не допускались к исполнению таких функций. Кроме того, им запрещался поиск полезных ископаемых в округах горных заводов[24]

Приказ 1886 г дал местным властям уральских губерний основание для увольнений служащих в горном ведомстве. Ходатайства о принятии на службу в заводы, поданные после издания приказа, отклонялись. Вместе с тем, в 80–90-е гг XIX в. в округах горных заводов продолжали службу евреи, состоявшие на ней ещё до выхода приказа или откомандированные на горные заводы с разрешения министра государственных имуществ. Это были в основном горные инженеры и механики[25]

Спектр занятий евреев, проживающих в округах горных заводов, не ограничивался службой в горном ведомстве. Среди прибывавших были ремесленники, а также те, кто занимался поставками и торговлей (в том числе золотыми вещами)[26] В 1872 г приказом министра финансов от 23 июля евреи были допущены к занятию золотопромышленностью в Сибири. Право на этот вид промысла получили следующие категории: 1) водворённые в Сибири до 15 мая 1837 г и их потомки, 2) имеющие дипломы на учёные степени; 3) отставные и бессрочно-отпускные нижние чины, 4) купцы первой гильдии[27] Впоследствии право евреев на занятие золотопромышленностью было закреплено в Уставе горном изд.1893 г «Из евреев допускаются к производству золотого промысла, кроме имеющих законное жительство в местах сего промысла, также и те, коим действующими узаконениями разрешено пребывание во всех губерниях и областях Российской империи»[28] Первые сведения о евреях-золотопромышленниках относятся к середине 1880-х гг

В числе занимающихся в Уральской горной области золотопромышленностью были евреи И.Д.Красносельский, Л.Б.Хотимский, а также известный общественный деятель и меценат барон Давид Гинцбург[29]. К 1900 г. относятся материалы о выдаче евреям свидетельств на право заниматься золотым промыслом. В свидетельствах строго оговаривалось условие, что это право не распространяется на округа горных заводов, в которых, по закону 1886 г. евреям запрещалось вести добычу золота[30].

К началу XX в. миграция еврейского населения на Урал становится ещё более активной. Это связано, в частности, с экономическим подъёмом, сопровождавшимся развитием ремесленного производства и торговли – традиционных занятий евреев. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в Пермской губернии проживал 1761 еврей, из них 1490 (84,6%) – в городах. В целом еврейское население составляло около 0,06% всего населения губернии[31]. В 1910 г. в губернии проживало уже около 2500 евреев, в том числе в Перми 1638 (2,6% от всего населения города), в Екатеринбурге 343 (0,5%), в Нижне-Тагильском заводе – 140 (0,3%)[32].

Рост численности уральских евреев был обусловлен постоянной миграцией из «черты оседлости» купцов и ремесленников. К началу XX в. они составляли большинство еврейского населения Урала. Так, согласно рапортам окружных инженеров и начальников заводов, в 1902–1903 гг. в 11 горных округах и 2 заводах Урала проживало 75 евреев с семействами. Из них 37 были ремесленниками и 20 – торговцами[33]. В 1909 г. в Нижне-Тагильском заводе проживало 127 евреев, из которых 29 были заняты в какой-либо сфере деятельности. Из них 14 были ремесленниками, 9 – владельцами магазинов[34]. По сведениям за 1913 г. в Верхотурском уезде проживало 82 еврея (исключая несовершеннолетних), из которых 62 имели какое-либо занятие. 29 из них были ремесленниками, 17 – владельцами лавок и магазинов[35]. Кроме того, часть евреев (горные инженеры и механики) состояли на службе в горных заводах. Вопреки приказу 1886 г. администрация заводов по разным соображениям находила возможным принимать евреев на службу. Среди прибывавших на жительство в Пермскую губернию были также провизоры, помощники аптекарей, дантисты, врачи.

Процесс миграции еврейского населения на Урал находился под более или менее строгим контролем органов полиции. Особое внимание обращалось на хозяйственную деятельность евреев, поскольку в законодательстве род этой деятельности в большинстве случаев был напрямую связан с правом проживания вне «черты оседлости». Согласно Положению о видах на жительство 1900 г. евреи пользовались правом временного или постоянного проживания за её пределами[36]. Правом постоянного проживания обладали отставные нижние чины, их потомки и жёны, купцы первой гильдии, а также, согласно именному указу от 11 августа 1904 г. евреи-участники русско-японской войны[37]. Ремесленникам, приказчикам, дантистам, аптекарям, фельдшерам, акушеркам пребывание вне «черты оседлости» дозволялось временно, при условии занятия своей специальностью. В том случае, если еврей, получивший разрешение проживать вне «черты оседлости» на основании документов, удостоверяющих его квалификацию, обращался к иному виду деятельности, он подлежал высылке в место приписки[38].

На практике случаи нарушения евреями этого условия были нередки. Так, в 1913 г. из губернии в место приписки был выслан некто Вексельман. Он имел аттестат Кишинёвской ремесленной управы на звание мастера по выпечке бубликов, на основании которого ему было разрешено проживать вне «черты оседлости». В Верхотурском уезде в поселке № 7 Вексельман открыл хлебопекарню, но вскоре выяснилось, что сам лично он выпечкой не занимался, а был доверенным лицом екатеринбургского купца М.М.Соловейчика по заготовке шпал[39]. В циркуляре пермского губернатора от 19 сентября 1909 г. содержатся сведения о том, что « в

одном из уездов губернии оказался проживающим еврей, по профессии дантист, который своей специальностью не занимается, а состоит представителем чайной фирмы». Циркуляр предписывал полицмейстерам и исправникам строго наблюдать «за правильным проживанием во вверенных им районах евреев»[40] Циркуляр Пермского губернского правления от 8 января 1914 г предписывал полицейским чиновникам представить отчёт о всех проживающих в Верхотурском уезде евреях-аптекарских помощниках, фельдшерах, дантистах и повивальных бабках, с указанием, кто из них занимается своей специальностью, а кто торговой или иной деятельностью[41] Известны случаи, когда евреи, получившие разрешение на временное проживание вне «черты оседлости» для торговых дел, в действительности не занимались таковыми. Заручившись доверенностями от купцов, они поступали в учебные заведения, местные театры или на службу в частные учреждения. В этой связи 10 декабря 1911 г был издан именной указ, предписывавший местным органам власти тщательно следить за прибывающими евреями и пресекать факты подобного рода[42]

Повышенное внимание со стороны местной полиции уделялось контролю за наличием у прибывавших евреев документов, удостоверяющих их право на занятие определённым видом деятельности вне «черты оседлости» Ремесленники должны были представить свидетельства на звание мастера или подмастерья, полученные в одном из городов «черты оседлости», имеющих цеховое устройство. Ремесленники, занимающиеся нецеховыми видами ремесла, должны были иметь удостоверения, полученные у заводчиков или фабрикантов, в заведениях которых они обучались, о знании своего ремесла[43] Нередко при рассмотрении подобных документов местная полиция находила, что они не дают права проживания вне «черты оседлости», так как удостоверяют «лишь приписку к ремесленному сословию, а не знание своего ремесла» Вместе с тем, несмотря на то, что свидетельства о знании ремесла должны были быть получены в «черте оседлости», в полицейское управление представлялись свидетельства, полученные уже в Пермской губернии Так, мещанин Витебска З Фомин в 1910 г получил такое удостоверение у Конторовича и Анцелевич, владельцев часовых мастерских в Екатеринбурге. Некто Шохан в 1909 г получил свидетельство от часового магазина Гуткиной в Нижне-Тагильском заводе[44] Предъявление таких свидетельств часто не встречало возражений полиции. Это ещё раз подтверждает то, что система законодательства по еврейскому вопросу представляла сложность даже для органов полицейской власти, которые с трудом ориентировались в обилии постановлений, регламентирующих правовой статус евреев.

Евреям-дантистам, аптекарским помощникам и акушеркам для получения вида на жительство в Пермской губернии, согласно циркуляру пермского губернатора от 6 октября 1913 г., требовалось в числе прочих документов (паспорта и свидетельства какого-либо университета) предъявить разрешение Врачебного отделения Пермского губернского правления на занятие своей специальностью[45]

В целом миграция еврейского населения на Урал сопровождалась активным включением евреев в экономическую жизнь региона. При этом далеко не всегда прибывавшие в Пермскую губернию евреи имели право проживания здесь. Эта ситуация была характерна для всей империи. В 1907 г выходит циркуляр Министерства внутренних дел, которым приостанавливалось выселение из внутренних губерний страны незаконно поселившихся евреев. В нём подчёркивалось.«Продолжительный период терпимости. и быстро развивавшаяся экономическая жизнь создали весьма сложные отношения евреев к лицам других вероисповеданий.. и порвать эти отношения иногда невозможно без значительного потрясения имущественных интересов обеих сторон »[46] Циркуляр 22 мая 1907 г повторял аналогичные постановления 1880, 1882 и 1893 гг Таким образом, со второй половины XIX в. тенденция к незаконному проникновению еврейского

населения за пределы «черты оседлости» всё более усиливалась. Возможности для этого давала, в частности, противоречивость законодательства по еврейскому вопросу, затрудняющая контроль над прибытием и проживанием евреев вне «черты оседлости». Незаконная миграция во внутренние районы страны, в свою очередь, стимулировала издание всё новых и новых ограничительных или разъяснительных постановлений центральных и местных властей, что ещё более усугубляло неэффективность законодательства.

Формирование и закономерности развития еврейской диаспоры Урала, как и других диаспор вне «черты оседлости», в конечном итоге были тесно связаны с основными тенденциями во внутренней политике государства. Так, буржуазные реформы 1860–1870-х гг которые включали в себя относительную либерализацию российского законодательства по еврейскому вопросу, а также создали благоприятные условия для быстрого экономического роста, значительно расширили возможности для миграции еврейского населения из «черты оседлости» в крупные промышленные и торговые центры, лежащие за её пределами

Хотя основное большинство евреев уральской диаспоры, как и повсюду, представляли ремесленники и торговцы, часть евреев, в силу их высокой квалификации и деловых качеств, становилась вопреки ограничениям необходимым социальным компонентом развития золотопромышленности и горнозаводского хозяйства в регионе.

В то же время одним из компонентов реакционной политики Александра III и Николая II было ужесточение антиеврейских законодательных мер. Российское законодательство по еврейскому вопросу носило, таким образом, явный отпечаток борьбы консервативного и либерального направлений во внутренней политике. Очевидно, что законодательные акты, принятые в разные периоды жизни государства, неизбежным образом вступали в противоречие друг с другом, создавая простор как для злоупотреблений властей, так и для обхода правовых запретов евреями. Ярким примером тому может служить регламентация социально-экономического и правового статуса еврейского населения горнозаводского Урала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Евреи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т 11 С. 454.
2. *Гессен Ю* История еврейского народа в России. М., Иерусалим. 1993. С. 7
3. Жительство // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.. Изд. общ-ва для научных еврейских изд. и изд-ва Брокгауза-Ефрона. Т 7 С. 591–595.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф 24. Оп.32 Д. 4560. Л. 3.
5. Там же. Л. 1–1 об.
6. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2257 Л. 1–23.
7. *Бурштейн А.М., Бурштейн Б.И* Формирование еврейского населения города Перми // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М. 1987 С. 92–93.
8. Кантонисты // Еврейская энциклопедия. Т 9. С. 242.
9. *Бурштейн А.М., Бурштейн Б.И.* Формирование еврейского населения города Перми. С. 92.
10. *Гинзбург С.М.* Мученики-дети // Еврейская старина. Л., Изд. еврейского историко-этнографического общества. 1930 Т 13 С 58
11. Евреи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1893. Т. 11 С. 457
12. Зауральский край. 1917 20 окт
13. ГАСО. Ф 621 Оп 1 Д. 255 Л. 153.
14. Пермская губерния // Еврейская энциклопедия. Т 12. С. 444

15. *Мозель Х* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб 1864. Ч 1 С. 292.
16. Пермская губерния // *Семёнов П* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т 4. С. 61
17 Евреи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т 11 С. 457
18. Екатеринбургская неделя, 1879. 5 сент.
19. Екатеринбургская неделя, 1883 7 дек.
20. *Весновский В.А.* Весь Екатеринбург Справочник-ежегодник Екатеринбург 1903 С 17
21. Там же. С. 16.
22. ГАСО Ф 62. Оп. 1 Д. 87 Л 27-27об.
23: ГАСО. Ф. 24 Оп. 32. Д. 4560. Л. 1 об.
24. Там же. Л. 8-9.
25. Там же. Оп. 24. Д. 8170. Л. 1-19; ГАСО Ф. 24. Оп 24. Д.8165. Л 1-9
26. Там же. Оп. 32 Д. 4560. Л 1об.
27 Там же. Оп. 23 Д. 393. Л 15-15об.
28. Там же. Л. 13
29. Там же. Оп. 32 Д. 4560. Л 1 об.-2.
30. Там же Оп. 23. Д. 393. Л. 1-56 об.
31. *Фиельструп Ф.А.* Этнический состав населения Приуралья. Л Изд-во АН СССР 1926. С 25
32. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 714-715.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 8165. Л. 36-59.
34. ГАСО. Ф. 621 Оп. 1 Д. 255. Л. 535-539 об.
35. Там же. Л. 212-239.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 393. Л. 14-14 об.
37 ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 255. Л. 181-181 об.
38. Там же. Л. 38, 94.
39. Там же. Л. 38.
40. Там же. Д. 258. Л. 3-3 об
41. Там же. Д. 255 Л. 91
42. Там же Д. 258. Л. 26.
43. Там же. Д. 238. Л 13.
44. Там же. Д. 255. Л. 515-518 об.
45. Там же Л 320
46. ГАСО. Ф 62 Оп. 1 Д. 435. Л 21-22об.

JEWISH DIASPORA IN THE MINING URALS IN THE 19–20th CENTURIES. STATE REGULATION OF THE JURIDICAL, SOCIAL AND ECONOMICAL STATUS

State regulation of the possibilities of stay, economical activities and state service for jewish population inhabited mining districts of the Urals is analyzed in the article. The author states that legislation concerning these subjects was discrepant This gave scope for abuse on the part of administration, on the one hand, and for the evasion of the legal prohibitions by the Jews on the other.

T V.Proshchyonok

А.В.Бакунин

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИКАМИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР В ЭКОНОМИКЕ (1917 – 1920-е гг.)

Создание партийной диктатуры, утверждение социалистической идеологии, организация монополии на средства коммуникации, повсеместного полицейского насилия позволили большевикам заложить основы тоталитарной власти в политической, правовой и духовной жизни советского общества Но этого было недостаточно. Чтобы утвердиться окончательно, требовалось установить полный контроль над экономикой Большевики встали перед необходимостью монополизации собственности и утверждения централизованного управления хозяйством, то есть введения тоталитарных структур управления в экономике Однако Россия, гораздо более отсталая среди других капиталистических стран, не располагала развитыми производительными силами, которые к тому же были подорваны Первой мировой войной, в стране остро ощущался недостаток средств производства П Э Струве, крупнейший специалист в области экономики, отмечал «Экономическая бессмысленность и историческая нелепость русского коммунистического (социалистического) опыта состоит, между прочим, в том, что для него как хозяйственной системы отсутствует самая основная экономическая предпосылка, из которой вообще выросла вся марксистская организационно-экономическая идея социализма как могильщика и наследника капитализма – производственное обилие, созданное самим же капитализмом»[1]

В.И.Ленин неоднократно говорил, что Россия не готова для непосредственного введения социализма, что в ней отсутствуют для этого экономические и социокультурные предпосылки[2] Это вытекало из хорошо известного марксистского положения о том, что волевое, внеэкономическое введение обобществления собственности при недостатке средств производства и низком уровне развития производительных сил с неизбежностью приведет к развалу народного хозяйства, всеобщему распространению бедности и в итоге может «воскреснуть вся старая мерзость»[3]

И тем не менее большевики после захвата власти сразу же приступили к национализации и обобществлению производства. Понимая, что без захвата экономических позиций не удержаться у власти, они не только извратили марксизм, но и пошли на утопический эксперимент создания государства-коммуны с тоталитарными структурами управления, в том числе и в области экономики.

Уже с конца 1917 г сравнительно осторожная социально-экономическая политика уступает место «кавалерийской атаке на капитал» Не имея разработанной программы экономических преобразований, при отсутствии какого бы то ни было опыта руководства хозяйством страны, большевики развернули повсеместную национализацию промышленности, банков, транспорта и обобществление производства. Как свидетельствовал один из сотрудников ВСНХ, опытный юрист А Гурович, «порядка в этом вопросе не было абсолютно никакого. «Национализировал» всякий, кто хотел: местные «совнархозы», «исполкомы», «военкомы», – даже чрезвычайки в порядке карательных конфискаций Национализированное прежде всего подвергалось потоку и разграблению со стороны разнообразных местных властей, и лишь спустя продолжительное время ВСНХ отвоевывал и получал это предприятие обыкновенно в совершенно разобранном виде» Далее автор с болью пишет, что

«когда-нибудь архивы Высшего Совета Народного Хозяйства раскроют перед историком всю трагическую картину «обобществления»[4]

Первой была национализирована промышленность Урала – наиболее крупного индустриального региона России. К июлю 1918 г здесь были обобществлены орудия и средства производства 25 основных из 34 горнозаводских округов, в результате чего 85% предприятий главной отрасли – металлургической – перешло в руки государства[5] К концу гражданской войны все отрасли народного хозяйства страны, кроме аграрной, в основном были национализированы К 1 октября 1919 г было экспроприировано 2500 предприятий. В ноябре 1920 г новый декрет Совнаркома распространил национализацию на все «предприятия с числом рабочих более десяти или более пяти, но использующих механический двигатель»[6] По переписи 1920 г число национализированных предприятий (учтенных переписью) достигло 4877 с общим числом механических двигателей 22 тыс мощностью 1264 л.с но из них действовало только 2984, или 60% с общим числом рабочих до 983 тыс чел [7] За два года была достигнута концентрация в руках государства огромного числа промышленных предприятий. На национализированных предприятиях было сосредоточено подавляющее число занятых в промышленности рабочих Бывшие владельцы фабрик, заводов, фирм и руководящие инженерно-технические кадры подверглись репрессиям или эмигрировали за границу, остальная часть технической интеллигенции оказалась отстраненной от управления производством Управление промышленностью перешло в руки неграмотной и некомпетентной партийно-советской бюрократии.

Разграблению подверглись не только фабрики и заводы, акционерные общества, банки, но и мелкие производители. В письме Дзержинскому Ленин предписывает «взять их всех на учет». Имелись в виду лица, принадлежавшие к богатым классам, то есть обладавшие доходом в 500 руб. в месяц и выше, владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб а равно служащие банков, акционерных предприятий, государственных и общественных учреждений, которые были «обязаны в недельный срок со дня издания настоящего закона обзавестись потребительскими рабочими карточками для ведения еженедельных записей приходов и расходов и для внесения в книжки удостоверений от комитетов и учреждений»[8]. Этот декрет касался купцов, кустарей, служащих, творческой интеллигенции и прочих, имевших доход от 500 руб. в месяц и недвижимость в 1000 руб. Остальные, имевшие доход меньше, также должны были представлять в домовые комитеты заявления о своем доходе и месте работы

О тотальном контроле над собственностью и доходами говорит Постановление ВЦИК «О ревизии стальных ящиков» от 4 декабря 1917 г В России, как и в других странах, сотни тысяч людей привыкли держать свои сбережения в банках, пользуясь индивидуальными сейфами или, как их тогда называли, стальными ящиками В эти ящики перечислялись гонорары, дивиденды с акций, проценты с капитала и т п. Помимо национализации крупных коммерческих банков и создания государственного банка, большевики решили выявить владельцев всех индивидуальных сейфов В принятом постановлении говорилось. «Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке»[9] При этом золото в монетах и слитках конфисковывалось, а ящики уклоняющихся от ревизии клиентов вскрывались и их содержимое передавалось Государственному банку, в «собственность народа» Таким методом большевикам удалось выявить собственников, принадлежавших к «богатым классам» и конфисковать их накопления. Фактически состоялось ограбление десятков миллионов вкладчиков, которые десятилетиями своим трудом создали эти сбережения. Ремесленники, представители интеллигенции, служащие и т.д. то есть самодеятельное население, которое попало в составляемые большевиками списки «буржуев», было

обобрано «от имени пролетариата» Тем самым эта «мелкая буржуазия» (по Ленину) лишалась самостоятельности и превращалась в послушный слой, зависимый от тотальной монополии Советской власти[10]

Осуществляя «красногвардейскую атаку на капитал», большевики уничтожили всю систему торговли в стране, а любую продажу продовольствия объявили спекуляцией. В декрете от 10 ноября 1917 г «спекулянты» были объявлены врагами народа, а через три месяца Ленин дал указание, что «спекулянты расстреливаются на месте преступления». Иначе, говорил он, подавить буржуазию нельзя, поскольку она рождается из товарного производства

Большевистское руководство осуществляло национализацию под лозунгом «все для народа». Однако сегодня стали известны факты, свидетельствующие о вопиющем грабеже «буржуев» и о присвоении первыми лицами Советского государства огромных ценностей. Это в первую очередь относится к Свердлову, Зиновьеву, Володарскому, Урицкому, Ганецкому и многим другим[11] Одни хранили награбленные ценности в личных сейфах, другие поместили деньги в иностранные банки Насилие, осуществляемое в 1917–1918 гг не прибавило большевистским лидерам чувства прочности своей власти. Они готовили для себя запасные позиции на случай ухода в эмиграцию или в глубокое подполье.

Для централизованного руководства национализированной промышленностью в декабре 1917 г создается ВСНХ, а на местах губернские и даже уездные совнархозы. Организацию централизованного управления можно проследить на примере уральской промышленности. При ВСНХ было организовано бюро отдела металлов, которое осуществляло управление промышленностью региона. Начавшаяся концентрация производства привела к созданию на Урале районных промышленных объединений. В 1919–1920 г они оформляются в металлургической, горной и других отраслях промышленности со своими районными управлениями. Данные структуры финансировали подчиненные им предприятия, распоряжались фондами, комплектовали рабочую силу, добивались технологической взаимосвязи Это были по существу многоотраслевые, громоздкие объединения, заменившие старые горнозаводские округа, которые руководили большим числом предприятий Так, Екатеринбургскому райметаллоуправлению подчинялось 31 предприятие, Южно-Уральскому – 20, Высокогорскому – 18, Пермскому – 17 и т.д. Вместо бюро отдела металлов сначала создается Уральское отделение, преобразованное в сентябре 1920 г в промышленное бюро Президиума ВСНХ на Урале – Уралпромбюро, которому были подотчетны созданные районные управления с подчиненными им предприятиями индустрии. Всего в ведении Уралпромбюро насчитывалось 29 производственных объединений, в которых числилось более 1900 предприятий[12] Ему были также подчинены губернские СНХ, осуществлявшие руководство средней и мелкой (местной) промышленностью. Таким образом была обеспечена строгая централизация по линии: ВСНХ (отдел металлов) – Уралпромбюро – районные отделения и совнархозы – заводоуправления.

Такая централизация создавала возможность планирования Однако в силу некомпетентности и отсутствия опыта ВСНХ к решению задачи выработки единого хозяйственного плана так и не приступил вплоть до конца гражданской войны. Составленные программы развития отдельных отраслей по производству и снабжению не увязывались друг с другом. Свое неумение организовать работу государственного сектора ВСНХ стремился компенсировать грабежом оставшихся ненационализированных предприятий. Заключая договоры с хозяевами этих предприятий, ВСНХ требовал выполнения договорных обязательств только со стороны контрагентов, себя же связанным по договору ни в какой мере не рассматривал Как отмечал один из его ведущих работников А Гурович, ВСНХ «считал себя вправе по своему одностороннему усмотрению аннулировать договор или изменять его в любом

пункте и в любом смысле, хотя бы чрезвычайно отяготительном для контрагента, причем за последним Совет не признавал никакого права ни на отказ от измененного договора, ни на какие-либо компенсации за нарушение его договорных прав и интересов»[13] Такое отношение к предпринимателям ВСНХ мотивировал двумя соображениями. Во-первых, согласно большевистской доктрине, советское государство является главным распорядителем всеми имущественными правами хозяйствующих в социалистическом государстве граждан и, во-вторых, при новом строе хозяйственной свободы граждан не существует, каждый является лишь исполнителем повелений центральной хозяйственной власти. Совнарком жалобы предпринимателей на ВСНХ не рассматривал, а попытки обращения в советский суд не давали результатов. ВСНХ при осуществлении своих требований «действовал совершенно самостоятельно, насильственно реализуя их и карая арестом за самую бледную тень противодействия или протеста»[14]

Деятельность всех подразделений ВСНХ была поражена взяточничеством и коррупцией. Об этом в январе 1921 г весьма красноречиво свидетельствовал другой служащий ВСНХ, сотрудник лесного главка Рапопорт «Суммы отдельных взяток и хищений варьируются, смотря по роду проводимой операции и по чину берущего, от тысяч до миллионов рублей»[15] В итоге «многие заводы, по нелегальным сделкам перешли из рук прежних владельцев в собственность нынешних фактических хозяев Во всем этом в особенности отличаются коммунисты и полу-коммунисты, занимающие наиболее ответственные места членов коллегий, начальников Управлений, представителей важнейших местных органов»[16] «При этой путанице и бестолковости, – пишет другой сотрудник ВСНХ, – которые пропитывали собою всю жизнь Высшего Совета Народного Хозяйства, можно было проделывать, что угодно. Можно было получить крупный аванс на какие-либо «важные» расходы и преспокойно обратить его в свою пользу в полной уверенности, что никто о нем более не вспомнит можно было даже при «очень большой деятельности» вернуть через несколько месяцев этот аванс, как неизрасходованный, заработав в промежутке на этом оборотном капитале двойную или тройную сумму можно было безвозвратно торговать национализированными и конфискованными товарами, ибо никакого учета им при «обращении их в собственность государства», да и в дальнейшем не велось; можно было взыскивать с частных владельцев разные налоги и сборы, оставляя взысканное в свою пользу на тех же основаниях, на коих можно было присваивать и авансовые суммы; открывалось, наконец, самое широкое поле для поистине грандиозных взяток. Одни платили за освобождение их предприятий от национализации, другие – за выгодный для них договор подряда»[17] При отсутствии плана и опыта управления, создавшейся неразберихе и безбрежной коррупции в руководящих кругах тем не менее царило какое-то потрясающее легкомыслие, граничащее с верой в то, что все само собою образуется В итоге, «то, что было, разорялось, нового не возникало»[18]

Не лучше обстояло дело на местах, где предприятия попали в руки неграмотных и некомпетентных руководителей, выдвиженцев из рабочих-большевиков. Так, по решению I съезда представителей национализированных предприятий Урала, в Деловые советы заводов (заводоуправления) и округов избиралось 2/3 рабочих и 1/3 служащих. Возглавляли их, как правило, коммунисты, не имевшие не только специального, но и общего образования. Весьма характерно признание председателя Делового совета Верх-Исетского горного округа Н.М.Давыдова «Надо сказать, что и я вначале больше комиссарил, чем руководил производством»[19] О том, как было организовано национализированное производство, писал председатель Центрального совета фабзавкомов Урала А.А.Андреев: «У нас пока каждый завод или каждое предприятие, существуя самостоятельно, регулируют у себя производство, как ему заблагорассудится Беря заказы, управление предприятия или фабрично-заводской

комитет совершенно не сообразуются с целесообразностью его исполнения. Точно так же происходит с распределением отработанных продуктов. Вся эта бессистемность, как в производстве, так и в распределении, несомненно, наносит громаднейший вред народному хозяйству»[20]

Неумение управлять обобществленным производством сверху, наладить его и организовать труд непосредственно на предприятии при отсутствии объективных стимулов к труду у рабочих привело к катастрофическому падению производительности труда и сокращению выпуска продукции во всем народном хозяйстве, которое усилилось с началом крупномасштабной гражданской войны Эксперимент не только не дал желаемых результатов, а наоборот, по существу привел к развалу народного хозяйства.

Причины провала в организации советского хозяйства объясняются не только тем, что русский опыт социализма был осуществлен в несозревших для этого условиях, но также и тем, что принципы социализма абсолютно несовместимы с нормальной хозяйственной жизнью, поскольку их суть подрывает производственную энергию труда, являющуюся основой всякой сложной хозяйственной жизни. «Коммунистический переворот, – подчеркивал Струве, – явился исходной точкой и условием экономической реакции совершенно определенного характера, реакции *натурально-хозяйственной*. Отмена частной собственности и свободы хозяйственной деятельности в городах, отмена, прошедшая разные стадии, но неизменно ведшая к одинаковым результатам, неуклонно подрывала производительные силы и разрушала производство»[21]

Большевики неоднократно заявляли, что, национализируя промышленность, они передают фабрики и заводы в руки рабочих – непосредственных производителей. На практике этого не произошло После первых месяцев национализации, когда рабочие Поволжья Урала и других промышленных центров. создавая Деловые советы, попытались сами управлять производством и распределять производимую продукцию, немедленно последовало строгое запрещение со стороны пришедшего к власти большевистского руководства. Ленин, заявив, что национализируемые предприятия являются «общим достоянием Советской республики», потребовал беспощадной борьбы с «анархо-синдикализмом»[22] Попытки передачи предприятий рабочим были пресечены, а «рабочая оппозиция», выступившая с данными предложениями, была разгромлена. В итоге буржуазная собственность оказалась не в руках рабочих и их организаций, а в руках государства, точнее нарождающейся советской номенклатуры, собственность была монополизирована государством.

Отмена института частной собственности на орудия и средства производства вела к отмене экономической свободы отдельного работника, его хозяйственной заинтересованности, обусловливала уравнительность и как следствие – деморализацию труда. Только экономическая независимость и свобода обеспечивают политическую свободу человека. Но если государство устанавливает монополию на собственность и делает наемниками все население, то оно тем самым закладывает политическое порабощение и вместе с тем гасит творческую потенцию личности. Разоблачая большевистский тезис «о социальном равенстве», Н.Бердяев справедливо писал, что оно ведет к снижению производительности труда и падению производства «Разделение труда. – отмечал он, – есть основа человеческого общества и человеческой культуры, основа дисциплины труда и его качественной иерархичности Количественное уравнение труда есть обида лучшим и подбор негодных, отрицание и истребление способностей и дарований, опыта и образования, призвания и гениальности»[23]

Не случайно, что кадровые рабочие еще в условиях революционной эйфории решительно выступили против уравнительности, за «буржуазную», сдельную оплату труда Главное заключалось в том, что они не стали настоящими хозяевами

орудий и средств производства. Вместо капиталистов ими теперь распоряжалось государство в лице новой партийно-советской бюрократии. Против нее, в частности, было направлено восстание рабочих Ижевского и Воткинского заводов весной и летом 1918 г. На очередных выборах в городские Советы в мае-июне кадровые рабочие выступили против большевистских порядков по уравнению и снижению зарплаты, за отставку Совнаркома и передачу власти Учредительному собранию. Они решительно осудили «комиссародержавие» – единоличную власть большевиков – и потребовали выполнения народной воли. Выборы в Советы закончились победой рабочих[24]. Один из участников восстания Н.Н.Иванов, выступая 1 июля 1922 г. на процессе правых эсеров, охарактеризовал «мятеж» как событие, в процессе которого «власть Советская была свергнута одними рабочими»[25]. Восстание рабочих было жестоко подавлено большевистской диктатурой. Недовольство рабочих «уравниловкой» имело место на многих предприятиях страны, а попытки советский историографии объяснить эти «контрреволюционные» выступления наличием на заводах «рабочей аристократии», мелкобуржуазной идеологией отсталых рабочих, подрывной деятельностью меньшевиков и эсеров выглядят идеологическим штампами и малоубедительны.

Государственная монополия на собственность в промышленности в первые годы Советской власти не привела к повышению производительности труда, она вызвала снижение заинтересованности рабочих и падение производства. В этом отношении весьма показательна промышленность Урала, которая была национализирована в первую очередь. В 1918 г. после обобществления некоторые предприятия за счет перенапряжения сил трудящихся, организации сверхурочных работ, использования имеющихся производственных заделов, под давлением большевистской агитации и принуждения наладили организацию труда, повысили производительность и начали выпускать продукцию. Но это не было типичным явлением. В целом крупная промышленность из месяца в месяц снижала производительность и сокращала выпуск продукции, а к концу гражданской войны оказалась в катастрофическом положении. Это особенно проявилось в главной отрасли – металлургии. К августу 1918 г. из 100 металлургических заводов действовало 90, из 89 доменных печей работала 51, или 62% от общего количества. Месячное производство чугуна, составлявшее 4437 тыс. пуд. в 1914 г., упало до 3210 тыс. пуд. в 1918 г. Из трех конвертеров, 88 мартеновских печей и 14 пудлинговых функционировало 59 мартеновских, 2 бессемеровских и 8 пудлинговых печей, или 66%. Среднемесячное производство на них сократилось с 4735 тыс. пуд. до менее 4 млн пуд. Производство кровельного железа и рельсов уменьшилось в 3,5 раза[26].

Аналогичная картина была характерна для всей страны. По данным промышленной переписи на 31 августа 1918 г., из 9774 предприятий 33 губерний РСФСР действовало 6088. Перестали функционировать 3686 предприятий, или около 40%, с числом рабочих более 75 тыс. чел.[27]. Падение производства продолжалось в конце 1918–1920 гг. В 1920/1921 хоз. году валовый оборот крупной промышленности Урала с 198,7 млн руб. в 1913 г. сократился до 27,7 млн руб. и составил 13,9%[28]. По стране продукция цензовой промышленности уменьшилась в 7 раз против довоенного уровня. По ряду отраслей падение производства продукции достигло катастрофических размеров. Добыча каменного угля составила 23,4%, железной руды – 1,6%, выплавки чугуна – 2,4% и т.д.[29]. На резкое падение производства оказала влияние гражданская война (разрушение предприятий, износ оборудования, недостаток топлива и сырья, тяжелое положение с продовольствием рабочих, недостаток рабочей силы, отсутствие опыта организации централизованного производства и т.п.), которая окончательно подорвала производительные силы страны.

Несмотря на обвальное падение производства большевики выполнили поставленную стратегическую задачу – установили централизованное управление и

тотальный контроль в экономике, обеспечили национализацию и обобществление, создали государственный способ производства, получили в свои руки промышленность и транспорт. Это диктовалось не только утопической стратегией, но и тактическими политическими задачами. «Вся сложная система экономических ограничений, свободы передвижения, собственности, хозяйственного отбора, – писал Струве в 1921 г. – теперь уже существует не столько ради экономических и социальных целей данной системы, сколько в силу политической и полицейской необходимости этих ограничений для самой власти»[30].

Национализировав промышленность и по существу поставив ее на грань катастрофы, большевистское руководство приступило к социалистическому решению проблем сельского хозяйства. Вынужденное пойти на временное использование эсеровской программы раздела земли между крестьянами, оно не оставляло мысли подчинения деревни Советской власти. Главным средством решения проблемы явилось установление хлебной монополии, поскольку хлеб был основным богатством тружеников села. Под лозунгом борьбы с классовым врагом в деревне – кулачеством – большевики приняли решение запретить продавать выращенное зерно, забирали его от имени государства силой и безвозмездно, прекрасно понимая, что крестьяне так просто, даром, хлеб не отдадут. Тем более, что с падением промышленного производства и сокращением выпуска товаров первой необходимости крестьяне перестали вывозить хлеб на рынок и стали сокращать посевы.

Последовал декрет ВЦИК от 13 мая 1918 г., подтвердивший незыблемость хлебной монополии государства. Ленин 21 мая заявил, что «борьба за хлеб теперь означает борьбу против контрреволюции... борьбу за Советскую власть, борьбу за социализм»[31]. 27 мая ВЦИК принимает новый декрет о реорганизации наркомпрода и создании продовольственных реквизиционных отрядов для конфискации хлеба (а равно и других ценностей) у сельского населения, естественно, под флагом организации трудового крестьянства против кулаков. По указанию ЦК отряды наполовину состояли из коммунистов. Всего в 1918 г. в продотрядах действовало 50–60 тыс. чел.[32]. Одновременно декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. создаются комбеды из люмпенизированных элементов деревни, главной задачей которых являлось «оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев»[33]. Так, весной и летом 1918 г. «развернулась социалистическая революция в деревне». В действительности это было ограбление и разорение крестьянских хозяйств, подрывавшее экономику всей страны. Поэтому крестьянство сразу же оказало сопротивление. Только в 20 районах центральной России в 1918 г. вспыхнуло 245 крупных крестьянских восстаний, которые были подавлены военной силой. В связи с этим Ленин указывал: «Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей. Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, врагами народа, предать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации...»[34]. В одном из приказов вождь пишет: «Прекрасный план. Доработайте его с т. Дзержинским. Замаскируйтесь под «зеленых» (а позднее мы на них это и свалим!), проскачите 10–20 верст и перевешайте всех кулаков, священников и помещиков. Премия 100000 рублей за каждого повешенного»[35]. После таких «руководящих указаний» разбой в деревнях приобрел еще более широкие масштабы. Вместе с хлебом конфисковывали любые ценности – деньги, оклады икон, скот и другую живность.

Возмущение и недовольство крестьян комбедами и продотрядами нередко выплескивались в их письмах на имя самих представителей новой власти. Так, в письме Ленину крестьяне Курбангской волости Вологодской губернии отмечали, что «Вы дали доверие и власть» лентяям, «которые от лености бросили свои земли

и хозяйства, ничему хорошему не научились, поборничеством, воровством, картежничеством занимались и всецело жили нашими же трудами Они своим разгильдяйством и разнузданностью озлобили всех нас против Вас Ведь нам от Вас все это исходит Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов, а нападаете в лице их на нас, тружеников. Мы – крестьяне, труженики-середняки и труженики-бедняки, обращаемся к Вам и просим Вас не отнимать у нас труд и заставить лентяев-барышников работать»[36] Ознакомившись с этим письмом, Н.К.Крупская писала: «Я убеждена в том, что значительное число так называемых «кулацких» восстаний возникает на почве бесконтрольного хозяйничания этих «Комитетов» что «вместо организации жизни, в деревне создается ужасающий раскол»[37] Ленин наложил резолюцию – «расследовать дело и известить о результатах», и жалобу крестьян направил Председателю Вологодскогой губисполкома – организатору виновных в насилии комбедов. Так что защищать вологодских мужиков было некому «Революция в деревне» дала возможность большевикам установить монополию на хлеб и другие продукты, обобрать крестьянство, но она вместе с тем явилась одной из причин дальнейшего развала народного хозяйства и развязывания гражданской войны в стране. Поняв вскоре на практике всю гибельность своей политики в деревне, большевики осенью 1918 г упразднили комбеды, а на VIII съезде партии выдвинули лозунг о прочном союзе с середняком, что сыграло немаловажную роль в организации победы в гражданской войне.

Окончание войны, глубокий политический и социально-экономический кризис вызванный внедрением тоталитарных форм властвования в политике и экономике, а также технико-экономическая отсталость и разруха, заставили большевистское руководство отложить на время военно-коммунистическую модель перехода страны к социализму Под давлением объективных обстоятельств и ради сохранения своей власти Ленин и его сподвижники заменили осуществление своих теоретических проектов, олицетворявшихся в военном коммунизме, новой экономической политикой (НЭП) Ленин писал: «Суть новой экономической политики – максимальный подъем производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян, использование частного капитализма»[38] НЭП, введенный в стране на основе решений Хсъезда РКП(б) в 1921 г наряду с обобществленной, государственной, предусматривал широкое использование других форм собственности Формально каждый гражданин РСФСР получил право на частную собственность, на основание и владение частным и торговым промышленным заведением, в сельском хозяйстве господствующим становилось крестьянское хозяйство, было предоставлено право на аренду земли и наем рабочей силы, разрешена сдача в аренду средних и мелких государственных предприятий частным лицам, кооперативам и товариществам

В государственном секторе НЭП предусматривал «расширение самодеятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами»[39] Главным методом в управлении признавался хозяйственный расчет В распоряжении ВСНХ и его местных органов оставались те производства, которые могли быть обеспечены материальными ресурсами за счет общего государственного снабжения Многочисленные средние и мелкие предприятия снимались с государственного обеспечения. В Постановлении СТО (Совета труда и обороны) от 12 августа 1921 г «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» вводилось право создания хозрасчетных объединений из наиболее крупных предприятий, правления которых организовывались в составе Главка или при ВСНХ. При этом им передавались предприятия «со всем их оборудованием, материалами, запасами, топливом, сырьем, полуфабрикатами, с необходимыми подсобными предприятиями»[40] Заводам предоставлялось право в определенных размерах реализовывать часть своей продукции как внутри страны, так и за границей

Изменялся порядок оплаты труда и снабжения рабочих, усиливались, в частности, индивидуальные и коллективные стимулы материальной заинтересованности.

Большевики сделали отступление в монополии власти на экономику, допустив определенную децентрализацию. В сельском хозяйстве продразверстка заменялась твердым налогом, разрешалась торговля «в пределах местного округа», в мелкой и части средней промышленности – денационализация предприятий с использованием частной собственности, аренды и концессии. В общей сложности по стране частным предпринимателям было сдано около 145 тыс. предприятий. Это было в целом незначительное отступление, если учесть, что к концу НЭПа частный сектор давал 9,5% валовой продукции, а число рабочих в нем составило 6%. Это нововведение, главным образом в мелкой и частично в средней промышленности, помогло быстрее восстановить разрушенное войной народное хозяйство.

С созданием многоукладной экономики формировался и новый более децентрализованный механизм хозяйственного управления. Ограничивались не только полномочия ВСНХ, но и его местных органов – Промбюро. Теперь вопросы общего экономического регулирования возлагались на СТО и его подразделения в регионах – областные и губернские экономические совещания. Направляющим в их работе становился план ГОЭЛРО. Основной формой организации управления производством на местах явились тресты, которые наделялись определенной хозяйственно-оперативной самостоятельностью, переводились на принцип хозрасчета и рентабельности. Они формировались по отраслевому принципу, но в кооперации со вспомогательными производствами, с учетом углубления традиционных технологических связей отраслей (добыча руды и топлива, выплавка металла, производств проката) а также территориального размещения.

На Урале, например, в главной и основной металлургической отрасли вместо ранее существовавших пяти районных металлоправлений в 1922 г. было созданы горнозаводские тресты: Екатеринбургский, Среднеуральский, Богословский, Пермский и Калатинский (Уралмедь). На базе пяти трестов черной металлургии в мае 1922 г. был образован синдикат «Уралмет», который объединил их снабженческо-сбытовые операции. Сначала он имел 50% всей продукции этих трестов для сбыта, а с октября 1922 г. стал получать 90%. К концу 1923 г. синдикат, кроме правления в Москве, имел конторы в Екатеринбурге, Петрограде, Омске, Ново-Николаевске (Новосибирске) и других городах (всего 12 контор), а также открыл представительства в кооперативных органах многих губернских городов и за границей, в частности в Берлине – для закупок импортных технических материалов на нужды трестов[41]. Имея столь разветвленную сеть контор и представительств, «Уралмет» в течение ряда лет вел работу по закупке необходимых для трестов материалов и продовольствия, а также успешно реализовывал продукцию уральской металлургии. Помимо металлургии, на Урале были созданы тресты по другим отраслям: золотоплатиновой, «Уралхим», «Ураласбест», «Камуралбумлес», «Пермсоль», «Уралпенька» и др. – всего в сфере промышленного производства 17 трестов. Данная структура управления в основном сохранялась до конца НЭПа. Имели место разукрупнение трестов и совершенствование их работы, главным образом в направлении деятельности на началах коммерческого расчета.

Созданные государственные структуры были объединены в общероссийские, губернские, региональные тресты по отраслевому принципу и являлись основной хозрасчетной единицей, а входившие в их состав предприятия хозрасчетных прав не имели. Трестам предоставлялись широкие права и обязанности по организации рационального безубыточного производства и реализации выпускаемой продукции как на внутреннем, так и и внешнем рынках. Они должны были стремиться к получению прибыли, не пользуясь государственным снабжением и финансированием. Внедрение принципов хозрасчета и коммерческих начал в работу промыш-

ленности было направлено на использование товарно-денежных отношений в хозяйственном строительстве С переводом промышленности на коммерческие основы и внедрением в экономику товарно-денежного обращения осуществлялась перестройка финансовой системы и воссоздавались кредитные органы. В октябре 1921 г был учрежден Государственный банк, а в 1922 г возникают крупные акционерные банки, создаются общества кредита для финансирования частного торгового и промышленного оборота.

В период НЭПа возникли концессионные предприятия Первой в стране в 1921 г была организована американская концессия Арманда Хаммера по добыче и переработке асбеста в Алапаевском районе Екатеринбургской губернии Самой крупной была золотопромышленная концессия «Лена-Голфилдс-Лимитед», которая включала ряд объектов Урала, Экибастуза и Сибири В 1926–1929 гг она давала 28% всей добычи золота в СССР, что составляло более 600 пуд. в год. Долевые отчисления Советскому государству составляли 1,5 млн руб. в год, на предприятиях концессии работало свыше 12 тыс чел. Помимо добычи благородных металлов, концессия приступила к строительству и реконструкции ряда предприятий, в том числе Северского металлургического завода на Урале В данном регионе в 20-е гг действовало 12 концессионных предприятий, они также начали функционировать в Москве, на Северо-Западе и в других регионах страны. Экономическое значение концессий определялось существенным вложением средств в основной капитал промышленности СССР, увеличением количества производимых в стране средств производства, улучшением торгового баланса, увеличением суммы заработной платы, остававшейся в руках рабочих. Создание концессионных предприятий способствовало увеличению количества рабочих мест на производстве, сокращению безработицы, повышению квалификации рабочих и ИТР на частнокапиталистических предприятиях. Наличие концессий создавало здоровую конкуренцию на внутригосударственном рынке между смешанными, концессионными и государственными предприятиями, что подтягивало советские предприятия к выпуску новой продукции на уровне мировых образцов. Наконец, привлечение мирового капитала, науки, специалистов заставляло советские государственные органы принимать эффективные меры по улучшению работы хозяйственного аппарата, совершенствовать формы и методы управления экономикой Наряду с этим, обанкротившееся в предшествовавший период в хозяйственном отношении большевистское руководство при помощи концессий попыталось экономически и главное политически подкупить капиталистические страны.

Вводимые принципы НЭПа по развитию рыночной экономики создавали благоприятные возможности для восстановления и сравнительно быстрого развития народного хозяйства. Однако они не устраивали большевистское руководство, поскольку противоречили его утопической доктрине построения бесклассового коммунистического общества на основе общественной собственности на орудия и средства производства, и, главное, создавали для них опасность потери политической власти.

Анализ выступлений Ленина в данный период позволяет сделать вывод о том, что вождь не собирался отступать от большевистской доктрины. Капитализм допускался лишь в определенных «рамках», чтобы «создать смычку с крестьянской экономикой, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства»[42] НЭП, по Ленину, – это маневр, тактический ход, рассчитанный на временный допуск частного капитала с целью укрепления экономический позиций социализма и окончательной ликвидации буржуазии

С первых лет НЭП проводился непоследовательно, ограничивалось действие его принципов, сужались масштабы использования капиталистического производства, различных форм собственности, что тормозило развитие производительных сил Это можно проследить на примере экономики Урала. Кооперативный, частнокапи-

талистический и концессионный сектор в фабрично-заводской промышленности региона в 1925–1926 хоз. году охватывал 22,2% в основном мелких предприятий и давал только 7,3% продукции, число рабочих составляло 5,2%[43] В 1926/1927 хоз. году объем валовой продукции в крае возрос до 10,5%[44] В тяжелую промышленность частный сектор практически не был допущен, несмотря на провозглашенное право создавать частные промышленные предприятия или брать в аренду имеющиеся у государства. Правда, с введением НЭПа советские органы на Урале разрешили аренду некоторых металлургических и металлообрабатывающих предприятий. Екатеринбургский горнометаллургический трест с 17 января 1922 г. сдал в аренду на ряд лет Билимбаевский металлургический завод. Также были переданы в аренду Старо-Уткинский, Нязепетровский, Сысертский, Ильинский заводы, чугуно-литейная фабрика при станции «Хромпик», механическая мастерская Кыштымского завода, ряд мастерских Нижне-Тагильского и Висимо-Уткинского заводов. Однако уже 15 сентября 1922 г. – то есть через 8 месяцев после того, как Билимбаевский завод наладил производство, он под предлогом «производственной необходимости» был отобран у арендатора[45] Вскоре в одностороннем порядке была решена участь и остальных арендованных предприятий тяжелой индустрии. К концу 1920-х гг. частный сектор большевики волевым путем упразднили также в средней и мелкой промышленности.

Еще более жестким и циничным образом действовало сталинское руководство по отношению к иностранным концессиям. Суть их политики раскрыл в своих воспоминаниях бывший секретарь Сталина Б.Бажанов. Он писал: «Концессии эти были ничем иным, как грубыми и жульническими ловушками. Западным капиталистам предлагались концессии на очень заманчиво выглядевших и внешне очень выгодных условиях. Условия договора хорошо соблюдались, пока концессионер ввозил и устанавливал в России машины, оборудование и пускал предприятие в ход. Вслед за тем при помощи любого трюка (таковых трюков у властей было сколько угодно) концессионер ставился в условия, при которых он договор выполнить не мог, договор расторгался, и ввезенное оборудование и налаженное предприятие переходило в собственность Советского государства»[46] Именно подобным образом была свернута «Лена-Голдфилдс-Лимитед», в расторжении договора с которой международный суд в Гааге в 1930 г. виновной признал советскую сторону.

Непоследовательность НЭПа проявилась и в государственном секторе. В начальный период командно-приказные методы руководства промышленностью были несколько ослаблены, но не преодолены. Основная масса продукции многих трестов реализовывалась по указанию центральных органов. Нерентабельные тресты порой безвозмездно кредитовались финансовыми органами, что вело к несбалансированности госбюджета, а это, в свою очередь, усиливало эмиссию денежных знаков. Самостоятельность трестов оказывалась во многом номинальной. Центральные органы управления постоянно вмешивались в непосредственную производственную деятельность не только трестов, но и предприятий. Последние не распоряжались произведенной продукцией, финансирование и материально-техническое снабжение осуществлялось трестами. Такая система управления, которая становилась все более централизованной, препятствовала выявлению экономической эффективности работы предприятий. Балансы хорошо работавших предприятий сливались с балансами отстающих в единый трестовский баланс. В результате руководители отстающих предприятий не заботились о прибыльности производства и нередко существовали за счет передовых заводов. Жесткая система централизованного снабжения и сбыта через тресты приводила к фактам волокиты в обеспечении сырьем и оборотными средствами. В этих условиях многие предприятия создавали сверхнормативные резервы сырья и материалов, что вело к трудностям финансирования.

Попытка реанимировать хозрасчет была предпринята в Постановлении ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью» от 5декабря 1929 г в котором декретировалось укрепление хозрасчета на всех уровнях. Провозглашался перевод предприятий на хозрасчет Однако в условиях свертывания НЭПа усилился процесс разложения хозрасчетных отношений Резко возросла централизация управления, предприятия утратили самостоятельность в решении даже второстепенных вопросов производства. Провозглашенное на XI Всероссийской партийной конференции в декабре 1921 г регулирование рынка и денежного обращения было мерой искусственной, оно в своей основе противоречило рыночной экономике, в которой большевики не были заинтересованы. Поэтому главной и наиболее глубокой причиной провала НЭПа являлись последствия гражданской войны, сохранения тоталитарной модели управления обществом.

Система управления промышленностью не была отработана и находилась в стадии непрерывной перестройки. Попытки совершенствования хозяйственного механизма при искусственно созданном государственном способе производства не давали желаемого эффекта Кадры, пришедшие к руководству предприятиями и трестами и состоявшие из бывших рабочих, членов РКП(б), не имели не только высшего, но и среднего специального образования. Директоров предприятий – выходцев из рабочих по стране было 39%, а на Урале – 56,1%, среди председателей правлений трестов коммунисты составляли 61,1% (на Урале – 91,3%) Среди рабочих-директоров заводов Урала не было ни одного специалиста с высшим или средним образованием[47] Поэтому качество управленческих решений было низкое при огромных штатах и раздутой отчетности

В период НЭПа сталинское руководство продолжало неуклонно вести курс на дальнейшее волевое обобществление производства, усиление государственного и сокращение частного сектора в промышленности. В конце 20-х гг неуклонно увеличиваются капиталовложения в государственный сектор промышленности. с 270 млн руб. в 1926/1927 хоз. году они возросли в 1929/1930 хоз. году до 4275 млн руб. В частнохозяйственном секторе они за эти годы сократились с 63 до 51 млн руб. Соответственно выпуск валовой продукции в промышленности госсектора увеличился с 11999 млн руб. до 24740 млн руб , а в частнохозяйственном снизился с 3704 млн руб. до 3310 млн руб В крупной цензовой индустрии удельный вес государственного сектора в производстве продукции вырос с 97,7% до 99,3%, а частнохозяйственного сектора снизился с 2,3 до 0,7%[48] Таким образом, на рубеже 30-х гг обобществление производства было по существу завершено, государственная собственность стала господствующей, а частнохозяйственный сектор был практически ликвидирован. Большевики выполнили поставленную задачу – создали единый «социалистический» уклад в промышленности.

Однако ожидаемое процветание не наступило. Более того, экономика обобществленного сектора страны оказалась неэффективной. Национальный доход в СССР в 1928 г снизился на 12–15% по сравнению с 1913 г а душевое потребление (с учетом роста населения на 5%) – на 17–20% Безработица при численности рабочих в 10,8 млн чел. составила огромную цифру – 1,5 млн чел Годовая производительность труда при отчуждении работника от орудий и средств производства упала на 23%, а фондоотдача – на 25% Из-за низкой эффективности экономики крайне ограниченными были денежные ресурсы страны. Если в 1913 г рентабельность промышленного производства равнялась 19,7%, то в 1925 г она снизилась до 10,9%. Поэтому прибыли в народном хозяйстве сократились в среднем в два раза. В конце 20-х гг в результате курса на волевое, внеэкономическое введение социализма при недостаточных средствах производства, низком уровне развития производительных сил, отсутствии материальной заинтересованности непосредственных производителей в народном хозяйстве сложилась ситуация за-

стоя. Рост национального дохода – 2% в год – оказался меньше, чем рост народонаселения – 5%[49]

Для того, чтобы созданный искусственным, внеэкономическим путем способ производства заработал, нужны были, во-первых, финансовые средства. Их получили в результате насильственной коллективизации сельского хозяйства. Во-вторых, требовалась дополнительная и дешевая рабочая сила. Ею стало экспроприированное зажиточное и среднее крестьянство (спецпереселенцы) и заключенные, которые появились в результате массовых репрессий в 30-е гг. В-третьих, нужен был аппарат с командно-административной системой управления. Он был подготовлен сталинским руководством в 20-е гг. в лице партийно-советской номенклатуры. Система могла функционировать эффективно только при неукоснительном выполнении плановых директив и команд центра. Поэтому, в-четвертых, в практику руководства хозяйством с конца 20-х гг. входит централизованное планирование развития народного хозяйства по пятилеткам, которое также осуществлялось сформированной номенклатурой. Таким образом, создание централизованного, базирующегося на государственной собственности, планового хозяйства, руководство которым осуществляла партийная номенклатура, означало утверждение господства тоталитаризма в экономической области. В этом процессе с 1917 г. четко просматриваются два этапа: первый – штурм, лобовая атака капиталистического производства и создание «социалистической» экономики на основе государства-коммуны, которая однако не дала положительных результатов и закончилась провалом. Второй – организация хозяйства на основе НЭПа с использованием частнокапиталистического производства и постепенным, но неуклонным внедрением государственного «социалистического» уклада с тотальным контролем и централизованным управлением со стороны партийно-советской номенклатуры. Результаты функционирования такой экономики оказались негативными прежде всего для основной массы трудящихся.

В конце своей жизни, в 1923 г. В.И.Ленин, подводя итоги советского опыта строительства социалистического общества, вынужден был констатировать: "Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений. Для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке"[50]. Поэтому глава государства был вынужден признать необходимость коренной перемены "всей точки зрения нашей на социализм"[51]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Струве П.Э.* Итоги и существо коммунистического хозяйства // Октябрь. 1992. №7. С. 117.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380, 401.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 33; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 48.
4. Архив русской революции. Т. 6. С. 311.
5. Национализация промышленности на Урале. Свердловск, 1958. С. 287.
6. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 123.
7. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1956. С. 73.
8. *Бучич И.* Полигон сатаны. СПб., 1994. С. 10–11.
9. Там же. С. 12.
10. Там же. С. 16.
11. Источник. 1994. №1. С. 3–4.
12. Годовой отчет промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. Екатеринбург, 1921. С. 10.

13. Архив русской революции. Т 6 С. 314
14 Там же. Т 6. С. 315.
15. Там же.
16. Там же. Т 2 С. 105.
17 Там же. Т. 6. С. 317
18. Там же. С. 310.
19. *Абрамовский А.П.* Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск. 1981. С. 29.
20. Там же. С. 30.
21 *Струве П.Э.* Итоги и существо коммунистического хозяйства // Октябрь. 1992. №7 С 116.
22. *Ленин В.И* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 411 Т 36. С. 217-218.
23. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 197
24. *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Иженско-Воткинском районе. Ижевск. 1992 С 28-33
25. Там же. С. 59.
26. Национализация промышленности на Урале. Сб. документов. Свердловск. 1958 С. 287-289
27 *Лященко П И* История народного хозяйства СССР Т 3 М 1956. С. 72.
28. *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале Свердловск. 1928. С. 125.
29. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР Т 3. С
30. *Струве П.Э.* Итоги и существо коммунистического хозяйства // Октябрь. 1992 №7 С. 124
31 Декреты Советской власти. Т 11 17 марта - 10 июля 1918 г. М., 1959 С. 301
32. Вопросы истории КПСС. 1958. №1. С. 126.
33. Декреты Советской власти. Т 11. 17 марта - 10 июля 1918 г С. 417
34. *Бунич И.* Полигон сатаны. С. 21
35. Там же.
36. Родина. 1992. №8-9. С. 62.
37. Там же. С. 63.
38. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т 43. С. 398.
39. КПСС в резолюциях Т 2. С. 269.
40. Управление народным хозяйством СССР (1917-1949 гг.) Сб. документов. М., 1968 С. 53.
41 *Фельдман В.В.* Восстановление промышленности на Урале (1921-1926 гг.) Свердловск. 1984 С. 69
42. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т 45. С. 92.
43. Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. Вып. 11. Промышленность. Свердловск, 1930. С. 100-101
44. История индустриализации Урала. 1926-1932. Документы и материалы Свердловск. 1967 С. 115.
45. *Гараев Г.Г* Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. Томск, 1984. С. 162-163.
46. Огонек, 1989. №41. С. 20.
47. *Фельдман В.В.* Восстановление промышленности на Урале. 1921-1926 гг. С. 77
48. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет М., 1930. С. 26-27
49. ЭКО, 1989. №10. С. 73.
50. Известия, 1989. 9 марта.
51. *Ленин В.И* Полн. собр. соч Т 45. С 376

FORMATION OF BODIES OF ECONOMICAL MANAGEMENT BY THE BOLSHEVIKS. (1917-1920s)

The process of administrative structures formation by the Bolsheviks is discussed in the context of the totalitarian state creation In author's opinion, the Bolsheviks' strategy was directed by utopian aims and tactical political tasks and ended in the foundation of the state monopoly on ownership, centralized state management of economy, total state

control in economics. Within the period under discussion the process is subdivided into two stages: 1) a «straightforward attack» at the capitalist economy, which failed, and an attempt to create «socialist» economy on the basis of the commune-state in 1917–1920, 2) gradual introduction of state «socialist way of production» in the economy in the period of the New Economic Policy

A.V.Bakunin

И.Е.Плотников

БЫЛА РОССИЯ ЦАРСКАЯ, А СТАЛА ПРОЛЕТАРСКАЯ (ВЛАСТЬ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ)

Народ быстро, порой моментально, реагирует на происходящие исторические события, давая им свою оценку, зачастую далеко выходящую за рамки официальных суждений. Большой интерес в этом плане для понимания истории представляют бытовавшие в определенные ее периоды пословицы, поговорки, частушки, анекдоты, меткие высказывания о власти и личностях, причастных к ней.

До февраля 1917 г. Россия была царской, самодержавной страной. Самодержавие утвердилось во второй половине XV – XVI вв. Уже первые цари стремились внушить народу, что государь защищает интересы всех своих подданных, рождая в народе наивный монархизм, который довольно прочно вошел в сознание масс, особенно крестьянских. Не об этом ли говорит то, что почти все крестьянские восстания заключали в себе те или иные «царистские» идеи. Крестьяне, как правило, выступали против угнетения, но за «хорошего царя».

Народ в основной массе долгое время боготворил царя, относился к нему с благоговением, как наместнику Бога на Земле: «Без бога свет не стоит, без царя земля не правится», «Всякая власть от бога», «Бог на небе, царь на земле», «Одному богу государь ответ держит», «Царь от бога пристав», «Все во власти божьей да государевой», «У бога да у государя всего много», «Царский гнев и милость в руках божьих», «Никто против бога да против царя», «Что бог, то бог, а святая и воля царская», «Русским богом да русским царем святорусская земля стоит».

Массы простодушно считали: «Светится одно солнце на небе, а царь на русской земле», «Государь – батька, земля – матка», «Без царя – земля вдова», «Народ – тело, царь – голова», «Где ни жить, а одному царю служить», «Воля царя – закон», «Воля божья, а суд царев», «Правда божья, а воля царская», «На все святая воля царская», «Не судима воля царская», «Царское осуждение бессудно» (по другому: «Царское осуждение суду не подлежит»), «Правда божья, а суд царев», «Где царь, тут и правда», «Нет большего милосердия, чем в сердце царском», «У царя руки долги (т.е. сила)», «Царский глаз далече сягает», «Всякая вещь перед царем не таится», «Не всяк царя видит, а всяк его знает», «Русский народ царелюбивый».

Исходя из исторического опыта народ выступал за крепкую, сильную власть, которую олицетворял царь. «Грозно, страшно, а без царя нельзя», «Где царь, тут и страх» (по-другому: «Где царь, тут и гроза»), «Царство разделится, скоро разорится», «Не долго той земле стоять, где начнут уставы ломать». Ко времени смуты в начале XVII в. восходит поговорка «Лучше грозный царь, чем семибоярщина», напоминавшая о плачевном положении страны, когда в 1610 г. власть в Москве перешла к Боярской думе, править стали семь виднейших бояр, и страна едва не стала добычей польских и шведских интервентов. К этому же времени относится поговорка «У одной овечки да семь пастухов».

Вместе с тем народ считал, что царь должен защищать его интересы «Коли все миром вздохнут, и до царя слухи дойдут», «Каков народ, таков и царь» (по-другому «Каков царь, таков и народ») Царь в глазах народа был главным его защитником Беззакония, злоупотребления, притеснения, по мнению простого люда, исходили не от царя, а от его окружения: князей, бояр, воевод, дворян и т.д. Пословицы и поговорки говорят об этом вполне определенно: «Законы святы, да законники супостаты», «Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы», «Не бойся царского гонения, а бойся царского гонителя», »Не от царя угнетение, а от любимцев царских», «Не царь гнетет народ, а временщики», «Царь гладит, а бояре скребут», «Царские милости в боярском решете сеются», «Наказал бог народ – наслал воевод», «Жалует царь, да не жалует псарь», «Не ведает царь, что делает псарь»

В народном сознании непричастность царя как верховного правителя страны к произволу и насилиям властей объяснялась тем, что между ним и народом стоят дворянство и чиновничество, а посему царь не знает всей правды о бедах и нуждах простых людей. В народе говорили: «Царю из-за тына не видно» Если и были какие-то недовольства царем, то пословица объясняла это так: «Ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех не угодить» Вместе с тем народ понимал, что и царь не безгрешен: «За царское согрешение бог всю землю казнит, за угодность милует»

С воцарением Николая II авторитет монарха стал падать. Началось с Ходынки 18 мая 1896 г по случаю коронации Николая II на Ходынском поле под Москвой была устроена массовая раздача подарков в ознаменование вошествия на престол нового царя, во время которой в страшной давке по официальным данным пострадало 2690 чел. 1389 из них скончалось. В народе после ходынскй трагедии говорили «Ходынкой началось, ходынкой и кончится» Глас народа оказался гласом божьим Так оно и случилось.

Расстрел мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г положивший начало первой русской революции, развеял как дым царелюбивые настроения масс На «кровавое воскресенье» народ ответил поговоркой: «Боже, царя возьми – он нам не нужен» По сути дела 9 января была расстреляна вера народа в царя Как выразился известный французский историк, один из видных специалистов по истории Советской России Марк Ферро, «кровавое воскресенье положило конец мифу о царе-батюшке, от которого не может исходить зло»[1] В народе государя стали называть «Николаем кровавым»

Чтобы успокоить массы, поднявшиеся на революцию, царь 17 октября 1905 г подписал манифест, в котором обещал дать населению гражданские свободы совести, слова, собраний и союзов, созвать Государственную думу, без одобрения которой «никакой закон не мог воспринять силу» Однако народ уже не верил монарху. В ответ на манифест 17 октября появилась частушка «Царь испугался, // Издал манифест // Мертвым свобода, // Живых под арест»

Немало было частушек, в которых обличалась умственная ограниченность и неспособность Николая II управлять страной: «В Москве строили барак. // Николай наш царь – дурак. // Вся Россия голодует, // Николай вином торгует» »По России слух пошел – // Николай с ума сошел // На Руси много болванов. // Во главе стоит Романов» Одна из частушек метко замечает: «Всей Россией правит Маша – // Николаева мамаша»

Широкую известность в народе получили песни: «Что ты спишь, наш царек, ведь весна на дворе», «Как у нас на троне чучело в короне», «Царь наш немец русский», «Царь наш с виду жидок» и др. В них народ называет царя «кровавым Николашкой», «царем-супостатом», «царем жандармов и шпиков» и т.д.[2]

Крайне отрицательно отнеслось население к разразившейся в августе 1914 г мировой войне, одним из виновников которой оно считало царя. Недовольство императором, который насильно гнал солдат на бессмысленную бойню, нашло

отражение в частушке «Что ты, белый царь, наделал? // Безо время войну сделал // Безо время, без поры // Нас на бойню повели // Что наделал Миколаша? // Погибат Расея наша! // Царь ты белый, царь ты белый! // Что в Россиюшке наделал? // Молодых людей забрил, // Всю Россию прослезил»

Падению авторитета царя и царского режима в целом в немалой степени способствовал Г Распутин, который, пользуясь расположением императрицы, прозванной в народе «гессенской мухой» за ее происхождение, оказывал заметное влияние на царя О Распутине одна из частушек сообщала следующее. «Гришка, сударь мой, // Изымался над страной. // Россией управляет, // Из народа выжимает // Он последний грош».

В обществе было немало разговоров о похождениях Распутина, пьянках, увлечениях женщинами. Одна из частушек гласит: «От девиц не знал отбою // И доволен был собою».

Поговаривали и об интимных связях «святого черта» с самой царицей Александрой Федоровной

В.М.Пуришкевич, по словам одного из правых деятелей того времени В.В Шульгина, в декабре 1916 г говорил «Монархия гибнет, а с ней мы все, а с нами – Россия Вы знаете, что происходит? В кинематографах запретили давать фильму, где показывалось, как государь возлагает на себя Георгиевский крест Почему? Потому, что, как только начнут показывать, – из темноты голос. «Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием. .»[3]

В феврале 1917 г Николай II был свергнут с престола. Монархисты предприняли попытку вместо Николая посадить на престол его брата Михаила, но народ помешал этому Когда Гучков и Шульгин, только что прибывшие в Петроград из Пскова, где они принимали участие в акте отречения царя от престола, сообщили, что Николай II отрекся от престола в пользу Михаила, их на вокзале едва не растерзали. Раздались возгласы: «Долой Романовых! Хрен редьки не слаще!»[4]

По свидетельству В.А.Маклакова, в марте 1917 г в Петербурге ходила поговорка. «Чтобы спасти монархию, надо убить монарха», так как, пояснял он, от самого Николая ничего хорошего не было. «Николай II уже потерял свое мистическое обаяние»[5]

Питирим Сорокин, бывший тогда эсером, непосредственный свидетель февральских событий, вспоминал: «Старая власть без сомнения погибла. И в Москве, и в Петербурге население радуется и веселится, как на Пасху. Буквально все приветствуют новый режим и Республику «Свобода! Священная свобода!» – кричат повсюду и везде поют песни Старый режим рухнул по всей России, и мало кто сожалеет о нем. Вся страна рада этому»[6] Народ ликовал. «Теперь нам не страшен ни Бог, ни черт», – заявили крестьяне попу в одном из приходов. «Ну вот, все кончено», – сказал один из членов Петроградского Совета своему другу, вместе с которым он оказался в гуще ликующей толпы. И тут же рядом услышал голос женщины, которая тихо произнесла: «Ты ошибаешься, батюшка, еще мало пролито крови»[7]

Общество надеялось, что Россия станет свободной демократической страной Однако образованное в начале марта Временное правительство не спешило с демократическими преобразованиями. О нем в народе стали говорить: «Та же шуба, но вывернутая наизнанку»

Большевики умело использовали в своих интересах ошибки и просчеты своих противников, обещая мир народу, землю крестьянам, 8-часовой рабочий день и прочие блага рабочим. Популярность большевиков росла. О них стали говорить «Большевик тем отличается от меньшевика, что хочет дать народу больше»[8]

Все большую популярность в массах приобретал вождь большевиков В И Ленин Об этом свидетельствует частушка: «Ох, и яблочко, // С боку зелено! // Нам не надо царя, // Надо Ленина!»

После свержения Временного правительства и перехода власти в руки большевиков появилась частушка: «Эх, яблочко // Покатилося! // А кадетская власть // Провалилася»

Массы потеряли веру во Временное правительство, в котором ряд важных постов занимали кадеты. И в результате, как гласит поговорка, – «Была Россия царская, а стала пролетарская»

Захватив власть в октябре 1917 г большевики в соответствии с установкой К.Маркса приступили к «экспроприации экспроприаторов», что в конечном итоге вылилось в лозунг «Грабь награбленное!» Л.Троцкий вспоминал, что через несколько дней после прихода к власти Ленин жаловался на существовавшую поначалу свободную печать, которая на все лады склоняла этот большевистский лозунг Троцкий спросил у Ленина «Но кто произнес эти слова? Это выдумка?» На что Ленин возразил. «Я действительно однажды сказал «Грабь награбленное», но затем сразу же забыл» При этом Троцкий заметил, что народ «ни один другой лозунг не принял с такой охотой»[9]

Питирим Сорокин вспоминал, что в мае 1917 г возвращаясь с I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, «остановился возле дворца Кшесинской послушать Ленина Хотя он и был плохим оратором, мне казалось, что этот человек далеко пойдет Почему? Да потому, что он был готов и настроен поощрять все то насилие, преступление и непристойности, которым чернь в этих безнравственных условиях готова была дать волю.

–Товарищи рабочие! – так повел речь Ленин. – Отбирайте заводы у эксплуататоров. Товарищи крестьяне, захватывайте землю у врагов своих, помещиков Товарищи солдаты, кончайте воевать, идите по домам Установите перемирие с немцами и объявите войну богачам! Бедняки, вы страдаете от голода, когда кругом вас плутократы и банкиры Почему бы вам не забрать все их богатство? Грабь награбленное! Безжалостно разрушим все капиталистическое общество! Долой его! Долой правительство! Долой все войны! Да здравствует классовая война! Да здравствует диктатура пролетариата!

Такие речи всегда вызывали живой отклик у толпы»[10]

Следует заметить, что в период сплошной коллективизации лозунг «Грабь награбленное» по сути дела вновь встал в порядок дня Это подтверждают, в частности, материалы, касающиеся Урала. В докладной записке в Уралобком ВКП(б) «О ходе работы по ликвидации кулака как класса по Ирбитскому округу» от 27 февраля 1930 г подписанной первым секретарем окружкома партии, говорится «Общее настроение бедноты и середняков чрезвычайно боевое Вот как описывется это настроение в одном из представленных в ОК ВКП(б) документов «Собрания по раскулачиванию и кого выселять против обыкновенного многолюдны и шумливостью своей напоминают 1918 г с той лишь разницей, что тогда кипели страсти вчерашнего раба, порой анархические и с лозунгом «Грабь награбленное», сейчас та же шумливость, но подчинена здравому рассудку и политической выдержанности» «Мы не грабим, а изымаем у змеи жало, обезвреживаем ее», – говорит беднота Скородумовского с/совета на общегражданском собрании по вопросу раскулачивания своих благодетелей»[11] Если в годы революции и гражданской войны «экспроприировали» преимущественно «имущие слои», то в годы коллективизации – в основном крестьян-тружеников или, как говорили в то время, тех, «кто лучше жил»

В 1921 г чтобы вывести страну из экономического и политического кризиса, Ленин провозгласил переход к НЭПу, который разрешал свободу торговли, мелкого

предпринимательства, уменьшил налоги на крестьян. Частушка об этом говорит так «Ленин Троцкому сказал. // Пойдем, сходим на базар, // Купил лошадь карию, // Накормим пролетарию»

Культ личности Ленина стал складываться еще в ходе революции 1917 г Уже в апреле 1917 г Ленина встречали из эмиграции на Финляндском вокзале как исключительно высокопоставленную личность. После «октябрьского переворота», когда Ленин стал главой Советского правительства (Совнаркома), под влиянием партийной пропаганды его образ все более идеализировался, приобретал божественные черты. С его именем связывалась давнишняя мечта о лучшем будущем, когда всем будет жить хорошо После смерти Ленина люди говорили: «Ленин был единственной светлой личностью среди правительства», «Со смертью Ильича некому будет строго защищать рабочие интересы и помнить об их нуждах» Нередки были и такие высказывания: «Лучше бы умер Троцкий, чем Ленин» (Троцкий был в то время второй личностью после Ленина по популярности в стране), «Лучше бы умер я, чем Ленин» В память Ленина нарекали новорожденных. Владлен, Вилен и т.д. Во время страшного голода 1932 – 1933 гг среди крестьян ходили слухи, что Ленин воскрес и скоро придет громить большевиков[12]

Секретные сводки ГПУ свидетельствуют, что было много и резко отрицательных суждений о Ленине Вскоре после его смерти можно было услышать: «Туда ему и дорога», «Сколько народу погибло по его милости» и т.д. Появились анекдоты «Ленин после смерти отправился в рай, но его не пустили Возвратясь на Землю, Ленин обратился к Троцкому, и последний взялся провести его в рай, уложив в мешок Троцкий спросил у сторожа, в раю ли Маркс, ему ответили, что в раю. На то Троцкий сказал, что он принес кой-какое барахло (в другой редакции – капитал) Маркса, и под этим предлогом Ленин был передан по назначению»[13].Другой еще более резкий анекдот, тоже связанный со смертью Ленина: «В мавзолей пришла телеграмма. «Вставай, проклятьем заклейменный» Подпись:« Весь мир голодных и рабов» К этой же серии относится анекдот: «Калинин любил играть в «дурачка», Сталин – в «разбойники», а Ленин уже сыграл в ящик»[14]

После смерти «вождя революции» Сталин, выдавая себя за его преемника, всячески поддерживал «культ Ленина» Был произведен «ленинский призыв в партию», во время которого в ряды партийцев вступило немало таких, кто вместе с партийным билетом намеревался получить выгоды, избежать безработицы, сделать карьеру и т.д.

Началось массовое переименование населенных пунктов, улиц, предприятий и учреждений в честь В.И.Ленина. Многие выражали недовольство этим. «Теперь всюду Ленинград, Ленинстрой и т.д. В конце концов сами запутаются» Как отмечает один из авторов, «в знак протеста люди продолжали писать на конвертах «Петроград» Власти очень легко справились с этим недовольством письма с подписью «Петроград» просто не доходили до адресатов»[15]

Если в гимне царской России говорилось. «Боже, царя храни», то в гимне Советского Союза, утвержденном накануне 1944 г., была строка: «И Ленин великий нам путь озарил» В сборниках пословиц и поговорок, издаваемых во времена советской власти, значились такие: «Ленина завет – на тысячи лет», «Вся Советская страна делу Ленина верна», «Ленина указ, что отцовский наказ», «Ленинская правда светлее Солнца», «От Ленинской науки крепнут разум и руки» «Ленинизм указал путь в коммунизм», «Ленинизм, что Солнце ясное никогда в мире не угаснет», «Наука Маркса–Ленина жизнью испытана и проверена», «Ленин умер, а дело его живет», «У каждого на устах имя Ленина – он нас на верный путь вывел»[16] Вряд ли эти «пословицы» и «поговорки» придумал народ, скорее всего сочинили их партийные пропагандисты и агитаторы в угоду власть придержащим.

Новая власть, утвердившаяся в России в результате «Октябрьского переворота», была не менее самодержавной, чем до февраля 1917 г. Все вернулось на круги своя, но в новом, большевистском издании. Если до революции говорили: «Народ – тело, царь – голова», то при новой, большевистской власти стали говорить. «Народ – тело, партия – голова», а в партии всеми делами заправлял вождь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 103.
2. *Сидельников В.М.* Народное поэтическое творчество предоктябрьского десятилетия (1907–1917 годы) // Русское народное поэтическое творчество. Кн. 2. М., 1956. С. 429; *Залесский М.П. Новогородов А.И., Новикова А.М.* Художественная литература в помощь изучающему историю КПСС. М., 1962. С. 62–63.
3. *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 153.
4. *Ферро М.* Указ. соч. С. 242.
5. *Иоффе Г.З., Кулешов С.В.* В.А.Маклаков: вместо подчинения одних другим надо искать равновесие // Кентавр. 1993. № 6. С. 68.
6. *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 89.
7. *Ферро М.* Указ. соч. С. 243.
8. *Архипов И.Л.* Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 56.
9. *Капустин М.П.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С. 115.
10. *Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 96–97.
11. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 77 об., 78.
12. *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 179, 184.
13. Там же. С. 179.
14. *Борев Ю.Б.* История государства советского в преданиях и анекдотах. М., 1995. С. 64.
15. *Великанова О.В.* Указ. соч. С. 179.
16. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 146; Жить – Родине служить. Русские пословицы, поговорки, изречения / Сост. А.А.Арсеньев, М.П.Воронович. М., 1958. С. 16–17; Избранные пословицы и поговорки / Сост. С.Л.Брес лав и И.Ф.Семенец. М., 1958. С. 32–33; Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки / Сост. А.А.Разумов. М., 1958. С. 27–28, Народные пословицы и поговорки / Сост. А.И.Соболев. М., 1961. С. 22–23.

RUSSIA WAS THE TSAR'S AND BECAME THE PROLETARIAT'S (POWER IN MASS CONSCIOUSNESS)

The evolution of people's ideas about the government in the period of feudalism up to the 20th century is analyzed in the article. The author comes to the conclusion that the state itself always participated in these ideas formation, using for this purpose demagogy, official toponimics, repressive actions directed against dissemination of the undesirable to the regime mass notions.

I.Ye Plotnikov

ПУБЛИКАЦИИ

Н.Н.Агафонова

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРМСКИХ ИМЕНИЯХ СТРОГАНОВЫХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Управление вотчинами в России в первой половине XIX в. строилось на различных принципах. В одних случаях оно осуществлялось путем чисто полицейской регламентации всех сторон жизни крестьян вотчинным правлением, назначенным самим владельцем. В других случаях, главным образом в оброчных имениях, феодалы передавали, сохраняя за собой лишь общий контроль, все функции управления выборным мирским представителям.Для строгановских вотчин в первой половине XIX в. была характерна смешанная система управления, сводившаяся к взаимодействию вотчинных и мирских институтов[1]

Строгановы долгое время пользовались обширными политическими правами, которые некогда принадлежали только удельным князьям. Они сами производили суд и расправу на всем пространстве своих обширных владений, строили крепости и содержали военные силы[2] В свою очередь и сами Строгановы не подлежали суду гражданских властей и могли быть судимы только государем или специальными сановниками[3]

В 1816 г Павел Александрович Строганов, потерявший единственного сына, убитого в 1814 г во Франции, имея четырех дочерей, просил императора Александра I сделать неделимыми его владения в Пермской и Нижегородской губерниях По решению Сената 11 августа 1817 г эти имения Строгановых становятся заповедными и утверждаются как майорат, получив название «Пермское нераздельное имение»[4] Сенатский указ был опубликован спустя два месяца после смерти последнего владельца – П.А Строганова[5]

Пермское нераздельное (майоратное) имение Строгановых с центром в с. Ильинском занимало 1/19 часть территории Пермской губернии и включало 1562400 дес или 15023 кв. версты[6] Общий земельный фонд Пермского нераздельного имения Строгановых в 30-е гг XIX в составлял 1358511 дес.[7] В него входили земли Пермского, Кунгурского, Оханского, Соликамского и Екатеринбургского уездов В конце 50-х гг XIX в заповедное имение включало в себя 5 заводов Билимбаевский, Добрянский, Очерский, Павловский, Кыновский, а также Новоусольские и Ленвинские соляные промыслы, объединявшие 25 варниц[8]

Для осуществления управления майоратом хозяйство Строгановых было разделено на шесть округов, в каждом из которых были свои управляющие окружные правления и заводские конторы. Округа делились на 30 ведомств, которыми управляли приказчики, ведомства в свою очередь делились на земские избы во главе со старостами, а последние – на десятки[9]

Центром округи было село, вокруг которого группировались малодворные деревни В центре округи постоянно проживал приказчик, которому «приказан« данный сельский приказ, где были организованы «дворы на приезд людей» для строгановских приказчиков, систематически посещавших для инструктажа управ-

ления «долговой, хлебной и денежной выборы на крестьянниках» Компетенция строгановских приказчиков не ограничивалась узкой сферой чисто хозяйственных распоряжений. Они деятельно вмешивались во все мелочи жизни крестьянских общин. Приказчики принимали участие во всех, без исключения, решениях общинных сходок, стараясь регулировать их в соответствии с требованиями владельца.

Деятельность строгановских приказчиков контролировалась выборными крестьянами. Они присутствовали при взвешивании соли, определяли степень пригодности судов для навигации, охраняли острожки[10] Впервые выборы доверенных крестьян были проведены по указанию С.В.Строгановой в 1820 г от 10 домохозяев был представлен один выборный доверенный крестьянин.

С 1817 до 1845 гг имением управляла Софья Владимировна Строганова Она ввела много новшеств и изменений в дела управления имением. В 1819 и 1821 гг составила Положение о третейском суде и заводских судах (расправах) в поместьях Позднее были учреждены для промысловых работников – промысловые расправы, а для крестьян и дворовых людей – словесные суды. Третейский суд был введен для разбора гражданских дел – тяжб или исков. Составлялся он на основе выборности «из зажиточных и больших семей». Члены суда избирались не только из числа управляющих имением, но и из числа крестьян. Суд решал вопросы местного значения, разбирал мелкие проступки, преступления, происшествия в вотчинах Организация судебной части в вотчинах Строгановых в окончательном виде нашла отражение в «Судебном уставе»[11], который регулировал систему принуждения к работам крепостных, предусматривал для вотчинных крестьян и дворовых словесные суды, приравненные к заводским расправам по своей компетенции.По этому уставу крестьяне и дворовые люди подлежали суровому наказанию «за проступки», наносящие ущерб помещичьему хозяйству или связанные с «ослушанием против начальства». Соответствующие параграфы судебного документа предусматривали наказания в следующих формах: посылку на дополнительные работы вне очереди, денежные взыскания, арест на хлебе и воде на определенные сроки, публичное сечение розгами (телесные наказания женщин в вотчинах Строгановых не применялись) и др. репрессивные меры. Наказания могли быть наложены на виновных приказчиками, надзирателями, старостами, управляющими окружных правлений и Главного управления имением. Устав охватывал все стороны жизни крепостного населения вотчин, в частности, ряд его статей относился к регулированию вопросов семейного уклада крестьян.

Вся система управления в строгановских имениях была направлена на поддержание «спокойствия и порядка» и четкого функционирования вотчинного хозяйства

В 1821 г в строгановских имениях была введена ссудная касса с основным капиталом 5000 руб. для выдачи ссуды крестьянам из расчета 40% годовых в сумме, не превышающей 300 ассигнаций на одного домохозяина (касса существовала до 1861 г.). При этом обязательным было внесение задатка за пользование денежными средствами, который засчитывался в счет погашения долга[12]

В 1822 г была учреждена страховая комиссия, которая просуществовала до 1861 г. В имениях вводилось обязательное страхование жизни крестьян от несчастного случая. Добровольно в вотчинах крестьяне могли застраховать свой дом и имущество за невысокую плату[13]

В 1823 г был созван Совет депутатов сельских ведомств в с. Ильинском из-за снижения благосостояния крестьян вследствие неурожаев в предшествовавшие шесть лет На заседании Совета было постановлено: а) сбор денежных повинностей производить два раза в год в два срока: с 1 ноября по 15 декабря и с 20 февраля по 1 апреля; б) сбор оброчного хлеба начинать с 1 октября и завершать 15 ноября,

в) на соляные и железные караваны общества должны избирать крестьян по очереди, соблюдая справедливость и порядок; г) денежные пособия высылаемым крестьянам отменить, д) заботиться о восстановлении благосостояния крестьян, впавших в бедность от неурожая, падежа скота, пожаров и прочего. Крестьян, впавших в бедность по ленности, пьянству, отлучке из дому и распутству, подчинять ближайшему надзору начальства. Учредить в имении господское хлебопашество, на которое и переводить беспечных в своем хозяйстве крестьян, е) накопившиеся недоимки рассрочить на 3 – 4 года Кроме того, по просьбе депутатов были приняты следующие решения: а) уменьшена плата за помол хлеба; б) предоставлено право избирать старост на один год, а не на три, как было прежде; в) увеличена плата за перевозку дров в промыслах; г) отменен сбор меда с ульев и бортей.

Помещики стремились увеличить тяглоспособность крестьянских хозяйств[14], на льготных условиях продавали им хлеб, широкое распространение получила такая форма пополнения средств, как выполнение платных работ на помещика, что подтверждает документ, датируемый 1846 г (существовала такая форма и ранее), – «Сведения по Пермскому имению графа Строганова Г.А.»[15], «Обязанности крестьян к своему владельцу за положенные платы»

1 Доставка соляных караванов до Перми и Нижнего Новгорода;

2. Перевозка солеваренных дров, судовых лесов, заготовка и возка угля для кузниц,

3. Поправка промысловых заведений, господских строений, церквей, мукомольных и пильных мельниц,

4. Выставка сена на усольских полях;

5. Исправление разных оптовых работ для соляных промыслов:

– заготовка рогож подстилочных,

– заготовка мочальных ужиц,

– заготовка дегтя

6. Обязанности крестьян по Кыновскому заводу:

– ежегодно, в три посылки добыча, обжиг и перевозка руды,

– рубка куренных дров,

– выжиг и перевозка угля,

– добыча и вывозка строевых лесов,

– поправка заводских строений и прочее.

7 Обязанности крестьян по Нердвинскому заводу:

– заготовка кузнечных дров,

– жжение и вывозка угля,

–поставка лесных и других материалов,

– поправка господских строений,

– перевозка чугуна и прочего с Усть-Сюзьвенской пристани,

– перевозка якорей и поковок из завода в промыслы и прочего.

8 Исправление пашенных работ на Кокшаровской и Купрсской господской пашне.

9. Заготовка кирпича для господских надобностей в Нердвинском заводе и в селах, и часть для отпуска местным жителям и самим крестьянам на трубы, печи и прочее.

10. Выставка сена на господских покосах в вотчинных селах.

Промысловые крестьяне были приписаны к промыслам, и в их обязанности входило выполнение перечисленных выше работ за установленную плату Занимались этими работами и сельскохозяйственные крестьяне, для которых эти работы были источником дополнительного материального достатка

Основные положения по организации крепостного хозяйства Строгановых были изложены в «Экономическом уставе» (1837 г.)[16] Устав определял обязанности

заводских, промысловых людей и вотчинных крестьян в господской экономии, устанавливал разделение труда между ними, порядок наделения крестьян землей, раскладку платежей: поземельного, денежного и хлебного оброков. В отдельных статьях устава подробно говорится об источниках дохода, получаемого от взимания в различных формах оброка и выполнения разнообразных барщинных работ. Главный мотив «Экономического устава» – обеспечение доходности имения.

При раскладе и сборе податей Главное управление руководствовалось Постановлением о сельском управлении, полученным из Петербургской конторы. Одно за другим посылались предписания сельским приказчикам, старостам и мирским начальникам с требованиями воздействовать на крестьян с целью исправного взноса податей. Одновременно с «увещевательными» указаниями Главным управлением широко применялись и другие, «более действенные меры». Так с 1824 по 1832 гг. «за худое поведение» и неплатеж податей 15 крестьян (часть их с семействами) были переселены на горные заводы с продажей у некоторых пашен и покосов, с обращением вырученных денег в уплату недоимок, до 300 чел. вне очереди были отданы в рекруты[17].

Тягло разверстывалось крестьянами на мирской сходке[18]. Они должны были обрабатывать господские поля и сенокосы в течение трех дней в неделю. Однако барщина могла быть заменена натуральным или чаще денежным оброком. Оброк с земли брался после его уравнения между крестьянами округа[19]. Все наряды и посылки должны были исправляться в течение года, распределялись между крестьянами в соответствии с размерами их наделов. Работники, которые не пользовались землями, от оброка и исправления работ не освобождались. Тягло за них несло все общество, по количеству душ.

Сбор господских податей осуществлялся два раза в год: в начале года и осенью, после сбора нового урожая. Время могло быть изменено, если возникала острая нехватка денежных средств. Хлебный оброк взимался один раз в год – осенью, из первого молочения.

Вотчинные крестьяне оброк и подушную подать платили не с числа работников, а с каждой ревизской души, но так как в числе ревизских душ едва ли третья часть была способна выплатить налоги и выполнить повинности, оклады были уравнены по силам крестьянина, по числу семейства, имуществу, размерам пашни, покосов, промыслов. Ежегодно в сентябре–октябре в Земской избе проходили мирские сходки, где выбирали из крестьян окладчиков, которые изучали состояние хозяйства крестьянина, определяли величину налога. Утверждал налог приказчик, после чего он должен был быть выполнен в обязательном прядке. Не подлежала налогообложению вырубка леса на дрова, на дом (на дрова запрещалось рубить строевой лес); бесплатно крестьяне пользовались охотничьими и рыболовными угодьями. Не облагалась налогом продажа излишков с надела или промысла, налог взимался только за пользование мельницей, но на мельнице работали не сами крестьяне, а наемные из вольных или государственных людей, а мельник, в свою очередь, платил деньгами оброк господам.

С 1721 по 1861 гг. в вотчинах Строгановых действовал порядок выплаты помещиками налогов государству из общей суммы собранных налогов, а не в индивидуальном порядке.

Приведенный ниже документ дает наиболее полные сведения об обязанностях вотчинных, подзаводских и дворовых людей в вотчинах Строгановых в первой половине XIX в., представленный расклад по Очерскому округу был характерен и для других административных территорий имений.

«Предварительные сведения и положения, из коих основываются доходы и расходы по Очерскому округу. 1844 год»[20].

Л.6

ОБЯЗАННОСТИ ЛЮДЕЙ

ВОТЧИННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ:

I. К ГОСУДАРСТВУ

Платят деньги в год с каждой ревизской души деньгами (рублей серебром)

– подушных на содержание дорог и путей	0,95
– на обеспечение народным продовольствием	0,03
– на содержание земских судов	0,09
– вспомогательный земский сбор	0,02
– земские повинности для взноса в казну	0,34 1/7
– сверх того земские повинности с одних помещичьих людей	4/7
ИТОГО	1 рубль 43 5/7 коп.

Л.7

Рекрутская повинность натурой по очереди:

на обмундирование	12–18 коп. (может быть больше)
на жалование, провиант на сдачу в рекруты	в зависимости от размера набора

Если деньги остались после подсчета общей суммы, то они возвращаются обратно в общество, если денег недостаток, они довзыскиваются.

По правилам управляющего Очерского округа дозволяется очередным семействам исправлять рекрутскую повинность наймом желающих по добровольному и обоюдному согласию

Л.8

Исправление трактовых дорог и на них мосты.

На Сибирском, Осинском, Воткинском трактах – протяженность 465 сажень. Кроме натуральных работ заготовляют хрящи и лесные материалы. Исправление трактовых дорог по посылочным зачетам стоит:

всего –	от 3130 до 4570 в год,
на одну ревизскую душу –	23–30 коп. в год.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ

Л.9

а) главные – то есть всеуказанные

б) мирские, то есть по каждому селению от каждой ревизской души.

на содержание церквей	0,20 1/2 к.
на расходы по межеванию	0,3 1/2 к
на содержание поверенных и стряпчих	0,6 1/2 коп
экстраординарные расходы по разным случаям	0,09 коп
содержание приемного стола окружного управления и в его селении	0,03 коп.

содержание приезжающих посторонних в селение и других лиц	3/4 коп
содержание больницы	0,15 коп
жалование сельским приказчикам	0,10 коп
канцелярские издержки по правлению	0,03 коп
содержание дорог, мостовых и перевозов	0,01 коп
содержание Ильинского Третейского суда	0,03 3/4 коп
наем ямщиков для внутренних разъездов по имению и на платеж прогонов по тем же проездам	0,24 коп.
содержание квартир для становых приставов и кормеж подсудимых	0,04 коп
ИТОГО:	1 рубль 40 копеек

Л.10

III. МИРСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ

а) постоянные (всеуказанные)

по предмету благоустройства селения и управления

жалование бургомистрам, старостам, выборным писчикам, оспопрививателям и просвирням, на канцелярские расходы по земским, на освещение и отопление земских домов и приказщичьих, на содержание пожарных инструментов;

б) временные

на поддержание и поправку церквей и других общественных зданий, существующих в селениях, на наем квартир для церковнослужителей, на разные общественные расходы

ИТОГО:	до одного рубля с каждой ревизской души

По предмету продовольствия (сельский указный запас экономического хлеба) до 1841 года вносили в сельские запасные магазины

ржи	4 гарнца
овса	1/2 гарнца в год с каждой ревизской души
С 1844 года озимого ярового	получетверть, четверть с каждой ревизской души

Л.11

К помещику

вотчинные крестьяне получают в землепользование

а) земли пахотные, сенокосы, выгоны

б) леса и изделия и продукты из него

За это платят с ревизской души деньгами	2,29 рубля
хлебом:	
муки ржаной – 3 1/2 пуда по 35 коп =	1 рубль 22 1/2 коп
овса – 2 четверти по 80 коп =	0,20 коп.
ИТОГО	1 рубль 42 1/2 коп.

Они должны доставлять к месту назначения караваны, соляные, железные, чугунные. Исправлять работы в заводах, промыслах, селениях при возведении новых и поддержании старых господских заведений и домов. Заготовлять и достав-

лять в Очерский завод для раздачи служащим и на отопление господских заведений квартирные дрова, лесные и другие материалы из дач

Выставлять на господских покосах экономическое сено.

Вместо натуральной высылки рабочих на Билимбаевские золотые прииски платить наличными деньгами по посыльному штату – 2,40.

ИТОГО: 6 рублей 11 1/2 коп

Ямщики с Дубровского должны содержать на вольных условиях ямскую пятипарную гоньбу, по жительству своему, на Сибирском тракте должны содержать постой для проходящих в Сибирь и обратно воинских частей и арестантских партий, за что освобождены от платежа за землю, караванных посылок и исправления трактовых дорог

Л.12

ОБЯЗАННОСТИ ПОДЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН

I. К ГОСУДАРСТВУ

Они платят с каждой ревизской души то же, что и вотчинные

а именно: 1 рубль 43 5/7 коп.

На наем ямщиков и отправление пятипарной повинности 0,03 коп.

Отправляют рекрутскую повинность так же, как и вотчинные крестьяне.

II ОБЩЕСТВЕННЫЕ

а) всеуказанные

на содержание больницы 0,06 коп.

на наем ямщиков для внутренних разъездов и платеж прогонов 0,32 1/2 коп.

б) мирские

то же, что и вотчинные на постоянные расходы 0,23 коп.

на временные расходы с 1-й ревизской души от 0,3 до 0,5 коп.

Так же, как и вотчинные, крестьяне по мере надобности исправляют проселочные дороги и содержат запасы указанного экономического хлеба.

Подушные на всеуказанные надобности у подзаводских крестьян удерживаются из платежей по работам, так взыскиваются и мирские расходы, а у некоторых, уволенных из общества, но пользующихся землями, взыскиваются на лицо.

Л.13

III К ПОМЕЩИКУ

За пользование пашенными и сенокосными землями в достаточном количестве, за установленную за это плату должны заготовлять для Очерского и Павловского заводов лесные материалы, громокатальные и квартирные дрова, строительный лес, молотовица, ладани и другое.

Производить сдельные работы по поставке господского сена и в малом количестве бутового и известкового камня

Л.14

ОБЯЗАННОСТИ ПРИПИСНЫХ ПАХОТНЫХ КРЕСТЬЯН К ОЧЕРСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Не платят денежной государственной повинности и повинностей, которые вносятся из экономии.

Рекрутскую повинность несут на равных с прочими, отправляя ее вместе с сообществом подзаводских крестьян Верх-Очерского ведомства, из коего они были отчисленны.

Вносят такое же количество хлеба на составление экономического запаса.

Освобождаются от хлебных взносов, общественных, мирских, за исключением взноса на больницы 0,06 коп.

Взамен этого они должны заниматься работами при Очерском хозяйстве за полагаемое жалование 17 рублей 18 копеек в год на одного работника

Л.15

Хлебной выдачи не на себя, не на семейство они не получают, имея для этого в пользовании пашни и покосы и для обработки увольняются на 2-3 дня в месяц, а в посевное и страдное время от 10 до 14 дней.

Л.16

ОБЯЗАННОСТИ МАСТЕРОВЫХ

Государственные повинности вносятся за них из казны хозяйства.

Рекрутскую повинность вносят натурой, но ее могут заменить из того же класса мастеровых балуками или могут быть освобождены.

Все расходы, связанные с отдачей в рекруты, вносятся из казны хозяйства.

Обязаны исполнять заводские работы за определенные по штату платежи и другие пособия.

Л.17

ОБЯЗАННОСТИ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ

Государственные повинности выплачиваются их казны хозяйства.

Рекрутскую повинность отправляют через комитет депутатства из дворовых людей. Могут быть освобождены от рекрутской повинности по усмотрению начальства, тогда очередь исправляется балуками из того же класса.

Обучавшиеся в горнозаводской школе набору в рекруты подвергаются только за особые проступки и с разрешения Главной Санкт-Петербургской конторы

Расходы по отправлению в рекруты берет на себя казна хозяйства

Могут менять место службы и переходить из округа в округ с разрешения начальства, в управлении которого служили

ДЕТИ ДВОРОВЫЕ

Мальчики 7-8 лет поступают в школы для обучения, а не способные к наукам отдаются в обучение какому-либо полезному мастерству

Девочки низших служителей с 16-летнего возраста занимаются пряжей льна для Ильинской ткацкой фабрики с производством хлебной выдачи по 2 пуда на месяц без вычета.

Казенные подати со всех пяти классов взыскиваются с мирских обществ Очерского округа по количеству и качеству пахотной, сенокосной и выгонной земли на основании условий.

Л.18

СБОР ХЛЕБНОГО ПЛАТЕЖА

По количеству и качеству земли хлеб получать с крестьян на лицо и складывать в сельские оброчные магазины до отпуска служащим или перевозки к заводам Перевозка хлеба в заводы из крестьянских домов запрещена

Оброк с крестьянских мутовочных мельниц взимается в соответствии с заключенными условиями в зависимости от годового размола хлеба на таких же мельницах и расстоянии их от ближайших господских мельниц.

РАЗНЫЕ ДОХОДЫ

Оброк с дворовых и мастеровых, увольняемых в повольные работы по паспортам

Пошлина с приезжающих в имение скорняков, за допущение их к выделке овчин, крашению холстов и прочее.

От продажи провианта в заводских магазинах.

От продажи остаточных коломенок.

Разнообразные мелочные получения

***

Вотчинники постоянно совершенствовали систему регулирования общественной и экономической жизни, чтобы имения «приносили выгоду», а «благосостояние» крепостных росло. 24 декабря 1848 г граф С.Г.Строганов издает «Положение о распределении дел и занятий по управлениям»[21] В некоторых параграфах этого документа нельзя не заметить желание графа поддержать благосостояние вверенных ему крестьян.

В 1846 г посетив Пермское имение, С Г Строганов решил, что состав управления не «соответствует началам хорошей администрации», так как «нет стройного хода в хозяйственной системе ни единства...» Поэтому приказом от 9 сентября 1846 г было упразднено Общее присутствие окружных управляющих, главный контроль и должность инспектора заводов, образованы Главное управление и вотчинное правление в с Ильинском и окружные правления в Очерском и Билимбаевком заводах, в с. Усолье и на Иньве. Главноуправляющим был назначен В.А.Волегов. В «Положении» говорится, что «Главное управление заведует всеми вообще делами по Пермскому нераздельному имению»[22] Также оно определяло круг обязанностей Главного управления и его руководителя

Хотя Строгановы жили в Петербурге, они внимательно следили за всей системой управления вотчинами, поддержанием доходности хозяйств и благосостоянием подданных крестьян.

Таким образом, все стороны жизни общества в вотчинах Строгановых были регламентированы, управление громадным вотчинным хозяйством осуществлялось большим штатом служащих разветвленного управленческого аппарата, построенного на началах строгой регламентации, централизации В округах существовали окружные управления, промысловые и заводские конторы, подчиненные Главному управлению, которое, в свою очередь, получало директивы непосредственно из Петербургской конторы по управлению всеми имениями Строгановых. Главное управление находилось в с. Ильинском и имело доверенного, постоянно проживавшего в г Перми Низовыми органами являлись ведомства, а органом управления каждого была земская изба, во главе которой стоял сельский приказчик Организация вотчинного хозяйства Строгановых имела многие индивидуальные особенности, но в целом была общей для всех крупных вотчинных хозяйств

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Александров В.А.* Сельская община и вотчина в России XVIII – начала XIX в // Исторические записки. М., 1976. Кн.89. С. 38.
2. Дополнение к актам историческим. Пермь. 1923. Вып.2. С. 31
3. *Карнович Е.А.* Замечательные богатства частных лиц в России М., 1991 С. 131
4. *Рогов Н.А.* Материалы для истории Пермского нераздельного имения графов Строгановых Пермь, 1892. С. 13.
5. Там же.
6. ИРКМ. Осн. фонд. Д. 733. Л. 84.
7. *Маханек К.С.* К истории помещичьего хозяйства на Урале 40-50-х гг XIX века // Уральский археологический ежегодник. Пермь, 1970. С 269
8. *Горовой Ф С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь. 1967 С 30
9. *Горовой Ф.С.* Указ. соч. С. 30
10. *Введенский А.А.* Торговый дом Строгановых М. 1977 С 97-98
11. Пермский край. Сб. Т 3. 1895. С. 84-89.
12. ГАПО Ф. 672. Оп. 2. Д. ___. Л. 15.
13. Там же. Л. 14.
14. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М 1967 С. 143-145.
15. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 956. Л. 9.
16. Пермский край. Т 3. Пермь, 1895. С. 105-121.
17. ГАПО. Ф. р.1595. Оп. 1 Д. 3. Л. 21.
18. Пермский край. Указ. соч. С. 243.
19. ГАПО. Ф. 672. Оп. 1 Д. 114. Л. 38.
20. РГАДА. Ф. 1278. Д. 2141. Л. 6-18.
21. *Вологдин И.* К материалам для биографии графа Строганова. Пермь, 1895. С. 36
22. *Вологдин И.* Указ. соч. С.45.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИРКМ – Ильинский районный краеведческий музей.
ГАПО – Государственный архив Пермской области
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

И.В.Побережников

МЕЛЬНИЦЫ ПРАВОСУДИЯ: МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ЧИНОВНИКА Н.С.ПАВЛОВА (1842–1846 гг.)

В апреле 1842 г селения государственных крестьян в Зауралье были охвачены бурными волнениями, направленными против новой системы управления, которая вводилась в 1837–1841 гг в ходе реформы П.Д.Киселева[1] Летом еще продолжались следствие и суд над бунтовщиками, наказание их. В это время, в конце июня, в Камышлове земский исправник Рафаил Александрович Черносвитов, в будущем революционер, активный участник «пятниц» Петрашевского[2], а пока распорядительный государственный чиновник, бдительно стоящий на страже социальных устоев, задерживает коллежского секретаря Николая Семеновича Павлова, который подозревается в подстрекательстве крестьян к новым выступлениям

Беда Н С.Павлова, по нашему мнению, заключалась в излишнем патриотическом рвении, которое выразилось в стремлении вскрыть язвы провинциального

общества, собрать информацию («компромат», выражаясь современным жаргоном) об административных и социальных непорядках и злоупотреблениях местного чиновничества с целью их искоренения и дальнейшего совершенствования бюрократического аппарата и механизмов управления. Проводя самостоятельное расследование причин и поводов крестьянских волнений, незаконных действий провинциальных властей, Н.С.Павлов, естественно, превышал свои полномочия Местные чиновники дружно ополчились против незваного разоблачителя с его несанкционированными ревизиями и на три с половиной года, пока неспешно шли следствие и суд над Павловым, обезопасили себя Коллежский секретарь заплатил за свое рвение на пользу отечества не только длительным заключением в тюремном остроге, некомфортабельные условия которого ярко описываются самим Н.С.Павловым в публикуемом ниже документе, но и увольнением от службы, многочисленными унижениями и тяготами.

Следует сказать несколько слов о Н.С Павлове, поскольку он не был заурядным провинциальным чиновником, а факты его биографии и служебной карьеры в определенной степени объясняют его поведение, приведшее к столкновению с представителями местной, деспотичной, алчной, не щепетильной в выборе средств администрации. В 1842 г Павлову исполнилось 40 лет Происходил он из социальных низов, солдатских детей Службу начал в 1818 г учительским помощником в звериноголовском военно-сиротском отделении (в Оренбургском крае). В 1826 г был переведен в Санкт-петербургский батальон военных кантонистов. С этого момента восходит его звезда. Начальство замечает неглупого, способного, имеющего легкий слог и чистый почерк, въедливого молодого человека.

Уже в конце года начальник штаба Его ИВ генерал от инфантерии гр.И.И.Дибич командирует Н.С.Павлова для переписки бумаг к (!) председателю Государственного совета и Комитета министров действительному тайному советнику гр.В.П.Кочубею 29 августа 1827 г Павлов определен писарем 1-го класса во 2-е отделение собственной Его ИВ канцелярии Находясь при гр.В.П.Кочубее, Н.С.Павлов был задействован как писарь в секретных комитетах («6 декабря 1826 г », по делам тайных обществ в Царстве Польском, об открытии злоупотреблений по лесной части). Определенные работы Павлов выполнял для статс-секретаря Д.Н.Блудова. За успешное исполнение обязанностей в течение марта 1828 – февраля 1832 гг Павлов 8 раз награждался из сумм Кабинета Его ИВ единовременными денежными пособиями в размере от 150 до 500 руб. ассигнациями. За «отлично усердную службу» 17 июля 1832 г по рекомендации В.П.Кочубея Н С Павлов был произведен в 14 класс, ему было определено годовое жалованье в 800 руб «Похвальная» служба чиновника по-прежнему отмечалась денежными вознаграждениями

14 ноября, в связи со слабым здоровьем, Павлов был определен на службу во 2-е отделение собственной Его ИВ канцелярии Сенатским указом от 27 июля 1836 г он был произведен в губернские секретари (XII класс) со старшинством с 17 июля 1835 г 4 февраля 1837 г по собственному желанию – «для сближения с матерью» – Павлов был переведен на службу в Тобольскую губернию, по сношению министра внутренних дел, статс-секретаря Д.Н.Блудова с тогдашним генерал-губернатором Западной Сибири П Д.Горчаковым По прибытии в Сибирь Павлов был причислен к канцелярии Тобольского общего губернского управления. Предписанием генерал-губернатора Западной Сибири его определили смотрителем заведений Тобольской экспедиции о ссыльных 11 августа 1837 г Н С.Павлов был назначен делопроизводителем комиссии, учрежденной в Тобольске для исследования злоупотреблений по соляной части. Сенатским указом 28 августа 1840 г губернский секретарь был произведен в коллежские секретари, причем старшинство повелевалось считать с 17 июня 1839 г Вскоре, однако, Н С Павлов был уволен от прежних должностей

по предписанию генерал-губернатора и причислен к канцелярии Тобольского общего губернского управления[3]

Характеризуя деятельность секретных комитетов Николая I, С.В Мироненко пишет: «Тайна и еще раз тайна – таков был принцип всей работы. Поэтому большинство комитетов или официально именовались секретными, или даже получали какое-нибудь камуфлирующее название, чтобы совсем уж наверняка не привлечь чье-нибудь внимание Степень таинственности, таким образом, явно повышалась»[4]

Петербургский период жизни не прошел бесследно для Н.С.Павлова. Прикосновенность к высшей тайне в то время, когда Павлов выполнял даже мелочные канцелярские работы для высших государственных учреждений и видных сановников, сформировала в характере чиновника тягу и, наверное, своеобразную любовь к секретной деятельности, потаенному расследованию ради пресечения поступков, наносящих ущерб государственному интересу Есть основания полагать, что уже в Тобольске стремление Павлова к разоблачениям вызвало раздражение более земных и менее озабоченных соблюдением высоких государственных интересов коллег-чиновников – возможно именно этим объясняется увольнение в 1840 г Павлова от должностей, связанных с расследованием. Вряд ли могло быть комфортным самочувствие тоболяков-чиновников, видевших в Павлове соглядатая, доносчика, опасного и потому неприятного человека Последний признавался, что по пути из С.-Петербурга в Тобольск он собрал значительный объем информации «о разных злоупотреблениях, безпорядках и упущениях» в разных губерниях, на основе которой им была составлена записка и подана министру внутренних дел Д.Н.Блудову Вряд ли Павлов с его гипертрофированным любопытством упускал возможность зафиксировать факты служебных злоупотреблений своих тобольских коллег Известно, что в 1842 г он вез с собой из Тобольска в Петербург «памятные записки» о злоупотреблениях, в которых тобольские власти не были обойдены вниманием.

С 24 мая 1842 г по собственной просьбе (с целью устройства детей в казенное учебное заведение и свидания с родственниками) Павлов был уволен в отпуск сроком на 3 месяца, ему было дано разрешение на поездку из Тобольска в столицу Посетив мать, проживавшую в крепости Звериноголовской Оренбургской губернии, чиновник направился в Шадринск, а затем в Камышлов, куда и прибыл вечером 27 июня.

Между тем 26 июня ирбитский земский исправник подпоручик Р.А.Черносвитов, переведенный на ту же должность в Шадринский уезд, по дороге из Шадринска в Ирбит получил сведения, что неизвестный чиновник уже с 24 июня в Шадринском уезде, в частности в заштатном г.Далматове, проводит «помимо местного начальства» опросы крестьян, забирает у некоторых из них податные листы. Черносвитов сразу же приступил к розыску и вскоре открыл, что 27 числа указанный чиновник покинул уезд, через Тамакульскую и Скатинскую волость уехал в Камышлов, где остановился на квартире солдата Барабошкина. Черносвитов вместе с местным городничим Стрекаловым нашел чиновника (28 июня), которым и оказался коллежский секретарь Н.С Павлов, отобрал у него удостоверяющий личность билет и копию с формулярного списка, отправил в Камышловский земский суд для дальнейшей пересылки в Шадринский земский суд[5]

30 июня Н.С.Павлов был доставлен в Шадринск и помещен на обывательской квартире под бдительным присмотром. В тот же день Шадринский земский суд вручил задержанному вопросные пункты, ответы на которые коллежский секретарь представил на следующий день. Павлов объяснял, что по увольнительному виду, данному тобольским гражданским губернатором, он ехал в Санкт-Петербург В Далматове останавливался с вечера 24 по 27 июня за исключением нескольких часов

26 числа. Павлов сообщил, что в Далматове, как только он туда приехал, к нему явилось множество крестьян, которые просили его о «исходатайствовании им прежняго порядка в крестьянском быту» Данное обстоятельство «завлекло его в любопытство спросить их, чем неудобно для них новое устройство». Селяне отвечали, «что ныне крестьяне стеснены во всех частях в быту их против прежняго, и самые поборы слишком увеличились, а некоторые из них вызвались показать ему податные листы, которые и осмотреть он не отказался»[6]

Вскоре 3–4 крестьян принесли свои податные листы Просмотрев их, Н.С.Павлов, как он писал в ответах в земский суд, сказал крестьянам, «что все то делается по распоряжению правительства и внушил им исполнять таковыя требования безприкословно, причем также он говорил им, что по прибытии его в Санкт-Петербург непременно доведет о том до сведения знатнейших особ, которые его знают с хорошей стороны, так как он служил при них долгое время» Отвергая обвинение земского исправника Черносвитова в том, что он, Павлов, крестьянам «распросы делал, как чиновник, уполномоченный поручением», коллежский секретарь квалифицировал свои отношения с крестьянами Далматовской волости как «лишь обоюдный разговор»

Н.С.Павлов признавался, что 26 июня он выезжал в с.Широково, заинтригованный рассказами волостного головы Игнатия Иванчикова о недавних волнениях в Далматове и Широкове, во время которых «бунтовщики нещадно били волостных и сельских начальников, а тамошний священник Гвоздев будто бы кричал бунтовщикам «бейте их как собак и тому подобное»» При этом голова утверждал, по словам Павлова, «что в Далматове еще не столько был силен бунт, как в селении Широкове, в котором было даже смертоубийство» В Широкове, согласно показаниям Павлова, он опять же имел «обоюдные разговоры» с крестьянами, побывал в гостях у священника Дмитрия Попова а затем вернулся в Далматов[7]

Отобранные у Н.С.Павлова бумаги и ответы были представлены пермскому гражданскому губернатору, который передал их в губернское правление. Последнее предписало 11 июля шадринскому земскому исправнику Р.А.Черносвитову при депутате со стороны местного управления государственных имуществ произвести строжайшее исследование о действиях Павлова. Черносвитов совместно с шадринским окружным начальником Кирхнером приступили с 22 июля к распросам крестьян Далматовской волости Показания крестьян, собранные исправником и окружным начальником, рисовали действия Павлова как подозрительные и сомнительные с точки зрения лояльности Однако, если учесть оценки местной администрации и методов, к которым она прибегала, данные Н.С.Павловым в публикуемом ниже документе, можно с большой долей уверенности говорить о сильном административном давлении, оказанном Черносвитовым и Кирхнером на крестьян-свидетелей. В этом же убеждает отказ впоследствии многих крестьян от данных ими признаний или их корректировка.

Крестьянские показания изображают деятельность Павлова как целенаправленное расследование, санкционированное высшей властью. Так, Л.Боголюбов рассказывал, что чиновник, приехав в Далматов, вызывал крестьян, расспрашивал их «о числе податей, о земле, дровах, лесе, угодьях и о причинах бунта», «нет ли от кого притеснений и обид», приказывал доставить ему табель о податях и сборах, которую забрал с собой, не оплачивал прогонов за свои поездки, якобы часто пил водку По словам крестьян, Павлов неоднократно заявлял, что «он, чиновник, прислан от государя», «командированный от высшаго начальства для розыскания причины, от чего происходило между крестьянами возмущение, на это он имел секретное предписание»[8]

В конце июля Н.С.Павлов был вызван Черносвитовым и Кирхнером для очных ставок со свидетелями в Далматов, где он стал очевидцем жестокой экзекуции над

крестьянами. Павлов отказался пойти на очные ставки, аргументировав это тем, что следствие незаконно поручено Черносвитову, который ведет его пристрастно, поскольку сам является заинтересованным лицом, а также тем, что деспотическая власть исправника и окружного начальника, основанная на плетке и кулаке, не позволяет надеяться на объективность крестьянских показаний

У привезенного в Шадринск Павлова городничим был произведен обыск, в результате чего были обнаружены прошения и черновые письма, а также «записки памятные о противозаконных действиях, злоупотреблениях чиновников по Тобольской и Оренбургской губернии»[9]

9 декабря Н.С.Павлов был арестован и помещен в караульном помещении при шадринском тюремном остроге. Его дело было передано в уездный суд. Первоначально Павлов отказывался давать показания, объясняя, что исправляющий должность уездного судьи заседатель земского суда Пантелеймонов норовит Черносвитову поскольку находится в зависимости от него. Затем представил подробные ответы на вопросные пункты, составленные 25 января 1843 г в которых отвергал предъявляемые ему обвинения в подстрекательстве крестьян к бунту и в оскорблении исполнявших свои обязанности чиновников – исправника и окружного начальника. Себя Н.С.Павлов изображал жертвой клеветы со стороны Черносвитова и его сообщников. При этом Павлов уже не отрицал того, что собирал сведения о злоупотреблениях местной администрации с самыми благими целями, и обосновывал право человека, находившегося на государственной службе, совершать подобные действия. Впоследствии в записке на имя шадринского уездного стряпчего от 13 июля 1843 г. Н.С.Павлов, оправдываясь, замечал: «Чиновник, получивший доверие начальства и допущенный к управлению людьми, ведя себя пристойно и поступая согласно существующим узаконениям безпристрастно, не будет опасаться проезжих и коснувшихся до быта крестьянскаго лиц, законное право на то имеющих. Чистый совестью и благомыслящий местный начальник в подобных случаях с спокойным духом сам себе сказал бы: «Пусть ищет злоупотребление в другом месте, а не сдесь»»[10]

Между тем 29 января 1843 г губернское правление уведомило уездный суд об увольнении Н.С.Павлова от должности в Тобольском губернском правлении в связи с истечением срока его отпуска и неявкой чиновника во-время на место службы[11]

Наконец весной Шадринский уездный суд завершил рассмотрение дела Н.С.Павлова и представил экстракт по нему на ревизию в Пермскую палату уголовного и гражданского суда. Последняя посчитала дело неполным и поручила провести доследование чиновникам особых поручений при гражданском губернаторе Тетюеву и Голоушеву. Те вновь допрашивали свидетелей против отставного коллежского секретаря, устраивали им очные ставки с Н.С.Павловым. При этом показания крестьян обнаруживали определенные расхождения в сравнении с их же ответами, данными ранее подпоручику Р.А.Черносвитову Крестьяне объясняли это «запамятованием от давно прошедшаго времени» Лишь один И.Мыльников подтвердил прежнее показание о якобы произнесенных Павловым словах, «что он послан от Государя» Сам Павлов категорически отрицал обвинение в подобном заявлении, признавая лишь то, что в разговорах с крестьянами иногда замечал, «что это обстоятельство, может быть, дойдет до сведения Государя»

Уездный суд, дополнив составленную ранее выписку доследованием Тетюева, вторично представил свое решение в Пермскую судебную палату Предлагалось оставить Н.С.Павлова в подозрении относительно «разъезда чиновника по уезду с намерением воспользоваться простотою крестьян и получить от них по быту их сведении и в допущении себя называться командированным чиновником», а многомесячное пребывание его на гаубтвахте при тюремном замке зачесть в качестве наказания за оскорбительные выражения в ответах и грубости против Черносвито-

ва, Кирхнера, Стрекалова, станового пристава Лаского Таким образом уже на этом этапе главное обвинение, которое, собственно, и послужило основанием для задержания Н.С.Павлова, было признано несостоятельным, не доказуемым. Вряд ли оправданным выглядело столь суровое наказание – длительное тюремное заключение – за сомнительное оскорбление должностных лиц Шадринского уезда Тем не менее Пермская судебная палата одобрила решение уездного суда и представила его на утверждение гражданскому губернатору[12]

В это время всплыло новое неожиданное обвинение против Н.С.Павлова Оренбургский военный губернатор препроводил пермскому губернатору вопросы Челябинской военно-судной комиссии на имя Павлова. Из вопросов следовало, что во время содержания арестованного на гаубтвахте в Шадринске ему позволялось в великий пост 1843 г по субботам посещать баню отставного унтер-офицера Полева. В это время Павлов якобы получил от крестьянина Воскресенской волости Челябинского уезда Ивана Федорова Фадюшина бумаги о том, «что будто бы крестьяне Челябинскаго уезда отданы во владение помещику или в удел»[13] При этом Н.С.Павлов вроде бы обещал представить бумаги, за которые он заплатил Фадюшину 10 руб., императору

22 июля Н С.Павлов высказался по поводу вопросных пунктов: «он удовлетворительных ответов на оные дать не может до того времяни, пока не удостоится получить общих распоряжений гг.председателя Государственного совета, шефа корпуса жандармов и действительного тайного советника Дмитрия Николаевича Блудова для разъяснения причин и обстоятельств». К своему объяснению Павлов приложил копии с донесений председателю Государственного совета и Комитета министров гр.И.В.Васильчикову, д.т.с.Д.Н.Блудову и гр.А.Х.Бенкендорфу от 23 июня, в которых он сообщал, что приобрел «весьма близкие доводы к раскрытию причин, от которых произошли в Пермской и Оренбургской губерниях: Ревдинское, Камышловское, Шадринское и Челябинское возмущения[14] крестьян» Бумаги эти были возвращены Павлову[15]

Кроме того крестьянин дер.Ушаковой Песчанской расправы Верх-Теченской волости Шадринского уезда Федот Петров Жаворонков, осужденный и заключенный в тюремном замке за участие в волнениях 1843 г показал в присутствии Шадринского военного суда, что в тюрьме общался с чиновником Н.С.Павловым, который якобы сказал ему, что «казенные крестьяне действительно поступили во владение какого-то господина и у него есть по этому предмету дела» Н.С Павлов отказался давать (11 декабря 1843 г) «удовлетворительные ответы» на вопросы военного суда в связи с пристрастными действиями губернских и уездных чиновников до получения им общих распоряжений от высших сановников, на адрес которых он написал донесения[16]

Таким образом уральская администрация попыталась, похоже осознанно, понимая неубедительность и недостаточность прежних обвинений, связать дело Н С.Павлова с крестьянскими выступлениями марта-апреля в Пермской и Оренбургской губернии, во время которых уже отставной чиновник находился под стражей в Шадринске. В связи с этим заслуживают внимания два документа, приложенные к делу: копии с отношения Оренбургской палаты государственных имуществ от 9 апреля и с донесения шадринского городничего от 29 апреля 1843 г В первом Оренбургская палата констатировала, что «в Челябинском округе носятся слухи, что в Шадрине содержится под арестом какой-то чиновник Павлов, служивший будто бы в собственной Его Величества канцелярии, впоследствии в Сибири и наконец по бывшим между государственными крестьянами в Пермской губернии в 1842 году безпорядкам взят под стражу» Палата признавала отсутствие основательных доказательств причастности Н.С.Павлова к сочинению подложных указов о передаче государственных крестьян Челябинского округа в помещичье владение,

однако, учитывая имевшиеся у нее сведения, что крестьянин Фадюшин получил эти бумаги от какого-то арестанта из Камышловского острога, а также то, что некоторые крестьяне Челябинского округа имели контакты в Шадринске с Павловым, предлагала усилить надзор за Павловым Подозрения чиновников министерства государственных имуществ против Павлова усиливало то обстоятельство, что челябинские крестьяне намеревались захваченных ими чиновников отправлять в шадринский острог, «чем доказывали, что в том городе предполагают иметь какую-то опору». В общем Оренбургская палата считала, что предосторожность в отношении Н.С.Павлова может быть не бесполезной.

Само по себе распространение среди крестьян слухов о Павлове как чиновнике, посланном от государя, не было неожиданным Критические социальные ситуации культивировали в народе надежды на прибытие справедливых царских агентов[17] Контекст волнений 1842–1843 гг в ходе которых крестьяне боролись против «незаконных» действий местной администрации, способствовал появлению подобных слухов. Факты биографии Н.С.Павлова (работа в секретных комитетах, в частности) благоприятствовали превращению его фигуры в народном сознании именно в того желанного царского посланника, который разоблачит и дезавуирует действия местных властей, осуществит коммуникацию царь–общество, минуя коррумпированных представителей местного управленческого аппарата

Шадринский городничий в своем донесении, защищая местные правоохранительные органы, по своему оправдывал Н.С.Павлова Он утверждал, что заключенный под стражу «при неослабном военном карауле» Павлов «не мог иметь ни с кем из посторонних никаких сношений и бумаг, кроме тех, какие требовались от него вопросными пунктами по производившемуся об нем делу Писать ему не дозволялось, а естьли действительно ссылается кто в получении будто бы от него бумаг, то по одним слухам, распущенным об нем теми крестьянами, в которых он во время бывшаго в 1842 году возмущения принимал участие[18].»

Дело Н.С.Павлова было дополнено новыми документами и вместе с решением по нему Пермской палаты уголовного и гражданского суда представлено в Сенат по 6-му департаменту Сенат, посчитав его незавершенным, вернул в Пермскую судебную палату и рекомендовал последней дать установленный ход переданным из Челябинской и Шадринской военных комиссий обстоятельствам, которые касались Н.С.Павлова. Новое решение можно было принимать, «не стесняясь прежним»

Между тем 11 сентября 1844 г министр внутренних дел Л А.Перовский информировал пермского гражданского губернатора И.И.Огарева о высочайше утвержденном положении Комитета министров по поводу военно-судного дела о крестьянах Шадринского уезда, оказавших «неповиновение и буйство против начальства» в 1843 г 9-м пунктом положения повелевалось подвергнуть рассмотрению Екатеринбургского военного суда оставленные без обсуждения поступки чиновников – Н.С.Павлова и Н.Ф.Сарафанникова, которому предъявлялись схожие обвинения. В соответствии с этим требованием 4 ноября губернатор распорядился о проведении Екатеринбургским военным судом следствия по делам чиновников[19]

Так появилось на свет судебно-следственное «Дело по обвинению отставных коллежского секретаря Павлова и коллежского регистратора Сарафанникова в подстрекательстве крестьян Шадринского и Челябинского уездов к неповиновению власти» на 258 листах (10 ноября 1844 – 15 марта 1846 г.), которое ныне хранится в фонде Екатеринбургского военного суда Госархива Свердловской области (Ф 477 Оп. 1. Д. 9).

Показательно, что пермский губернатор И.И.Огарев принимал самое деятельное участие в решении судьбы Н.С.Павлова. 20 января 1845 г он требовал от Екатеринбургского военного суда «принять решительныя меры к скорейшему окончанию дела», регулярно, через каждые две недели, информировать его о ходе

расследования 10 февраля он повторил свое требование «о немедленном окончании дела сего, решив оное без очереди» Центральные власти также требовали ускорить расследование Получив отношение товарища министра юстиции о принятии к скорейшему окончанию дела о Н С.Павлове, 16 февраля И.И Огарев в очередной раз поторопил военный суд После этого последовало предписание министра внутренних дел пермскому губернатору от 21 марта, в котором сообщалось о новом высочайшем повелении по поводу немедленного окончания дела о коллежском секретаре Н С.Павлове. И.И Огарев дал военному суду (предписание от 7 апреля) 2 недели для завершения дела, пригрозив его членам в случае неисполнения своего приказа отрешением от должностей и отдачей под суд, как «нерадивых и неблагонадежных»[20] Екатеринбургский военный суд справился с заданием раньше отведенного срока, не внеся каких-либо новаций по существу дела

В конце 1844 г губернатор выслал в военный суд дело уволенного от службы коллежского секретаря Н.С.Павлова, бывшее в рассмотрении Пермской палаты уголовного и гражданского суда. Весной 1845 г военный суд на основе дела и экстрактов, присланных гражданским губернатором и Шадринским уездным судом, подготовил записку о действиях Н.С.Павлова и Н.Ф Сарафанникова во время неповиновений крестьян Шадринского и Челябинского уездов, выдержка из которой и публикуется нами. Обвиняемым была предоставлена возможность ознакомиться с запиской. По ее прочтении Н.С.Павлов составил подробные критические замечания по поводу пристрастного хода следствия.

3 мая Н.С.Павлову была объявлена сентенция военного суда, дело о Павлове и Сарафанникове было вторично представлено в Сенат. Последний нашел, что «хотя коллежский секретарь Николай Семенов Павлов и не сознается в разъезде по Шадринскому уезду в виде доверенного от Государя Императора чиновника для раскрытия будто бы причин бывшаго возмущения в уважении, что для облегчения их исходатайствует он прежний порядок в управлении государственными имуществами и, наконец, во внушении тем крестьянам вредных мыслей, что окружной начальник Кирхнер обращается с ними жестоко, по показанию многих крестьян и по обстоятельствам дела навлекает на себя в том сильное подозрение» В связи с этим Сенат одобрил решение военного суда по делу Павлова. оставить Павлова в сильном подозрении, подвергнуть его надзору начальства, подсудимость внести в аттестат; за оскорбление Кирхнера, Черносвитова, Стрекалова выдержать неделю в тюрьме. Сенатский указ по поводу Н С.Павлова был направлен в Пермскую палату уголовного и гражданского суда 30 ноября. Пермская палата отправила соответствующее распоряжение в Екатеринбургский военный суд уже 11 января 1846 г [21]

Дело чиновника Павлова наконец-то было завершено Однако известно, что 20 октября 1846 г Павлову все же удалось представить на высочайшее имя записку, в которой критиковалась новая система управления в государственной деревне и разоблачались злоупотребления администрации Пермской губернии[22] Таким образом, история чиновника Н.С.Павлова имеет свое продолжение.

Публикуемые нами материалы – показания коллежского секретаря, им же написанные – представляют ценность сами по себе Н С.Павлов мрачноватыми красками нарисовал картину провинциального общества николаевской эпохи. По своей жуткой тональности она напоминает произведение маркиза А.де Кюстина, посетившего Россию в 1839 г [23]

В образных портретах всесильных, деспотических, фантастически безнаказанных чиновников, с сарказмом нарисованных Н С Павловым, узнаешь «невидимых деспотов», «пигмеев-тиранов» А.де Кюстина, которые подменяют императорский абсолютизм бюрократической тиранией.

Крестьяне – также герои в картине Н С.Павлова. В отличие от французского маркиза, который черпал представления о простом люде из окон своей кареты и

светских разговоров, Павлов знал народ не понаслышке и относился к нему с симпатией. С сожалением рисует он задавленное, угнетенное административным произволом крестьянское общество, способное выразить свой протест лишь бессмысленными и беспощадными бунтами.

Существенное внимание Н.С.Павлов уделил описанию тюремного быта – теме, впоследствии тщательно и глубоко проанализированной в русской литературе (Ф.М.Достоевский, А.П.Чехов, Л.Н.Толстой, А.И.Солженицын).

Публикация подготовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Все даты приводятся по старому стилю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волнения весной 1842 г. были этапом более продолжительного протеста государственной деревни в 1841–1843 гг. См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. II: Реализация и последствия реформы. М., 1958. С. 456–524, *Токарев С.В.* Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939; *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 153–178.
2. См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Петрашевцы. М., 1965. С. 111–113; *Карцов В.Г.* Деятельность петрашевца Р.А.Черносвитова в Сибири (Из истории сибирской золотопромышленности) // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 248–259.
3. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 104 об.–109.
4. *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 101.
5. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 103 об.–104 об.
6. Как справедливо отмечает историк Н.А.Миненко, реформа П.Д.Киселева (1837–1841 гг.), целью которой было усиление бюрократической опеки над деревней, «подрывала значение схода и существенно ослабляла зависимость выборных должностных лиц от общины». Поэтому протест крестьян против новой системы управления в 1841–1843 гг. являлся во-многом борьбой за сохранение (или восстановление) крестьянского самоуправления: «возможность по своему усмотрению обновлять состав исполнительных органов позволяла миру держать их под контролем и затрудняло наступление доморощенного начальства на общинную демократию». См.: *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1991. С. 220.
7. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 109 об.–113.
8. Там же. Л. 113–117 об.
9. Там же. Л. 118–120 об.
10. Там же. Л. 174 об.
11. Там же. Л. 121–161 об.
12. Там же. Л. 165 об.–171.
13. Под бумагами, очевидно, подразумеваются подложные указы от имени Николая I и палаты государственных имуществ о передаче крестьян «в удел», составленные зимой 1843 г. крестьянами Челябинского уезда: дер.Березомысской И.Ф.Фалюшиным («Люсым»), с.Воскресенского А.И.Варушкиным, дер.Черноярской К.И.Милехиным и отставным солдатом А.Седачевым, – и сыгравшие роль стимулятора протеста в марте-апреле в Челябинском и Шадринском уездах. См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. II: Реализация и последствия реформы. М., 1958. С. 481–484; Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. Сб.док. М., 1961. С. 482–485, 497–498, 506–507.
14. Волнения углежогов Ревдинского завода произошли в 1841 г. Выступления крестьян Камышловского, Шадринского и Челябинского уездов имели место в 1842–1843 гг.
15. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 16–17 об., 41–42, 171 об.–173 об.
16. Там же. Л. 36–37, 178–178 об.
17. *Побережников И.В.* Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 30–31.
18. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 179–181.
19. Там же. Л. 20–21, 94–95.
20. Там же. Л. 29–29 об., 64–64 об., 67–67 об., 91–91 об.

21. Там же. Л. 254–255 об.
22. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община. С. 57
23. *Кюстин А.* Николаевская Россия. М. 1990.

1845 г. не позднее 12 апреля. Из записки, составленной в Екатеринбургском военном суде, о действиях отставного коллежского секретаря Н.С.Павлова во время неповиновений крестьян Шадринского и Челябинского уездов[1].

[Л. 125 об.] Не упомнит в какое время, в июле месяце 1842 года[2] явился к нему в квартиру разсыльный с приказом Шадринского земского суда и объявлено, чтоб он, Павлов, ехал с ним в Далматов к исправнику. Посмотрев в приказ, он счел за нужное списать с онаго копию, которая у него отобрана вместе с другими бумагами г.городничим. Отправившись в Далматов и при въезде в оный большою дорогою съехались с ним с правой стороны, должно быть из дер.Широковой, сидевшие в одной повозке рядом окружной начальник и земской исправник, которым он, сняв фуражку, почтительно поклонился, но с их стороны не был удостоен ответом на поклон его. По приезде же к квартире этих гордых господ и при выходе из повозок как ими, так Павловым, он опять подобно прежнему поклонился им, титулярному советнику Кирхнеру и подпоручику Черносвитову, но тоже неудачно. Они, будто бы [Л. 126] не видя делаемой им чести, гордо и с явным пренебрежением отвернулись. Первый же из них с важностию пошел в растворенные настежь ворота на двор, наполненный крестьянами, на лицах которых был виден страх и ужас. А второй, показывая на его, повелительным голосом сказал находящемуся тут волостному голове Иванчикову: «Поставь его куда-нибудь поблизости на квартиру!» И квартира была отведена тот час же близ их, гг. Кирхнера и Черносвитова, и наряжено несколько человек караульных крестьян для надзора за ним, как за каким-нибудь важным государственным преступником или аттаманом[3] разбойничей шайки, угрожавшим раззорить мирных крестьян и навлекшим тем всеобщее народное спокойствие.

Находясь в таком положении на квартире довольно долгое время, он смотрел в окно. Как между тем небо накрылось густыми тучами, плавающими под сводом, [Л. 126 об.] и от сильнаго ветра стыкиваясь одна с другою, произвели ужасный гром, страшно сверкающия молнии и проливной дождь. В это самое время раздались на улице разительныя крики людей. Будучи от природы жалостив и любопытен, вообразив, не убило ли кого громом и молниею, – он тотчас оделся и вышел за ворота, чтоб узнать причину ужаснаго крика. Этот крик происходил чрез улицу не в дальнем расстоянии от квартиры его наискос в левую сторону за углом. Не обращая внимания на дурную погоду, он побежал на крик. Нашел величайшую толпу крестьян, в кругу коих четверо отставных солдат секли нещадно розгами двух молодых крестьян, лежавших на земле в расстоянии один от другаго сажени на две.

Дом, подле котораго производилась жестокая и страшная экзекуция, по видимой наружности должен быть волостное правление* или сельская управа. Из внутри того дома в окно, [Л. 127] в коем не было вставлено со стеклами рамы, высунулся почти до половины корпуса своего окружный начальник Кирхнер. Опершись локтями на подокон и держа в одной руке парусом для защиты от дождя, кричал солдатам, чтоб они секли крепче. В это время г.Кирхнер показался ему совершенно в исступленном виде. Доказательством тому может служить то, что у него в

вставлено: волостное правление

кричании «сечь крепче» и тому подобное в ожесточении то летели из рота его пенистые брызги, то вдруг опять появлялась на лице довольная улыбка и самолюбие.

Быв зрителем этой ужасной сцены, продолжавшейся близ четверти часа безпрерывнаго наказания двух крестьян с переменою лишь тех солдат, которые секли розгами, он слышал разговор между собою находящихся в толпе зрителей крестьян следующаго содержания: «Эка, парень, страсть! Тово и смекай, что задерут до смерти! [Л. 127 об.] Вот экту он, злодей, тиранил Тебенева-та парня, Ваську! Да детина-та ведь хизнул[4], да и умер от стежи-то». Между тем крестьяне поминали еще каких-то умерших от жестокаго наказания окружнаго начальника и говорили о размывшейся дождем крови, текшей из тела наказываемых крестьян, и называли смешанную кровь с дождем сукровицею.

Г.же Кирхнер, продолжая кричать и ругать лежавших под розгами крестьян, обратился глазами к стоявшим кругом зрителям ужасной сцены с словами: «Всем это будет, задеру», – и тому подобное. Увидав его, он с тем же азартом закричал: «Ты зачем здесь?»

«Вы изволите знать, что я чиновник, – отвечал он, – следовательно, приличнее бы было вместо слова «ты» сказать «вы» и без запальчивости, которая для меня не страшна. Кричать и тыкать Вы можите, если находите в том удовольствие, тех, кого вправе наказывать. И то не так [Л. 128] жестоко, чтоб этими сухими розгами содрать шкуру и рвать кусками самое тело безответных животных. Со мною же Вы должны обходиться таким же образом, как требует субординация обращаться с самими Вами. В противном же случае нарушаются монаршая и правительственная власти. Что же касается до вопроса Вашего – зачем я здесь – то Вы сами согласитесь с этим. Кого бы не тронуло чувство любопытства, услыхав ужаснейше пронзительной крик в такую страшную грозу, угрожающую каким-либо опасным произшествием».

После этих слов г.Кирхнер, не переменяя повелительнаго тона, кричал мне: «Здесь ничего особеннаго нет кроме полицейских мер исправления, и Вам делать здесь нечего! Пойдите отсюда прочь! Если я, как депутат и начальник, здесь прикажу отвести теоя в такое место, откудова не выйдешь!»

Поблагодаря [Л. 128 об.] за предлагаемый сюрприз, он пошел в квартиру почти со слезами: сколько от причиненной ему секундантом[5] публично обиды, столько же от сострадания к наказываемым крестьянам, из коих один уже перестал кричать, а другой едва слышным, прерывающимся, охриплым голосом просил помилования. А солдаты, секшие тех крестьян продолжительное время, от напряжения сил запыхались и просили перемены.

Чрез час времени явился в квартиру его как испуганный, с большими растрепанными волосами, молодой человек, котораго он счел по наружной одежде за лакея, который грубо сказал ему:

– Ступайте скорея к исправнику!

– Ты слишком тороплив, любезный, с своим барином, – сказал он, шутя улыбаясь, смотря на запыхавшагося от скораго бежания за им усерднаго исполнителя воли своего господина, – пойди и доложи, что я тот час буду, только что оденусь. [Л. 129]

– Мне приказано тащить Вас с собою, – отвечал посланной, – на Вас жалуется исправнику окружный.

– Зачем меня тащить, любезный, у меня есть ноги, и я дойду сам, чем затруднять тебя. Ты и без того замучился как меделянская собака![6]

Между тем он спросил его, чей он слуга, то есть, окружнаго ли начальника или исправничей.

– Я не слуга, а письмоводитель исправничей, взятый им для письмоводства из земскаго суда.

– Извините, – сказал он, – моей опрометчивости, что я счел Вас за лакея. Впрочем и Вы не правы за грубое обращение со мною Письмоводитель должен быть вежлив и строгий блюдитель субординации против старшаго себя.

– Мы знаем своих начальников, а о проезжающих бродягах мало думаем, – отвечал письмоводитель.

– Спасибо, что не обесчестил, – сказал он, Павлов

И одевшись прилично, он отправился по зову этаго отважнаго посла в сопровождении его и нескольких человек крестьян, [Л 129 об.] которые стояли на крыльце его квартиры.

По приходе его с таковым конвоем в довольно обширный двор квартиры гг окружного начальника титулярного советника Кирхнера и земского исправника подпоручика Черносвитова, наполненный или почти весь занятый крестьянами, стоявшими без шапок и устремлявших с любопытством глаза свои на его с разными видами, то есть довольными и восхитительными, равнодушными и безпечными, унылыми и сострадательными и тому подобными.

Пройдя часть двора от ворот до крыльца с любопытным взглядом на стоявших подле стен кругом в несколько рядов крестьян, он был введен чрез небольшия сени и, кажется, если не ошибается, с троими во внутренния комнаты дверями Из них он вошел по показанию на левую сторону в комнату, похожую на буфет, в коей находился по-видимому повар в белой [Л 130] одежде, т.е. в кителе при фартуке и в колпаке, разсматривавший бутылки с винами, котораго он начал спрашивать, где может видеться с г исправником Только лишь успел выговорить эти слова, вдруг, как ожидавший его, поспешно выбежал к нему из смежной комнаты в шлафроке окружный начальник и с озартом закричал на его совершенно без приличия, свойственнаго благородному человеку как он смел приидти туда, где он, как начальник, полицейскими мерами исправления отучал крестьян от шалостей, чтоб они после не смели делать никаких пакостей и чтоб прочие, смотря на наказание тех крестьян, казнились, как он смел ему делать грубости при собрании его подчиненных, от чего может возникнуть неуважение к власти, законом ему предоставленной, в таком месте, где будто бы идет говор, что Павлов [Л. 130 об.] называет себя чиновником, присланным от Государя, и что за это ему не будет места и в Сибири и тому подобное.

Выслушав равнодушно разгорячившагося окружнаго начальника, он не мог удержатся, чтобы не напомянуть ему о том, как должно обходится с чиновником, что он, привыкши жестоко обращаться с крестьянами, в запальчивости своей совершенно забывается и что от ревностнаго исполнения его полицейскими мерами исправления крестьян есть умершие, коих души, может быть, вопиют пред Богом и умоляют Всевышняго о достойном награждении ему Касательно же того, что он будто бы называл себя присланным от Государя Императора чиновником, им сказано было г.Кирхнеру, что это вздор, выдуманный интригами, который, как мною* не говоренный, так и подтвердиться ничем не может

– Я найду людей, которые подтвердят твое самозванство, – [Л. 131] сказал окружной начальник и, увидев входящаго человека позвать его к г исправнику, возвратился в ту комнату, из которой вошел

– Может быть, – отвечал он, Павлов** вслед ему, – в особенности чрез всеусердное исправление полицейскими мерами на площади, подобно давешнему

вставлено
вставлено

После этаго Павлов вышел по зву посланного опять в сенцы и быв введен на площадку того крыльца, чрез которое вошел в дом. На этой площадке с важностию стоял г.исправник подпоручик Черносвитов в темнозеленом камлотовом сюртуке со светлыми пуговицами и красным воротником на роспашку, на голове его надета белая с красным же околышем фурашка. Он вместо того, чтобы ответствовать на поклон Павлова, устремив свирепый взгляд на него, гордо и довольно громко сказал ему «Тебе какая была надобность ходить и смотреть, как наказывал окружный начальник [Л. 131 об.] крестьян»

Расказал по этому вопросу подпоручику Черносвитову причины, заставившие его приидти на место чрезвычайной экзекуции, то есть. объяснив ему ужаснейшие крики человеческих голосов при случившейся тогда бурной погоде, сопровождаемой сильным треском грома, почти необыкновенных сверканий во многих местах молнии и проливным дождем. Он сказал, что бытность его зрителем неожиданной сцены, где тешился окружный начальник, не заключает в себе никакой предосудительности.

– А зачем ты делал ему грубости, – кричал подпоручик.

– Никаких, кроме того, что он же меня обидел, – отвечал Павлов исправнику Но он, возвысив голос, с грозным видом закричал на его:

– Так тебе ли верить, нарушителю спокойствия крестьян, или окружному начальнику!

– Нарушителю спокойствия, может быть, некоторых здесь служащих [Л. 132] дворян, а не крестьян, – отвечал он исправнику

По выслушании этого подпоручик Черносвитов, оборотясь к стоявшим на дворе волостным и сельским начальникам, при множестве крестьян закричал, показывая на его:

– Взять его и посадить в чижовку[7]!

– Меня в чижовку? За что? – сказал он.

– После узнаешь. Берите его и тащите в чижовку! – закричал исправник на подошедших к Павлову крестьян. Крестьяне хотели было брать его за руки Но он сказал.

– Зачем меня брать и тащить? Я могу дойти сам без насильственных мер, которыя неприличны ни мне, ни моему случайному повелителю

Надев фурашку и пошел, но вдруг пришла ему фантазия обернуться лицем к подпоручику и сказать: «Вы слишком жестоко и неуместа со мною поступаите Ошибаитесь в расчете Вашем, г.исправник» Потом пошел он за ворота в сопровождении нескольких человек крестьян. И отойдя [Л. 132 об.] немного от двора, вдруг раздались сзади крики нескольких голосов. «На фатеру! На фатеру! Ведите его на фатеру!!!» Вследствие этаго крика он был приведен на квартиру

Спустя времени с час явился к нему тот же посланный, называвшийся исправническим письмоводителем, с словами:

– Извольте идти к исправнику

– Доложите, – отвечал он, – г исправнику что я после поступка его со мною не желал бы с ним видеться.

Посланный ушел. Спустя несколько минут письмоводитель явился вновь и просил от имени окружнаго начальника и земскаго исправника его обедать.

– Пусть они кушают на здоровье, – сказал он, – поблагодарите их за честь, которую они мне делают, и кланяйтесь, что я уже закусил и желал бы отправиться обратно в Шадринск.

– Как можно, – письмоводитель отвечал. Вам надо еще дать очныя [Л. 133] ставки с крестьянами.

– Это сделается в другое время, а теперь растроен обидами Ваших начальников, – промолвил он. Письмоводитель вышел

Прошло довольно долгое время, вероятно, потому, что гг.Кирхнер и Черносвитов обедали, после котораго пришел в квартиру к нему становый пристав Лаский и объявил, что он прислан за им от окружнаго начальника и земскаго исправника для того, чтобы ему дать с крестьянами очныя ставки На это он отвечал, что не может этаго сделать по следующим причинам: 1-е. Что он тяжко обижен и унижен при собрании крестьян окружным начальником титулярным советником Кирхнером и земским исправником подпоручиком Черносвитовым, в особенности последним, который ниже его чином [Л. 133 об] и младше в службе[8], проведенной им хотя и по гражданской части, но смеет хвастать, что с лучшею для своего отечества пользою, нежели земский исправник ваш подпоручик Черносвитов, Богом наказанный, если не ошибаюсь, за строптивый свой характер, чем за времянное на поле брани отличие, которым он так гордится, тогда как подобная гордость человека лишает умственных способностей и делает ему вред безконечный до гроба[9]

2-е. Что поступки окружнаго начальника и земскаго исправника с ним при собрании крестьян подают ему повод думать, что они чрез грубыя и самолюбивыя обхождении с ним как с каким-нибудь бродягою, не имевшим благороднаго звания, а с тем вместе и чрез жестокое наказание крестьян найдут возможность на очной ставке вместо трех или четырех [Л. 134] человек крестьян преданцов* уличить меня тремя или четырьмя стами, которые видя дерзкое обращение с ним их повелителей при выдуманных кем-либо из них каких-нибудь нелепостей не только станут с ним спорить, но даже и бранить по примеру своих главных начальников, которые, забыв долг приличия, по-видимому, готовы съесть его живаго, а не только выдумать что-нибудь к его обвинению и

3-е. Что если бы Его превосходительство г пермский гражданский губернатор изволил знать поступки исправника с ним, произшедшия в Камышлове, не поручил бы ему производить над ним следствие, о котором Вы можете судить по сказанным им словам, производится не только пристрастно, но даже ни с чем не сообразно и противно здравому разсудку

Совокупив и сообразив все обстоятельства, клонящияся к изысканию средств [Л. 134 об] лишить его честнаго, дорого стоящаго ему имени, он решился устранить этих гг следователя и депутата, которые в производстве следствия действуют совершенно противузаконно Если таковыя средства употребляются ими по привычке с крестьянами, то по крайней мере они должны поступать с чиновниками сообразно с правилами, законами, установлениями После этого мое Вам почтение!

Становый пристав Лаский ушел. Чрез несколько минут Лаский пришел к нему опять с требованием, чтобы он непременно шел на очныя ставки. Решившись отказаться от следователя и депутата, он сказал г.Лаский, что не может принудить себя объясниться равнодушно с окружным начальником и земским исправником по столь сериозному делу, да и всякий, подобно ему, чиновник, быв тяжко обижен, [Л. 135] то же бы сделал. В этот раз он просил Лаский доложить Кирхнеру и Черносвитову, что хочет объясниться с ними письменно. какая побудительная причина заставляет его уклоняться от очной ставки с крестьянами, – и для этаго просил бумаги и чернил Но Лаский, уйдя от него, дольше не возвращался.

Продождав довольно долгое время канцелярских припасов, бумаги и чернил, и не дождавшись этаго, он пошел с десятником в церковь и отстоял вечерню. По приходе на квартиру он увидел запрягающих в повозку его крестьянами лошадей На вопрос его, куда его везти, крестьяне отвечали в Замараеву деревню, а оттуда в

вставлено

город Шадринск Войдя в квартиру чтобы приготовиться к отъезду, вскоре пришел к нему в комнату исправник с свирепым видом и в ожесточении своем повелительно закричал [Л. 135 об.] на его, почему он не явился к даче очной ставки, как он смел противиться законной власти, что за таковый поступок его не будет ему места и в Нерченске, что за таковое упорство его он закует его в железа и заморит в тюрьме И тому подобныя совершенно неуместныя выражения казались подпоручику кстати.

Эта ни с чем не сообразная запальчивость его вынудила Павлова сказать ему что жестокое обращение его и окружнаго начальника с ним причиною недачи очных ставок, что оба они отступили от существующих на этот предмет узаконений, и что он поступки их в свое время обнаружит пред высшим правительством С этими словами он, Павлов, вышел из квартиры на двор, чтобы сесть в повозку и ехать. Но исправник сказал ему: «Когда еще твое время приидет, а теперь ты в моих руках, так я тебе покажу [Л 136] себя, как со мною грубианить!» Оборотясь к стоявшим крестьянам, закричал: «Свяжите его!»

– Вы не можете этаго сделать, – сказал он подпоручику, – в противном случае ответите за таковой новый поступок Ваш со мною

– Евтя! – закричал исправник. – Что же ты смотришь?

Человек, смотря по наружности дворовый или лакей и, кажется, тот самый, который был в поварской одежде и расматривал бутылки с вином, как уже выше изъяснено, выняв из под полы, вероятно, приготовленную и с собой по приказанию подпоручика принесенную веревку, подошел его связать Он хотел было ему противиться, но Черносвитов закричал стоявшим тут крестьянам, ругая их площадными словами, взять его. Когда же приступили к нему крестьяне, а человек Евтя для одобрения их кричал. «Куртажь[10] его, ребята! Что на его смотреть, когда исправник приказал?» – и первый схватил его сзади за руки, а крестьяне, [Л 136 об.] ухватясь за его, помогали Евте, который связал ему руки назад.

Подпоручик же Черносвитов, дождавшись, как его связали, скричал «Бросьте его в повозку и везите за караулом!» Несколько человек, подняв его, бросили в повозку и, таща в зад повозки под накладку, изорвали на нем сюртук и брюки Потом легли с ним рядом по обе стороны два караульных крестьянина и отправились в деревню Замараеву

Солнце еще не закатилось, как повезли его из Долматова Но была уже темная ночь, и время прошло около 2-х часов, как исправник догнал его на дороге, далее уже половины станции (станция 24 версты) остановил его повозку, бранил ямщика и провожавших его крестьян караульных, что тихо ехали, а потом приказал его развязать, почему он также было противился и хотел, чтобы связаннаго его привезли в город, где намерен был в таком [Л. 137] виде явиться к г городничему. Но подпоручик Черносвитов повторил свое приказание развязать непременно И Евтя, который его связывал в Долматове, вскочил в его повозку с приговорами «Полно, брат, затевать-то чепуху-ту Моли Бога, что развяжуть» Между тем начал его подергивать, как ему хотелось, и развязывать. Сняв с него веревку, человек Евтя, промолвив: «Вот теперь ловчее и поворотиться можно, коли хочешь, а то охота припала связанному лежать, бока заболят!» – пошел на экипаж исправника, а он, подпоручик, приказал везшему его ямщику ехать за собой и не отставать в Замараеву Скоро они приехали, потому что Черносвитов так спешил, что чуть лошадей не задушил и догнал до того, что эти нещастныя животныя встали было в пене, на которых и бичи ямщиков не имели побудительности, и сам подпоручик [Л 137 об.] тщетно кричал: «Погоняй! Пошел!» – и тому подобное, разумеется, не без ругательных по привычке его слов.

Но как лошади утомились не в дальном расстоянии от Замараевой, то они недолго продолжали похожую на печальную процессию езду с мертвым телом Когда они

кое-как доплелись до Замараевой, то громкий исправник распорядился, чтоб увеличить число лошадей и самыми лучшими для возжа ихняго в Шадринск. Когда же к отъезду все было готово, то подпоручик, закурив трубку, и подтвердил ямщику его повозки с матерными словами не отставать, сказал* «Пошел!» И они понеслись стремглав так, что поехавший с ними из Замараевой один караульный крестьянин протолкал его бока от трясения по негладкой дороге повозки на 28-верстной станции от города, а колокольцы исправничей повозки оглушили уши.

В Шадринск [Л. 138] он был привезен прямо к дому г.городничаго. Провожавший его крестьянин отнес к нему, г.городничему, от Черносвитова пакет. Отсель привезли его в полицию, в которой ему прочитано было отношение исправника к городничему, в коем он, Черносвитов, к усилению притеснений ему между прочим написал содержать его как дерскаго буйнаго и вреднаго для общественнаго спокойствия человека под строгим караулом. Такия маркия краски подпоручик употребил единственно для того, чтобы набором их представить случай думать об нем с противной точки, а самому делу дать пагубное направление. Из полиции он с двумя десятниками был отправлен на квартиру его, где эти десятники оба остались его караулить.

Спустя несколько часов времяни вдруг пришел в квартиру его г.городничей с довольным числом [Л. 138 об.] городских жителей (мещан) и делал в квартире его обыск. Этот обыск делан был по отношению исправника подпоручика Черносвитова, которым написано было искать у него податныя крестьянския листы и другия бумаги. Но г.городничий не нашел в вещах его и бумагах никаких податных листов, которых он с собою ни от кого не брал, как изъяснено им во 2-м пункте ответов его земскому суду 1 июля прошлого 1842 года за № 56, им возвращенных, а отобрал от него такия бумаги, которыя до Шадринскаго уезда почти не относятся и даже вовсе не касаются, всего на 116 перенумерованных листах. Караул же десятников продолжался в квартире его до того времяни, как г.городничий принимал всячески деятельныя меры предосторожности от пожара, ожидавшаго по народной молве, что город Шадринск будет подожжен и тому подобное[11]. В это суетное время полицейские [Л. 139] десятники постоянно его уже не караулили, а наведывались изредка.

После всего вышеизложеннаго он счел не излишним выразиться относительно того, что бранил ли он неблагопристойными площадными словами исправника подпоручика Черносвитова, как видно по извету на него становаго пристава Лаский. То все это выдумка, происшедшая от интриг и коварства для его лишь угнетения, которая, по мнению его, ни к чему негодна, тем более, что гораздо бы ближе ему бранить исправника подпоручика Черносвитова** в глаза в то время, когда он приказывал его связывать, чем заочно, и что*** становый пристав Лаский, вероятно, по малодушию своему слепо повиновался учителям его, власть над ним имеющим, и, к сожалению, что все они не привели себе на память вопреки выдумкам закон о заочной брани. [Л. 139 об.]

На 2-й. Что бумаги, отобранныя от него, Павлова, г.шадринским городничим вследствии отношения к нему исправника подпоручика Черносвитова всего на 116 перенумерованных листах, получил он случайно, частию собственно для себя, а частию для приискания случая представить их на благорассмотрение высшаго правительства. В памятной книжке его записано о происходившем в Долматовской

вставлено
вставлено
вставлено вместо стертого:

волости бунте, не в сем году, как в вопросах означено, а в прошлом 1842 году И это обстоятельство сказал ему далматовский волостной голова Иванчиков, что этот бунт сделался у них в волости от волости Тамакульской, в которой прошли слухи, что будто бы эта Тамакульская волость поступает в удельное ведомство[12]

Между прочим, кроме того, что он отвечал на вопросные пункты, данные ему из Шадринскаго земскаго суда в 30 день июня 1842 года за № 4536 с возвращенным им, [Л. 140] как выше изъяснено, при особом отзыве его с 1 июля за № 56, Иванчиков сказал ему, что в Широкове бунтующияся крестьяне разбили и разграбили тамошнюю церковь и делали разныя неистовыя поступки, от чего священник той церкви Дмитрий Попов, испугавшись, сел на верховую лошадь и уехал из селения, о чем он, Иванчиков, в свое время доносил по начальству Но по приезде его для любопытства в Широково с головою Иванчиковым он секретно узнал, что церковь там ничем невредима, о чем он уверился сам, ни подав никому об этом вида При обратном же пути из Широкова в Долматов Иванчиков просил его, чтобы он об этих обстоятельствах и о говоренных словах священником Гвоздевым при битии волостных и сельских начальников крестьянами в Долматове никому не говорил*[13]

Голова Иванчиков, которому он подав, как мужику, пред [Л. 140 об.] мужиками гордящемуся и мужиками уважаемому, несколько рюмок вина, им нарочно для самолюбия его покупаемаго, много ему расказал о житье-бытье волостных и сельских начальников, а всего важнее о несчастных, о раззоряющихся их подчиненных. Но это обстоятельство он положил твердое намерение не открывать пред шадринским начальством и вообще кроме Его превосходительства г.пермскаго гражданскаго губернатора, а в противном случае представить его постепенно на благоусмотрение правительства высшаго.

Записка о разных злоупотреблениях, безпорядках и упущениях в некоторых губерниях была составлена им еще в прошлом 1837 году в проезд его из Санктпетербурга до Тобольска. Копия с той записки была представлена им в свое время бывшему г.министру внутренних [Л. 141] дел, статс-секретарю Дмитрию Николаевичу Блудову[14] чрез находившагося при Его высокопревосходительстве по особым поручениям камер-юнкера двора Его ИВ Николая Федоровича Ремера, при которых он служил и по распоряжению Его, г.министра, был приглашаем гг.начальниками губерний Оренбургской, Пермской и Тобольской на службу из 2-го отделения собственной Его Величества канцелярии для зближения с родною матерью его.

Относительно проезда его от Тобольска до С.Петербурга не прямым трактом он объясняет, что необходимость воспользоваться отпуском в Санкт-Петербург сроком на три месяца сколько относительно отдачи детей его в казенное учебное заведение, столько же и по другим весьма уважительным причинам и для свидания с родственниками заставила его утруждать [Л. 141 об.] начальство. Получив таковое увольнение, он по сердечному влечению чувства счел за нужное повидаться прежде с родительницею его, проживающею Оренбургской губернии в крепости Звериноголовской, а потом уже ехать в С.Петербург Из Тобольска он ехал чрез Тюмень, Ялуторовск, Курган и прибыл в крепость Звериноголовскую. Прогостив у родительницы его около двух недель, он отправился на Шадринск, а потом на Камышлов, откуда был намерен ехать большею трактовою дорогою до С.Петербурга.

Проезжая таким образом до Камышлова, он везде встречал крестьянский ропот на настоящее управление ими и сожаление о прежнем быту их, в особенности крестьяне жалуются на волосных и сельских начальников[15], которым потворствуют

вставлено: никому не говорил

главные по уездам начальники, не исключая становых приставов, [Л. 142] землемеров, лесничих и других властей.

В Камышлов он прибыл вечером 27* числа июня минувшаго 1842 года и остановился квартировать в доме солдата Барабошкина. Желая узнать причину, почему имянно не взыскиваются с камышловскаго мещанина или крестьянина деньги, данныя ему взаимообразно унтер-офицером Аристовым, о которых имелась у него копия с рапорта штабс-капитана Лосева к командиру Иванову за подписом его, Иванова, с собственноручною подписью Аристова, те деньги получить ему, Павлову (и отобрана у него шадринским** городничим в числе прочих вышеименованных бумаг)

На другой день, т.е. 28 числа июня, он еще не выходил со двора квартиры его, пришли к нему тамошний камышловский городничий Стрекалов и шадринский исправник подпоручик Черносвитов, [Л. 142 об.] из коих первый, будучи на хорошем подгуле, едва внятными словами кричал на него, почему он, Павлов*** по приезде в город к нему не явился и за таковый поступок по своему умозрению угрожал подвергнуть его строгой ответственности по законам. Когда же он с трудом растолковал ему, что это не его обязанность, а хозяина дома, в котором он на квартире, то он, г.городничий Стрекалов, напустился с большим криком на хозяина, начал его ругать всякими мерзкими бранями в присудствии, кроме их с Черносвитовым, посторонних лиц, в числе коих были женщины и девочки, угрожал его хозяина задрать палками. Наконец г Стрекалов приказал хозяину строго его караулить, чтобы он не убежал; в противном же случае он, городничий, прогонит его, Барабошкина сквозь строй

Между тем исправник подпоручик Черносвитов, вероятно, следуя отважному поступку г Стрекалова, [Л. 143] приступил к нему, Павлову, и, грозно устремясь на его глазами, повелительным тоном начал говорить.

– Ты Павлов?

– Точно так, – отвечал он

– Ты был в Долматове?

– Был, – сказал он

– Кто ты такой?

Чиновник. – отвечал он

– Много у нас таких бродяг и шарлатанов, которые называют себя Чиновниками, – сказал исправник

– Вы обидите меня, Милостивый Государь. Я не бродяга и не шарлатан, – сказал он Черносвитову, – а такой же Чиновник, как он

– Все равно, братец! Здесь без чинов, – выразился подпоручик. – Покажи-ка свои виды, я посмотрю, что ты за птица?

Выняв из портфели увольнительный вид и копию с формулярнаго списка своего, он подал грозному повелителю, который начал их разсматривать. А городничий Стрекалов, как индейский петух над курицею, не переставал шарашиться и кричать солдату Барабошкину беречь его, как глаза, [Л. 143 об.] и не отпускать со двора. Исправник, рассмотрев бумаги его и несколько смягчив свой повелительный голос, начал говорить ему, зачем он едет проселочными дорогами, а не прямым трактом от Тобольска до Петербурга; для чего останавливался в Долматове и разговаривал с крестьянами о бунте и делал им советы; какое он имеет право требовать где-то

вставлено на стертом 7
вставлено по стертому
вставлено

обывательских лошадей без платы прогонов и ездит по деревням, нарушил будто бы спокойствие крестьян вверенного ему уезда, которые только что усмирены от бунта, что он отдаст его под суд, как возмутителя народного спокойствия, и что за таковыя поступки должно его заключить в Петропавловскую крепость.

Наговорив таким образом множество и других столько же нелепых выражений, подпоручик, оборотясь к городничему и по- [Л 144] давая ему Павлова паспорт и копию с формулярного списка, сказал «Возьмите эти бумаги и прикажите его караулить. Я его, молодца, отправлю в Шадринск к Извекову[16] »

Г.Стрекалов, утомившись от крика и сделавшись слаб в силах, принял бумаги и уронил их небрежно на пол, говоря при том «Слушаюсь» Бумаги его он тотчас поднял и, сложив надлежащим порядком, подал городничему снова с просьбою беречь их, как документы, для него необходимые. «Небось, брат, – сказал городничий, – не потеряю» И с этими словами оба с исправником вышли

Спустя времени с полчаса явился к нему десятник и объявил, что он прислан его караулить, того же дня вечером пришел к нему разсыльный и сказал, что получил от земскаго суда приказ отвесть его за его караулом в Шадринск. Но как солнце было уже на закате, то он велел разсыльщику [Л. 144 об] привесть лошадей.

На другой день, т.е. 29 июня, разсыльщик явился к нему с подводчиком и лошадьми, которых он велел запречь в свою повозку, и отправился в Шадринск. По прибытию туда 30 числа того ж июня в 11 часу пополуночи в земский суд, который при отношении своем препроводил его к тамошнему городничему, приказал поставить его на обывательскую квартиру с подтверждением хозяину иметь за ним бдительный надзор.

Расположась на квартире и встретив надобность в деньгах, он не нашел их в боковом кармане между бывшими в нем бумагами, хранившихся в небольшом лайковом тисненом бумажнике с изображением снаружи на одной стороне Зимняго Дворца с Исакиевскою площадью и Инспекторским департаментом, а другой – Казанскаго Собора с площадью и дома [Л. 145] Энгельгарда, а извнутри подклеена голубая шелковая струистая материя, где лежали три сторублевыя и три пятирублевыя ассигнации, всего 315 руб. Потеря бумажника с деньгами произошла единственно от того, что он по капризам подпоручика Черносвитова, проезжая из Камышлова в Шадринск под караулом разсыльщика на обывательских лошадях, не имел в деньгах надобности платить прогоны, не хватился их до самаго Шадринска

Вечером того же дня были присланы из Шадринскаго земскаго суда ему вопросные пункты, на которые написав надлежащим порядком ответы, он на другой же день, т е. 1 июля, возвратив их при отзыве его за № 56

После сего, 27 числа того ж июля, пришли в квартиру его корпуса жандармов капитан Извеков и шадринский окружный начальник титулярный советник Кирхнер. С явным [Л. 145 об.] подозрением и неудовольствием разспрашивали его, подобно подпоручику Черносвитову в Камышлове устращивали его и наконец капитан Извеков сказал, что он семь уже лет служит в Пермской губернии, но не заметил никаких безпорядков в управлении крестьянами, кроме недавно случившагося бунта, произшедшаго чрез таких проезжающих, каков он, Павлов, и что по его настоянию он захвачен и привезен в Шадринск под надзор полиции.

Выслушав самолюбивыя и для него обидныя слова г Извекова, он сказал ему, что бунт в Пермской губернии случился задолго до его сюда прибытия и, вероятно, не без причины, которая подает повод думать, что он, г Извеков, хотя и много времяни здесь служит, да мало видит

Впоследствии времяни, имянно 9-го декабря минувшаго 1842 года, тамошний г.городничий призвал его в полицию [Л. 146] и объявил отношение к нему земскаго исправника подпоручика Черносвитова, в коем изъяснено, что он разъезжал по уезду и делал разные вредные разгласы[17] и будто бы писал крестьянам

ябеднические прозбы, почему и просил его, городничаго, в предупреждение опасных его толков содержать его без следствия, суда и приговора под строгим караулом на гаубтвахте или в остроге.

Г городничий, приняв за основание отношение исправника, заарестовал его в караульне при тюремном остроге Но как эта караульня состоит из одной комнаты с ширмою или подвижною перегородкою, за которою он третий уже месяц не имеет никакаго спокойствия ни днем, ни ночью. днем постоянно каждое утро собирается вся находящаяся там инвалидная команда для переклички и ученья военной экзерциции, наряда и развода караулов и других по службе распоряжений, [Л. 146 об.] продолжавшихся безпрерывно, причем бывает крик, шум, отправка, прием, заковка. расковка и бритье голов арестантов, к тому же из одной арестанской комнаты, в которой содержится около 40 человек, почти все закованные в кандалы, переходят чрез караульню на двор по естественной надобности, а к ночи приносят им для испражнения ушат который в течении ночи наполняется нередко чрез край, а поутру при выносе этого ушата из арестанской комнаты чрез караульню на двор плещется из него мерзость на пол и производит самой разительный и вредный для здоровья человека дух по всей занимаемой караульнею комнате; а ночью разговоры, а иногда и большой шум, караульных солдат, смена по острогу часовых, испражнение в ушат арестантов, тараканы, клопы, блохи и вши и ко всему [Л 147] этому вдобавок чириканье сверчков, – чрез все это он изнуряет остатки потеряннаго им на службе здоровья по изветам Шадринскаго земскаго исправника подпоручика Черносвитова, человека строптиваго, характернаго, даже пренебрегшаго VII заповедь Господню.

А по силе 5-го пункта 916 ст 15 тома Свода законов уголовных не должен быть допущен в свидетели под присягою как явный прелюбодей имеющий наложниц, если не ошибаюсь, безпаспортную* ирбитскую мещанскую девку Анфису[18], с которою уже прижил детей и исправляет столь важную должность, как видно, чрез поданство, а не чрез муниципальную администрацию, которая ему, смеет сказать, мало известна и, к сожалению, заменяется апатиею, которая им будет доказана тогда, когда примется в уважение отзыв его от 12 декабря минувшаго 1842 года за № 58 [Л 147 об.] г.шадринскому городничему Независимо от этаго может служить доказательством строптиваго характера и несоответственным обязанностям подпоручика· кроме тяжкой обиды его он, Черносвитов, уводил из земскаго суда в полночь в квартиру свою подозреваемых в воровстве закованных в ножные железа крестьян – Антропова, Костоусова и Нептунова, – делал им пытки,· стянув руки и ноги веревкою и надевая на голову мешок, весил их на крюк и требовал сознания, приговаривая, что если они не повинятся, то он их задушит и бросит в воду и тому подобное. Таким образом устращивая и истезая крестьян, заставил их сознаться в краже, будто бы ими сделанной, совершенно невинно Во время таковаго истязания помянутых крестьян будто бы находились в особой комнате гг заседатель Пантелеймонов, стряпчий [Л. 148] и становый пристав Лаский

Крестьяне, которых исправник весил в полночь на квартире своей, содержатся в остроге в той комнате, из которой ход чрез караульню, в коей содержится он, Павлов, выходили и жаловались посещавшим острог г.подполковнику корпуса жандармов Жадовскому и шадринскому уездному стряпчему Сверх этаго исправник показал свои доблести на бывших по Шадринскому уезду ярмонках, на которых стеснял торговлю промышленникам делал им обиды и наказывал плетьми

вставлено. если не ошибаюсь без

Это свойственное одному лишь Черносвитову упражнение употребляется им почти при безпрерывных разъездах его по уезду, и чрез которое он удовлетворяет свое самолюбие, чего другой удалялся бы и даже пренебрегал[19]

Удивительно для его, что есть вера шадринскому земскому исправнику подпоручику Черносвитову, который соста- [Л. 148 об.] вил об нем в особенной какой-то надежде донесение, по материи ложное, а в слоге ухищренное, не зная истинных качеств схваченнаго им в свои руки такаго чиновника, который, дорожа службою, честию, жизнию, искренностию к щедрому и Всемилостивейшему Монарху, готоваго подвергнуть правительственному расмотрению поступки с ним Черносвитова в том, что он будто бы ездил по уезду, делал разные разгласы и писал ябеднические крестьянам просьбы. Все это несправедливо, все интриги, коварство и совершенная нелепость, все это ничем не подтвердится и бездоказательно. Разве только, может быть, найдутся какие-нибудь уликатели, с помощию талисмана его, подпоручика, — нагайки или средства: надев на голову мешок, стянув руки и ноги веревкою, весить на крюк.

Впрочем и [Л. 149] не отрекается Павлов, что он никуда не ездил; но ездил только не с тою целию, как морально клевещет г Черносвитов, а единственно для открытия, по мнению его, важнаго дела, что должно сделать не только обязанному коронною службою чиновнику, но даже и простому простолюдину, так как тут теряется государственный интерес и скрывается ужаснейшее зло. *

[Л. 155] После этаго он считает неизлишним объяснить, что самое лучшее средство проникнуть в крестьянский быт состоит в том не показывать [Л 155 об.] себя вельможею, строгим, напыщенным, горделивым, а в особенности не пренебрегать крестьянами, а стараться быть добрым, обходительным, говорливым и шутливым, вообще разделять с ними беседу, что они почитают за величайшее сделанное им счастие. Эти средства тот час возбудят в крестьянах приверженность и любовь к такому чиновнику и начнут говорить, этакой бы начальник им и тому подобное. После таких слов не должно ли родиться любопытство, умеючи спросить чем нехороши начальники То они без сомнения откроют всю истинну от чистаго сердца, не имея того в виду, что их любопытствуют И они не будут знать, когда, кому и что говорили. Этими средствами он много успел в знании крестьянской жизни и для того нередко при случаях давал им на вино [Л 156] собственныя свои деньги.

При подробнейшим таким образом внимании в крестьянский быт он знает, от чего крестьяне беднеют, а начальники их богатеют Хотя он и выразился таким образом о крестьянах вообще, в положение которых входит с 1837 года, имея в виду занятия его в Комитете, Высочайшим рескриптом в 6 день декабря 1826 года учреждавшемся[20], в котором рассматривалось устройство казенных крестьян, но советов он предосудительных никогда нигде и никаких не давал и просб, как оклеветывает его исправник подпоручик Черносвитов, не писал. Да если бы и писал, так он имеет на это законом дозволенное право, лишь бы составленныя им просьбы были основательны.

На вопрос о крестьянине Луке Кузовлеве Шадринскому уездному суду докладывает, что он, Кузовлев, приходил к нему на квартиру [Л. 156 об.] и спрашивал его, не он ли чиновник Павлов. Когда им было сказано, что он, то Кузовлев просил его

На листах 149–155 Н.С.Павлов разоблачает злоупотребления канцеляриста шадринского уездного суда Александра Николаева Рябова, который за солидные взятки уничтожал и прекращал таким образом следственные дела по уголовным преступлениям

позволения кое о чем переговорить с ним. Будучи любопытен, он согласился удовлетворить его просьбе. Он начал говорить, что приезжал к нему в дом земский исправник и требовал какое-то составленное будто бы им, Павловым, прошение на имя какого-то министра. Когда же он, Кузовлев, сказал исправнику, что никакаго прошения у него нет, и что он его вовсе не знает, то подпоручик начал делать в доме Кузовлева обыск, но никакаго прошения не нашел. А между тем всячески устращивал его, а также будто бы уговаривал ласковыми словами, отдай, пожалуйста* любезный Кузовлев, прошение Павлова сочинения; ты-то мне не нужен и ничего не бойся, братец; мне Павлов-то нужен, я его, бродягу, посажу в острог и закую [Л. 157] в железа

После этих слов он спросил Кузовлева, с чего взял их исправник подозревать его в писании ему просьбы. Кузовлев отвечал ему, что по деревням идет молва об нем с похвальбою, что будто бы он занимается писанием прошений, и что он говаривал с крестьянами ехать к нему для написания прозьбы о обиде его.

– А разве ты обижен исправником, – сказал он, – что он ищет просьбы на него?

– Нет, батинька, Ваше почтение, – отвечал Кузовлев. Он хотел писать прошение не на него, а на военную комиссию.

– За что? – сказал он.

– А вот за што, батюшко**, Ваше благородие, али Высокородие, не знаю, как твою милость назвать-то, вот за што: коева дни, вестной-то, была у нас сумятица меж миром-то, сударик ты мой. Знашь, забунтовали крестьяне-то.

– От чего? – спросил он.

– А Христос их знает. Только уж крестоны-то шибко изобижены драньем не на живот, а на смерть. [Л. 157 об.] Ково плетьми! Ково палками! Ково розгами! А кулаки, да пинки сплошь без разбору! Фу ты, парень, чево еко и было! Свету белому переставление! Да и на мою долю досталось 300 дородных розок! Да и били-то меня скованова железами и просили у меня бумагу о порохе. А я, знашь, не дал им. Унесли злодеи веку у 60-тилетняго старика, – здесь Кузовлев заплакал навзрыд и показывал ему какое-то фальшивое требование о порохе крестьянам, которые об этом не знали.

– Так тебя военная коммиссия наказывала? – спросил он.

– Нет, батюшка, не военна, а прежде военной-то была кака-та временна, которая не судила-не рядила, а только увечила крестоных-то не на живот, а на смерть. В ней были военны афицеры и салдаты, да таки злы, што не накажи Господи. Батюшка, истинный Христос! От эких-то побоев умер ведь мужичек [Л. 158] Осип Пушкарев!

– Так за что же ты хочешь жаловаться на военную коммиссию? – спросил он Кузовлева.

– А вот за што, батюшка, Ваше почтение: знашь, я рушник, грамоте-то морокую мало дело. Дак военна-та коммиссия прислала за мной, штобы я шол в ее прикладывать за людей руку.

После этого Кузовлев расказывал ему, что он был болен, что больнаго его заставляли прикладывать руку за себя и за других известных ему и неизвестных людей и даже за многих заочно. Члены и депутаты коммиссии бранили его, хотели бить и угрожали взысканием штрафа и тому подобное. А между тем будто бы кто-то из присудствовавших обмакнул в чернильницу перо, что-то писал на его лысой голове, а за аудитора Норин, взяв из табакирки табаку, посыпал ему на голову и приго- [Л. 158 об.] варивая: «У роскольника душу бес добывает в ж у!» Сверх этаго

вставлено

вставлено

Кузовлев говорил ему, что он прикладывал руку за каких-то прикосновенных к делу коммиссии лиц в питейном доме Между прочим Кузовлев сказал ему, что после обыска исправник поехал на ярмонку в Маслянскую деревню, а его, Кузовлева, отправил в Шадринский земский суд для содержания под караулом. Где он находился долгое время И что в это содержание его под караулом становый пристав Лаский делал в доме его, Кузовлева, вторичный обыск, при котором много было собрано крестьян. И в это время потерялось у него вещей и денег, кажется, тысячи на 3 руб.

После расказов своих Кузовлев просил его совета как поступать ему в обиде его Вследствие этого он советовал ему подать первоначально ближайшему его начальству [Л. 159] объявление; а в противном же случае обратился бы с просьбою в окружное управление[21] и так далее, смотря по обстоятельствам дела, как оно будет иметь движение по порядку своему Выслушав это, Кузовлев просил его занятся его делом Но он, разумея важность такаго события, не согласился, и Кузовлев ушел искать себе другаго писца и более к нему не приходил

Но Павлов однако ж сожалеет и о том, что не предварил Кузовлева, чтобы он, если составит просьбу или объявление и подаст по принадлежности, передал бы ему копию, которая для него была бы весьма нужна Причем поставляет на вид судебнаго места и Высшаго* правительства действии тамошняго начальства, в особенности поступки шадринскаго земскаго исправника подпоручика Черносвитова, который принимает всеусердныя [Л. 159 об.] и деятельныя меры к отысканию ему зловредия и, вероятно, вне себя от досады, что нигде и ни в чем на счет его не успевает Одна его отрада и душевное удовольствие, что успел в интригах своих посадить его под караул, и в особенности утешается, что при тюремном остроге. Но он, будучи чист душею и совестью, в намерении по долгу присяги на верность службы содействовать к общему благу государства нашего, с упованием на Бога, Мудраго Государя и сановников отечества нашего с помощию правосудия по законам надеется, что рано или поздно вознаградится его обида от людей коварных, которым честь изыскивать случаев к угнетению праваго человека, пекущагося о государственной пользе, продолжавшаго почти 25 лет безпорочно службу свою, и раззорять его с семейством, [Л. 160] в котором он имеет жену и шестерых малолетних детей, в числе коих пять сыновей.

Лучше бы заняться приведением к окончанию известных ему дел по Шадринскому уезду, например, о помощнике шадринскаго окружнаго начальника Каргаполове и о писце шадринскаго земскаго суда Быстрых, живущем у подпоручика Черносвитова и, как выше изъяснено, называвшемся исправничьим письмоводителем Из коих первый, проезжая с Ивановской ярмарки в город Шадринск, называл себя Царем и причинил побои мещанину Дреганову и отставному присяжному Григорьеву А вторый, разъезжая по Шадринскому уезду, называл себя ревизором, опечатывал крестьянские часовни и потом, получив мзду или взятки, распечатывал [Л. 160 об.] их[22] О стрелявшем маслянском волостном писаре Романове в церковь. О тяжкой обиде отставному инженер подпоручику Симакову, причиненной батуринским волостном писарем Толминым. О прекращении сводных браков, которые в недавнем времени сведены и, вероятно, не бес сведения начальства, а, быть может и по потворству оного. О деле, сожженом канцеляристом Рябовым по фальшивым ассигнациям выше уже поименованнаго каторжнаго Чердынцова, где происходит ущерб государственного интереса. А [Л 161] между тем более или менее важные,

---

вставлено: и Высшаго

занятые предупреждением допущеннаго по Шадринскому уезду, по мнению его, ужаснейшаго зла.

За всеми выше прописанными обстоятельствами остался с его стороны необъясненным, не знает, справедливый ли, вопрос Шадринскаго уезднаго суда касательно собранных им многих сведений не на пути ведущих от Тобольска до С.Петербурга и будто бы до его не касающихся. Он, по разуму своему принимая за основание весьма уважительные и даже неоспоримыя побудительные причины к раскрытию зловредных событий по делу присяги и клятвы Богу на верность службы Великому Государю и Отечеству вообще с благоговением нами даваемой, приемлет смелость [Л. 161 об.] надеяться, что чистота намерения его, обратив Высочайшие Государя Императора внимание, да извинит его пред престолом Его Величества.

ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 125 об.–161 об. Подлинник.

КОММЕНТАРИИ

1. Публикуемая выдержка из записки Екатеринбургского военного суда представляет собой изложение ответов Н.С.Павлова на вопросные пункты, составленные 25 января 1843 г. Шадринским уездным судом.
2. Описанные ниже события в Далматове происходили в самом конце июля, вероятно 31 числа. См.: ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 9. Л. 118.
3. Так в источнике!
4. Хизнуть, хезнуть – болеть, дряхлеть, чахнуть, хилеть, увядать, сохнуть, худеть. См. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. «Русский язык». 1980. Т. IV. С. 547.
5. Здесь в ироническом смысле. свидетель, товарищ.
6. Меделянская собака, меделянка (от медиоланская, миланская) – порода собак происхождением из Северной Италии. Использовались для охоты на крупного и сильного зверя, а также в качестве домашних сторожевых.
7. Чижовка – тюрьма.
8. Окружной начальник Кирхнер имел чин титулярного советника IX класса. Чин Н.С.Павлова (коллежский секретарь), согласно «Табели о рангах», соответствовал X классу. Черносвитов имел военный чин XIII класса (подпоручик – первый офицерский чин с 1797 г.). См.: *Шепелев Л.Е.* Отмененные историей: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977; *Он же.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991.
9. В данном случае Н.С.Павлов не совсем справедлив по отношению к Р.А.Черносвитову. Последний проявил себя как отважный и исполнительный офицер, получивший заслуженные награды за подвиги на полях сражений (знак отличия Военного ордена, серебрянная медаль за участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., знак отличия Царства Польского за военные достоинства 4 степени за польскую кампанию 1831 г.). Р.А.Черносвитов поступил на службу рядовым в 1826 г., в том же году получил звание подпрапорщика. В период русско-турецкой войны участвовал в переправе через Дунай в Болгарии, при взятии крепостей Исакча и Мачин, города Андрианополя, в сражениях при Силистрии, Кулевчи, Дервиш-Джеване, Миссемврии, в деле при дер.Дервишкиой. Во время польской кампании участвовал в ряде стычек, был ранен ядром в ногу, контужен в голову; раненый попал в плен, где ему была ампутирована правая нога. Высочайшим приказом 1832 г. уволен от службы вследствие полученных ран в чине подпоручика, с мундиром и пенсионом полного жалованья (См.: Дело петрашевцев. Т. I. М., Л., 1937. С. 440–442). Впоследствии Р.А.Черносвитов сам смастерил себе искусственную ногу и поступил на службу исправником в Пермской губернии.
10. Здесь в ироническом значении – принимай его, устраивай ему прием. От куртан[а]. устар. прием; приемный день в царском дворце (от нем. Kurtag – день собрания избранных).
11. Действительно в 1830–1840-е гг. ряд восточнороссийских городов оказался в полосе пожаров. В литературе высказано мнение, что поджоги совершались дворовыми людьми в знак мести своим помещикам, т.е. носили характер антикрепостнического протеста (*Горловский М.А. Пятницкий А.Н.* Из истории рабочего движения на Урале: Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800–1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 232–234.).

За этими событиями тянулся шлейф слухов, разнородных по своей функциональной и социальной направленности. Так, в 1837 г., после случившегося в г.Челябинске 14 мая пожара, мещанка Татьяна Изуграфова предсказывала, что 18 мая будет новый пожар (при этом она ссылалась на жившего у купца А.Мотовилова в работниках казаха). Предсказание не сбылось, но встревожило многих горожан, которые «для сбережения своих домов становили караульных и выбирали имущество на возы». На допросе Т.Изуграфова заявила, что сама слышала о грядущих пожарах от незнакомого ей человека на базаре (Госархив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 372. Л. 2–4 об.). Очевидно, что данное разглашение носит бытовой и непреднамеренный характер.

В сентябре-ноябре 1839 г. в Екатеринбурге произошло 17 пожаров от поджогов, нанесших убыток в полмиллиона руб. Горели преимущественно дома состоятельных горожан. В ходе екатеринбургских пожаров имело место целенаправленное распространение слухов, сеявших страх и панику в среде городской элиты, «господ». Пожары сопровождались появлением листовок с угрозами сжечь весь город, отдельные здания, перебить всех генералов. Была задержана группа поджигателей, объяснявших свои действия издевательствами «господ» (*Горловский М.А. Пятницкий А.Н.* Из истории рабочего движения... С. 232–234).

В 1842 г. пожары опустошили Казань (пожар 24 августа уничтожил 9 церквей и 1309 домов в лучшей части города), Пермь, Тюмень. Широкое распространение в обществе получили толки о зажигателях, о намерении их сжечь еще и Уфу. В Тобольске и Тюмени были обнаружены подметные письма, «коими угрожают истребить эти города и прочия главныя места в России». Сибирская администрация предполагала, что «злонамеренные люди, в которых нет в Сибири недостатка, пользуясь несчастными случаями, стараются подобными разглашениями увеличить страх в народе и тем произвесть безпорядок» (Госархив Омской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17718).

Памятным для пермяков был страшный пожар 14 сентября 1842 г., уничтоживший практически половину города (до 300 домов). Пермскому пожару также предшествовали эскалация слухов, нагнетание напряженности и тревоги в обществе. Первоначально, в конце августа, заговорили об ужасном пожаре, случившемся в Казани. Затем стали распространяться слухи о подметных письмах угрожающего характера уже в самой Перми. Народная молва определила и «день Ч» – 14 сентября, когда должно было случиться несчастье. В злоумышлении подозревали ссыльных поляков, а также беглых арестантов из Сибири. 12 сентября загорелась казарма военных кантонистов. «На этот предварительный, неожиданный пожар должно смотреть, как на удостоверение со стороны поджигателей в том, что предсказанное ими непременно совершится», – писал по этому поводу современник событий Д.Д.Смышляев. Наконец наступил трагический день 14 сентября. Вспыхнувший в губернском центре пожар истребил лучшую, старую часть города. Как Пугачевщина для уральских крестьян, пожар 1842 г. стал «местной эрой, с которой считают годы», для пермяков: «чрез столько-то лет после пожара», «это было давно: за столько-то лет до пожара», – стали обычными выражениями в Перми (*Дмитриев А.* Очерки из истории губернского города Перми. Первый опыт краткаго изложения истории Перми. Пермь, 1889. С. 210–224).

12. Действительно волнения в Далматовской волости начались под влиянием событий в соседней Тамакульской. 23 апреля, в день великомученика Георгия, в с.Тамакульском проходил большой базарный съезд, во время которого среди крестьян распространились слухи о продаже их во владение какому-то помещику. Следствием этого явилось возмущение, в ходе которого был убит волостной писарь Канахин. Уже на следующий день начались волнения в селениях Далматовской волости. См.: *Зырянов А.Н.* Шадринский уезд в апреле 1842 года (Из воспоминаний очевидца) // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 13–14.

13. Крестьяне с.Широковского приняли наиболее активное участие в волнениях в Далматовской волости. 24 апреля волостной голова Игнатий Иванчиков совместно с приходским священником Дмитрием Поповым безуспешно убеждал крестьян в ложности распространявшихся слухов. Вскоре широковский священник действительно бежал и укрылся за стенами Далматовского Успенского монастыря. О разграблении бунтовавшими крестьянами церкви в с.Широковском нам неизвестно. 25 числа Иванчиков возобновил попытки увещевать крестьян уже на волостном сходе в Далматовском. Однако крестьяне подвергли его, а также сельского старшину Дегтерева и писаря Терехова, оскорблениям и побоям, собирались пытать. Примкнувший к протесту священник Николаевской Далматовской церкви Василий Гвоздев поддерживал намерения крестьян в отношении головы: «По делом вору и мука, бейте его, собаку!» Он же укреплял крестьянские заблуждения на счет продажи волости в помещичье владение, заявляя, что велено с крестьян собирать в пользу нового господина с каждой души по полпуда масла, по 10 фунтов мака и от 40 до 100 аршин холста. Лишь отвага далматовских иеромонахов, рискнувших выйти с образами к толпе и отслужить молебен Божьей Матери, избавила Иванчикова от расправы. Торжественная процессия, появившаяся из монастыря, произвела благотворное влияние на бунтовщиков. Под ее прикрытием мещане, пришедшие с крестным ходом, увели голову, старшину и писаря в монастырь (*Зырянов А.Н.* Шадринский уезд в апреле 1842 года. С. 14–17).

14 Блудов Д.Н. (1785–1864), гр. (с 1842), статс-секретарь (1826), член Государственного совета (1832), д.т с (1839), видный государственный деятель николаевского царствования. В 1826 г. принял участие в Верховной следственной комиссии по делу декабристов. Был делопроизводителем «Комитета 6 декабря 1826». С 1827 г управляющий делами «Комитета по злоупотреблениям при поставке корабельных лесов». С 1828 г. главноуправляющий духовными делами иностранных вероисповеданий. В 1831 г. возглавлял комитеты по делам Царства Польского и Западных губерний. В 1830–1831 и 1838–1839 гг. управлял министерством юстиции, в 1832–1838 гг. министр внутренних дел. Главноуправляющий 2-м отделением (кодификационным) Собственной Его ИВ канцелярии в 1839–1862 гг.

15. Замечание Н.С.Павлова об отношении крестьян к своим выборным начальникам парадоксально совпадает с мнением его оппонента Р.А.Черносвитова, высказанным, правда, значительно позже, во время процесса над петрашевцами. В июле 1849 г. Черносвитов показал. «Говоря о государственных крестьянах, надобно объяснить одно очень важное обстоятельство: народ, выбирая себе сельских и волостных начальников, постоянно ненавидит их, потому что они, делаясь начальниками, делаются, – как выражаются крестьяне, – чиновниками, мироедами и действительно злоупотребляют своей властью. Главную полицию в народе составляет эта корпорация выборных и писарей; имея родных в народе и разделяя с ним слабость к пьянству, – они знают все его тайные помышления, и таким образом ни одна мысль не может укрыться от начальства». Заслуживает также внимания оценка Черносвитовым причин народных волнений в 1842–1843 гг., «главною причиною беспорядков были крутые меры нововведений, которые русский народ не скоро усваивает, и вместе с тем совершенно не понятый народом метод управления. В жалобах своих, высказываемых в час мятежа, желали они остаться по-старому, т.е. поступить в ведение земского суда, к которому привыкли. Вот понятия народа!» См.: Дело петрашевцев. М Л., 1937. Т. I. С. 476.

16. Извеков – капитан корпуса жандармов.

17 То есть разглашал, делал разглашения, распространял слухи.

18 Известно, что впоследствии Р.А.Черносвитов был женат на ирбитской мещанке Анфисе Михайловне, которая принесла в приданое дом в Ирбите, а также связала мужа с миром дельцов-предпринимателей. См.: *Карцов В.Г* Деятельность петрашевца Р.А.Черносвитова в Сибири (Из истории сибирской золотопромышленности) // Сибирь периода феодализма Новосибирск, 1965. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. С. 250.

19 В.Г.Карцов сообщает туманно, что в 1843 г после очередного крестьянского волнения, при усмирении которого Р.А.Черносвитов «действовал с особенным благоразумием», он, тем не менее, навлек на себя гнев губернатора и был вынужден выйти в отставку (С. 249). Свидетельства Н.С.Павлова, возможно, проясняют причины недовольства губернатора Черносвитовым и отставки последнего. Сам Р.А.Черносвитов, давая впоследствии, в 1849 г., показания по делу петрашевцев, сознался, что после отставки на него «вырыли какие-то две жалобы», по которым Пермское губернское правление предало его суду: 1) за незаконное наказание розгами крестьянина Юдина; 2) за несоблюдение форм при сожжении негодной в пищу рыбы у купца, на одной из ярмарок в Шадринском уезде (причем к 1849 г судебные разбирательства по указанным делам еще не завершились). См.: Дело петрашевцев. М., Л., 1937 Т I С. 454, 460–461

20 Комитет 6 декабря 1826 г (получил свое название по дате создания) – один из высших комитетов, создававшихся в царствование Николая I. Действовал в 1826–1832 гг. Учрежден под председательством гр.В.П.Кочубея (председателя Государственного совета) для разработки общего плана преобразовательной деятельности. Молодой статс-секретарь Д.Н.Блудов был назначен делопроизводителем комитета. Комитет, обсуждавший широкий круг вопросов, затрагивал и проблемы управления казенными крестьянами, крепостного права. Однако практические результаты деятельности комитета 6 декабря 1826 г оказались ничтожными. См.: *Ерошкин Н.П* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.. «Мысль», 1981 С. 186–202; Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия Политическая история России первой половины XIX столетия. М.. «Мысль». 1990. С. 100–195; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л.. 1946. Т I: Предпосылки и сущность реформы. С. 170–193.

21 Имеется в виду окружное управление министерства государственных имуществ

22 Самозванчество Быстрых – типичный пример бытового самозванчества. См.: *Короленко В.Г* Современная самозванщина // Полн. собр. соч. СПб., 1914 Т III С. 271–368

В.В.Алексеев

МАТЕРИАЛЫ О ГИБЕЛИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ НА УРАЛЕ: ИЗ АРХИВА ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И МИРА (США)

Гибель царской семьи Романовых в Екатеринбурге летом 1918 г не перестает занимать умы не только историков, но и широкой общественности В последнее время на эту тему появилось немало специальных исследований, еще больше журналистских сенсаций как в России, так и за рубежом. Однако многие принципиальные проблемы этой истории не решены до сих пор. Вопрос в значительной степени упирается в недостаток документальных материалов Одни погибли в огне гражданской войны, другие были тщательно упрятаны в спецхраны, третьи исчезли во время работы специальных комиссий по «изучению» обстоятельств Екатеринбургского расстрела. Поэтому важно появление каждого нового документа, проливающего свет на те далекие и загадочные события

В данной связи интерес представляет досье Никандра Миролюбова, хранящееся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира. В 1936 г в этот институт обратился неизвестный, который держал в руках сумку из черной мешковины. Он предложил подарить ее содержимое институту при условии, что оно останется опечатанным до 1 января 1950 г Получив такую гарантию, незнакомец сдал сумку, а сам ушел и больше не появлялся. Когда по истечении указанного срока сумку открыли, то в ней оказались бумаги профессора криминалистики Миролюбова

Никандр Иванович Миролюбов в начале 1917 был назначен прокурором Казанской судебной палаты. После взятия Казани большевиками он переезжает со своими сотрудниками в Сибирь, оставаясь в прежней должности. Здесь он держал под наблюдением следствие Николая Соколова, который расследовал обстоятельства гибели царской семьи Романовых. С падением Омска Миролюбов эвакуировался в Харбин, где возглавил ряд белоэмигрантских организаций, активно боровшихся против советской власти.

Теперь трудно установить, каким путем документы Миролюбова попали в Стенфорд и почему их содержание так долго оставалось в тайне Впервые они были частично использованы английскими журналистами А.Саммерсом и Т.Менгольдом в книге «Досье Романовых», вышедшей в начале 80-х гг в Лондоне и Париже[1] Для российских исследователей эти материалы оставались недоступными Между тем они имеют принципиальное значение для понимания тех сторон следствия по царскому делу, которые обошел Соколов в своей книге. Более того, они проливают свет на события, которые предшествовали его следственным действиям, позволяют по-новому посмотреть на них и высветить некоторые темные страницы Романовской трагедии, а самое главное – нащупать перспективные пути исследования, поскольку выводят на неизвестные ранее линии развития событий, в частности, действия военной разведки Колчака по выявлению сведений о расстреле царской семьи.

Публикуемые документы любезно предоставлены архивом Гуверовского института и составляют только ту часть досье, которая непосредственно касается расстрела в Екатеринбурге. Оно состоит из двух папок В одной находятся заметки Соколова и несколько его писем, в другой – переписка между Миролюбовым и его представителем в Екатеринбурге, прокурором Екатеринбургского окружного суда В.Иорданским. Далеко не со всеми суждениями авторов документов можно согласиться, но мы не вступаем с ними в полемику, поскольку она возможна только в

контексте конкретных событий и в соотнесении с другими материалами как отечественного, так и зарубежного происхождения. Предлагаемые документы публикуются впервые[2]

Археографическая обработка источников осуществлена на основе общепринятых правил. Документы публикуются полностью и в извлечениях. Передача текста с извлечениями обозначена отточиями. Неисправности текста, не имеющего смыслового значения (орфографические ошибки, описки, пропуски букв и т.п.) исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные из-за повреждения текста или его неразборчивости и восстановленные слова или их части взяты в квадратные скобки. Случаи невозможности восстановить пропуск в тексте отмечены отточием в квадратных скобках. Каждый документ имеет редакционный заголовок. Все материалы снабжены датами и местом подготовки. Легенда каждого документа исходит из его принадлежности к коллекции из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). Все документы подлинные, тексты рукописные на обычных листах бумаги, трудночитаемые.

ПРИМЕЧАНИЯ

Summers A. Mangold T. Le dossier Romanov. Paris, 1980, p. 52–59.

Выражаем благодарность доктору технических наук С.А.Тимашеву за помощь в получении этих документов.

№ 1
В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург, 19 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

Вчера г.Екатеринбург проводил Верховного Правителя, который направлялся в Пермь, оттуда на короткое время опять остановится у нас, а затем к Вам. Встреча была оказана подобающая Верховному Правителю. Я лично видел его на вокзале во время встречи, в соборе во время короткого молебна и на торжественном обеде, устроенного городом и, надо сказать, очень пышно. Обед, как водится в таких исключительных случаях был «строгий», с выдержанными речами, причем в заключение и Верховный Правитель произнес обширную, программную речь. На всех, кажется, кто его видел, он произвел очень хорошее впечатление.

Сию минуту послал Вам телеграмму о том, что убийца по царскому делу Медведев еще в дороге. Его везет под строжайшим конвоем специально занятый этим делом агент угол[овного] розыска, который телеграфировал, что везет с собою очень серьезный материал по делу. Сущность последнего я не знаю, но прибывший третьего дня из Перми один полковник передавал мне следующее. Он лично видел в Перми врача, который за несколько времени до взятия ее Сибир[ской] армией был приглашен комиссарами для подачи помощи лежавшей в постели больной. Последняя оказалась молодой девушкой. Около нее вертелись какие-то типы, из коих некоторые – евреи. Врачу было предложено осмотреть у больной только голову и верхнюю часть груди, никакого другого осмотра делать было не разрешено. Он понял, что она была насилована. Лицо ее было все в синяках. Осмотр происходил в присутствии комиссаров, но когда на короткое время врач остался наедине и спросил больную, кто она, – последовал ответ: «Я дочь государя Анастасия». По словам врача она впоследствии была расстреляна. Сведения эти пока частного характера. Сведения эти немедленно по получении представляю; вообще буду осведомлять Вас немедленно обо всем, что будет добыто по этим делам. По тому плану розыска по царским делам, о котором пишите Вы, прибавить, пожалуй, нечего. Я намерен лишь на обратном пути через Екатеринбург Верховн[ого]

Правит[еля] обратиться к дежурному при нем генералу, чтобы по приказанию Верх[овного] Правит[еля] последовало распоряжение всем военным властям оказывать полное содействие в раскрытии дела. Между тем, в настоящее время сведения, которые получаются военными, они передают не следственной власти, а своему начальству и т п., что идет к явному вреду для дела

Так, в настоящее время имеется агент Алексеев, тот самый, который перехватив письмо убийцы – Медведева, теперь везет его арестованным. Это человек пожилой, очень вдумчивый, идущий к цели до конца, охватывающий широким масштабом и при этом, по отзывам всех судейских, – исключительно честных правил. При таких условиях я представил ему право подобрать людей в тех пунктах, где требуется постоянное наблюдение. Такими являются зав.[оды] Вер[х]-Исетский и Сысертский, откуда поставлялась охрана в дом Ипатьева Теперь здесь и находятся особые агенты. По приезде Алексеева подниму вопрос о необходимости установления агента в Перми. Вместе с тем возникает мысль написать о том официально управ[ляющему] Пермской губ.[ернии], с которым я лично знаком, о том чтобы на одного из пермских агентов розыска возложить обязанности собрания сведений по царскому делу Вопрос этот я разрешу по приезде на сих днях агента Алексеева..

Шлю Вам, уважаемый Никандр Иванович, свой искренний сердечный привет

Преданный Вам В.Иорданский.

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 2
В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург, 23 февраля 1919 г

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

С С.И.Бердниковым послал Вам донесение по царскому делу Между прочим в нем Вы найдете описание версии об убийстве Вел. Кн Анастасии Николаевны, о чем я писал Вам в последнем письме Официальная версия эта не проверена, а лишь проверяется, причем по моей просьбе вчера была послана уполном Командующ.[ему] армией шифрован.[ная] телеграмма о необходимости предъявить этому врачу фотографии Анастасии Николаевны, так как мало вероятно, что это была последняя. Это совершенно неправдоподобно, если иметь в виду категоричное утверждение обвиняемого Медведева, хорошо знавшего всех дочерей государя, что все они убиты и на его глазах мертвыми сложены в грузовик. Вот почему в официальной бумаге я не упомянул об этой версии. Как только это будет проверено – представлю.

Нелегко вести наблюдение по этому делу при отсутствии должного содействия со стороны военных властей, которые сейчас играют громадную роль. Зло заключается в том, что, если они получают какие-либо сведения, то держат это в секрете от следственных властей из желания отличиться, и во вред, конечно, делу Этого бы не было, если бы как настаивал ген.[ерал] Дитерикс, во главе дела встало бы лицо с особыми полномочиями..

Искренне уважающий и преданный Вам В.Иорданский

23.II–19 г

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 3
В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург, 12 марта 1919 г

Пользуюсь случаем, глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович, чтобы поскорее довести до Вашего сведения о своих предположениях как по вопросам деловым, так и частным

Необходимо пользоваться этим временем, приняв меры к выяснению задачи – нахождения места сокрытия трупов. В случае успеха можно рассчитывать, что до наступления тепла трупы окажутся в сравнительно сохранившемся виде Не откажите, пожалуйста, уведомить меня или Вл[адимира] Ник[олаевича] Казембека, какие распоряжения последуют от Вас с теми деньгами – 15000 руб , которые Вам переданы

Отт Шамарина по царскому делу я не получил никаких сведений Одновременно с ним посылаю Вам список лиц об арестовании коих мною сделано распоряжение военным властям. Полагаю, что таким распоряжением я не допускаю превышения власти, ибо, с одной стороны, они все причастны к делу (хотя еще и не привлечены), с другой – все они большевики и красноармейцы.

Осмотр будет касаться только корреспонденции лиц, знающих места сокрытия тел, а именно Ермакова, Леватных, Партина, Костоусова, Малышкина.

Искренне Вас уважающий и преданный В.Иорданский.

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 4
В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург Не ранее 29 марта 1919 г

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

Перед самым почти отъездом А.М.Гаврилова спешу поделиться с Вами весьма прискорбным сообщением.

Несколько времени (дней) тому назад заболел сыпным тифом заключенный в тюрьму по царскому делу Медведев и 25 марта, находясь уже в тифозном бараке, умер. Перед тем, как поместить его в тюрьму, камера была приготовлена по особым распоряжениям моим, несмотря на то, что заболеваний в ней не было, была произведена особая обработка, т.к в самой тюрьме по другим камерам было много заболеваний.

Кроме Медведева, в этой же тюрьме, в камере обособленной находятся арестован [ные] по княжескому делу Старцев и Соловьев. Оба они сидят в кандалах. Из опасения, чтобы они не заболели, я по соглашению со след.[ователем] Соколовым немедленно перевел их в Верх-Исетский (прилегающий к городу) арестантский дом, где заболеваний почти нет Предварительно осмотрю камеры и приму особые меры в предупреждении побега, так как охрана арест [анского] дома гораздо слабее тюремной.

Как я сообщил, Медведев умер 25 марта, между тем о смерти его было сообщено Н[ачальником] тюрьмы лишь 29 марта за № 10, о болезни же его я не был осведомлен

Поэтому невольно возникает мысль, не было ли в данном случае какое-либо злоупотребление, и не скрылся ли он при содействии кого-либо Но это лишь голое предположение С этой целью я дал официальное поручение Н[ачальни]ку [ ]* произвести подробное дознание, дав ему по этому поводу личные указания и

затребовав метрическую запись о смерти его Вместе с тем, усматривая неправильность действий со стороны Н[ачальни]ка тюрьмы, через тюремного инспектора я потребовал от него объяснений о причине несообщения мне или судебному следоват.[елю] Соколову о положении Медведева и о замедленности донесения о смерти его

Неприятно еще то, что, хотя он и был допрошен обстоятельно по тем данным, которые имелись в деле, но его нужно было допросить вторично уже по тем материалам (протоколам, осмотров вещест.[венных] доказат.[ельств], которые были введены в дело след.[ователем] Соколовым). Осмотры же вещ.[ественных] доказат.[ельств] он только вчера закончил.

Шлю Вам искренний привет Уважающий и преданный В Иорданский

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира Подлинник.

В документе неразборчиво.

№ 5

Свидетельские показания Александры Кривощековой по делу об убийстве бывшего царя Николая II и членов его семьи

Чита, 29 февраля 1920 г

29 февр 1920 г. Я, прокурор Казанской судебной палаты Н Миролюбов в порядке дознания, допрашивал в г.Чите, в гостинице «Даурия» (№ 22), гражданку Александру Кривощекову, временно живущую в Чите, по делу об убийстве б царя Николая и чл. семьи – в качестве свидетельницы, которая показала и собственноручно записала следующее:

1919 г в начале января я познакомилась в Екатеринбурге с полковником Никифоровым, который был назначен в Пермь начальником военного контроля Он предложил мне поехать с ним в Пермь. В дороге много было разговоров об убийстве царя и царской семьи Я спросила о в.к. Михаиле Александровиче – жив ли он? Никифоров сказал, что жив и здоров. Между прочим сказал, что не даром ему пришлось бежать из Перми пешком, где он был народным судьей. В конце всех разговоров Никифоров предложил мне, не желаю ли я служить у него именно по царскому делу Я согласилась насколько хватит моих сил. По приезде в Пермь принялась за это дело. В половине января была в з.[аводе] Мотовилиха в одном доме, услышала разговор про белье с короной и метками Николая А[лександрови]ча. А спросила, где же такое белье? Они мне говорят, разве вы не знаете, что царская семья была в Перми и жила в доме акцизного управления Жиды, наверное, убили и поделили все, и все таки кто же видел белье? Они мне указали прачку, которая стирала это белье одному доктору жиду Нашла прачку, которая подтвердила, что действительно стирала белье одному доктору-еврею, белье с короной и метками рубашки и кальсоны Фамилию доктора не знает, но дом, где он жил, по Монастырской улице, дом Кусакина. Я передала Никифорову лично, как было условлено с ним, что касается царской семьи должна была говорить только с ним В конце января прихожу к Никифорову в назначенный час, он мне говорит, пройдемте в кабинет, взял сверток, в кабинете замкнул дверь на ключ и тогда развернул сверток, а в нем, вещи. Но меня особенно заинтересовали серьги дамские овальной формы в середине сапфир крупный, а кругом бриллианты Я долго смотрела и говорю «Эти серьги царицы?» Он сказал: «Да.» На остальные вещи я только взглянула и перечислить их не могу Никифоров говорит, что тут вещей миллиона на два, а то и больше Спрашиваю, где он их достал. Никифоров говорит, что пока не скажет А меня просил, чтобы я не оставляла этого дела и больше работала, что нам заплатят хорошо, сумма отпущена крупная.

У меня в квартире была конспиративная квартира Собирались офицеры сотрудники военного контроля Были заведующий и помощник. Помощник прапорщик Дягилев Эраст Алексеевич, в разговоре рассказал, что недавно нашли у одного еврея золотые и бриллиантовые вещи, фамилия их Кобчик. Я спросила, где же теперь Кобчик? Дягилев сказал, что уже отправлен, откуда возврата нет Прошло несколько времени, встретила Никифорова, спрашивает как дела? Плохо, прихожу в отчаяние, слышу в публике много разговоров, а определенных и положительных нет, и дело не идет вперед. Он сказал: «Лучше бы вы занялись другим делом, гораздо выгоднее» Спрашиваю: «Каким?» Он. «Вы местная жительница и знаете, где и у кого произвести реквизицию», – на этом разговор кончился. Мой брат скрывался от большевиков, жил в Перми в доме Пантелеевых, приходит ко мне и рассказывает, что жена Пантелеева говорила: «Есть у нее двоюродный брат в Екатеринбурге, служит машинистом в пассажирском поезде, фамилия его Логинов. Приезжал в Пермь и был у них и говорил, что царя убили и увезли комиссары на станцию Богданович. Пантелеева спрашивает его: «Как он знает?» Логинов говорит, что он то и увозил тело, а обратно, – когда возвращались, пьянствовали. Пантелеева возмущена сказанным. После ухода тайного гостя Пантелеева рассказала моему брату, а он мне. Да, она передавая разговор, сказала, что донесла бы кому следует или бы вызвали ее в свидетельницы, она с удовольствием все бы рассказала. Я сообщила Никифорову, что было сделано по этому делу, мне неизвестно. Весной Логинов опять приехал в Пермь, был у Пантелеевой, опять говорил про то же. Она очень возмущалась. Мой брат ей говорил, что весь разговор, который был передан куда следует, а ее не допрашивали. А Логинов служил все время, ездил машинистом от Екатеиринбурга до Омска.

В начале марта узнаю про одну сестру милосердия Мутных, которая говорила своим при сослуживцах, что она знает и много раз бывала в доме, где находилась царская семья, читала дневники наследника Алексея Николаевича, удивлялась их терпению и выдержке, особенно отзывалась о Анастасии Николаевне. Я передала Никифорову не лично, а написала записку, когда пришла к нему, его не застала дома. В тот же день приехал ко мне господин, отрекомендовавшись Кирста Александр Федорович. Показывает записку мою и спрашивает: «Я ли писала?» «Да, я.» Он говорит, что царское дело передано ему Полковник Никифоров и прислал, а что он говорит правду, представил мне доказательства Я рассказала ему, что знала Он говорит, что надо познакомиться с ней, и вы это сделаете. Я сказала, что сегодня же пойду туда. Повидавши ее должна сообщить все сказанное. Часов в пять пошла к Мутных в лазарет Она меня приняла у себя в дежурной комнате. Там никого не было Я ей назвала вымышленную фамилию и говорю, что пробралась от красных и пробираюсь в Екатеринбург к дочери. Назвала фамилии некоторых комиссаров пермских, которых я знала и указала одного, который мне советовал в случае чего обратиться именно к ней. Объяснила, что мне, пробираясь через фронт белых, пришлось изорвать свой паспорт, а дальше ехать без документов опасно Она поверила и говорит, что достанет мне таковой. Есть у нее знакомый в военном контроле человек, который даст, и называет фамилию Кирста А.Ф. Он уже дал ее гражданскому мужу таковой, и деньги сто пятьдесят тысяч разрешил провести в Сибирь для пропаганды Спрашивает, где я остановилась? Я сказала, что только сегодня приехала, и квартиры нет и не знаю у кого могу ночевать. Она ответила, что с удовольствием бы предложила у себя ночлег, но не может, потому что у нее есть тоже приезжий, который ночует у ней, и дала адрес Малковых по 2-ой Загородней улице Дальше шел разговор о царской семье. Когда она бывала у них, удивлялась, что они слишком горды и занидовала их стойкости Я говорю: «А Вы не боитесь, может быть что-нибудь иметь у себя, за что Вас могут арестовать?» Нет, все спрятано, что было в надежных руках, да вам вот расскажут Малковы. Вдруг спрашивает меня, знаю ли я Ираиду? Я сказала, что совершенно не знаю таковой

Она вздохнула и говорит: «Вы не провокатор?» «Почему?» – спросила ее. Да тут приходили таковые и спрашивали. Правда, когда Кирста давал мне совет, что я должна была говорить то, просил спросить про Ираиду, а кто она я не знаю, но я не спрашивала, разговаривать больше не пришлось, ей нужно было идти в палаты к больным солдатам. При прощании с ней просила зайти к ней за паспортом.

Вечером Кирста вызывает к телефону и спрашивает была ли я или нет, отвечаю, что была. Наверное провал? Не знаю, что вы называете провал. Я нахожу, что по телефону говорить неудобно. Он отвечает, что приедет. Приехал, рассказываю ему весь разговор, умолчала, что он дал паспорт ее мужу, сказала, что пойду по данному адресу завтра. Утром узнаю, что был обыск у Мутных и арестованы были Березина и Мутных. Утром пошла к Малковым, но дома их не было. Они оба служат в Земледелии государственных имуществ. Прихожу туда. Там еще никого не было. Поздоровалась и передала ей поклон от ее сына Рафаила. Она очень обрадовалась и спрашивает, где он. Я назвала место, где видела его. А разве Рафаил не уехал с царской семьей? Он все время около них. Да, кажется, собирались уехать скоро. Говорю ей, что Рафаил просил спрятать царские вещи подальше, чтобы их не нашли. Малкова говорит, что салфетки с метками и короной у ее снохи старшего сына – Николая. Советовала ей спрятать. Она спрятала их, а стаканы у ней спрятала. Был обыск, ничего не нашли. Малков сам занимал место при управлении сторожа. Вещи им удобно были спрятаны на вышке здания, а обыск был в их личной квартире.

Я не говорила, что была у Мутных, и передала тоже, что не имею паспорта. Малкова сказала: «Это пустяки – достанем, есть человек хороший в контроле, который даст.» Кто же этот человек? «Кирста А.Ф. приходит сегодня в пять часов вечера, муж отведет вас на квартиру, где вы познакомитесь с Матросом у которого есть вещи царские. С ним поговорите, что заказывал Рафаил.» Я обещала быть непременно, спросила меня когда уезжаю? Как достану паспорт и поеду в Екатеринбург, и дальше буду пробираться в Казань. Она просила увезти письма сыну Рафаилу и Николаю. Разговаривать больше не пришлось. Служащие стали собираться. Рассказала весь разговор с Малковой Кирста. Он ничего не сказал на это. Иду вечером в установленный час к Малковым, чтобы ехать в новую деревню познакомиться с Матросом. Прихожу, Малкова очень сердито встретила и говорит что был у них в 2 часа обыск, нашли одну салфетку и больше ничего. Я прошу поехать туда. Она говорит нет и больше ничего не скажет. У ней явилось подозрение. Пошла к Кирста, не застала его, а вечером узнаю, что он уехал в Омск. Когда вернулась, я написала ему, что он провалил все дело. Больше с ним не виделась и работать не стала. Никифоров перешел в штаб Пепеляева и Кирста тоже. Заменил Петелин, а я ему не доверяла и не работала. Дня за четыре перед эвакуацией Перми Кирста приехал ко мне и говорит, что будем работать вместе, я заплачу Вам двадцать тысяч. Я говорю, что уезжают все, и мне тоже надо уехать, а он говорит: «Не оставим Вас.» Больше его не видела.

Вернусь к Малковой, когда говорили о царской семье, Малкова много раз бывала у них и приносила разные мелкие вещи на память, хотела мне показать после поездки к Матросу, говорила, что Анастасия Николаевна убита за то, что хотела бежать, спросила где похоронена, а где-то около Мотовилихи, а хорошо не знает, слышала от сына Рафаила, он-то хорошо все знает, все был с ними.

Александра Вас. Кривощекова. 1920 года, 28 февраля.

*Кривощекова добавила, что Никифоров говорил ей, что был там тем вечером, когда увозили Михаила Александровича из Перми. / /**

Прокурор Казанской судебной палаты Н.Миролюбов.

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник. Датируется по контексту документа.

* В документе последние два слова неразборчивы.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА И ШКОЛЫ

Н.С.Корепанов

УРАЛЬСКОЕ ГОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Настоятельная потребность в изменении сложившихся стереотипов управления, многочисленные попытки концептуального подхода к формированию новых управленческих систем, прежде всего на региональном уровне, привели в последнее время к ясному осознанию неизбежности использования исторического опыта (показательно внимание к губернскому типу территориального деления, земствам и т.п.) Эта тенденция в российских общественных науках сочетается с усилением общемирового интереса к проблемам регионоформирования, к созданию механизмов регионального управления (Европейский Союз, интеграционные процессы в Северной Америке, на Дальнем Востоке)

В этой связи частный момент в истории российского государственности – опыт местного органа горного ведомства на Урале – приобретает особое значение и, очевидно, должен вызывать пристальное внимание к себе. Речь идет об Уральском горном управлении (1720–1919 гг.), жизнеспособном органе государственного регионального управления, уникальной в России регионоформирующей управленческой системе, пережившей несколько исторических эпох и сохранявшей действенность в переходные периоды

В настоящее время 200-летний опыт деятельности Уральского горного управления остается не только не востребованным в прикладном плане, но и почти не изученным в России и практически неизвестным на Западе Достаточно сказать, что объектом специального исследования Уральского горное управление становилось лишь в работе деятеля горнозаводской администрации П А Иванова и статьях свердловских историков Л.Д.Голендухина, А.Г.Козлова, Э.А.Пензина[1] Ряд исследователей уделяли внимание Уральскому горному управлению в соответствующих разделах своих работ по горному управлению в России или как сопутствующей теме[2]

Как правило, авторы высказывали предположение о взаимозависимости экономических процессов в уральской горнозаводской промышленности и реальных функциональных возможностей Горного управления в конкретные исторические периоды При этом в работах П А Иванова и А.М Лоранского имеются фактические неточности (особенно у последнего), в основном по истории Управления в XVIII в.

Э А.Пензин подчеркнул объективную необходимость создания местного органа горнозаводского управления в XVIII в в связи с неэффективностью централизованного управления силами одной Берг-коллегии в условиях отдаленности горнорудных районов друг от друга, их специфики Он упомянул также о взаимосвязи проблем становления и развития местного горнозаводского управления с созданием

нового города и завода (Екатеринбурга)[3], ограничившись однако рассмотрением лишь отраслевой функции Управления за короткий, но крайне важный период

Дискуссия 70–80-х гг об «оригинальном строе» уральской промышленности привела, помимо прочего, к акцентированию внимания на окружной системе горнозаводского хозяйства, которую, очевидно, можно охарактеризовать как проявление принципа территориально-экономического управления. В.В.Адамов определил окружную систему как высшее достижение крепостной экономики[4], из чего, по нашему мнению, следует вывод не столько об ее экономической эффективности (ибо вполне сложившиеся горнозаводские округа первой половины XIX в. не могли предотвратить кризиса уральской промышленности), сколько о рациональности исторически сложившейся системы управления, сохранившейся до XX в

Предварительным условием анализа структуры и функций Уральского горного управления (УГУ) является определение его места в системе государственных учреждений и, соответственно, выяснение основополагающих черт, принципов построения и деятельности, неизменных за весь период существования УГУ Очевидное сочетание территориального и экономического управления (как правило, без фиксации в административных границах и с выраженной хозяйственной ориентацией) позволяет определить УГУ как регионально-отраслевой орган управления, субъект управления регионально-отраслевого комплекса. При этом определение «региональный» подчеркивает объективность процесса регионоформирования вокруг центра управления независимо от изменявшейся административно-территориальной сетки и его административной подчиненности (а равно, административной подчиненности объектов управления), а определение «отраслевой» фиксирует специфику хозяйственного развития региона, формирование его на горнозаводской основе. Общность специализации и взаимосвязанность хозяйства региона в условиях развития производительных сил XVIII и, вероятно, XIX в могла существовать, во всяком случае развиваться эффективнее всего, именно на отраслевой основе. Интегрированное понятие – «регионально-отраслевой» – говорит об однородности ведомственного подчинения и технологии всей экономической системы с наложением на территорию, а также и об экономическом принципе деления подведомственной территории

Необходимо также иметь в виду все коренные и частичные реорганизации УГУ как отражение развития системы управления (объекта и субъекта) Публиковавшиеся прежде названия органа[5] в настоящее время уточнены и представляются следующим образом: (Кунгурская) Канцелярия горных дел (г Кунгур), июль 1720 – январь 1722 гг (В январе – июле 1721 г фактически руководство размещалось в Уктусском заводе); Сибирское горное начальство (Уктус), январь – март 1722 г Сибирское Вышнее горное начальство (Уктус), март – декабрь 1722 г (С апреля также. Канцелярия Сибирского Вышнего горного начальства), Бергамт (Уктус), декабрь 1722 – июль 1723 гг (В июле также. Обер-бергамт), Обер-бергамт (Екатеринбургский завод), август – декабрь 1723, Сибирский Обер-бергамт (Екатеринбург), декабрь 1723 – декабрь 1734 гг , Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов (Екатеринбург), декабрь 1734 – ноябрь 1781 гг (С августа 1757 г., Канцелярия Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов), Горная экспедиция при Пермской казенной палате (Пермь), ноябрь 1781 – май 1797 гг (Также Горные экспедиции при Вятской и Уфимской казенных палатах); Канцелярия Главного заводов Правления (Екатеринбург), май 1797 – март 1802 гг Екатеринбургское горное начальство (Екатеринбург), Пермское горное начальство (Юговской нижний завод), Гороблагодатское горное начальство (Кушвинский завод), март 1802 – май 1807 гг , Пермское Горное правление (Пермь, с сентября 1831 г в Екатеринбурге). май 1807 – декабрь 1831 гг Уральское горное правление (Екатеринбург), январь 1832 – март 1886 гг Управление горной

частью на Урале (Екатеринбург), март 1886 – декабрь 1892 гг Уральское горное управление (Екатеринбург), январь 1893 – январь 1918 гг., Управление национальных заводов Урала (Екатеринбург), январь – июль 1918 г (С марта – Областное правление национальных предприятий Урала, эвакуировано в Кушву, Пермь, Вятку), Главное управление горных дел Урала (Екатеринбург), сентябрь 1918 – январь 1919 гг (До ноября – при Областной правительстве), Уральское горное управление (Екатеринбург), январь – июль 1919 г

В широком смысле УГУ – не просто головной орган, распорядитель в центре управления, а региональная сеть горнозаводских учреждений, независимых от иных административных структур. Принцип построения и механизм действия всей территориально-экономической управленческой системы был основан на трехуровневом делении: регион (макро) – зона (мезо) – район или экономическое поле (микро) Каждый из уровней характеризовался наличием многофункциональных распорядителей, имевших право самостоятельного контакта с иерархически равными и нижестоящими негорнозаводскими органами (а на практике и с вышестоящими) На мезо- и макроуровнях объективно возникали условия для формирования экономического пространства, соответственно, зон и региона Формирование на зональном уровне шло ускоренными темпами в случае совпадения границ административного и экономического таксонов (административной единицы и хозяйственной зоны).

Попытаемся рассмотреть эти три уровня на примере начального периода деятельности УГУ, до его коренной реорганизации в 1781 г

II Непосредственно УГУ являвшееся распорядителем типа автонома (окончательное решение по отношению к подчиненным ему объектам управления)[6], строилось формально по коллегиальному принципу из назначаемых лиц, аналогично центральным органам – Коллегиям, а также саксонской горнозаводской администрации (окончательно ориентация на саксонский управленческий опыт утверждена Петром I в феврале 1724 г [7])

Во главе УГУ стояли три члена, включая Главного командира или исполнявшего его обязанности Первого члена Главный командир назначался Сенатом и на практике всегда являлся человеком, присланным на должность, имел именной императорский наказ, инструкцию и т п

В описываемый период Главными командирами являлись В.Н Татищев (1720–1722 гг и 1734–1737 гг., реально – до 1736 г.), В.И.Геннин (1722–1734 гг), А.Г.Щербинин (1755–1756 гг) А.Э.Мусин-Пушкин (1763–1766 гг.), В.Ф.Бибиков (1769 –1775 гг), П И.Рычков (1777 г), В.В.Енгалычев (1778–1781 гг.).

Главный командир субординативно приравнивался к губернатору начальнику Московской (или С.-Петербургской) Берг-конторы, руководящим лицам коллежских комиссий В отличие от губернаторов его контакты с высшими эшелонами власти не были регламентированы, или регламентация подобных контактов не выдерживалась. Главный командир считался доверенным лицом монарха и мог по своему усмотрению писать как в непосредственный вышестоящий орган, так и в Сенат, Кабинет ЕИВ и лично императору Главный командир негласно имел право оспаривать рекомендации и даже решения Берг-коллегии (наиболее яркий пример – доклады В.Геннина Петру I в период активного поиска путей регионального развития Урала в 1720-е гг [8])

На время своего отъезда, временного или по отзыву из Сената Главный командир назначал вместо себя старшего по чину первого члена, давая ему письменную инструкцию и информируя об этом Сенат и Берг-коллегию для утверждения При временных отъездах Главный командир сносился с УГУ указами. Коллегиальность управления при Главном командире была скорее номинальной, два других члена УГУ при его присутствии обладали правом подачи предложений и рекомен-

даций («мнений»), впрочем всегда используемых при подготовке указов Главного командира.

Члены УГУ – чаще из местных горных офицеров, а не присланные, назначались Главным командиром (или Первым членом во время его отсутствия) по старшинству чинов и утверждались в Берг-коллегии Чины офицерам присваивала Берг-коллегия. Основная функция членов УГУ заключалась в плановых или чрезвычайных объездах подчиненных команд с целью сбора информации для заседаний и подготовки общего решения УГУ[9] (естественно, в чрезвычайных ситуациях командируемый член наделялся правами единоличного принятия решения на месте) Более основательная регламентация функций членов УГУ происходила обычно в периоды длительного неназначения нового Главного командира Так в 1747 г (подтверждено в 1753 г) существовавшая вертикаль регионально-отраслевого управления была расчленена на три составляющих – «экспедиции»

Совместно все три члена УГУ рассматривали дела, поступавшие из Екатеринбургской конторы судных и земских дел, Екатеринбургской казначейской конторы, а также «секретные и криминальные дела»

Первый член курировал военные подразделения Екатеринбургского ведомства (2 Екатеринбургские роты) и Екатеринбургскую полицию, Чусовские пристани (главная речная гавань горнозаводского Урала – транспортный узел), лесное хозяйство и углежжение, осуществлял верховный контроль за частными горными заводами ведомства УГУ и получением от них доходов в казну

Второй член курировал Пермское, Казанское и Нерчинское горные начальства, медеплавильное производство, а также заводские госпитали, Екатеринбургскую аптеку, школы, библиотеку и т.п.

Третий член курировал железоделательное производство, Екатеринбургскую лабораторию, осуществлял контроль за установкой заводских механизмов и каменным строением[10]

УГУ субординативно приравнивалось к губернским и провинциальным канцеляриям, Берг-конторам и некоторым другим центральным органам (Канцеляриям), с которыми сносилось промемориями и ведениями

Заседания УГУ проводились ежедневно. На время командирований одного из членов его замещал секретарь или приглашенный руководитель учреждения среднего уровня, располагавшегося в Екатеринбурге.

Первый член УГУ, постоянно замещавший Главного командира, приравнивался к нему, однако не имел права издавать собственные указы, не мог апеллировать ни к монарху, ни в Сенат, а при отъездах сносился с УГУ ведениями Конфликтов из-за неприятия «первого среди равных» за главного фактически не происходило Нам известен лишь один подобный случай – в 1751 г между присланным членом УГУ Федором Милюковым и Первым членом Никифором Клеопиным[11]

Аппарат УГУ представлял собой повытья или приравненные к ним подразделения. Некоторые со временем сливались, разделялись,трансформировались в учреждения среднего уровня или же реорганизовывались из них Деление на повытья носило чисто функциональный принцип (не территориальный) Так, по штату 1730 г существовали приказный стол и повытья. горное (надзор за медными заводами и рудниками), заводское (надзор за железными заводами и рудниками), земское, судных и розыскных дел, крепостных дел (прием и рассмотрение челобитных и доношений), прихода–расхода денежной казны[12] В 1735 г были образованы еще два ведущих повытья – партикулярное и школьное. В разные годы в аппарат УГУ входили также повытья денежное (надзор за монетным производством), надзирания лесов, прихода–расхода заводских припасов и др

По определению УГУ от 21 марта 1748 г функции повытьев были распределены следующим образом:

– протокольное повытье – ведение и упорядочение протоколов заседаний и денежное содержание УГУ

– регистратура – прием и распределение входящей и исходящей документации, ведение архива, счета монетного производства, учет колодников,

– приказной стол – отправление указов УГУ, учет и перемещение штатов ведомства УГУ, жалованье подчиненных команд, запросы денежной казны на содержание заводов от губернского бюджета в периоды прекращения монетного производства, отпуск заводской продукции и расчеты за нее, рекрутские наборы (до 1758 г.), следственные разбирательства по горнозаводской администрации,

– горное и заводское повытье (объединено в 1735 г) – сбор сведений о казенном производстве по представлению заводских контор, горных начальств и командированных членов УГУ, составление годовых финансовых и материальных смет по подчиненным командам, снаряжение и отправка ежегодных караванов с заводской продукцией в Москву и С.-Петербург,строительство и реконструкция заводов, следствия о побегах горнозаводского населения и рекрутов;

– партикулярное повытье – осуществление постоянной связи с заводчиками и рудопромышленниками, их приказчиками, поверенными и т.п. а также с Казанским и Оренбургским горными начальствами, не имевшими в подчинении казенных горных заводов, сбор и учет податей и отсылка их в Берг-коллегию, следственные разбирательства между заводчиками и по производственным конфликтам на их заводах (по просьбе владельцев), плановые (каждые 3 года) освидетельствования домен частных заводов;

– школьное повытье – надзор за школами казенных заводов[13]

2. Учреждения среднего уровня управления обладали свойствами распорядителей типа координаторов (право частичного изменения решения автонома по отношению к координируемым распорядителям) или же, не имея в подчинении нижнего уровня управленческого звена, на практике или путем подачи запрашиваемых рекомендаций координировали механизм деятельности всей регионально-отраслевой системы.

Среди них прежде всего следует выделить зонально-отраслевые органы управления – горные начальства ведомства УГУ (до 1734–1737 гг. бергамты): Казанское (с 1720 г в Казани), Пермское (с 1725 г на Пыскорском заводе, с 1734 г – на Ягошихинском заводе, с 1762 г – в Кунгуре), Нерчинское (в 1725–1756 гг на Нерчинском заводе, в 1757–1760 гг канцелярия Нерчинского горного начальства находилась в подчинении С.-Петербургской экспедиции о Нерчинских промыслах, с 1760 г – в прямом подчинении Берг-коллегии), Томское и Кузнецкое (в 1736–1747 гг на Колывано-Воскресенском заводе, с 1747 г канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства в подчинении Кабинета ЕИВ), Красноярское (в 1737–1747 гг.на Ирбинском заводе Красноярского уезда), Оренбургское (с 1754 г в Оренбурге, с 1755 г – в Уфе), Гороблагодатское (с 1764 г на Кушвинском заводе, в 1735–1739 гг и 1742–1755 гг функциями горного начальства располагала казенная Кушвинская заводская контора)

Горные начальства иерархически соответствовали уездным канцеляриям воеводского правления, а управители горных начальств – воеводам. Территория подчинения горных начальств ограничивалась межами слобод, приписанных к подведомственным заводам, отводными лесами, рудниками и месторождениями заводов Пересечение и взаимодействие экономических полей заводских контор формировали экономическое пространство, зону хозяйственного развития горного начальства. Формированию зон способствовали социально-экономические (приписная система) и природно-географические (энергетико-экологический, сырьевой, транспортный) факторы[14]

При этом единственная хозяйственная зона, вполне делимитированная(имеющая административные границы), – так называемое «Екатеринбургское ведомство» – формировалось не вокруг горного начальства, а вокруг органа среднего же уровня управления, Екатеринбургской конторы судных и земских дел (ЕКСЗД) ЕКСЗД, учрежденная в 1723 г и преобразованная в земское и судное повытья в 1727–1734 гг., соотносилась по функциям и иерархии с воеводской уездной канцелярией (важнейшая функция – наряды приписных крестьян), но с подчинением не губернской канцелярии, а УГУ Образно говоря, Екатеринбургское ведомство представляло «горнозаводской уезд» в составе Сибирской губернии. Екатеринбургское ведомство делилось на дистрикты, во главе которых стояли дистриктные земские конторы, подчиненные ЕКСЗД, но иерархически также соответствовавшие воеводским канцеляриям (в этом заключался источник противоречий и конфликтов земских горнозаводских структур с воеводской администрацией ближних уездов)

Органом, схожим с ЕКСЗД, можно считать Пермскую контору судных и земских дел (ПКСЗД), подчиненную Пермскому горному начальству (ПГН), хотя и без делимитации подведомственной территории (отсюда дублирование функций и постоянные конфликты с Пермской провинциальной канцелярией, формально соотносимой даже не с ПГН, а с УГУ). Кроме того, Пермская контора, в отличие от Екатеринбургской, не имела в подчинении дистриктных земских контор, хозяйственная зона Пермских заводов (иногда называли и «Пермское ведомство») не имела сложной структуры управления на макроуровне, что, помимо прочего, объяснялось более низким уровнем хозяйственного развития, меньшим числом заводов, чем в Екатеринбургском ведомстве, небольшими их масштабами, меньшей вовлеченностью приписного населения в заводской технологический цикл и т п ПКСЗД располагалась в Кунгуре и в 1762 г слилась с переведенным туда ПГН.

Во главе горных начальств, Екатеринбургской и Пермской КСЗД стояло два или три назначенных от УГУ члена, сменявшихся через 3 – 5 лет (впрочем, иногда управитель держался по 10 и более лет) В названных учреждениях так же, как в УГУ, на практике осуществлялся принцип единоначалия с возможной передачей функций управителя при длительном его неназначении второму члену

Аппарат горных начальств был организован по типу УГУ повытья приказное, заводское, счетное, куренных дел и т.п., но, как правило, без земского ЕКСЗД и ПКСЗД подразделялись на повытья судное (судебно-следственные функции над приписным населением, кроме рассмотрения государственных преступлений) и земское (наряды на работы и зачет работ, межевание земель, осуществление подушных и «чрезвычайных» сборов и т.п.), а также разрядное (прием и рассмотрение доношений) и взыскания подушных недоимок. До 1739 г ЕКСЗД пользовалась также фактически нерегламентированным правом сборов по оброчным статьям (хлебные мельницы, кожевни и винокуренные заводы, промысловое рыболовство и т.п.), дублируя таким образом Екатеринбургскую таможню, орган губернского подчинения[15] До 1758 г горные начальства и ЕКСЗД проводили рекрутские наборы и сборы крестьянских лошадей в драгунские команды – функция, повсеместно принадлежащая губернским и провинциальным канцеляриям[16]

Именно на среднем уровне практически осуществлялся контроль за частными заводами,исключая эпизоды типа учреждения института казенных шихтмейстеров в 1735–1736 гг Партикулярное повытье УГУ кстати, одно из самых малочисленных, лишь координировало подобную деятельность (прием отчетности, подготовка запросов УГУ по интересующим проблемам и т п). Вероятно, это говорит об эффективности контроля именно на среднем, а не на высшем или низовом уровне.

В горные начальства поступала десятина и «чрезвычайные» подати с соответствующей производственной отчетностью. Мнения горных начальств были ключевыми для УГУ при принятии решений об отсрочках десятинных платежей из-за

непредвиденных обстоятельств (помимо законодательно установленных первых трех лет невзимания) Горные начальства обладали правом, и им вменялось в обязанность свидетельствовать причины остановки домен и вододействующего оборудования частных заводов[17] организовывать плановые освидетельствования домен.

Все земельные споры между казной и заводовладельцами, в том числе споры за месторождения и рудники, велись обычно через горные начальства, а земельные споры приписного населения с крестьянами других категорий ближних уездов или с горнозаводским населением частных заводов рассматривались в ЕКСЗД и ПКСЗД (ибо возникали в основном на землях Екатеринбургского и Пермского ведомств) На среднем уровне учреждались и всевозможные арбитражные комиссии по рассмотрению конфликтов заводовладельцев (наверное, самый яркий пример – комиссия по земельной тяжбе А.Н Демидова со Строгановыми в 1732 г.)[18]

В целом механизм контроля за частными заводами неоднократно менялся, находился в постоянном развитии.

Сеть учреждений среднего звена включала также чисто функциональные органы: постоянные – Екатеринбургская казначейская контора (ЕКК), Екатеринбургская ревизия свидетельства (заводских) счетов (ЕРСС), Екатеринбургские ротные дела (ЕРД), Екатеринбургская контора надзирания лесов и куренных дел, а также временно учреждаемые – Комиссия рассмотрения заводов и ремесел (составление штатов, должностных инструкций, рекомендаций производственного развития казенных заводов), Комиссия рассмотрения Горного Устава, Комиссия башкирских дел (координация оборонительных мер в период башкирского восстания 1735–1740 гг.) и др.

ЕКК и ЕРСС подчинялись УГУ и, находясь в равной иерархии с ЕКСЗД, тем не менее, имели функции контрольных органов регионального уровня.

ЕКК (учреждена в 1734 г из повытья УГУ прихода–расхода денежной казны) регулировала бюджет УГУ ведала учетом десятины, распределяла финансовые средства по подчиненным командам, занималась перечислением сборных подушных денег в заводскую сумму в масштабах всего региона, осуществляла денежные расчеты с «внешним миром» – с губернскими органами, с государственными и частными заказчиками, с неподчиненными командами, например, с Екатеринбургской таможней (с 1754 г преобразована в Екатеринбургское комиссарство, с 1763 г – Екатеринбургское соляное комиссарство), с Екатеринбургской конторой питейных и прочих сборов, с Екатеринбургской ратушей и т п. На зональном уровне деятельность ЕКК определялась торгово-закупочной деятельностью выборного из екатеринбургских купцов заводского купчины Екатеринбургского ведомства (главного снабженца) с собственным аппаратом целовальников и подъячих–счетчиков[19] В зоне Пермских заводов избирался свой купчина, подчинявшийся Пермской (или Ягошихинской) казначейской конторе (в 1737 г учреждена, в 1762 г слилась с ПГН).

ЕРСС (учреждена в 1735 г.) занималась разборкой и проверкой производственной отчетности казенных заводов от их основания, по запросам УГУ готовила справки о динамике производства, финансовым и материальным расходам, себестоимости продукции за любой период на всех трех уровнях (завод – зона – казенное производство ведомства УГУ), проверяла счета перемещаемых по местам службы заводских и других управителей, членов горнозаводской администрации.

ЕРД (учреждены в 1727 г) находились в равной иерархии с заводскими конторами, распространяли свое влияние на все Екатеринбургское ведомство, являясь по сути его военной структурой, а отчасти и на зону Пермских заводов (ежегодные отправления туда военных команд). Солдаты двух Екатеринбургских рот сопровождали грузы и денежную казну на все заводы региона, входили в состав ежегодных

караванных команд (караванный управитель подчинялся непосредственно Главному командиру и общему присутствию УГУ) Начальник ЕРД, обычно штаб-офицер Тобольского полка, назначался на должность указом УГУ и на практике часто являлся членом ЕКСЗД, иногда даже управителем ее

3. Низовой уровень системы управления УГУ включал заводские конторы, дистриктные земские конторы Екатеринбургского ведомства, контору Чусовских пристаней (экономическое поле ее – Уткинская слобода – входила в Екатеринбургское ведомство), функциональные производственные органы, первоначально приравненные к заводским конторам и впоследствии поднявшиеся до среднего уровня – Екатеринбургская контора денежного дела (ЕКДД), Екатеринбургская горная экспедиция золотых производств(ЕГЭЗП); формально подчиненные заводским конторам: Екатеринбургская лаборатория (химический анализ и апробирование рудных образцов всего горнозаводского региона и даже шире), Екатеринбургская полиция (командный состав дублировал трех присутственных офицеров ЕРД), Надзирание школ, Екатеринбургский, Ягошихинский и Туринский госпитали, Екатеринбургская аптека и др. До 1735 г вместо Екатеринбургской заводской конторы действовали Екатеринбургская припасная контора (железоделательное производство) и Екатеринбургские плавильные дела (медеплавильное производство, дело медной посуды и т.п.).

ЕКДД – учреждена в 1725 г действовала с перерывами под разными названиями (Екатеринбургские платные дела, Екатеринбургское надзирание дела монетных кружков и др.). В 1762 г была преобразована в Екатеринбургское комиссарство передела медной монеты, приравненное к горным начальствам, в 1763 г – в Екатеринбургскую монетную экспедицию, подчинявшуюся Главной монетной экспедиции в С.-Петербурге и иерархически равную УГУ В 1807 г Экспедиция была ликвидирована, а учрежденная в 1802 г контора Екатеринбургского монетного двора вернулась под ведение УГУ

ЕГЭЗП учреждена в 1757 г (первоначальное название – Горная экспедиция Екатеринбургских золотосодержащих рудников) В 1760 г была приравнена к горным начальствам и в том же году имела место попытка уравнять ЕГЭЗП с УГУ Первое в России учреждение, ведавшее золотодобычей, возглавил сын тогдашнего Первого члена УГУ Н.Г.Клеопина Григорий, одновременно являвшийся управителем ЕКДД. Низовым управленческим звеном были конторы золотых промыслов и развившиеся из них конторы золотопромывальных заводов

ЕКМД учреждены в 1751 г для управления тогда же основанной Екатеринбургской камнерезной (гранильной) фабрикой и ее цехом в Северском заводе В 1765 г были преобразованы в приравненную к горных начальствам Екатеринбургскую экспедицию мраморной ломки и прииска цветных камней, имевшую довольно сложное перекрестное подчинение. Экспедиция была ликвидирована в 1805 г а Гранильная фабрика с 1832 г находилась в подчинении Кабинета ЕИВ

Заводские конторы – основное звено микроуровня – являлись распорядителями типа контролеров (наблюдение за соблюдением намеченной автономной программы), а в географическом плане – точками отсчета экономических полей заводов (отводные рудники и леса, заводские пруды и т.п.)[20] В основе их деятельности лежал тот же принцип сочетания территориального и экономического управления

Во главе контор стояли заводские управители, назначаемые УГУ и сменявшиеся не реже, чем через 3 года (по типу воевод). Именным указом от 23 декабря 1734 г заводским управителям запрещалось заниматься частным предпринимательством[21] Заводские конторы приравнивались к воеводским канцеляриям,но сноситься с ними могли только через горные начальства или – расположенные в Екатеринбургском ведомстве – через УГУ В 1747 г территориально-экономический принцип

управления был упрочен: в состав заводских контор вводился второй член, надзиравший за лесным хозяйством и углежжением[22]

Аппарат заводских контор состоял из повытьев приказного (общая координация деятельности и переписка), заводского (производственные вопросы) и земского (наряд приписных и расклад их в работы, подушный сбор, рассмотрение доношений и т п.), а также выборных из крестьян припасных и денежных целовальников. При втором члене формировалась лесная экспедиция из лесных и куренных надзирателей, до 1747 г также входивших в штат контор и подчинявшихся управителю »

В 1746 г заводские конторы приобрели право передавать, с уведомлением в УГУ сборные подушные деньги из земского повытья в заводское на текущие заводские нужды[23] Основные средства на содержание заводов поступали по утвержденной годовой смете из ЕКК, в том числе от годовой суммы из Берг-коллегии, из губернских и провинциальных бюджетов (иногда напрямую – из ближней воеводской канцелярии в заводскую контору, или из провинциальной – в горное начальство), из выручки от выполнения частных заказов.

Некоторые заводские конторы заводов Екатеринбургского ведомства находились в подчиненном положении по отношению к другим (Северская подчинялась Полевской, Верхне-Уктусская – Уктусской, Синячихинская и Сусанская – Алапаевской и т п.) Это обусловливалось особенностями технологического цикла, взаимосвязанностью производственных операций различных заводов. В этих случаях руководящие заводские конторы приобретали черты координатора. Подобная взаимозависимость способствовала, в свою очередь, формированию новых зон горнозаводского хозяйства, например, зоны Гороблагодатских заводов (первоначально Кушвинский, Туринский и Баранчинский заводы не входили в Екатеринбургское ведомство)

В период массовой «приватизации» казенных заводов в 1758–1759 гг создавались параллельные учреждения: «заводская контора казенного содержания» (сдающая дела) и собственно заводская контора (поверенных нового владельца)

Дистриктные земские конторы Екатеринбургского ведомства (во главе их стояли земские комиссары или управители) ведали нарядами приписных, учетом работ и подушным сбором Естественно, на практике функции их дублировались заводскими конторами Впрочем, их деятельность заключалась скорее в регулировании нарядов, ибо приписные крестьяне любой слободы и дистрикта Екатеринбургского ведомства могли быть наряжены на любой из заводов. В различное время Ведомство делилось на разное число дистриктов[24], менялись и его внешние границы.

Дистриктные конторы и земские повытья заводских контор осуществляли связь с органами общинного самоуправления приписных слобод в плане регулирования заводских нарядов и рекрутского набора, выбора целовальников, рассмотрения мирских жалоб на слободских старост, защиты от «внешнего мира» (земельные конфликты с негорнозаводским населением, самоуправство проезжих военных команд, сравнимое со стихийными бедствиями; с 1748 г от ЕРД по придорожным слободам посылались на мирское пропитание отставные унтер-офицеры и солдаты для заступничества[25]) Дистриктные и заводские конторы контролировали хлебную и мясную торговлю на слободских заводских базарах, препятствуя скупке продуктов крестьянами и целовальниками частных заводов (в Екатеринбурге подобная обязанность возлагалась на полицию)[26]

С начала 1750-х гг для следственных разбирательств над горнозаводскими жителями (мастеровыми и работными людьми, приписными крестьянами) в губернские и провинциальные канцелярии, органы духовного и городского самоуправления и т.п. назначался «депутат» от горнозаводской администрации – горный

офицер, иногда и на постоянной основе, как например, при Екатеринбургском комиссарстве в 1754 г [27]

(Трехступенчатость системы управления сохранялась и в последующем, хотя дважды терялся региональный центр управления, в 1781–1797 гг и в 1802–1807 гг Дважды смещалась вертикаль горнозаводского управления, сливаясь с губернскими структурами: в 1781–1797 гг и отчасти в 1807–1826 гг

Реорганизация УГУ 1781 г была наиболее кардинальной, и, вероятно, наименее эффективной за весь период его существования. Преобразование в горную экспедицию при Пермской казенной палате как сопроводительная мера областной реформы объективно вела к ослаблению процесса регионоформирования, точнее, к изменению его путей Возникли предпосылки складывания горнозаводского хозяйственного комплекса в административных границах новой Пермской губернии (а также Вятской и Уфимской), однако прежние региональные связи и механизмы развития нарушились. Болезненнее всего воспринималось нарушение принципа независимости «горной власти» Неизбежная тенденция к обособлению отраслевого управления обозначилась по крайней мере уже в 1790 г вступил в силу указ Сената от 14 ноября (подтвержден 10 июля 1796 г) о невмешательстве казенных палат в дела горных экспедиций и подчинении последних непосредственно вице-губернатору[28] Разграничено было и финансирование.

Восстановление УГУ в прежних формах в 1797 г сопровождалось усилением единоначалия, причем этот процесс за некоторыми отступлениями продолжался и впоследствии. Главный командир А.С.Ярцев первым опирался в 1797–1802 гг на собственный аппарат, выведенный из состава УГУ,– Практическую канцелярию.

Ликвидация приписной системы и реформы управления 1800-х гг привели к двум новым реорганизациям УГУ В 1802 г прежнее УГУ вместе с ЕКСЗД и Счетной экспедицией (бывшая ЕКК) было преобразовано в Екатеринбургское горное начальство (ЕГН) во главе с горным начальником И Ф.Германом. Он же являлся управителем Екатеринбургской монетной экспедиции Одновременно возникли независимые от ЕГН Гороблагодатское и Пермское горные начальства (первоначально с единым руководством в лице горного начальника), а в 1806 г – Банковое горное начальство в Богословском заводе. Действовало также приравненное к самостоятельному горному начальству руководство Камских заводов в составе горного начальника со своим аппаратом и Главного казначейства (было образовано в 1798 г одновременно с Главными казначействами Богословских и Гороблагодатских заводов).

При ЕГН продолжали существовать ЕРСС, Главная контора Екатеринбургских золотых промыслов (бывшая ЕГЭЗП), возникла также Обер-форштмейстерская контора (управление лесным хозяйством казенных заводов) – все, что осталось от среднего звена УГУ Само ЕГН, в отличие от трех остальных горных начальств, ведавших только казенными заводами, подразделялось на два департамента, соответственно: управление казенными и надзор за частными заводами.

1-й департамент (ему были подведомственны Екатеринбургский, Н.-Исетский, Каменский, Миасский, Уктусский заводы, Березовские и Пышминские золотые промыслы, чусовская Уткинская пристань) состоял из повытьев: разрядного (штаты, жалованье, судное исполнение), заводского и горного (производственные вопросы) и казенного денежного (прием и распределение ассигнационных сумм, расклад в работы). 2-й департамент (подведомтственны частные заводы Вятской, Казанской, Оренбургской, Пермской и Тобольской губерний) состоял из повытьев казенного (организация составления и сбор отчетности, сбор податей, освидетельствование новых месторождений), следственного (разбирательство по землевладению и лес-

ным порубкам) и судного (разбирательство по землевладению и лесным порубкам) Казначейство было единым для обоих департаментов[29]

Нарушенное региональное единоцентрие в этот отрезок времени в какой-то мере компенсировалось деятельностью 2-го департамента ЕГН, функции которого изначально более регламентировались Общее же региональное управление как бы «просело» на порядок, рассредоточившись на зональном уровне В свою очередь, это резко усилило процесс зоноформирования, вполне логично завершившийся (вернее, качественно изменившийся) в 1807 г.с образованием горных округов

После реорганизации 1807 г на базе 1-го департамента ЕГН 10 апреля была образована Главная контора Екатеринбургских заводов с управителем – горным начальником И Ф.Германом (предложение его об этом последовало в сентябре 1806 г после утверждения в июле доклада министра финансов)[30] По ее типу в дальнейшем горные начальники учреждали аналогичные органы, в том числе на базе уже существовавших трех горных начальств. Это вело к воссозданию трех уровней управления и упорядочению ее среднего звена. УГУ (регион) – Главная заводская контора или Управление округом (казенный горный округ) – заводоуправление (заводская дача)

Реорганизованное УГУ с июля 1807 г перешло под ведение Горного департамента Министерства финансов и состояло из двух равноправных подразделений (департаментов) Формально УГУ возглавлял Пермский и Вятский генерал-губернатор, однако в 1811–1827 гг после смерти К.Ф.Модераха должность оставалась вакантной, и фактическое руководство принадлежало его помощнику по горной части – Пермскому берг-инспектору (в 1807–1815 гг П.Е.Томилову, в 1815–1827 гг – А.Т Булгакову). Берг-инспектор считался директором 1-го Департамента (формальный председатель – генерал-губернатор) и председателем Палаты гражданского суда во 2 м Департаменте.

Деление на департаменты подразумевало принцип разделения властей, причем носителем законодательной власти считался генерал-губернатор. 1-ый Департамент обладал властью «хозяйственной, распорядительной и исполнительной» над всеми казенными заводами (в том числе управление тогда же учрежденной горной полицией), ведал доходами казенных и частных заводов. 2-й департамент имел власть судопроизводственную по делам, касающимся горнозаводского производства, казенного и частного. В неподчиненные судебные места для разбирательств по горнозаводской части направлялись горные присутственные члены, по типу депутатов в XVIII в.Казначейство было одним для обоих Департаментов, организационно оно находилось под ведением 1-го Департамента.

УГУ законодательно подчинялось монарху и Сенату, по горнозаводскому управлению – Министерству финансов, по делам горной полиции – Министерству внутренних дел, по судопроизводству 2-го Департамента – Министерству юстиции, по финансовым расходам – Государственному казначею Право присваивать чины перешло из центра непосредственно в УГУ, что вело к формированию самовоспроизводящего руководящего слоя, самостоятельного даже в определении собственных полномочий на своем уровне. Еще по Горному положению 1806 г горным начальникам предоставлялась полная свобода распоряжаться внутризаводскими делами, ограниченная лишь запретом просить дополнительные бюджетные средства и отпускать продукцию по ценам выше установленных. Горные начальники получили право назначать заводских управителей[31]

Учреждение в 1826 г должности Главного начальника горных заводов Уральского хребта, возглавлявшего оба Департамента УГУ с собственным неподведомственным УГУ оперативным органом – Канцелярией Главного начальника – являлось неизбежным следствием нескольких тенденций развития системы управления Помимо очевидной централизации и окончательного разрыва с гражданским управ-

лением (берг-инспектор становился помощником Главного начальника), подобное установление в неменьшей степени имело целью реальное регулирование самовоспроизводства управленческого слоя. Первые Главные начальники – А.А.Богуславский (1827–1831 гг.), А.И.Дитерихс (1831–1836 г.), В.А.Глинка (1837–1856 гг.) – были присланными артиллерийскими обер-офицерами и, являясь «венцом» горной власти, обладали свойством ее «противовеса».

Нагляднее всего это иллюстрирует деятельность Комитета по исправлению штатов и положений в 1838–1844 гг. сравнимого по функциям и принципу подчиненности с Комиссией рассмотрения заводов и ремесел в 30-х гг. XVIII в., но, пожалуй, с большим элементом чрезвычайности. Комитет учреждался из лично преданных Главному начальнику членов низового звена управления под его председательством и был призван проанализировать и упорядочить штатную организацию и урочные положения (свод норм для оставления производственных и других смет) заводов, цехов и рудников с целью ослабить влияние окружной бюрократии[32]

Вообще самый длительный период внешней неизменности УГУ (сохранение одного названия в 1832–1866 гг.) изобиловал реорганизациями и переустройствами.

Так, в 1833 г. после регламентации функций всего УГУ и уточнения вопросов, решаемых в общем присутствии (баллотирование чиновников до IX класса, законоположения, подряды и торги и др.), в составе 1-го Департамента образовалось 5 отделений во главе с советниками и с делением на столы:

– 1-е отделение – штаты, жалованья, богадельни, госпитали, школы, священнослужители, содержание военных подразделений, удовлетворение мастеровых и непременных работников, ссуды заводчикам и рудопромышленникам,

– 2-е отделение – казенная служба на частных заводах, соображения по раскладу работ на непременных работников по казенным и частным заводам, сбор отчетности по рудникам (в том числе по казенной и частной золото- и платинодобыче), по выплавке чугуна и выковке железа, строительство казенных и частных заводов;

– 3-е отделение – устройство и управление заводов и заводских поселений, частное наделение землей, повинности, подушные (и другие, кроме горных) подати с заводовладельцев, денежные сборы по рекрутскому набору, производственные конфликты на частных заводах;

– 4-е отделение – распределение и надзор за выполнением военных заказов, передача заводов между казенными горными округами, снаряжение караванов, межевание земель и лесов, лесное хозяйство, надзор за пильными и мукомольными мельницами (прудовое хозяйство заводов и режим водонаполнения), постройки по казенным заводам;

–5-е отделение – бухгалтерия (ассигнования на заводы, горные подати с частных заводов, учет частной золотодобычи, учет частного медеплавильного и железоделательного производств) и контроль (ревизия по Казначейству УГУ ревизия отчетности казенных и частных заводов)[33]

В 1853 г. во 2-м отделении был учрежден особый стол для производственных дел по частной золотопромышленности, содержащийся на одни подати[34] В 1868 г. то есть вскоре после всероссийской судебной реформы, 2-й Департамент и должность Прокурора УГУ (введена в 1830 г. с подчинением Министерству юстиции) были упразднены, а их функции отошли к губернским уездным судебным органам[35] Тогда же количество отделений 1-го Департамента сократилось до трех (горнорудная промышленность – золотодобыча – бухгалтерия и контроль).

Система УГУ включала также самостоятельные команды среднего и низового звеньев подчинения Главного начальника: заводские и горные исправники (с

1807 г. заведовали полицейской частью на частных и посессионных заводах и в частных горных округах, осуществляли лесоохранительный надзор, имели постоянный контакт с волостными старшинами и сотниками), лесничие заводских дач и окружные лесничие (с 1827 г. надзирали за лесным хозяйством казенных заводов, подчинялись Главному лесничему Уральских горных заводов, в свою очередь подчиненному Главному начальнику), окружные ревизоры (с 1861 г надзирали за частным горнорудным производством и золотодобычей). В пореформенный период все Главные начальники назначались из числа горных инженеров: Ф.И.Фелькнер (1856–1863 гг.), А.А.Иосса (1863–1870 гг.), В.А.Грамматчиков (1870–1871 гг.), П.А.Иванов (1870–1896 гг.), П.П.Боклевский (1896–1912 гг.), П.И.Егоров (1914–1917 гг.), А.Е.Гутт (1918–1919 гг.)

В 1886 г произошла фактически последняя далеко идущая реорганизация УГУ сделавшая необратимой тенденцию превращения его из административного и судебного учреждения в чисто отраслевое, способное развиться в структуру индустриального общества. (С 1874 г. УГУ подчинялось Горному департаменту Министерства государственных имуществ, с 1894 г – Министерства земледелия и государственных имуществ.).

В 1886 г прежнее УГУ слилось с Канцелярией Главного начальника и Главной конторой Екатеринбургских заводов и подразделялось отныне на три делопроизводства: 1) дела казенных заводов и личный состав УГУ; 2) дела частных заводов и промыслов, надзор за исполнением законов и распоряжений правительства; 3) дела частных золотых промыслов (казенная золотодобыча прекратилась в 1876 г.). Каждое делопроизводство делилось на три стола. Вместо заводских исправников и окружных ревизоров учреждались службы окружных инженеров (надзор за частными заводами, рудниками и золотодобычей, за соблюдением посессионного права) и лесных ревизоров (надзор за лесным хозяйством частных и посессионных заводов) Службы эти, как и сохраненная команда лесничих казенных заводов и округов, подчинялись Главному начальнику Управители заводов Екатеринбургского округа приравнивались в правах к горным начальникам[36]

Вообще реорганизация 1886 г. воспринималась как окончательное утверждение единоначалия на всех уровнях. По сути, заводоуправления, Управления округов и УГУ превратились в аппарат, соответственно, заводских управителей, горных начальников и Главного начальника Уральских горных заводов.

Дальнейшие заметные преобразования связаны уже с эпохой потрясений и прекращения деятельности УГУ в его устойчивой форме. (С 1905 г. УГУ подчинялось Горному департаменту Министерства торговли и промышленности)

В ноябре 1915 г в составе 2-го делопроизводства образовался Технический отдел, начавший постепенно аккумулировать функции как 2-го, так и 1-го делопроизводств. В составе Техотдела выделились три стола: коммерческий – надзор за частной горнопромышленностью, «соревновательная» заготовка заводских материалов (закупочно-сбытовая деятельность),поиск и распределение частных заказов и т.п.; технический – переписка по техническим сметам, отчетам и финансовым соображениям, обеспечение казенных заводов рудой и металлами (в основном, плановое распределение), общий учет рабочих и служащих (договора со служащими верхнего звена остались в ведении 1-го делопроизводства), заводские постройки, монтаж и реконструкция оборудования, внерегиональные связи, в том числе с заграницей, составление графиков по динамике производства, общий – ликвидация последствий несчастных случаев, пожаров и т.п., урегулирование социально-производственных конфликтов, учет военнопленных и нацменьшинств по заводам и др.[37]

В феврале 1918 г на базе 1-го и 2-го делопроизводств были образованы общая канцелярия, отделы бухгалтерский и финансовый, технический и

организационный (из бывшего техотдела), на базе 3-го – отдел по золотому делу (национализированному). В марте в составе технического и организационного отдела выделились канцелярия с архивом и 8 отраслевых подотделов (металлургического производства, химического производства, горнотехнический, инженерно-строительных сооружений, механико-технологический, электротехнический, сельскохозяйственного производства, горного надзора)[38]

Естественно, внутренняя структура Управления продолжала сотрясаться, пока не разрушилась в 1919 г. Однако интересно было бы упомянуть о множестве проектов коренной его реорганизации в «демократический» период между февралем и октябрем 1917 г. Так, 1 мая на общем собрании служащих Управления рассматривался вопрос о создании собственной автономной организации «для управления горной и лесной частью Урала на демократических началах». С этой целью предлагалось сделать выборной должность Главного начальника на правах товарища министра, утверждаемого Верховным правительством, и учредить выборный же представительный орган при нем – Горный совет из шести членов – с совещательно-координационными, а возможно и властными функциями, соответственно, по рабочему, земельно-лесному вопросу, по частной , государственной промышленности, по горному надзору, по управлению делами УГУ. Предполагалось подключить к выборам Советы депутатов и профессиональные союзы в казенной и частной промышленности[39]

Очевидно, можно утверждать, что Уральское горное управление не умерло после 1919 г., а воплотилось в систему акционерных обществ, трестов, Уралсовнархоз и т.п.

Более глубокое целенаправленное изучение опыта Уральского горного управления может высветить многие проблемы: возможности и характерные особенности территориально-экономического управления, экономического районирования, механизмы контроля за частными предприятиями, формы и методы передачи государственных предприятий в частные руки, межуровневые взаимосвязи субъектов управления, деятельность территориально-экономических органов в эпоху социальных потрясений и национальных выступлений, воздействие субъектов управления на процесс регионоформирования, возможности ускорения и изменения путей регионоформирования и др. В заключение предлагаем периодизацию «горной власти» на Урале: 1) возникновение и упрочение (1720–1781 гг.); 2) поиски путей развития (1781–1826 гг.); 3) развитие в период кризиса и изменения социального строя (1827–1886 гг.); 4) развитие на пути превращения в структуру индустриального общества (1886–1919 гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Иванов П.А.* Краткая история Управления горною частию на Урале. Екатеринбург, 1900; *Голендухин Л.Д.* Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в I четв. XVIII в. // Материалы к биографии В.Н.Татищева. Свердловск, 1964. С. 39–66; *Козлов А.Г.* Фонд Уральского горного управления (1717–1917 гг.) как источник по истории казенных заводов Урала // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 14–29; *Лензин Э.А.* Протоколы Сибирского Обер-бергамта (1723–1734 гг.) как исторический источник // Историография и источниковедение. Свердловск, 1976. С. 126–139; *Он же.* Сибирский Обер-бергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой пол. XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. Свердловск, 1986. С. 104–121.

2 *Бакланов Н.Б.* Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М., Л., 1935. С. 155–177. *Лоранский А.М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб, 1900. С. 122–149; *Кашинцев Д.А.* История

металлургии Урала М., Л., 1939; *Павленко Н.И* Развитие металлургической промышленности в России в первой пол. XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953.
3. *Пензин Э.А.* Сибирский Обер-бергамт С. 104.
4. *Адамов В.В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 242.
5. *Иванов П.А.* Указ. соч. С. 44; *Козлов А.Г* Указ. соч. С. 15.
6. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. М., 1983.
7 ГАСО. Ф 24. Оп. 1 Д. 48. Л. 359.
8. *Корепанов Н.С.* О выборе путей регионального развития Урала в 20-е – 30-е гг XVIII в. // V Ползуновские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 29.
9. ГАСО.Ф.24. Оп. 1. Д. 278. Л. 528 об.
10. Там же. Д. 1243. Л. 227–235; Д. 1397 Л. 249.
11. Там же. Д. 1311 Л. 244
12. Там же. Д. 278. Л. 248.
13. Там же. Д. 1204 Л. 987–990.
14. *Корепанов Н.С.* Формирование экономического пространства Екатеринбургского ведомства в 20–30-е гг XVIII в. (В печати)
15. Ф. 24 Оп 1 Д. 935. Л. 79.
16. Там же. Д. 1571. Л. 338.
17 Там же. Д. 1038. Л. 83.
18. Там же. Д. 379.
19. *Корепанов Н.С.* Образование Екатеринбургского посада // Екатеринбург в прошлом и настоящем. Екатеринбург. 1993. С. 14.
20. О категориях«экономическое поле», «экономическое пространство», «зона» см.: *Алаев Э.Б.* Указ. соч.
21. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) Собр. 1. Т 9. С. 454.
22. ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1395. Л. 255.
23. Там же. Д. 1282. Л. 362.
24 Слободской состав дистриктов см.. *Корепанов Н.С.* Формирование...
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1323. Л. 145.
26. Там же. Д. 935. Л. 340.
27. Там же. Д. 1424. Л. 443.
28. Там же. Ф. 377 Оп. 1. Д. 494. Л. 1, 65.
29. Там же. Ф. 24. Оп. 3. Д. 57 Л. 1, 53–65.
30. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1487 Л. 246; Д 1490. Л. 24.
31. ПСЗ. Собр.1. Т 29. С. 437 – 630.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1 Л. 4, 14.
33. ПСЗ. Собр.2. Т 8. С. 623–639.
34. Там же. Т 28. (Отд. 1.) С. 473.
35. Там же. Т 43. (отд. 1.). С. 565 – 566.
36. Там же. Собр. 3. Т 6. С. 112–114.
37 ГАСО Ф 24. Оп. 14 Д. 998. Л. 5
38. Там же. Л. 41. Д. 1005. Л. 11, 12.
39. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 998. Л. 8.

СЕЮЩИЙ ВЕТЕР ПОЖИНАЕТ БУРЮ

Брошенный камень может стать причиной схода лавины. Формировавшиеся длительное время природные образования устремляются вниз, каменные глыбы, влекомые селевым потоком, катком проходятся по встречающимся на пути препятствиям. Когда первые результаты стихии подвергаются оценке, прежде всего отмечается, что разрушения причинены жизненно важным, крупным объектам, но затронутыми неизбежно оказываются и чьи-то огороды, булыжники и грязь доносятся и до отдаленных областей.

Распад Советского Союза повлек за собой много трансформаций, рикошетом ударил по профессиональным и личным судьбам многих. Интеллектуалы, специализировавшиеся на интерпретации истории, сути и роли в мировой общественной системе первого социалистического государства, столкнулись с кардинальным изменением предмета своего изучения. И в нашем отечестве, и за рубежом вопрос о переоценке своих позиций и представлений с одинаковой остротой встал как перед многочисленной армией преподавателей истории КПСС и их идеологическими патронами из ЦК и Института марксизма-ленинизма, так и перед западными советологами, кормившимися критикой коммунизма.

В поисках ниши «КПССники» успели за последние несколько лет пройти путь от кафедр СПИДа (социально-политической истории XX века) до политологии. Этот процесс многим хорошо знаком. А как обстоит дело с их западными коллегами, бывшими идейными противниками?

Американская газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью Уильяма Хонана под названием «Советологи, годы после коллапса, приспосабливание к новой реальности» (The New-York Times. Wednesday, March 13, 1996), из которой следует, что некогда многочисленные американские советологические исследовательские центры переживают с распадом Советского Союза и с окончанием холодной войны тяжелые времена.

Доверие к уважаемым федеральными властями «кремленологам» было сильно подорвано, когда последние оказались захваченными врасплох стремительно разворачивавшимися в Советском Союзе событиями, приведшими к развалу некогда могущественной социалистической державы. Владимир Конторович, советолог из Хэверфорд Колледж, утверждает, что если бы не больные почки Юрия Андропова, Советский Союз существовал бы до сих пор. Смерть Андропова в 1984 г. сделала возможной выдвижение М.С.Горбачева, начавшего перестройку. Подобное объяснение post factum можно принять, но чем объяснить отсутствие вероятностных прогнозов развития событий?

Тем, что советологи, как и их ученые оппоненты в Советском Союзе, причисляя себя к академическому сообществу, на самом деле были лишь слугами власти. Теперь, когда политическая элита поменяла приоритеты, слуг погнали со двора. Щедрые прежде субсидии от правительства и частных лиц резко сократились. Фонд Брэдли, вливавший с 1988 по 1990 гг. 250.000 долларов ежегодно в Гарвардский Центр Русских исследований и несколько меньшую сумму в подобную программу Калифорнийского университета в Лос Анджелесе, полностью прекратил их

финансирование. Фонд Эндрю Меллона, предоставлявший в 1980-е гг гранты в 1.000.000 и 500.000 долларов программам советских исследований в Колумбийском университете, Гарварде, Калифорнийском университете в Беркли и в Мичиганском университете, прекратил финансирование практически всех программ. Большая часть этих денег была переориентирована на исследование стран Восточной Европы. Выделение грантов, предоставлявшихся для изучения украинского, узбекского и казахского языков, встретило жесткую оппозицию в Конгрессе и их будущее неясно.

На изменившееся отношение заказчиков соответственно реагирует научное сообщество. Многие «матерые» антисоветчики отошли от дел. Ушедших на пенсию профессоров, специализировавшихся на Советском Союзе, некем заменить. Студенты предпочитают учить японский или суахили, нежели заниматься русским языком и русской проблематикой. Некоторые советологи переориентировались на Восточную Европу и Латинскую Америку.

Однако существует и другая тенденция. В частности, такие серьезные, независимо финансируемые центры, как Гуверовский институт Войны, Революции и Мира в Стэнфордском университете и Институт Гарримана в меньшей степени подвержены смене интеллектуальных направлений и политической розы ветров. Немало кремленологов убеждены в том, что даже без республик-сателлитов Россия является крупнейшим государством, обладающим серьезной ядерной мощью. Высказываются опасения о возможном приходе к власти В. Жириновского, склонного к тирании, угрожающей мировому порядку Приверженцы этого взгляда говорят, что кремленологов еще рано сбрасывать со счетов.

Ричард Стаар, участвовавший в переговорном процессе по вопросам вооружения, в настоящее время старший научный сотрудник Гуверовского института, утверждает, что Россия остается потенциальной военной угрозой. «Возможно, потребуется поколение, – говорит Р Стаар, – но они решат свои проблемы и войдут в большую лигу мировой политики. Мы любим говорить, что их флот ржавеет во Владивостоке. Но их новая подводная лодка Акула-II бесшумнее наших и стреляет ракетами с ядерными боеголовками Они создали ракеты Тополь-М, прошедшие в течение последних месяцев успешные испытания. Они разрабатывают новые типы военных самолетов» В том же Гуверовском институте озабоченно микрофильмируют документы КПСС, предоставленные Государственным архивным управлением России Скопировано уже более 8 миллионов документов.

Даже если считать российскую ядерную угрозу параноидальной, нельзя не учитывать другого аспекта этой проблемы, которой так опасаются американцы Уильям Поттер, эксперт по обороне и директор Центра российских и евразийских исследований при Монтерейском институте международных исследований считает, что регион заслуживает пристального внимания, так как здесь расположено более 50 атомных станций, стандарты безопасности которых оставляют желать лучшего.

Конечно, жизнь динамично идет вперед, российское общество становится все более открытым. Поток информации, ее доступность принципиально изменили работу исследователей. Классический пример Мирона Раша, профессора Корнельского университета, сделавшего по написанию одной буквы вывод, что на смену И.В.Сталину придет Н.С.Хрущёв, стал достоянием истории. Спустя годы профессионализм этого советолога продолжает вызывать восхищение – внимательнейшим образом читая советские газеты, М.Раш заметил, что слова «первый секретарь» перед фамилией Хрущева сначала периодически, а затем постоянно стали писаться с большой буквы.

Сейчас условия работы для умных голов стали намного проще. Главное, чтобы плоды их анализа зрели в естественных условиях, не реагируя на жесткие лучи юпитеров власти. Аналитическая и прогностическая функции социальных исследований будут тем более приближены к истине, чем меньше они будут зависеть от

императивов идеологии. А у людей, ищущих эту истину, будет меньше шансов остаться не у дел и потерять лицо, так как хотя за верные пророчества иногда и сжигают на кострах, но в большинстве случаев, все же уважают и ценят

Е.В.Алексеева

КОНФЕРЕНЦИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ»

Геостратегические последствия распада СССР, стремительное вхождение России и других постсоветских государств в новый, деидеологизированный контекст взаимоотношений с внешним миром, происходившее в связи с этим политико-институциональное реформирование «младороссийской» государственности, стремящейся, с одной стороны, соответствовать современным критериям демократии и социального прогресса и, с другой, восстановить линию преемственности с русским историческим прошлым – все эти политические реалии в последние годы непосредственно влияли и на изменения в содержании гуманитарных исследований, и на смысловые ориентиры научных поисков. Существенно изменялась при этом и роль гуманитарного знания в жизни общества, по многим вопросам, требующим серьезной научной экспертизы, опоры на системно осмысленный исторический опыт прогнозирования долговременных последствий принимаемых решений, ученым-обществоведам приходится сегодня скорее просвещать и предостерегать политиков, чем выступать, как прежде, их адвокатами или критиками

Геополитика и регионализм – два актуальных проблемно-тематических фокуса, на которых сосредоточили свое внимание участники проходившей в Екатеринбурге 23–25 февраля 1995 г международной научной конференции «Региочальная структура России в геополитической и цивилизационной динамике»[1] Конференция впервые в отечественной науке ставила своей задачей рассмотреть взаимосвязанные процессы регионализации и федеративного переустройства России не только с точки зрения их исторических предпосылок, внутреннего содержания и соответствия политической норме, но и с позиций их интегрального воздействия как важного структурного фактора на геополитическое и культурно-цивилизационное самоопределение страны, на условия реализации ее общенациональных стратегических приоритетов. Организатором конференции выступил Институт истории и археологии УрО РАН, который в тесном творческом содружестве с историками Сибирского и Дальневосточного отделений РАН уже много лет в различных тематических аспектах (историко-экономическом, социодемографическом, социокультурном и др.) изучает проблемы регионального развития России. Новый ракурс анализа региональной проблематики привлек внимание специалистов разных областей гуманитарного знания (историков, географов, социологов, философов, политологов, демографов) из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Кемерова, Владивостока, а также стран ближнего (Беларусь) и дальнего (США, Швеция) зарубежья. Актуальную в политико-практическом отношении идею конференции поддержали администрация Свердловской области, руководство Меж-

региональной Ассоциации «Сибирское соглашение», Правительство Российской Федерации, Аналитический центр при Президенте РФ

На пленарном заседании конференции участникам были представлены основные концептуальные подходы к формированию государственной стратегии региональной политики как важнейшего инструмента демократического реформирования России. В докладе вице-премьера Правительства РФ С.М.Шахрая, посвященном соотношению политического регионализма и общенациональных интересов России, подчеркивалось, что сохраняющееся фактическое неравенство субъектов РФ, различия в принципах их конституирования, отсутствие в стране сложившихся региональных сообществ затрудняют переход к стройной системе конституционного федерализма, гарантирующей разумную сбалансированность общероссийских и региональных интересов. В этой связи на федеральном уровне государственная региональная политика должна учитывать прежде всего общенациональные приоритеты и быть достаточно гибкой и оперативной для того, чтобы интегрировать «региональные стратегии» субъектов Федерации в стройную систему мер, объединенных общим концептуальным стержнем. Рамки региональной самостоятельности должны быть сознательно ограничены необходимостью сохранения целостного конституционно-правового пространства страны, поддержания ее стратегической безопасности, в то время как региональная политика федерального центра должна последовательно смещать финансово-хозяйственные, социальные и культурные приоритеты в сторону многоликой российской провинции, гарантируя мерами государственной экономической поддержки устранение или смягчение региональных дисбалансов.

Доклад члена Президентского Совета РФ, одного из руководителей Аналитического центра при Президенте РФ проф. Л.В.Смирнягина содержал анализ основных положений разработанного в 1994 г. варианта государственной Концепции региональной стратегии России. Исходя из различения глубинных природных и исторических факторов, воздействовавших на территориальную структуру России, и преходящих политических обстоятельств, вызвавших конъюнктурный «взрыв» регионализма в наши дни, докладчик подчеркнул объективный, долговременный характер региональных проблем страны и указал на возможность их целенаправленного разрешения не методами насильственной нивелировки регионального разнообразия (как это было в советское время), а путем использования его преимуществ в рамках новой, усовершенствованной территориально-политической структуры Российского государства. С переходом к федерализму как политической основе, гарантирующей самостоятельность федерального и регионального уровней власти, цели собственно государственной региональной стратегии должны формулироваться в плоскости общенациональных приоритетов, «надстраивающихся» над сугубо региональной проблематикой. Это, во-первых, обеспечение политической и социально-экономической стабильности, прав человека и гражданина на всей территории страны, во-вторых, фактическое (а не только юридическое) выравнивание социально-экономических условий жизни людей вне зависимости от региона проживания, в-третьих, сохранение целостности государства, единства его экономического и конституционно-правового пространства.

В пленарном докладе чл.-корр. РАН В.В.Алексеева была прослежена динамика развития российского регионализма на протяжении XVI – XX вв. и проанализированы характерные для каждой из эпох модели регионального управления. Докладчик подчеркнул, что несмотря на ограниченность элементов децентрализации в системе государственного управления Российской империи имело место гибкое и предельно конкретное соотнесение региональной специфики с общенациональными стратегическими интересами и, соответственно этому, многообразие методов решения региональных проблем. Этот на удивление слабо изучен-

ный пока исторический опыт представляет интерес прежде всего с точки зрения организации административно-политической связи центра с периферией, особых методов управления этническими территориями, способов подключения местного самоуправления к решению локальных экономических и социокультурных проблем. Высокую оценку докладчика получил, в частности, опыт российских земств, лучшие стороны которого могут быть творчески использованы и в современных условиях. Проанализировав противоречивый и поучительный опыт экономического районирования и регионального управления в советский период, В.В.Алексеев отметил, что на этом фоне современный переход к рынку сопровождается в России резким проявлением двух дестабилизирующих, входящих в опасный резонанс тенденций: 1) разрушение прежних и отсутствие новых механизмов выравнивания или смягчения межрегиональных диспропорций, 2) ослабление геополитической устойчивости России в результате слабо контролируемых центробежных процессов. Возможный выход из ситуации – согласованные действия федеральных и региональных властей по опережающей разработке механизмов увязки формирующейся полицентричной региональной структуры с единством геостратегических приоритетов России.

Большая группа докладов была посвящена актуальным проблемам современного культурно-цивилизационного самоопределения России, формирования новой российской идентичности как важнейшего фактора политической консолидации страны, переживающей в связи с подъемом регионализма заметную социокультурную сегментацию. В докладе Э.С.Кульпина (Москва), выдержанном в парадигме социоестественной истории, в качестве объективной детерминанты единения народов и регионов России рассматривалась «суперэтническая» цивилизационная общность, сформированная в границах единого «вмещающего» ландшафта. Обобщенный алгоритм этой цивилизации может быть описан историей взаимодействия славянских и тюркских групп этносов, а ее будущая основа – добровольная хозяйственная интеграция, динамика которой в свою очередь будет определяться тем, насколько точно формула мировоззренческой общности отражает базисные «суперэтнические» ценности. Проф. И.Я.Левяш (Минск), анализируя амбивалентную природу социокультурных «полюсов» Запада и Востока в перспективе культурного плюрализма как формирующейся основы будущей мировой цивилизации, отметил, что в России реальной конструктивной альтернативой нынешнему мировоззренческому «вакууму» может стать только осуществляемый на базе «просвещенного авторитаризма» цивилизационный прорыв к продуктивному «евразийскому» синтезу ценностей Запада и Востока. Попытка связать в рамках целостной ретроспективной концепции основные исторические циклы геополитического и культурно-цивилизационного самоопределения России с логикой и векторными характеристиками развития ее региональной структуры была предпринята в докладе К.И.Зубкова (Екатеринбург). Констатируя для современной России новую стадию геополитического «ухода» и неразрывную связь цивилизационного самоопределения с геополитической «программой» страны, докладчик выделяет в качестве сущностных черт возможной общенациональной идеи прагматизм геополитического «самостояния», государственно-историческую традицию и самобытный модернизм. Е.Т.Артемовым и С.П.Постниковым (Екатеринбург) при рассмотрении проблем актуализации историко-культурного наследия региона в качестве основы органически растущей «снизу» новой российской идентичности была предложена идея «концентрического» развертывания форм коллективного и индивидуального самосознания от уровня конкретной локальной общности через развитую региональную идентичность к общенациональным ценностям.

В ряде выступлений на конференции получили освещение региональные особенности крупномасштабных социокультурных процессов: в докладе екатерин-

бургских археологов В.Д.Викторовой, В.Н.Широкова и А.Ф.Шорина – механизмы возникновения новых культурных импульсов в контактной хозяйственно-культурной зоне Урала в эпоху дописьменной истории, в докладе проф. Н.А.Миненко – проблемы дифференциации и видоизменений русской этнокультурной традиции в восточных регионах России. По мнению Н.А.Миненко, огромная протяженность и разнообразие природно-хозяйственных условий территорий Урала и Сибири затруднили формирование в процессе колонизации новых региональных вариантов русской этнокультурной традиции, но привели к возникновению множества локальных этнографических групп и разнообразных территориальных комбинаций северо-, средне- и южнорусской традиций. Региональная специфика осуществления политики модернизации была рассмотрена на примере Урала XVIII–XX вв. И.В.Побережниковым (Екатеринбург) Докладчик убедительно раскрыл связь модернизационных процессов с усилением роли государства, что в конечном счете порождало острейшее противоречие между методами модернизации и ее конечными целями.

Геополитическая проблематика, в той или иной степени затронутая почти во всех выступлениях конференции, в качестве центральной темы присутствовала в докладах В.А.Колосова (Москва) и А.П.Дубнова (Новосибирск). Расценивая современное геополитическое положение России как неустойчивое балансирование вдоль осей «западный либерализм – традиционализм», «Запад – Восток», мировое «ядро» – периферия, проф. В.А.Колосов заключил, что наиболее вероятной компромиссно-переходной геополитической формулой для страны на ближайшее будущее будет гибкая комбинация ее позиции как «европейской державы» со стратегическими приоритетами в зоне постсоветских государств СНГ Проф А.П.Дубновым геополитическое будущее России рассматривалось в иной системе координат – с точки зрения интеграции ее обширных северных и северо-восточных территорий в мировой «Циркумполярный Регион», который в начале XXI в. превратится в важнейший ресурсно-пространственный резерв выживания и развития человечества. В ряде докладов освещалось конкретное преломление геополитических закономерностей развития России на региональном материале: проф. Д.В.Гаврилова (Екатеринбург) – зависимость периодов подъема и спада военного производства на Урале в XVIII – начале XX в. от изменения военно-стратегических позиций страны на западном направлении; проф. К.А.Заболотской (Кемерово) – развитие угольных бассейнов востока России как результат действия проводившегося с конца XIX в. внутриконтинентального геоэкономического курса; А.Р.Артемьева (Владивосток) – военно-политические аспекты освоения русскими Забайкалья и Приамурья и его влияние на развитие русско-китайских отношений в XVII–XVIII вв.

Актуальные проблемы согласования общенациональной геополитической стратегии и приобретающих самостоятельные пространственные векторы региональных интересов подробно были проанализированы в докладе чл.-корр. РАН Л.М.Горюшкина (Новосибирск) и проф. В.Л.Ларина (Владивосток). Прослеживая историческую динамику торговых отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона на протяжении XVI – XX вв., Л.М.Горюшкин отметил, что изменившееся после распада СССР геополитическое положение страны относительно основных зон мировой торговли объективно повышает внешнеэкономическое значение восточного макрорегиона России (Урал, Сибирь, Дальний Восток) в реализации общенациональных экономических интересов, прежде всего, на тихоокеанском направлении. Однако для того, чтобы данный эффект ощущался не только в самих регионах, но и в национальном масштабе, со стороны федерального центра требуется реализация комплекса инвестиционных, инфраструктурных, социальных, научно-технических и других мероприятий, которые и должны составлять

содержание его региональной стратегии. В содержательном докладе В.Л.Ларина о геостратегических интересах России в Восточной Азии аргументированно был подвергнут критике откровенно узкоутилитарный, европоцентристский подход российского правительства к судьбе своих восточных регионов, которым и сегодня отводится роль колониально-сырьевых придатков национальной экономики. Результатом становится, по мнению докладчика, нарастание острых противоречий между центром и регионами относительно ценовой, тарифной, таможенной политики, распределения бюджета, пользования природными ресурсами и т.п На этом фоне «открытие» для мировой экономики российского Дальнего Востока с неконтролируемой миграцией сюда иностранной рабочей силы, прежде всего китайской, неровные, подверженные близоруким, конъюнктурным подходам отношения России со странами АТР не только не вызвали спонтанного экономического бума в регионе, но и дополнительно создали много проблем в обеспечении здесь стабильности и национальной безопасности. При этом Россия по-прежнему рассматривается в азиатской политике соседних государств как страна «второго эшелона»

Дискуссионный характер носило на конференции обсуждение современных процессов регионализации России. В докладах проф. В.А Ламина (Новосибирск) и проф. А.В.Бакунина (Екатеринбург) традиционной «имперско-советской» политике развития регионов в качестве монoресурсных придатков единого «народнохозяйственного комплекса» была противопоставлена основанная на опыте 1920-х гг и в большей степени соответствующая современным условиям идея формирования крупных экономических районов, базирующихся на многоаспектной хозяйственной интеграции. Противоречивые социально-демографические последствия развития восточных регионов страны были проанализированы в выступлениях А.Г.Оруджиевой (Екатеринбург) и М.М.Ефимкина, Л И.Дремовой, В.И.Иванкова (Новосибирск).

Политические аспекты регионализма, в частности современной федерализации России, нашли отражение в интересных выступлениях иностранных участников конференции. Сравнивая опыт германского федерализма после 2-й мировой войны и современного европейского регионализма с происходящей в России федерализацией, С.Холдар (Швеция) обратил внимание на то, что в силу отсутствия в России развитых демократических традиций, прежде всего, опыта «открытых» процессов согласования позиций между центром и регионами, общеполитический баланс регионализации здесь рискует постоянно смещаться к тенденции распада единого политико-правового пространства. Продолжая эту тему, Дж.Дэвидсон (США) рассмотрел применимость опыта американского федерализма к современным российским условиям и отметил, что в России – в силу исторической инерции – самостоятельное региональное законодательство может быть продуктивным лишь в отдельных сферах политики и экономики Гораздо более важной для регионов проблемой, чем обретение атрибутов «полной» государственности, должна стать отработка моделей эффективного регионального управления

В завершение конференции участниками были высказаны практические рекомендации по совершенствованию концепции региональной политики, рассмотрены вопросы координации исследований в области регионализма и геополитики, согласованы темы будущих конференций и семинаров.

К.И.Зубков

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Доклады. Екатеринбург, 1995.

РОССИЙСКО-ШВЕДСКИЙ СИМПОЗИУМ «ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, 1700–1914 гг.»

4–7 марта 1996 г в Екатеринбурге состоялся очередной, десятый по счету российско-шведский симпозиум историков на тему «Государство и национальные процессы, 1700–1914 гг », организованный Институтом истории и археологии УрО РАН, Отделением истории РАН, Академией словесности, истории и древностей Швеции Предыдущие симпозиумы проходили попеременно в той и другой стране (в 1976, 1980, 1984, 1989, 1993 гг – в Стокгольме и других городах Швеции, в 1978, 1986, 1991 гг – в Москве, в 1982 г – в Новгороде) Особенность очередного симпозиума состояла в том, что он впервые состоялся в Екатеринбурге, что свидетельствует о все большем укреплении научных связей уральских историков с учеными Швеции На симпозиуме российскую делегацию возглавлял член-корреспондент РАН В.В.Алексеев, шведскую – вице-президент Академии словесности, истории и древностей Швеции Свен Лундквист

Заслушанные доклады и развернувшиеся на симпозиуме дискуссии показали, что этнические процессы на территории обоих государств носили многообразный характер, народы наших стран прошли большой и сложный путь преодоления национальных конфликтов, и их исторический опыт весьма поучителен. В ряде докладов указывалось, что в процессе исторического развития скандинавские страны выработали свою, «северную модель» межэтнических отношений и сейчас представляют конгломерат мирных стран, решающих все свои проблемы ненасильственными методами.

Свен Тэгиль (Лундский университет, Швеция) в докладе «Этнонациональные конфликты и сотрудничество в северных странах» показал развитие этнических процессов в Скандинавии со средних веков до наших дней: от создания кланов, территориальных образований с этнически связанным ядром населения и национальных образований, возникновения Союза северных государств (Дании, Швеции и Норвегии) в форме объединения их в 1397 г под властью датской королевы Маргарет в единое государство – Кальмарскую унию, распада унии в 1523 г ожесточенных войн между Данией и Швецией во второй половине XVI–XVII вв. за гегемонию в Скандинавии и господство на Балтийском море – до образования на Севере Европы самостоятельных национальных государств И хотя различия между скандинавскими народностями, относившимися к подгруппе германских языков, не превышали различий между Севером и Югом Германии, единой «скандинавской нации» не сложилось. Идеи скандинавской нации и Северного Союза оказались нежизненными, так как каждая из скандинавских народностей нашла свой способ решения экономических, социальных и военных вопросов.

Рогинский В.В. (Институт всеобщей истории РАН, Москва), выступивший с докладом «Развитие Северной Европы в XVII – начале XX в., от многонациональных миниимперий к национальным государствам», отметил, что в начале XVIII в. на Севере Европы существовали две миниимперии – Шведская и Датская. Под властью шведских королей, кроме собственно Швеции, тогда находились несколько норвежских и датских территорий, Финляндия, Восточная Прибалтика, ряд провинций в Северной Германии (Померания, Бремен) и даже колония в Северной Америке (где сейчас расположен штат Делавэр). Дания состояла в унии с Норвегией с ее заморскими владениями (Фарерскими островами, Гренландией и др.), под ее властью находились два германских герцогства – Шлезвиг и Гольштейн, возглавлялась королями из германской династии Ольденбургов. Обе миниимперии представляли пестрые конгломераты народностей, не имевших языкового единства Великая

Северная война 1700–1721 гг положила конец шведскому великодержавию, а потрясения 1808–1815 гг., когда северные страны были втянуты в наполеоновские войны, привели к распаду миниимперий. Специфичность этнического процесса в Северной Европе состояла в том, что переход от оставшихся от средних веков миниимперий к национальным государствам шел сравнительно мирно.

Значительное внимание на симпозиуме было уделено проблемам национальных меньшинств в Швеции и других скандинавских странах. Большой интерес вызвали доклады о саамах – немногочисленной народности (в настоящее время – 17 тыс. чел., или 0,2% от всего населения Швеции), с древних времен живущих на севере Скандинавии.

Гунглер Фюр (Стокгольмский университет) осветила политику шведского государства по отношению к саамам в XVII–XVIII вв., когда правительство приступило к эксплуатации рудных ресурсов их земель, пыталось через миссионерскую деятельность, образование и судебную власть «дисциплинировать» саамов, превратив их в «добрых христианских шведских подданных». При этом к «горным саамам»-оленеводам, у которых всегда была возможность откочевать в Норвегию, применялась более осторожная, «мягкая» политика, а к «лесным саамам» – охотникам и рыболовам, жившим ближе к шведским поселениям, более жесткая политика, направленная на изменение их образа жизни и их социокультуры

Свен Лундквист (Академия словесности, истории и древностей Швеции) посвятил свой доклад положению шведских саамов в XX в. Он отметил, что за последние сто лет саамы были интегрированы в шведское общество, их территория подверглась мощному техногенному натиску (построены шахты, большая ГЭС, затоплены пастбища). Оленеводством теперь занимается только часть саамов, другие мигрировали к морю и к Стокгольму; ослабла идентичность состава саамов, часть из них сменила свой род деятельности, исчезают их традиционные промыслы, под угрозой их язык и культура. Основной промысел саамов – оленеводство – переживает трудности, требует модернизации. Большая часть саамов уже не проживает в их деревнях, саамский язык знает только треть. По мнению докладчика, шведских саамов ждет судьба шведов, эмигрировавших во второй половине XIX – начале XX в. в Америку и ассимилированных там.

Еран Рюстад (Лундский университет) выступил с докладом «Шведы в Финляндии: переосмысление роли меньшинства». Шведское меньшинство в Финляндии в настоящее время составляет 5,9% населения страны По мнению докладчика, положение шведов в Финляндии является примером отсутствия дискриминации национального меньшинства. Заслуга в этом принадлежит как финнам, так и финляндским шведам: финны проявили немалую чуткость к чувствам и потребностям шведского меньшинства, уважение к его правам, а финляндские шведы – гибкость, реализм и готовность признать свою новую роль – не господствующей элиты, а национального меньшинства.

Аналогичным проблемам были посвящены доклады *Торкеля Янссона* (Упсальский университет, Швеция) «Государство и меньшинства в Балтийском регионе в XIX в.» и *Кима Саломона* (Лундский университет) «Проблемы датских и немецких меньшинств». Торкель Янссон в теоретико-философском плане показал динамику статуса национальных меньшинств и национального большинства у скандинавских народов. Ким Саломон отметил, что проблема немецкого меньшинства в пограничном районе Дании, очень острая в период между двумя мировыми войнами (немецкое меньшинство вело активную политическую деятельность, требовало культурной автономии, расширения связей с Германией, пересмотра границы), была успешно решена в послевоенный период мирным путем, что докладчик объяснил соблюдением прав человека и интеграцией европейских государств.

Ряд докладов был посвящен своеобразию этнических процессов на обширных территориях Поволжья, Урала и Сибири. По мнению *Р.Г.Кузеева* (Уфимский научный центр РАН), выступившего с докладом «Национальная политика России в Башкирии в XVII – середине XIX в.», доминирующую роль в этнических процессах играет не этнос, а территория. В Волго-Уральском регионе до XVI в. взаимодействовали тюркские и финно-угорские этносоциокультуры, преобладали миграции с востока на запад и с юга на север. С XVI в. в эти процессы включаются восточнославянские элементы, после завоевания в 1552 г. Казани развертывается восточнославянская миграция с запада на восток, тюрки сдвигаются на юг, в этнические процессы включаются компоненты конфессиональной и национальной политики Российского государства. К середине XIX в. складывается этнодемографическая картина, сохранившаяся до настоящего времени. С присоединением к России и распространением христианизации происходит замедление, а затем полная остановка распространения мусульманства, область влияния ислама сужается, часть мусульман христианизируется. Хотя со второй половине XVI в. до конца XVIII в. в социальных движениях в регионе доминирующим мотивом были национальные проблемы, ни одно из них не требовало политической независимости, отделения от России.

М.В.Гришкина (Удмуртский университет) в докладе «Эволюция государственной политики в отношении удмуртского этноса, вторая половина XVI – первая половина XIX в.» отметила в ней несколько этапов: если до реформ Петра I проводилась гибкая политика, учитывавшая особенности и традиции местных этносов, христианизация не имела наступательного и принудительного характера, то с конца XVII в. до 70-х гг. XVIII в. происходит ее ужесточение. Правительство стремится к унификации региона, к превращению подвластного населения в единую податную массу, христианство приобретает воинственный и наступательный характер. В конце XVIII – первой половине XIX в. борьба с язычеством приобретает более умеренный характер, начинает вестись «цивилизованными» методами, хотя и оставались рецидивы прежней политики насилия и запугивания.

Л.М.Горюшкин (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск) в докладе «Сибирские областники о народах Сибири» сообщил, что демократическая интеллигенция края во второй половине XIX – начале XX в. выступала против мнения расистов о неспособности аборигенов Сибири к самостоятельному историческому развитию, их «биологической предопределенности» к отставанию, неспособности усвоить достижения цивилизации, за развитие у коренных народов просвещения, медицины, местного самоуправления.

Е.М.Главацкая (Уральский университет, Екатеринбург) в докладе «Христианизация или русификация: полемика, политика, итоги» проследила эволюцию политики церкви по распространению христианства среди коренного населения Сибири на протяжении XVII–XIX вв. Она пришла к выводу, что с установлением советской власти борьба с этническими религиями (шаманизмом), наряду с мероприятиями в области экономики, вела к русификации населения и разрушению этнического идентитета.

В.С.Шилов (Отделение истории РАН, Москва) свое выступление посвятил теме «Российский федерализм: история вопроса».

На симпозиуме рассматривалась проблема двухсторонних контактов между Россией и Швецией. *Э.П Федосова* (Институт Российской истории РАН, Москва) в докладе «Шведский опыт в российский государственности» отметила, что при реформировании центрального государственного управления, тщательно изучив административное управление многих европейских государств, Петр I счел наилучшим государственное устройство Швеции, которое и было взято им в качестве образца для создания в 1718 г. коллегий в России. Российские коллегии, однако, не

были слепой копией шведских, заимствования касались больше всего их внешних признаков (названий коллегий, титулов и рангов чиновников и т.п.), тогда как регламенты, определявшие компетенцию и порядок делопроизводства, были оригинальными, заново составленными, или творчески переработанными с учетом российских условий и существующей в России практики. Еще дальше отошла от шведского оригинала петровская реформа местного управления.

В.В.Трепавлов (Институт Российского истории РАН, Москва) в докладе «Традиции в российской государственности» показал пути передачи государственных традиций, их носителей, предложил схему периодизации государственной традиции в России. Он считает, что российская государственность развивалась на собственной основе, заложенной в период Киевской Руси, на которую затем наслаивались привнесенные компоненты византийской, европейской и восточной цивилизаций.

Итоги встречи историков двух стран подвел член-корреспондент РАН *В.В.Алексеев*. Он отметил, что на симпозиуме было поднято много интересных научных проблем, вызвавших оживленные и плодотворные дискуссии. Научное значение симпозиума весьма значительно: скандинавские страны накопили большой исторический опыт мирного развития этнических процессов, успешного преодоления национальных конфликтов, достижения мирными средствами национального согласия, чуткого и уважительного отношения к национальным меньшинствам. Этот опыт уникален и может быть использован для решения многих наших национальных проблем.

Российско-шведский симпозиум 1996 г. в Екатеринбурге стал заметным событием в научной жизни наших двух стран, явился еще одним примером плодотворного международного научного сотрудничества.

Д.В.Гаврилов

РОССИЙСКО-БЕЛЬГИЙСКИЙ ПРОЕКТ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛИЗМА

Как комплексное и универсальное явление современной жизни регионализм сегодня оказывает все более возрастающее влияние на развитие Запада и Востока Европы, становясь заметным фактором их экономического и политического сближения. Стимулировав в начале 1990-х гг. совершенно разнонаправленные процессы – с одной стороны, прогрессирующую интеграцию Европейского Сообщества, а с другой, дезинтеграцию Советского Союза, регионализм в настоящее время примиряет крайности этих тенденций, реально формируя основу для гомогенизации политического и экономического пространства Европы. В Западной Европе регионализм в комбинации с европейской интеграцией ведет к тому, что многие региональные проблемы субнационального значения находят свое разрешение не на уровне национальных правительств, а непосредственно на уровне Сообщества. Сфера компетенции национальных государств в этих условиях «размывается» с двух сторон: сверху – усилением роли наднациональных структур ЕС, снизу – растущей политической и экономической самостоятельностью регионов. В рамках же СНГ, которое в идеале мыслится в качестве подобного Европейскому Союзу конфедеративного объединения, политическая и экономическая регионализация становится важнейшим гарантом, с одной стороны, восстановления потенциала взаимовыгодной экономической интеграции постсоветских республик, с другой, их национально-государственной консолидации, уравновешенной новыми –

неимперскими – формами политического сотрудничества Децентрализация, регионализация, координация в рамках «Европы Регионов» – так в общих чертах может быть определена формула нового европейского единства, которое уже становится реальностью на Западе континента и перспективно просматривается как политическое будущее для его Востока.

Это видение современного регионализма в широких горизонтах панъевропейской политики явилось концептуальной основой совместного российско-бельгийского научно-исследовательского проекта «Региональное развитие Российской Федерации в европейской перспективе: исторический базис и современные тенденции» Проект был инициирован в мае 1995 г во время визита в г Екатеринбург директора Института Европейской Политики Католического Университета Лёвена (Регион Фландрия, Бельгия) проф К Малфлит С российской стороны инициатором и соруководителем проекта выступил директор Института истории и археологии УрО РАН член-корр. РАН В.В.Алексеев. Наряду с сотрудниками этого ведущего на Урале гуманитарного института, в проекте приняли участие специалисты Института философии и права УрО РАН, Института экологии растений и животных УрО РАН, Уральской государственной юридической академии, Уральского государственного технического университета (УПИ).

В соответствии с этим, отличительной особенностью проекта явился его мультидисциплинарный характер. Объединение в его рамках специалистов самых различных областей гуманитарного знания (история, политология, право, экономика, демография, экология, культурология) позволило учесть комплексную природу феномена регионализма, рассмотреть историческую и современную динамику процессов регионализации в широком спектре конкретных «отраслевых» проблем и цивилизационно-страновых проекций. Предпринимая изучение феномена регионализма, участники проекта сосредоточили основное внимание на проблемах развития региона Среднего Урала, поскольку в России именно Свердловская область стала, по образному выражению проф. К.Малфлит, своеобразной «лабораторией политической децентрализации» и – соответственно – лучшей иллюстрацией тех достижений и проблем, которыми отмечен этот процесс в последние годы.

Вместе с тем, исследовательская программа проекта не могла замкнуться только на изучении российских реалий. Не менее важным в теоретическом и смысловом отношении представляется европейский контекст исследования проблемы – контекст, не только обозначающий наиболее вероятный вектор политической эволюции России, но и обеспечивающий богатейшую базу для сравнительно-исторического анализа российского регионализма. Это в равной мере относится и к структурной политике ЕС, нацеленной на комплексное решение проблемы региональных неравенств, и к опыту отдельных регионов Западной Европы (например Фландрии), закономерно повышающих свою политическую самостоятельность и культурную идентичность в процессе трансформации унитарного национального государства (Бельгия) в федеративное. Значение «нового» европейского регионализма для современной России состоит в том, что сегодня ни в одной стране институциональная регионализация не происходит только на собственной основе, в изоляции от мирового развития: и на Западе, и на Востоке модели политической децентрализации исходят из единого комлекса идей, принципов и представлений, составляющих структурные компоненты современного политического мышления.

Первым значительным результатом совместных исследований стало проведение в октябре 1995 г в городе Лёвене первого российско-бельгийского семинара «Региональное развитие Российской Федерации в европейской перспективе», организованного при поддержке Правительства Фламандской Общины. В подготовленном по итогам семинара сборнике докладов[1] российский регионализм (в его наиболее

продвинутом сегодня – уральском – варианте) впервые представлен как многоаспектное и исторически развивающееся явление, формирующее особое – социально-территориальное – измерение национальной экономики, политики и культуры. В ряде докладов регионализм был рассмотрен в рамках целостной, преемственно наследуемой цивилизационной парадигмы на протяжении XVIII–XX вв. – от ранних, преимущественно традиционных элементов политической децентрализации, встроенных в систему имперского управления (И.В.Побережников), до появления первых политически и идеологически зрелых форм регионализма в период капиталистической модернизации конца XIX – начала XX в. (К.И.Зубков), от нисхождения последних к скрытым и превращенным формам манифестации региональных интересов советской эпохи (К.И.Зубков) до современного подъема политического регионализма как важнейшего фактора демократического реформирования и федеративного переустройства Российского государства (И.М.Бусыгина) Членом-корр РАН В.В.Алексеевым был дан углубленный ретроспективный анализ основных социально-экономических проблем развития Среднего Урала (структурно обусловленная экономическая депрессия, сложности конверсии военного производства, отставание социального сектора, высокие экологические нагрузки на территорию, диспаритет между налоговым потенциалом и бюджетными ресурсами региона и др.), постоянно питавших в последние десятилетия напряженные отношения по линии «центр–регион» и сегодня определяющих в главных чертах политическую программу и идеологию уральского регионализма. Формирование самостоятельного внешнеэкономического курса Свердловской области как средства сбалансирования региональной экономики и ее интеграции в европейские структуры межрегионального сотрудничества рассмотрены в докладе проф. Л.Е.Стровского. В ходе работы семинара были освещены также проблемы экологического состояния Уральского региона (В.Н.Большаков, Ф.В.Кряжимский, М.А.Магомедова), культурной самоидентификации региональных сообществ (Е.Т.Артемов), тенденции социально-демографического развития Свердловской области (А.И.Кузьмин).

Исследование генезиса, динамики развития и современного многомерного облика уральского регионализма закономерно затрагивало комплекс проблем, связанных с определением места и роли регионов – субъектов РФ в системе власти и управления реформируемого Российского государства. Основные методологические подходы к современному пониманию сущности регионализма как «открытого» феномена, раскрывающего себя через отношения взаимозависимости и функциональной взаимодополняемости между всеми уровнями управления (национальным, региональным, местным) были сформулированы в докладе проф. К.Малфлит В ее интерпретации, и на Западе и на Востоке Европы регионализм, противопоставляющий технобюрократической централизации территориально ориентированные критерии социальной эффективности, подразумевает нахождение разумного баланса между сотрудничеством с политическим центром и гарантиями от вмешательства последнего в сугубо региональные сферы компетенции. Это делает проблему субсидиарности, конституционного распределения полномочий между центром, регионами и местными сообществами (как формальной ответственности, так и самостоятельности их фискально-бюджетных систем) центральным вопросом в процессе строительства федеративного государства. Научным сотрудником Института Европейской Политики Т.Касиером особенности современного процесса регионализации России были рассмотрены с позиций формирующейся общей теории регионализма, что обусловило подчеркнутое внимание докладчика к основополагающим дефинициям: «регион», «региональная политика», «регионализм». Согласно Т.Касиеру, сложность и неоднородность сложившейся этнорегиональной структуры России предопределяет «асимметричность» складывающейся федерации и отсутствие четкого концептуального взгляда на проблему разграничения полномочий

центра и регионов В этой связи динамика развития российского регионализма в последние годы определялась почти целиком ходом борьбы региональных элит за присвоение того «вакуума» политической власти, который возник как результат кризисного ослабления центра. Сходность этих наблюдений с выводами многих российских политологов показывает, что в исследовательских подходах участников проекта к анализу российского регионализма происходит заметное концептуальное сближение.

Специфические для России проблемы легитимизации регионализма в структуре формирующегося федеративного государства были детально проанализированы уральскими учеными-юристами в двух важных политических проекциях: М.Ф.Казанцевым – в контексте оформления современного конституционно-правового статуса регионов – субъектов РФ, И.В.Выдриным – с точки зрения сбалансирования общей государственно-правовой структуры Российской Федерации в условиях формирования «третьего круга» власти, во многом усиливающего демократическую составляющую регионализма – местного самоуправления.

С концептуальными основами и современным опытом осуществления региональной политики Европейского Союза участников семинара ознакомил доклад представителя Европейской Комиссии (Генеральный Директорат XVI) Р.Холла. Подвергая критике неоклассическую теорию спонтанного разрешения региональных проблем в процессе свободной рыночной динамики, докладчик подчеркнул, что последняя, напротив, вызывает инерционное углубление региональных неравенств, что особенно отчетливо проявляется в разрыве показателей социального развития наиболее «богатых» и наиболее «бедных» регионов (уровень доходов, уровень безработицы). Существующие региональные дисбалансы являются одним из серьезных препятствий на пути перехода стран ЕС к более глубокому интеграционному единству, в частности, к предусмотренному Маастрихтскими соглашениями валютно-экономическому союзу Это объясняет повышенное внимание Сообщества к инструментарию структурной региональной политики и усилению роли трансфертных механизмов в выравнивании уровней развития регионов, а также происходящую концентрацию основных инструментов и ресурсов активной региональной политики на наднациональном уровне. Характеристика многоуровневой системы взаимодействия между ЕС, национальными государствами и регионами была конкретизирована в докладе Б.Версмессена, рассмотревшего в компаративной проекции политико-юридические аспекты активности федеральных земель Германии и регионов (и общин) Бельгии в реализации так называемой европейской парадипломатии – непосредственных внешних сношений субнациональных единиц, или регионов, с общеевропейскими структурами и их возросшего соучастия в осуществлении национальной внешней политики в области европейской интеграции

Способствуя взаимному ознакомлению участников проекта с опытом и перспективами регионального развития на Западе и Востоке Европы, проведенный в Лёвене семинар позволил очертить круг наиболее актуальных проблем и направлений исследования регионализма как общеевропейского феномена. По предложению проф. К.Малфлит, в качестве основной темы дальнейших исследований была определена проблема институционализации регионализма в структуре вновь формирующихся федераций, к каковым относятся в Западной Европе – Бельгия, в Восточной – Российская Федерация.

В июле 1996 г в г.Екатеринбурге состоялся II российско-бельгийский семинар на тему «Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте». К теме семинара, имеющей непосредственное политико-практическое значение, было привлечено внимание не только ученых, но и представителей региональных и местных властей. Наряду с академическими институтами и вузами – участниками совместного проекта, в подготовке и проведении семинара приняли

участие Правительство Свердловской области, Администрация г.Екатеринбурга, руководители ряда муниципальных образований Свердловской и Челябинской областей. Обсуждавшиеся на семинаре доклады были опубликованы к началу его работы отдельным изданием[2]

Общий концептуальный подход к проблеме институционализации регионализма был предложен в докладе проф. К.Малфлит Прослеживая динамику развития регионализма в Европейском Сообществе и Российской Федерации, она отметила, что в обоих случаях мезо-уровень управленческих решений, или уровень «промежуточных правительств», формировался в движении от абстрактного признания за регионами права на свое собственное «пространство решений» к конкретным механизмам закрепления за ними определенного круга правительственных полномочий. В этих условиях проблема регионализации превращается в социально-«инженерную» задачу высокого уровня сложности. как обеспечить реальный баланс между интересами и компетенцией, с одной стороны, национальных государств и, с другой, составляющих их регионов. В формирующихся федерациях не исключены смещения этого баланса в сторону усиления централизма, например, когда за уровнем национального правительства закрепляются преимущественно полномочия по принятию законов и решений, а за уровнем региональных – по их исполнению. Это тем более вероятно, что сам по себе политический регионализм больше отвечает интересам наиболее сильных регионов, в то время как слабые, напротив, в большей степени склонны передоверять свою судьбу центральным правительствам. Согласованный, основанный на кооперации подход центра и регионов к проблеме регионализма может базироваться только на разделении полномочий и законодательном обеспечении институциональных гарантий полномасштабной независимой деятельности (от принятия решений до их исполнения) каждого из уровней управления. Пример такого подхода дает новая федеративная Конституция Королевства Бельгия. Институциональные гарантии регионализма должны, однако, иметь не только внутрирегиональное измерение (как гарантии обеспечения самостоятельных интересов региона), но и внешнее – как гарантии демократического консенсуса между властями региона и составляющими его муниципалитетами в реализации региональных интересов (через выборный механизм формирования региональных властей) и как гарантии осуществления справедливой и эффективной региональной политики национального или наднационального уровня, нацеленной на сокращение резких региональных диспаритетов.

Значение институционализации как политико-правовой основы реализации самостоятельных социально-экономических интересов региона было раскрыто на примере Среднего Урала в докладе чл.-корр. РАН В.В.Алексеева. Проследив сложную историю развития отношений региона с союзным, а затем российским центром в конце 1980-х – начале 1990-х гг., докладчик выделил проблему «асимметрии» экономической ответственности (значительная часть которой в процессе реформ стала стихийно перемещаться на уровень региона) и экономических полномочий (которые продолжали реально сосредоточиваться в центре) как источник напряжения и важнейший стимул борьбы руководства Свердловской области за институциональные гарантии региональной экономической самостоятельности. Этапными рубежами в этом процессе стали легитимизация самостоятельного права региона на демократическое формирование своих органов государственной власти (август 1995 г.) и подписание 12 января 1996 г Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области. Эти достижения, как отметил В.В.Алексеев, не означают завершения процесса институционализации регионализма в структуре федеративного государства. В разрешении противоречий между «богатыми» и «бедными» регионами проблема остается нерешенной и не

может сводиться только к деволюции федеральных полномочий на региональный уровень. Необходимо существенное изменение принципов и механизмов региональной политики со стороны федерального центра.

В ходе семинара предметом живой дискуссии стала практика заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, регулирующих отношения федерального центра и регионов – субъектов РФ. Детальный юридический анализ этой формы публично-правовых актов (включая правовой режим, субъектный состав, законодательные ограничения и т.п.) был дан М.Ф.Казанцевым. На фоне общей позитивной оценки договоров как инструментов согласования позиций центра и регионов докладчик отметил и известное несовершенство определяющего их политико-юридического контекста (неясности в области правового режима и субъектного состава, противоречия отдельных договоров с Конституцией РФ, превалирование политико-прагматической функции договоров над их юридической чистотой). Однако и в политической проекции специфическая для России договорная форма регулирования отношений между федерацией и ее субъектами не была оценена однозначно. Большинство участников семинара сошлись во мнении, что договоры не воспроизводят федеративную структуру государства как таковую, но лишь создают предпосылки перехода к ней, являясь, по существу, механизмом уточнения соответствующих сфер компетенции, то есть моментом рабочим, а не узаконивающим норму отношений. Среди основных недостатков договорной формы отношений участники обсуждения указали на их скорее формально-техническое и узкоэкономическое, чем собственно юридическое значение (проф. К.Малфлит, И.М.Бусыгина), на присутствие в процессе их подготовки и заключения сильных элементов традиционного бюрократического «торга» (И.М.Бусыгина, К.И.Зубков). С этих позиций и будущее значение договоров для становления российского федерализма вступает в зависимость от многих политических переменных. С одной стороны, как отмечалось в ходе дискуссии, «асимметричная» позиция центра по отношению к различным по статусу и экономической силе регионам создает предпосылки формирования адекватной и достаточно гибкой региональной политики федеральных властей, способной эффективно «выравнивать» региональные диспаритеты. На этой основе со временем может быть осуществлен поэтапный переход (как сверхсуммативный итог договорной практики) к новому Федеративному Договору и новой федеральной Конституции – на этот раз в значительной степени подготовляемый «снизу», то есть при определяющем воздействии региональных интересов (И.М.Бусыгина, К.И.Зубков). С другой стороны, при консервации этого процесса договорные способы регулирования федеративных отношений могут ограничиться стадией «автономизации» и привести к усилению в политике центра манипулятивных практик чисто имперского свойства (К.И.Зубков).

Обсуждение «осевого» – политико-юридического – содержания институциональных проблем регионализма было дополнено широким, многоаспектным анализом отдельных отраслевых сегментов формирующегося регионального уровня власти и управления. Становлению системы фискального и бюджетного федерализма в Бельгии был посвящен доклад Г. ван Хаагендорена, в котором принципы конституирования компетенции регионов и общин в области налогообложения и формирования бюджета (едва ли не самой практически значимой составляющей реальной самостоятельности регионов) рассматривались в тесной увязке с анализом характерных для системы федеративного государства «механизмов солидарности». Как один из самых проблемных и – реально-политически – наименее продвинутых компонентов формирующейся системы федерализма в России на семинаре рассматривались политико-институциональные предпосылки развития «горизонтальных» связей между регионами – субъектами РФ в рамках межрегиональных ассоциаций (К.И.Зубков) и представительства их консолидированных интересов на

федеральном уровне (И М.Бусыгина). Вниманию участников семинара были представлены доклады, освещающие концептуальные основы и институциональные гарантии развития самостоятельной внешнеэкономической деятельности региона (проф. Л.Е.Стровский), социально-демографической политики регионального уровня (А.И.Кузьмин), а также проблему соотношения региональной культурной политики с исторически сформированной многоуровневой системой этнокультурной самоидентификации населения России (Е.Т Артемов) С бельгийской и российской сторон – проф. О.Вандерборгхтом и группой ученых-экологов под руководством акад. В.Н.Большакова – на семинаре рассматривались в сравнительной перспективе проблемы создания региональных систем радиоэкологического мониторинга и их оптимизации с точки зрения преимуществ и недостатков регионализации управления этой специфической сферой деятельности.

Значительная часть докладов (в том числе обсуждавшихся на выездных сессиях семинара в гг. Заречный и Верхний Уфалей) была посвящена реформированию принципов взаимоотношений региональных органов власти с муниципальным самоуправлением – проблеме не менее значимой для институционализации регионализма, чем разграничение компетенции между регионами и федеральным центром. В докладе первого вице-мэра г.Лёвена К.Девлиса была прослежена эволюция муниципального управления Фландрии в направлении перехода к новой – «смешанной» – системе общего и специального административного надзора за его функциями, построенной в соответствии с разделением компетенции между федеральным и региональным (и общинным) правительствами. Отмечая, что местное самоуправление должно органично дополнять комплекс отношений между федеральными и региональными органами государственной власти до сбалансированной трехуровневой системы государственно-общественного управления, И.В.Выдрин на примере Свердловской области показал трудности и противоречия, связанные со становлением этой структуры взаимоотношений на региональном уровне Интересные исторические параллели с современным этапом конституирования местного самоуправления содержал доклад И.В.Побережникова, рассмотревшего на материалах Среднего Урала модель взаимоотношений государства с общественным (прежде всего, земским) самоуправлением в дореволюционной России середины XIX – начала XX в. Опыт взаимодействия муниципального образования с научно-промышленными предприятиями был проанализирован группой специалистов (Г.К.Леонтьев, Е.Н.Логунцев, Н.Н.Беспамятных) на примере технополиса «Заречный», программа развития которого замыкается на сложную комбинацию федеральных, региональных и местных интересов. Целая серия докладов освещала проблемы развития местного самоуправления в преломлении к современной стратегии социально-экономических реформ (проф. В.Б.Житенев, Ю.В.Абдурахимов) и институционализации моделей регионального управления (В.П Тимошенко, А.С.Смолин, проф. М.Н.Игнатьева, И.Д.Тургель, В.Г.Ким)

Остродискуссионным характером отличалось на семинаре обсуждение докладов, посвященных международным аспектам институционализации современного европейского регионализма, в частности доклада проф. М. ван Меерхааге, содержавшего критическую (и, в известной степени, скептическую) оценку экономической эффективности региональной политики ЕС, реализуемой через его структурные фонды, и заметно смещавшего проблему ее позитивных итогов в плоскость политического (а не экономического) «строительства» единой Европы. Для большинства участников семинара данная постановка проблемы явилась дополнительным аргументом в пользу комплексной, многоаспектной оценки регионализма во всех его текущих последствиях и долгосрочных перспективах. Проблема соотношения формирующейся «суперструктуры» ЕС как прототипа единой Европы и объективной неоднородности европейского пространства, усилившейся с распадом

биполярной геополитической модели мира и происходящими процессами регионализации, была поставлена проф И.Я.Левяшом, представлявшим на семинаре ученых-регионалистов Беларуси Не предпосылая однозначных решений, участники семинара пришли к общему мнению, что процессы регионализации в перспективе способны оказать заметное влияние на политическую конструкцию единой Европы и препятствовать ее жесткому разделению на отдельные геополитические конгломераты.

Результаты II российско-бельгийского семинара продемонстрировали заметный прогресс в разработке участниками проекта общей теоретико-методологической конструкции анализа европейского регионализма и непосредственно выдвинули на первый план задачу углубленного сравнительного изучения моделей регионализма и федерализма в Западной и Восточной Европе.

К.И.Зубков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Regionalism in Russia. The Urals Case. Ed. K.Malfliet, V.Alexeyev, T.Casier. Leuven, 1996.
2. Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте. II бельгийско-российский научный семинар. Екатеринбург, 1–9 июля 1996 г. Екатеринбург, 1996.

«ЛЕТОПИСЬ УРАЛЬСКИХ ДЕРЕВЕНЬ»

На эту тему в декабре 1995 г в Екатеринбурге прошла региональная научно-практическая конференция. Ее организаторами выступили Уральская сельскохозяйственная академия и Научно-методический центр по туризму и краеведению объединения «Дворец молодежи» Департамента образования правительства Свердловской области. Широкая проблематика определила большое число участников (более 120 человек), весьма обширным было и географическое представительство. Вместе с учеными историками, экономистами, философами, демографами, правоведами в работе конференции приняли участие краеведы сельских районов Свердловской области.

Приветствуя участников, заведующий отделом науки и образования правительства области д.х.н. проф. И.В.Мурыгин подчеркнул актуальность научных изысканий аграрной сферы, важность и значимость использования веками выработанных российских крестьянских традиций в воспитательной работе с сельской молодежью. В докладах на пленарном заседании были представлены основные проблемные блоки, обсуждаемые затем на секциях. Современное состояние аграрного производства на Среднем Урале осветил д.э.н. А.Н.Семин. Социальные и экономические изменения жизни крестьянства России были темой доклада к.э.н А.П.Курбатова (Москва) Проблеме власти в трансформирующемся обществе, когда привычные отношения разрушаются и создаются новые варианты взаимодействия, было посвящено выступление д.и.н. Н.П.Носовой (Тюмень) По ее мнению, эволюция Советской России в 1920-е годы – уникальный исторический пример, когда государственная власть активно формировала хозяйственную систему в соответствии со своими интересами. Переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства в наиболее сконцентрированном виде отразил внедрение концепции

огосударствления в практику организации сельскохозяйственного производства. С этого времени начинается ее действие как генеральной линии. В докладе д.и.н. И.Е.Зеленина (Москва) на основе привлечения новых документов выявлены и охарактеризованы основные этапы аграрной политики партии и Советского государства в период коллективизации, рассмотрены взаимоотношения власти с крестьянством, его сопротивление правящему режиму, показана степень воздействия этого сопротивления на аграрную политику

Этнолог к.и.н. Г.Н.Чагин (Пермь) определил задачи дальнейшего исследования духовной культуры уральского крестьянства. Постижение закономерностей соотношения стабильности и динамичности в обществе возможно на примере исследования традиционной народной культуры крестьянства. Многонациональное уральское крестьянство является носителем культурных ценностей, вобравших в себя как общие формы и явления, свойственные основной части этносов, так и специфические черты, обусловленные историей формирования населения, природной средой, хозяйственной деятельностью и конфессиональным фактором. Результаты исследовательской работы по аграрной истории Урала были представлены в докладе д.и.н. Н.А.Миненко и к.и.н. Л.И.Перестороониной (Екатеринбург). Аграрная проблематика в отечественном ураловедении прочно заняла периферийное место, Урал рассматривался историками прежде всего как крупнейший индустриальный регион России. Однако интерес к аграрному прошлому повышается. Наметились изменения в подходах к его изучению, что выразилось в новом соотношении конкретных исследовательских тем: проблемы традиционной крестьянской культуры, производственная культура деревни, культура жизнеобеспечения сельских жителей Аграрно-крестьянская историография последних лет характеризуется введением в научный оборот новых исторических источников, обновлением методологических подходов к объяснению истории аграрного развития Урала.

Заметные успехи в изучении села позволили на основе новейших аграрногуманитарных исследований, как отечественных, так и зарубежных, практического опыта сельских краеведов, а также результатов вовлечения сельской молодежи в изучение родных мест д.и.н. Г.Е.Корнилову предложить концепцию учебного курса «Крестьяноведение» для сельских школ и сельхозвузов. Изучение дисциплины позволит воскресить забытые исторические знания, этнографические сведения, обычаи и традиции, бытовавшие в деревне, поможет будущей смене крестьянства осознать себя в новых преобразованиях, определить духовные и нравственные ориентиры. В докладе отмечено, что общество осознало свои заблуждения в отношении деревни, ощутило потребность в восстановлении «связи времен», реконструкции утерянных традиций. Предлагаемый курс – составная часть практической работы в этом направлении. Об опыте и задачах краеведческого движения сельских школьников Свердловской области доложили К.А.Лузина и А.Н.Шигина (Екатеринбург). Высокую оценку этой работе дал исполнительный директор Всероссийского общества «Энциклопедия российских деревень» И.П.Качурин (Москва), он предложил развернуть в регионе исследования по монографическому описанию деревень.

На секции «Исторический опыт аграрного освоения Урала» рассматривались проблемы аграрной экономики в выступлениях Л.В.Васильевой (Тюмень), к.и.н И.Л.Маньковой, д.и.н. В.П.Мотревича, к.и.н А.Н.Трифонова, д.и.н. Т.И.Славко, к.э.н. Ю.Ф.Чистякова (Екатеринбург), к.и.н. В.А.Никитина (Курган), к.и.н В.Л.Телицына (Москва), к.и.н. С.С.Турова (Тюмень), региональные особенности крестьянского хозяйства – д.и.н. М.А.Вылцана (Москва), д.и.н. В.Т.Анискова (Ярославль), А.С.Еремина (Ирбит), Н.В.Гулькиной (Серов); демографическое развитие села – к.э.н. А.И.Кузьмина, к.э.н. А.Г.Оруджиевой, О.Г.Черезовой (Екатеринбург), к.и.н. Н.А.Араловец, к.и.н. О.М.Вербицкой, к.и.н Л.Н.Денисовой,

к.и.н. В.Б.Жиромской (Москва), взаимоотношения крестьянства и властей, крестьянство и политика, влияние войн и революций на деревню – к.и.н. Н.В.Бузуверовой, к.и.н. В.В.Филатова (Магнитогорск), к.и.н. Л.П.Долбиловой (Киров), к.и.н. В.В.Кондрашина (Пенза), к.и.н. И.В.Побережникова (Екатеринбург), к.и.н. Г.Н.Смирновой (Троицк), д.и.н. С.С.Смирнова (Челябинск); политические, социальные и правовые аспекты современной аграрно-крестьянской реформы – к.и.н. А.И.Прищепа (Сургут), Ю.А.Кадникова, А.Л.Меншикова (Екатеринбург) Особый интерес вызвали сообщения к.и.н В.А.Чудиновских (Екатеринбург) о крестьянском заселении Северного Урала во второй половине XVIII – первой половине XIX в. и расширении сельскохозяйственного освоения Урала. О.Я.Бахарева (Оренбург) исследовала уклад немцев-колонистов на Южном Урале. Влияние крестьянства на выработку аграрной политики на примере крестьянского восстания на Урале и в Западной Сибири в 1921 г было темой выступления д.и.н. И.Ф.Плотникова (Екатеринбург). К.и.н. М.А.Иванова (Пермь) по-иному, чем прежде в историографии, рассмотрела развитие крестьянского хозяйства на Урале в условиях «нового курса», она доказала наличие хлебозаготовительного кризиса уже в 1926 г вызванного низкими заготовительными ценами. Доклад к.и.н. Л.Н.Мазур (Екатеринбург) об образе жизни уральского крестьянства в 1960-е годы подготовлен на основе анализа массовых источников. Она поставила проблему перехода от одного образа жизни к другому, попыталась дать определение колхозного крестьянства. К.и.н. В.Л.Берсенев (Екатеринбург) рассмотрел политические аспекты современной аграрной реформы, различные подходы политических партий к вопросу о земле.

В секции «Культура уральской деревни: традиции и новации» обсуждались доклады по истории народного образования и грамотности крестьянства к.и.н. Н.С. Половинкина, к.и.н. В.М.Суринова (Тюмень), Н.А.Полушкина (Ирбит), к.и.н. Е.Г Захаровой, к.и.н. К.В.Кузьмина, к.ф.н. Е.А.Черкашина, к.и.н. И.В.Поповой (Екатеринбург), к.ф.н. Ж.Г.Ивановой, Л.И.Горемыкиной (Уфа); церкви и религиозности сельского населения – к.ф.н. Л.С.Приходько, А.В.Мингалевой (Екатеринбург), к.ф.н. В.П.Федоровой (Курган), к.и.н. Т.А.Чумаченко (Челябинск); крестьянских развлечений и праздников, особенностей языка населения различных районов – к.и.н. С.В.Голиковой, Н.Н.Елькиной (Екатеринбург), к.ф.н. Н.Г.Рябкова (Шадринск), к.и.н. Р.М.Зиязетдинова (Уфа), Т.Н.Путновой (с.Каменное озеро Богдановичского р-на). В докладе к.и.н. А.М.Сафроновой (Екатеринбург) на основе неизвестных материалов исследована организация В.Н.Татищевым первых государственных школ в уральских слободах в начале 1720-х годов. Д.и.н. Д.В.Гаврилов (Екатеринбург) предостерег от искажений исторической действительности, часто встречающихся в литературе, по поводу высокого уровня грамотности крестьянства во 2-й половине XIX в. Этого на Урале не было, материалы первой переписи населения Российской империи 1897г. свидетельствуют о крайне низком уровне грамотности крестьянства. Материалы к.и.н. М.В.Попова (Екатеринбург) расширили представления о работе сельских учителей и сельской школы среди взрослого населения в 1920-х гг Проблему роли традиций в формировании исторического сознания сельских школьников поставила к.и.н. О.П.Вьюкова (Екатеринбург) Вызвали дискуссию доклады В.В.Ветошкина (с. Конево Невьянского р-на), А.Х.Нигаматова (с Аракаево Н-Сергинского р-на), Л.Г Готкинса (с. Скаты Камышловского р-на), к.п.н. Н.П.Петровой, к.т.н. В.В.Блюхера, И.Н.Ивановой (Екатеринбург) о состоянии и перспективах сельской школы в регионе. О широких пластах знаний исторического источника – исповедальных росписей – докладывал к.и.н. А.Г.Мосин (Екатеринбург). Он высказал идею создания банка данных по крестьянским династиям Урала с XVIII в. Об истории Русской православной церкви и церковной политике рассказывали к.и.н. А.В.Сперанский на материалах периода Великой Отечественной войны и Г.В.Дюпина на материалах 1950-1980-х гг Они говорили о

необходимости проведения комплексного исследования истории сельской церкви на Урале.

На секции «Краеведческое движение на Урале: опыт, проблемы, перспективы» рассматривались методические вопросы краеведения, шел обмен опытом организации крестьяноведческой работы в сельских школах. Воспитательные возможности краеведения были раскрыты в докладе к.и.н. Н.Н.Тагильцевой (Екатеринбург). К.и.н. Т.Г.Мосунова (Екатеринбург) обосновала необходимость подготовки учителей-краеведов в педагогических вузах. Д.и.н. С.П.Постников (Екатеринбург) доложил о проблеме сохранения памятников культуры в сельской местности Об организации краеведческой работы в Курганской области рассказали П.А.Свищев и к.и.н. В.В.Менщиков (Курган). Различные направления практической работы среди сельской молодежи осветили Н.П.Колесников (Богданович), Е.Д.Турыгина (с Кашино Сысертского р-на), Н.С.Гобов (с. Кочнево Камышловского р-на), С.Г.Кайданов (п. В.Синячиха Алапаевского р-на), В.В.Иванова (Сысерть), к.и.н. Н.А.Подгорбунских (Курган), к.и.н. В.Н.Кожевников (Ижевск), А.В.Трофимов (Ачит) В выступлениях рассказывалось о возрождении крестьянских промыслов и ремесел, игр и забав, песен и частушек, реконструкции деревенских праздников. Была поддержана идея специальной подготовки учителей сельских школ для преподавания краеведения и крестьяноведения.

Конференция приняла рекомендации. Состоявшиеся дискуссии и обмен мнениями заметно обогатили представления о том, в каком положении находится уральское село, позволили определить направления наиболее актуальных научных проблем и пути эффективных форм и методов воспитательной работы среди молодежи.

Г.Е.Корнилов

РОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИНТЕГРАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

По инициативе Уральского гуманитарного института (учрежден Институтом философии и права УрО РАН, Институтом экономики УрО РАН, Институтом истории и археологии УрО РАН и Уральским техническим университетом УГТУ-УПИ) при поддержке Уральского отделения РАН, Министерства общего и профессионального образования РФ, Совета ректоров вузов Свердловской области, Правительства Свердловской области 20-21 марта 1997 г. в Екатеринбурге прошла первая Российская научно-практическая конференция «Интеграция академической науки и высшего гуманитарного образования»

В конференции приняли участие 190 человек, в т ч 2 академика и члена-корреспондента РАН, 43 доктора-профессора, 120 кандидатов наук. География участников: от Минска до Комсомольска-на-Амуре.

Организаторы определили следующие цели конференции. проанализировать состояние гуманитарных наук в постсоветское время, переосмыслить сущность и фазы интеграции фундаментальной науки и высшего гуманитарного образования на пороге XX века, определить ее задачи и основные направления на современном этапе.

С приветствиями к участникам конференции обратились. Губернатор Свердловской области Э.Э Россель, Президент Российской Академии наук Ю.С.Осипов, Министр общего и профессионального образования РФ В.Г.Кинелев.

Дискуссии на конференции развернулись вокруг двух основных документов. «Концепция интеграции академической науки и высшего гуманитарного образования» и «Концепция подготовки специалиста в Уральском гуманитарном институте»

Участники конференции отметили необходимость стратегического прорыва России на рубеже XX--XXI веков, который требует нового осмысления понятия интеграции. Разработчики основных документов (Алексеева Е.В., Антропов В.А., Денисевич М.Н., Зубков К.И. Куликов В.Б., Перевалов Ю.В.) определили интеграцию как наиболее мягкий, эволюционный, созидательный метод деятельности, как взаимопроникновение систем, которые дополняют друг друга новыми содержательными и организационными элементами и тем самым способствуют их переходу в новое системное качество. Таким образом, смысл современной фазы интеграции заключается в формировании на региональном и транснациональном уровнях единого научно-образовательного пространства, которое обеспечит оптимальные условия и стимулы для подготовки ученого и специалиста XXI века.

«Концепция подготовки специалиста в Уральском гуманитарном институте» состоит из 3 разделов: I.Современное состояние системы высшего гуманитарного образования. II. Личностно-профессиональная модель специалиста-гуманитария. III. Технология образовательного процесса.

Авторы отметили, что регуляторами качества и объемов подготовки специалистов сегодня выступают общемировые ценности, факторы свободного жизненного выбора и конкуренция на рынке труда. С другой стороны, информационный взрыв взломал многие научно-образовательные парадигмы в гуманитарных науках. Перестройка высшего гуманитарного образования предполагает:

1. Соединение профессиональной подготовки с либеральной образовательной моделью, реализующей общественно значимые приоритеты свободной личности, усвоения лучших достижений и образцов человеческой культуры.

2. Переход к академическому модусу существования, ставящему в центр деятельности вуза интересы сообщества преподавателей и студентов.

Основное внимание двух сессий было сконцентрировано вокруг двух проблем: содержание, технологии и области междисциплинарного взаимодействия в гуманитарных науках и образовании; методология и институциональные проблемы интеграции. В течение 2-х дней на 7 секциях приняло участие 170 человек, выступило с докладами 37, с сообщениями – 20, в дискуссиях – 25 человек.

Участниками конференции принято решение провести в октябре 1999 г. Вторую Всероссийскую научно-практическую конференцию «Интеграция академической науки и высшего гуманитарного образования» (с международным участием).

М.Н.Денисевич

НАШИ АВТОРЫ

АГАФОНОВА Наталья Николаевна – старший преподаватель Пермского государственого педагогического университета

АЛЕКСЕЕВ Вениамин Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии УрО РАН

АЛЕКСЕЕВА Елена Вениаминовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

АРТЕМОВ Евгений Тимофеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом Института истории и археологии УрО РАН

БАКУНИН Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

ГАВРИЛОВ Дмитрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель проекта, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ЗУБКОВ Константин Иванович – кандидат исторических наук, руководитель проекта, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КОРЕПАНОВ Николай Семенович – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КРИЧЕВЦЕВ Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, ассистент Новосибирского государственного университета

МИКИТЮК Владимир Петрович – научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея

МИНЕНКО Нина Адамовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой этнологии Уральского государственного университета им А.М.Горького

НЕЧАЕВА Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ПЕРЕВАЛОВ Юрий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, зам.директора Института экономики УрО РАН

ПЛОТНИКОВ Иван Егорович – доктор исторических наук, профессор Курганского государственного педагогического института

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом Института истории и археологии УрО РАН

ПРОЩЁНОК Татьяна Владимировна – студентка Уральского государственного университета им. А.М.Горького

РУКОСУЕВ Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ТАТАРКИН Александр Иванович – доктор экономических наук, директор Института экономики УрО РАН

ШАШКОВ Анатолий Тимофеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного университета им А.М.Горького

ШКЕРИН Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

OUR AUTHORS

Natalia N. AGAFONOVA – assistant professor of the Perm State Pedagogical University

Veniamin V ALEXEYEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Elena V ALEXEYEVA – Candidate of Historical Sciences, research associate at the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Yugene T ARTEMOV Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History of the XXth century, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Alexander V BAKUNIN, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Dmitry V GAVRILOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Nikolai S. KOREPANOV, research associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Michail V KRICHEVTSEV, Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Novosibirsk State University

Vladimir P MIKITYUK, Sverdlovsk regional museum, research associate

Nina A. MINENKO, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural State University

Marina Yu. NECHAYEVA, Candidate of Historical Sciences, senior research associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Yuri V.PEREVALOV – Doctor of Economics, Professor, deputy director of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Ivan Ye. PLOTNIKOV, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kurgan Pedagogical Institute

Igor V POBEREZHNIKOV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History of the XVIth–XIXth centuries, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Tatyana V.PROSHCHYONOK – graduate student of Ural State University, Historical department

Yugene Yu. RUKOSUYEV, Candidate of Historical Sciences, senior research associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Anatoly T SHASHKOV, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History The Ural State University

Vladimir A. SHKERIN, Candidate of Historical Sciences, research associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Alexander I. TATARKIN, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

Konstantin I. ZUBKOV, Candidate of Historical Sciences, senior research associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер 3

Статьи и сообщения

АЛЕКСЕЕВ В.В., АРТЕМОВ Е.Т. Регионализм в России: история и перспективы 4

ЗУБКОВ К.И. Концепт региона в геополитическом измерении 12

ТАТАРКИН А.И. Диалектика федерального и регионального в макроэкономическом реформировании экономики 27

ПЕРЕВАЛОВ Ю.В. Уральский регион: проблема структурных преобразований экономики 40

ШАШКОВ А.Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678–1679 гг. и судьба Я.Б.Лепихина) 51

МИНЕНКО Н.А. Организация управления и самоуправления приписными крестьянами Урала и Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) 61

ШКЕРИН В.А. Государственное управление уральским горнозаводским регионом в XVIII – первой половине XIX в. 70

КРИЧЕВЦЕВ М.В. Управление Богословским горным округом в 1791–1796 гг. (опыт внедрения кабинетской системы хозяйственного управления) 79

НЕЧАЕВА М.Ю. Взаимодействие центральных и местных властей в управлении монастырями Урала в XVIII в. 90

АЛЕКСЕЕВА Е.В. Управление российскими колониями в Америке (1741–1867 гг.) 100

РУКОСУЕВ Е.Ю. Государственный контроль за добычей золота и платины на Урале 110

ГАВРИЛОВ Д.В. Уральское земство второй половины XIX – начала XX в.: опыт и уроки 121

МИКИТЮК В.П. Деятель местного самоуправления на Урале начала XX в. П.В.Иванов 134

ПРОЩЁНОК Т.В. Еврейская диаспора горнозаводского Урала XIX – начала XX в. (проблема государственной регламентации правового и социально-экономического статуса) 145

БАКУНИН А.В. Формирование большевиками управленческих структур в экономике (1917–1920-е гг.) 153

ПЛОТНИКОВ И.Е. Была Россия царская, а стала пролетарская (власть в массовом сознании) 167

Публикации

АГАФОНОВА Н.Н. Организация управления в пермских имениях Строгановых в первой половине XIX в. 173

ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Мельницы правосудия: материалы судебно-следственного дела чиновника Н.С.Павлова (1842–1846 гг.) . . 182

АЛЕКСЕЕВ В.В. Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США) 208

В помощь преподавателю вуза и школы

КОРЕПАНОВ Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: исторический опыт 215

Научная жизнь

АЛЕКСЕЕВА Е.В. Сеющий ветер пожинает бурю 230

Конференции

ЗУБКОВ К.И. Международная научная конференция «Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике» 232
ГАВРИЛОВ Д.В. Российско-шведский симпозиум «Государство и национальные процессы, 1700–1914 гг.» 237
ЗУБКОВ К.И. Российско-бельгийский проект по изучению регионализма 240
КОРНИЛОВ Г.Е. «Летопись уральских деревень» 247
ДЕНИСЕВИЧ М.Н. Российская научно-практическая конференция «Интеграция академической науки и высшего гуманитарного образования» 250
Наши авторы 252
Our Authors 253
Содержание 254

CONTENTS

To Readers 3

Articles and Reports

V.V.ALEXEYEV, Ye.T.ARTYOMOV. Regionalism in Russia: History and Perspectives 4
K.I.ZUBKOV. The Concept of Region in Geopolitical Dimension 12
A.I.TATARKIN. The Dialectics of the Federal and Regional in Macroeconomic Reforms 27
Yu.V.PEREVALOV. The Ural Region:Problems of Structural Reformation of the Economy 40
A.T.SHASHKOV. Voyevoda's Administration in the 17th Century Urals. (The Fate of Ya.B.Lepikhin and the «Search» of 1678-1679 in Verkhoturye Concerning Service People) 51
N.A.MINENKO. Organization of Government and Selfgovernment of the Ascribed Peasants in the Urals and Western Siberia (18th-first Half of the 19th Century) 61
V.A.SHKERIN. State Administration of the Ural Mining Region in the 17th-First Half of the 19th Century 70
M.V.KRICHEVTSEV. The State Assignation Bank and Administration of the Bogoslovsky Mining District in 1791–1796 79
M.Yu.NECHAYEVA. Interaction of Central and Local Powers in the Administration of the Ural Cloisters in the 18th Century 90
E.V.ALEXEYEVA. Administration of Russian Colonies in America 100

Ye.Yu.RUKOSUYEV. State Control over Gold and Platinum Mining in the Urals . . . 110
D.V.GAVRILOV. Zemstvo in the Urals: Experience and Lessons. (Second Half of the 19th – Early 20th Century) . . . 121
V.P.MIKITYUK. P.V.Ivanov, a Figure of Local Selfgovernment, in the Early 20th Century Urals . . . 134
T.V.PROSHCHYONOK. Jewish Diaspora in the Mining Urals in the 19-20th Centuries: State Regulation of the Juridical, Social and Economical Status . . . 145
A.V.BAKUNIN. Formation of Bodies of Economical Management by the Bolsheviks. (1917–1920s) . . . 153
I.Ye.PLOTNIKOV. Russia was the Tsar's and Became the Proletariat's (Power in Mass Consciousness) . . . 167

Publications

N.AGAFONOVA. Management in the Perm Manors of the Stroganovs in the First Half of the 19th Century . . . 173
I.POBEREZHNIKOV. Mills of Justice: Documents of the Official N.S.Pavlov Case (1842–1846) . . . 182
V.ALEXEYEV. Documents about the Death of the Tsar's Family in the Urals: from the Archives of the Hoover's Institute on War, Revolution and Peace (USA) . . . 208

For Teacher of High and Secondary School

N.KOREPANOV. Mining Administration in the Urals in the 18th Early 20th Century: Historical Experience . . . 215

Scientific Life

E.ALEXEYEVA. Those Who Sow Wind Shall Reap a Storm . . . 230

Conferences

K.ZUBKOV. Conference «Regional Structure of Russia in the Geopolitical and Civilizational Dynamics» . . . 232
D.GAVRILOV. Russian-Swedish Conference «State and National Processes. 1700–1914» . . . 237
K.ZUBKOV. Belgian-Russian Seminar on the Regional Problems . . . 240
G.KORNILOV. «Chronicles of the Ural villages» . . . 247
M.DENISEVICH. All-Russian scholarship and applied conference «Integration of Academic Scholarship and Higher Education in the Humanities» . . . 250
Our Authors . . . 253
Contents . . . 254

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 3
Региональное развитие России

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии
и НИСО УрО РАН

ЛР № 020764 от 29. 03. 93 г.

Редактор *В. С. Аллаярова*

Технический редактор *Н. Р. Рабинович*

Компьютерная верстка — *В. Г Железкин*

НИСО УрО РАН № 137(96). Подписано в печать 07.04.97 г.
Формат 70×100/16. Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. п. л.
24,0. Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 300 экз. Заказ № 32.

Институт истории и археологии УрО РАН.
620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.

Типография Президиума УрО РАН.
Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 18